КАЛЕВАЛА

academia

ACADEMIA

СОКРОВИЩА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ФИНСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

ACADEMIA
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

КАЛЕВАЛА

ПЕРЕВОД
Л.П.БЕЛЬСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д.В.БУБРИХА
ПРЕДИСЛОВИЕ
И.М.МАЙСКОГО

ACADEMIA
1933

KALEVALA

Работа по оформлению книги коллектива мастеров аналитического искусства (школа Филонова)
Борцовой, Вахрамеева, Глебовой, Закликовской, Зальцман, Ивановой, Лесова, Макарова, Мешкова, Порет, Соболевой, Таириной, Цибасова.
Под редакцией
П. Н. Филонова

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Калевала», вне всякого сомнения, является величайшим произведением финской литературы, могущим смело претендовать на мировое значение.

Подобно народному эпосу других стран, «Калевала», переходя из поколения в поколение, создавалась веками. Поэтому в «Калевале», как в геологическом разрезе земной коры, можно без труда установить исторические напластования различных эпох. Подобно народному эпосу других стран, «Калевала» вырастала из географии и истории творившего ее народа. Поэтому в «Калевале» нашли свое чрезвычайно яркое отражение как угрюмая природа финского севера с ее серосвинцовым морем, гранитными скалами, дикими лесами и тихими озерами, так и различные события — социального и политического порядка — на протяжении тысячелетнего развития финского племени. Наконец, подобно народному эпосу других стран, «Калевала» в необыкновенно ярких формах воплотила то, что можно назвать финским национальным характером. Поэтому, не зная «Калевалы», трудно понять Финляндию — ее природу и ее людей. Но вместе с тем трудно до конца понять «Калевалу», не зная Финляндии — ее природы и ее людей.

Советская страна, так глубоко проникнутая духом интернационализма и так внимательно относящаяся в особенности к культуре небольших народов, должна знать «Калевалу». Это важно прежде всего с художественной точки зрения, ибо по яркости языка, по четкости и законченности образов, по красоте изображений природы «Калевала» смело может выдержать сравнение с лучшими памятниками мирового эпоса. Это важно, далее, с культурно-политической точки зрения, ибо знакомство с «Калевалой» дает хорошее представление о характере и психологии народа, особенно его крестьянских масс («Калевала» в основном есть создание финского крестьянства), которого география и история сделали нашим ближайшим соседом.

Последнее издание «Калевалы» на русском языке, выпущенное в 1915 году, в настоящее время стало библиографической редкостью. Было

вполне естественно при таких условиях поставить вопрос о новом издании «Калевалы», могущем стать достоянием современного советского читателя. Издательство «Academia» охотно пошло навстречу моему предложению о таком новом издании. В результате впервые после Октябрьской революции крупнейшее произведение финского народного эпоса появляется на книжном рынке СССР. Надеюсь, что оно встретит тот прием, которого по достоинству заслуживает.

Заканчивая это краткое напутственное слово новому, уже советскому, изданию «Калевалы», я считаю своим долгом выразить благодарность профессорам Гельсингфорского университета И. И. Миккола и В. И. Мансикка, своими советами и указаниями при подборе материалов для настоящего издания оказавшим мне весьма ценное содействие.

И. Майский

Гельсингфорс
22 мая 1932 г.

ИЗ ИСТОРИИ «КАЛЕВАЛЫ»

1

О существовании финских эпических и прочих рун было известно еще в XVI в. В XVII и XVIII вв. отдельные руны стали появляться в печати. Настоящий интерес к ним возник, однако, только в XIX в.

Первая половина и середина XIX в. — эпоха начала укрепления финской буржуазии, начала подъема сознания национальности в финских буржуазных кругах. Два предмета особенно приковали к себе внимание тогдашнего финского культурного общества: финский язык и финская народная поэзия. Финский язык должен был показать, что финны отнюдь не являются национальностью без рода, без племени, а являются «родственниками» славных воителей древности — турок и монгол. Финская народная поэзия должна была показать, что финны в древности сумели создать поэтические произведения, по красоте не уступающие эллинским. Особенные надежды возлагались на финский народный эпос: финские народные эпические руны могли пойти в сравнение с песнями Илиады. Финский язык не показал в полной мере того, чего от него ожидали: «родственные» связи финского языка с турецкими и монгольскими ныне так же проблематичны, как век тому назад; так называемая урало-алтайская гипотеза до сих пор не оправдала себя и вместо нее начинают строить новые гипотезы. Жалеть о трудах, положенных на изучение прошлого финского языка, впрочем, не приходится: эти труды положили начало научному финно-угорскому языкознанию и установили такие научно важные факты, как тесная связь финно-угорских языков с самоедскими (ненецким и др.). Что касается финской народной поэзии, то она обнаружила много замечательного. Связанные между собою искусной рукой, финские народные эпические руны дали миру то, что известно под именем «Калевалы». Ныне вряд ли кто станет отрицать за «Калевалой» мировое значение.

Первым большим работником по собиранию финских эпических и прочих рун был Захария Топелиус, провинциальный врач, отец известного финского писателя Захарии Топелиуса. Он первый обнаружил, что в наибольшем богатстве финские эпические руны сохраняются не в Финляндии, а за ее пределами — в архангельской (ухтинской) Карелии. Материал, собранный им через посредство странствующих торговцев, а также лично от специально приглашавшихся им из Карелии певцов, — в последний отрезок жизни он по болезни не мог передвигаться, — оказался изумительным и по количеству и по качеству. Этот материал был издан, частично после смерти собирателя, в пяти частях под общим заглавием: Suomen kansan vanhoja runoja ynnä myös nykyisempiä lauluja (Финские старые руны и новейшие песни, 1822 — 1836).

Дело Топелиуса продолжил Элиас Лённрот (1802—1884). Еще будучи студентом-медиком, он в 1828 г. предпринял свое первое путешествие за рунами, но не успел добраться до архангельской (ухтинской) Карелии, бывшей предметом его мечтаний. В этом же смысле неудачны были и последующие его путешествия, совершенные им уже в бытность врачом. Только в 1833 г. ему удалось провести в архангельской (ухтинской) Карелии три недели. Здесь он нашел двух хороших певцов и записал большое количество рун. В 1834 г. он повторил путешествие, нашел лучшего певца Карелии, Архипа Перттунена (Пертуева), и значительно пополнил свои материалы. Эти материалы он проредактировал, отобрав из имевшихся в его распоряжении вариантов рун и отдельных их мест наиболее удачные, пополнив их магическими и лирическими рунами и связав их в порядке, какой определялся отчасти практикой певцов, а отчасти его собственными соображениями. Рукопись, под заглавием Kalevala taikka vanhoja Karjalan runoja Suomen kansan muinosista ajoista (Калевала, или старые карельские руны из финской древности), была представлена в Финское литературное общество в 1835 г. и в том же году была издана. Это была первая редакция «Калевалы» в 32 рунах (свыше 12 000 стихов). В дальнейшем Лённрот продолжил свои путешествия. Особенно длительно было путешествие 1836—1837 гг. В это путешествие Лённрот не ограничился посещением архангельской (ухтинской) Карелии, но побывал также в местах более северных (до Лапландии) и более южных (до северо-западного побережья Ладожского озера).

Кроме Лённрота, за обследование местонахождений рун взялись и другие, особенно Д. Э. Д. Европеус, который обошел местности у финляндско-русской границы по обе ее стороны, а также окрестности Петербурга. Сравнительно скоро материал вырос настолько, что первое издание «Калевалы» оказалось устаревшим. Понадобилось второе, существенно пополненное и переработанное. Это второе издание появилось в 1849 г. и содержало уже 50 рун (около 23 000 стихов). Текст второго издания в дальнейшем уже мало в чем изменялся. Последующие издания все ориентируются на текст второго издания. Переводы на другие языки основываются преимущественно на тексте этого же издания. Полные переводы: на шведский язык — M. A. Castren'a (1841, по первому финскому изданию) и K. Collan'a (в двух частях, 1864 и 1868, по второму финскому изданию); на французский язык — Léon Le Duc'a (1867) и J. L. Perret (1931); на немецкий язык — A. Schieffner'a (1852) и H. Paul'я (в двух частях, 1885 и 1886); на венгерский язык — F. Barn'a (1871) и B. Vikár'a (1909); на английский язык — J. M. C. Crawford'a (в Америке, 1888) и W. F. Kirby в Англии, 1907); на эстонский язык — M. J. Eisen'a (в двух частях, 1891 и 1898); на чешский язык — J. Holeček'a (1893—1895) и B. Prusik'a (1908); на итальянский язык — J. Cocci (1909) и P. E. Pavolini (1190); на латышский язык — L. Laicen'a (1924); на голландский язык — M. Tamminen (1928); на русский язык — Л. П. Бельского (1889, второе издание 1915). Есть много сокращенных переводов, переделок для юношества, а также переводов отдельных рун. Сокращенным переводом на русский язык является перевод Э. Гранстрема (1881).

Важно отметить, что успех финской «Калевалы» вызвал энергичную работу по собиранию произведений народной поэзии и у эстонцев. Народная поэзия эстонцев, во многом соприкасающаяся с народной поэзией финнов, сохранилась весьма хорошо. В 1857—1862 гг. F. R. Kreuzwaldt издал эстонскую «Калевалу» Kalevi poeg. Есть перевод на немецкий язык — W. Reiman'a (1900).

В конце XIX в. определилось новое направление в собирании финских эпических и прочих рун. Собирателями руководило уже не столько желание

обосновать «любовь к отечеству и народную гордость», сколько стремление научно осветить эти руны. «Любовь к отечеству и народная гордость» были уже в достаточной мере удовлетворены.

Деятельность финских ученых по собиранию финских эпических и прочих рун развернулась весьма широко. К XX в. число номеров записей рун достигло почти 50 000. В серии Suomen kansan vanhat runot (Финские старые руны, с 1908), рассчитанной приблизительно на 20 толстых томов, вышла уже большая часть этих записей.

Важно отметить, что сходная работа ведется и в Эстонии. Собранный в Эстонии материал количественно даже превосходит собранный в Финляндии.

На особенные успехи по собиранию рун в дальнейшем рассчитывать не приходится. Руническая поэзия ныне ослабевает. Искусные певцы исчезают. Они уже пережили свой век. Для архангельской (ухтинской) Карелии это констатировала северо-западная этнографическая экспедиция Академии Наук СССР под руководством Д. А. Золотарева, где фольклорную работу вели сначала Х. Ф. Жеребцов, а потом Г. Х. Богданов (см. Г. Х. Богданов, К вопросу о состоянии народного творчества в Карелии — в Карельском сборнике Академии Наук, 1929).

2

Научное исследование истории рун «Калевалы» началось одновременно с возникновением напряженного интереса к этим рунам. Долгое время, однако, дело не шло дальше разного рода догадок. Одни исследователи держались лже-исторического подхода к этим рунам, подхода, характеризовавшегося построением исторических гипотез без должного изучения исторических документов, какими являются сами руны в том их виде, как они записаны на местах. Большим успехом пользовалась биармийская гипотеза. Согласно этой гипотезе руны «Калевалы» впервые сложились на низовьях Сев. Двины, где в IX в. возникло карельское «государство», называвшееся у скандинавов Биармией. Сведения о Биармии носят полулегендарный характер. Немалым успехом пользовалась и южно-карельская гипотеза. Согласно этой гипотезе руны «Калевалы» впервые сложились в южной части Карелии. Как раз из этой гипотезы вышло наименование Карелии «страной Калевы». Другие исследователи держались мифологического подхода к рунам «Калевалы», подхода, характеризовавшегося отрицанием в этих рунах всякой историчности и стараннем объяснить эти руны целиком из развития «чистых» мифов.

Серьезное научное исследование рун «Калевалы» началось лишь в конце XIX в. Создалась так называемая финская школа фольклористов. Первоначально она руководилась Julius'ом Krohn'ом (1835—1888), а ныне руководится его сыном Kaarle Krohn'ом (род. в 1863). Особенностью этой школы является тщательный анализ рун в том их виде, как они записаны на местах, как с фольклорной, так и с языковой точки зрения, и тщательный учет всех исторических свидетельств об этих рунах. Работа этой школы движется по линии двух основных вопросов: где и когда? Прослеживается движение рун «Калевалы» из века в век, из местности в местность. В результате оказывается, что руны «Калевалы» сложились в определенном месте и в определенную эпоху и отражают определенные реальные события. Биармия и южная часть Карелии, однако, оказываются не при чем.

Каковы же результаты работы финской школы фольклористов?

Прежде всего встал вопрос о месте возникновения рун «Калевалы» как таковых. В XIX в. руны «Калевалы» и близкие к ним эстонские эпические руны пелись:

в архангельской (ухтинской) Карелии, южнее — в узкой полосе у финляндской границы по эту ее сторону до с. Ребола, еще южнее — у той же границы по ту ее сторону (с некоторыми заходами по эту ее сторону) до берега Ладожского озера, далее — вдоль западного берега Ладожского озера и во всей восточной половине Карельского перешейка как по ту, так и по эту сторону границы, еще далее — вдоль южного берега Финского залива до Эстонии, наконец — во всей Эстонии. Кое-что найдено также на востоке и севере Финляндии в местностях, выше не упомянутых. На западе Финляндии руны «Калевалы» неизвестны совершенно.

Анализ рун «Калевалы», записанных в Карелии, в прилегающих частях Финляндии и в Ленинградской области, показывает, что они сформировались не в этих местах. Это показывает прежде всего лексический состав рун «Калевалы». До одной трети лексического состава этих рун является чуждым для повседневной речи певцов и свойственным только более западным местностям. Многие слова певцов непонятны. Многие слова изуродованы. Так, например, западно-финляндское *susi*, род. ед. *suden* — волк — у певцов оказывается замененным через *susi*, род. *susin* (в их повседневной речи волк называется *hukka*). Некоторые формы рун «Калевалы» тоже являются для повседневной речи певцов чуждыми и свойственны только более западным местностям Финляндии. Так, например, в рунах встречаются западно-финские формы типа *miesten, naisten* — мужей, женщин (в повседневной речи певцов — *miehien, naisien* или *miehiin, naisiin*). Достойно всяческого внимания, что топонимика рун «Калевалы» совсем не восточная, а западная. Восточные местности в этих рунах вообще не упоминаются, а если в редких случаях и упоминаются, то лишь в результате достоверной подстановки, относящейся к позднейшему времени. Так, название *Viena* — Сев. Двина, Архангельские края — достоверно заменяет более раннее название *Väinä* — пролив, широкое устье реки. Зато западные местности в рунах «Калевалы» упоминаются постоянно, изредка с некоторым, совершенно естественным, искажением названия. Дело касается собственно Финляндии (около г. Або), Сатакунты (около г. Бьёрнеборга) и некоторых соседних местностей. Любопытно, что употребление названий стран в рунах «Калевалы» совершенно не соответствует употреблению тех же названий в повседневной речи певцов. Ruotsi в рунах обозначает Швецию, а в повседневной речи певцов — Финляндию. Karjala — Карелия и Venäjä — Россия в рунах изображаются как чужие, далекие страны, тогда как для певца эти страны — свои. Географическая точка зрения рун «Калевалы» совершенно очевидным образом является точкой зрения западной Финляндии. Всего этого совершенно достаточно, чтобы обосновать западно-финляндское происхождение рун «Калевалы». Нужно ли добавлять, что ясные следы католицизма в рунах, записанных в архангельской (ухтинской) Карелии, где католицизма никогда не было, ведут тоже на запад. То обстоятельство, что в западной Финляндии рун «Калевалы» нет, ни в малой мере не ослабляет утверждения о западно-финляндском происхождении этих рун. Там их нет, но там они, конечно, были. Не следует забывать, что М. Агрикола, первый финский литературный деятель (XVI в.), приводит имена главных героев «Калевалы», Väinämöinen'a, Ilmarinen'a и др., как имена западно-финских, а не восточно-финских «богов».

Можно проследить много этапов миграции рун «Калевалы» с запада на восток. В XVI в. они существовали в западной Финляндии и, несомненно, уже успели частично проникнуть в восточную и северную Финляндию, не перешагивая границ тогдашней Швеции. В XVII в., вместе с финнами, переселившимися из местностей около озера Сайма и с Карельского перешейка в местности около реки Невы и на южное побережье

Финского залива, они проникли в указанные новые места. В архангельской (ухтинской) Карелии они утвердились только в начале XVIII в. Одна из причин их проникновения в архангельскую (ухтинскую) Карелию заключалась в переселении туда родов певцов, в частности того рода певцов, к которому принадлежал род Архипа Перттунена (Пертуева). Позднее возникла тесная экономическая связь этих мест с Финляндией — сообщение с Финляндией оказалось гораздо более удобным, чем сообщение с Россией (это положение вещей изменилось лишь с постройкой Мурманской железной дороги и улучшением сообщения Ухты с Кемью). Это должно было содействовать укреплению рун «Калевалы» в архангельской (ухтинской) Карелии. Совершенно в стороне от рун «Калевалы» остались все остальные группы карел. Руны «Калевалы» не поются ни у Белого моря, ни в олонецкой (паданской, олонецкой, петровской) Карелии, исключая некоторые приграничные пункты, ни в тверской Карелии.

Картина движения с запада на восток выявлена и по отношению к эстонским эпическим рунам. Для рун «Калевалы» важно указать, что в XVII в., когда по соседству с Эстонией, у южного побережья Финского залива и около реки Невы, появились финны, эстонские руны оказали воздействие на финские (воздействие передалось через соседние с Эстонией местности в Финляндию, а через Финляндию и в Карелию) и сами испытали воздействие финских. Связи между финскими и эстонскими рунами, некогда в небольшой мере осуществлявшиеся через Финский залив, в XVII в., как видно, завязались по сухому пути. По разрешении вопроса о месте возникновения рун «Калевалы» как таковых встал и вопрос о времени их возникновения.

Руны «Калевалы» возникли никак не позднее периода феодализма в Финляндии. Они проникнуты духом католицизма. В них отложилось много средневековых католических легенд. В них много католических имен и образов, частично скрытых от невооруженного глаза (так, многоразличные эпитеты девы Марии стали самостоятельными именами и легко воспринимаются как имена языческих богинь). Есть все основания думать, что католицизм был именно той средой, в которой руны «Калевалы» достигли наибольшего своего развития. Католицизм вообще благоприятствовал укреплению эпоса в христианской окраске у недавно обращенных варваров. Развивать эпос католицизм предоставлял как профессионалам-певцам, так и школярам, которые во время своих каникулярных странствований за кусок хлеба и кров развлекали хозяев и их гостей песнями о старине.

Далее: во многих моментах руны «Калевалы» возникли никак не позднее периода подготовки феодализма в Финляндии, периода финских викингов (с IX в.). Они изображают события по преимуществу этого периода. Образы героев «Калевалы» — это образы викингов, неугомонных воителей, бороздящих моря, озера и реки в поисках военной добычи. Относить возникновение рун «Калевалы» к более ранним временам нет никаких оснований. Конечно, в состав рун «Калевалы» вошли различные элементы поэтического творчества более ранних времен, но эти элементы поэтического творчества никак не могут быть названы рунами «Калевалы». Руны «Калевалы» как таковые возникли в период финских викингов.

Разрешение вопросов о месте и времени возникновения рун «Калевалы» раскрывает картину, которая раньше была совершенно скрыта от глаз исследователей.

Калевала, страна Калевы — финское побережье Ботнического залива, собственно Финляндия и Сатакунта. Особенную роль здесь в период викингов играла местность около устья реки Кумо в Сатакунте. К этой местности можно прикрепить исходный пункт походов знаменитых квенов (Kainuulaiset, ср. в этой местности *Kainuunkylä*, позднее *Finnby*), финской военной организации, особенно известной в IX в. Квены,

во главе со своими конунгами, собирали дань с лапландцев, которые тогда распространялись сравнительно далеко на юг (до центральной Финляндии), воевали с карелами и причиняли много неприятностей заморским шведам. Позднее мы на месте квенов находим birkarlar (pirkkalaiset, ср. в той же местности *Pirkkala*). Birkarlar долго пользовались правом сбора лапландской дани. За населением этой местности до позднейшего времени сохранилась репутация особенно «гордых» людей.

Похьёла — страна, против которой по преимуществу ведут войну герои «Калевалы», где находится возбуждающее их военный аппетит чудесное сокровище Сампо, — остров Готланд, по-фински Vuojola. В рунах «Калевалы» первоначально было много названий стран, против которых ведут войну герои «Калевалы», но позднее все эти названия были вытеснены названием Похьёлы (буквально: страны севера—разумеется, как реальный лапландский север, так и скандинавский Nordheim). Почти вытесненным оказалось название Vuojola — оно сохранилось лишь кое-где (ср., например, руну XIII во втором издании лённротовской «Калевалы»). Об острове Готланд известно, что с весьма раннего времени, с первых веков нашей эры, он был виднейшим торговым пунктом на Балтийском море. Многочисленные находки кладов римских, византийских и арабских монет свидетельствуют о том, что торговля была для острова небезвыгодна. За самим островом и за проплывавшими около него торговыми судами усердно охотились различные хищники. Скандинавские саги рисуют остров как место постоянных похождений викингов.

В рунах «Калевалы» до нас доносится шум смелых грабительских поездок квенов и им подобных к острову Готланду за хранящимися на нем и проплывающими около него сказочными богатствами — поездок иногда удачных. Поездки эти воспевались при дворах конунгов самими конунгами или специалистами-скальдами, причем в песни вплетались унаследованные из более ранних времен сказания.

Для открывшейся картины чрезвычайно характерна одна черта: финны выступают в теснейшей связи со скандинавами. Это возбуждает вопрос о том, в какой мере к созданию рун «Калевалы» причастны финны и в какой германцы (скандинавы).

Бесспорно: среда, где создались руны «Калевалы», изобиловала выходцами из Скандинавии, как заморской, так и местной (германские поселения по западному и южному побережьям Финляндии древнее финских). Финские конунги, по крайней мере в большинстве, носили германские имена. Об этом свидетельствует дошедшее до нас имя одного из квенских конунгов *Faravid*'а. Об этом же свидетельствуют имена главных героев «Калевалы» — имена конунгов и ближайших к ним людей. Часть этих имен бесспорно германская. Другая часть, по всей вероятности, германская, хотя и допускает объяснение из финского языкового материала. И только имя *Ilmarinen*'а как имя финское стоит как будто вне подозрения. Впрочем, это имя, может быть, представляет результат подмена сходно звучавшего имени германского происхождения именем бога *Ilmarinen*'а. Обращает на себя внимание, что образ Илмаринена, как он выступает в рунах «Калевалы», образ вещего кузнеца, весьма неполно соответствует образу бога Илмаринена — бога неба (у М. Агриколы в XVI в. мы находим: Ilmarinen rauhan ia ilman tei ja matkamiehet edhesvei — буквально: Илмаринен мир и воздух сделал и путников вел; *ilma* значит — воздух, атмосфера, свободное пространство над землей, среда, где находятся облака и светила; соответствующее слово в других финно-угорских языках значит: небо, божество неба; в удмуртском языке имеется *in(m)* — небо и *inmar* — божество неба, бог).

Имя *Väinämöinen* напоминает финское *väinä* — пролив, широкое устье реки. Что финны ассоциировали это имя с этим словом, ясно из эпитета *Savantolainen*, который

часто прилагается к имени *Väinämöinen* (*suvanto* значит — широкое, с медленным течением место в реке). Эта ассоциация, однако, не означает, что имя *Väinämöinen* нельзя сближать с германскими словами. Ныне исследователи склоняются к тому, чтобы объяснить имя *Väinämöinen* из германского имени или германского названия места, где участвовало старо-скандинавское *sveinn* (раньше *svaina*) — член данного рода-племени, юноша, молодой воин, воин вообще; ср. в Сатакунте местные названия в роде *Soinila* с отражением старо-германского *svaina*, *Svensby*; ср. там же в течение долгого времени фамилии, начинающиеся на *Väinä* и на *Soini*.

Имя *Kaukamoinen (Kaukomieli)*, которое в «Калевале» Лённрота относится к тому же лицу, что имя *Lemminkäinen*, может быть сближено с финским *kauka* — даль, далекое место. Финны, конечно, ассоциировали это имя с этим словом. Эта ассоциация, однако, не означает, что имя *Kaukamoinen (Kaukomieli)* нельзя сближать с германскими словами. Ныне исследователи склоняются к тому, чтобы объяснить имя *Kaukamoinen (Kaukomieli)* из германского имени или германского названия места, где участвовало старо-скандинавское *hauha*, *hauga* — высокий.

Имя *Ahto (Ahti)*, которое в «Калевале» Лённрота относится к тому же лицу, что имя *Lemminkäinen*, может быть сближено с финским *ahdas* — узкий, тесный, *ahde* — теснина, крутизна, крутой горный подъем и т. д. Финны, конечно, ассоциировали это имя с этими словами. Эта ассоциация, однако, не означает, что имя *Ahto (Ahti)* нельзя сближать с германскими словами. Ныне исследователи склоняются к тому, чтобы объяснять имя *Ahto (Ahti)* из германского имени, где участвовало старо-скандинавское *âhtô* (позднее *ôtt*) — погоня, имя в роде старо-германского (у Тацита) *Actumerus* или старо-скандинавского *Ôttar*. Что касается имени *Ahto (Ahti)* как имени не героя, а божества путей, где затруднено передвижение (заскаленного моря и вообще моря, горных дорог), то оно может и не быть в генетической связи с именем *Ahto (Ahti)* как именем героя — оно может быть этимологически связано с указанными финскими словами.

Имя *Vetrikkä* или *Veitikka*, которое в «Калевале» Лённрота относится к тому же лицу, что имя *Lemminkäinen*, не имеет надежных связей в финском словаре. В виде *Veitikka* это имя представляет результат народной этимологизации (ср. финское *veitikka* — плут, проказник). В этом виде это имя в «Калевале» Лённрота оказывается словом нарицательного значения, эпитетом Лемминкейнена. В виде *Vetrikkä*, первоначальном, это имя объясняется из германского имени типа *Vedrik* (ср. имя остготского короля *Vidiricus*).

Имя *Lemminkäinen* напоминает финское *lempi* — любовь. Финны, конечно, ассоциировали это имя с этим словом. Быть может, этим объясняется особое пристрастие Лемминкейнена к женскому полу в изображении рун «Калевалы». Однако выводить имя *Lemminkäinen*'а из финского *lempi* — любовь — нельзя: необъясненным остается хотя бы суффикс. Объяснение другое — из старо-скандинавского *flëming* — изгнание, бегство. Имя *Lemminkäinen*'а произведено от этого скандинавского слова людьми, владевшими и скандинавской и финской речью, посредством финского суффикса *inen* и означает собственно — изгой, беглец. Это совершенно согласуется с образом Лемминкейнена, которого руны «Калевалы» изображают изгоем, беглецом (Лемминкейнен, преследуемый врагами, оставляет родные места и мать и бежит за море, см. руны 28—29). К этому объяснению надо добавить, что имя *Lemminkäinen*'а в сравнительно позднее время не могло не быть сближено с одним этническим названием. По берегам Балтийского моря, как и в Германии, хорошо знали flâming'ов, flâming'ов — саксов, которые в свое время поселились не по доброй воле (как изгои, беглецы) у моря в соседстве с французами. Возможно,

что имя *flâming*'ов, *fläming*'ов употреблялось и по отношению к другим саксам, покидавшим родные места. Что flâming'и, fläming'и осаживались и в Финляндии, показывают такие названия селений, как *Flaaminki*, *Fläm(m)ing*. Приблизительно в XII в за этой этнической группой утвердилась репутация людей особо тонкого воспитания (ср. у верхних немцев XIII в. *vläminc*—человек особо тонкого воспитания, к какой бы народности он ни принадлежал, позднее *vlämisch*—грубо бьющий на эффект, глупо манерничающий). Эта репутация дошла, конечно, и до Финляндии. Это объясняет, почему Лемминкейнен, имя которого не могло не быть сближено с названием *flâming*, *fläming*, в рунах «Калевалы» изображается как герой, чрезвычайно заботящийся о своей внешности и о своей «светской» репутации, успехах в «обществе», легкомысленный, хвастливый.

Имя *Osmo* — имя героя, который в действии не выступает, но называется как отец или предок или предшественник других героев — не имеет надежных связей в финском словаре. Имя это объясняют из скандинавского имени *Asmundr*.

Имени *Kaleva*, как и названия *Kalevala* — страны Калевы, здесь не касаюсь. Оно германского происхождения, но некоторые моменты его появления у финнов пока остаются неясными.

Бесспорно, далее, в рунах «Калевалы» налицо не мало отражений скандинавских эпических мотивов. Например, как показал E. N. Setälä, в рунах «Калевалы» нашла отражение целая группа скандинавских эпических образов: Laufey (отсюда в рунах «Калевалы» *Louhi* и *Loviatar)*, Nâl, Fârbauti, Byleistr, Helblindi и др.

Все это, однако, не является основанием для того, чтобы характеризовать руны «Калевалы» как произведения восточно-скандинавского эпоса на финском языке, как это делает T. E. Karsten. Руны «Калевалы» не являются ни переводом ни пересказом, ни переделкой произведений восточно-скандинавского эпоса. Среда, где они созданы, в основе своей финская, и германские выходцы в этой среде финизированы — иначе руны вряд ли были бы созданы на финском языке. Эпический материал в них в основе своей оригинальный, и германские заимствования (только в некоторых образах) в них вполне ассимилированы по отношению к оригинальной эпической стихии, так сказать, оригинализированы.

Таковы результаты научного исследования рун «Калевалы», ведшегося до сих пор (в основном) в Финляндии. Позволим себе сделать два вывода:

1. При изучении рун «Калевалы» обнаружилось, что исторические корни этих рун идут вовсе не по линиям связей финнов с другими так наз. финноугорскими народностями, а по линии связей финнов с другими народностями ближайшего окружения Балтийского моря, особенно с германцами, как эти связи сложились после начала нашей эры. Тем самым оказался нанесен тягчайший удар тем построениям, которые ищут корней каких угодно культурных явлений в «пранародностях» с их «пракультурами» и «праязыками».

2. При изучении рун «Калевалы» оказалась достигнутой полная ясность в вопросе об отношениях между историей финской культуры и историей карельской культуры после начала нашей эры. Такое громадной важности культурное явление, как руны «Калевалы», оказалось явлением, отнюдь не связующим финнов и карел культурно, ибо совершенно ясно не финно-карельское его происхождение, а финское. То обстоятельство, что руны «Калевалы» оказались известны не только финнам, но и приграничным карелам и у последних сохранились особенно

длительно и особенно хорошо, не должно толковаться неверно. Проникновение рун «Калевалы» к приграничным карелам — явление весьма позднее и притом затрагивающее не больше, чем именно приграничных карел, составляющих 6—7% карельского населения. Остальные 93—94% карел рун «Калевалы» не знают и никогда не знали.

3

У нас научное исследование рун «Калевалы» только начинается. Мы приемлем результаты работы финляндских ученых, поскольку они фактически обоснованы, и совершенно не склонны в отношении учета фактов спускаться на уровень того времени, когда одни (не без помыслов националистического порядка) искали финно-карельских корней рун «Калевалы», а другие забывали о времени и пространстве и витали в мире первобытных миров. В то же время, однако, мы подчиняем свою работу совершенно иному миросозерцанию, чем финляндские ученые, и смотрим на вещи с совершенно иной точки зрения *.

Руны «Калевалы» для нас не только явление определенной национальной среды в определенных условиях места и времени, но и порождение определенных социально-экономических переживаний в их смене: вопросы национальной формы культуры у нас не заслоняют вопросов ее социально-экономического содержания. С нашей точки зрения явления типа рун «Калевалы» неизбежно возникают везде и всегда, где налицо соответствующие социально-экономические условия. Интерес рун «Калевалы» для нас не только в том, что они финские, но и в том, что они представляют собою памятник человеческого искусства в определенной социально-экономической обстановке. Это определяет и наше понимание мирового значения рун «Калевалы».

Зарождение, развитие и затем упадок рун «Калевалы» мы представляем себе следующим образом.

До поры до времени не было явления, которое было бы рунами «Калевалы». Это не значит, что руны «Калевалы» возникли «из ничего». Руны «Калевалы», разумеется, имели свое предшествование, свои источники. Но эти источники качественно представляли собою нечто иное, чем руны «Калевалы», были явлениями более ранней ступени развития.

О рунах «Калевалы» как таковых можно говорить лишь начиная с эпохи, когда в Финляндии стало формироваться классовое общество, начиная с первых шагов феодализма (с IX в.). Сложение класса феодалов, обладавшего небывалой до тех пор материальной обеспеченностью и небывалыми до тех пор возможностями культивирования таких надстроек, как поэзия, вызвало к жизни не только количественный рост, но, в его результате, и качественное преобразование поэзии. Появились специалисты-певцы, к которым предъявлялись весьма большие требования и которые поставили поэзию по-новому. В этой-то обстановке и зародились руны «Калевалы» как таковые.

* Печатное изложение нашей точки зрения на руны «Калевалы» здесь дается впервые. Точка зрения Г. Х. Богданова в статье «Карельская народная поэзия» (сборн. «Десять лет Советской Карелии», 1930) не имеет с нашей точкой зрения решительно ничего общего. Точка зрения Г. Ровио в журн. «Карело-Мурманский край», 1931, № 1—2 — точно так же (высказывания Г. Ровио повторяют высказывания финляндской науки XIX в. по линии южно-карельской гипотезы, см. выше, начало гл. 2).

Расцвет феодализма, естественно, вызвал и расцвет героической поэзии соответствующей стадии развития — рун «Калевалы». В эпоху расцвета феодализма руны «Калевалы» чрезвычайно обогатились и чрезвычайно широко распространились. Католицизм, благоприятствовавший им потому, что обслуживал феодализм, оказал на них воздействие лишь в отношении формы (имена и т. д.) и некоторых тем (христианские легенды).

Упадок феодализма, естественно, вызвал и упадок героической поэзии соответствующей стадии развития — рун «Калевалы». Выразилось это прежде всего в том, что руны «Калевалы» стали отступать из социальных верхов на село, которое, как известно, весьма долго отражает переживания феодализма (это известно и из фактов языка). Таким образом стала перемещаться социальная база этих рун. Вместе с тем, по мере исчезновения наследия феодализма в отдельных местностях, началось отступление рун «Калевалы» и в географическом отношении. Дольше и лучше всего эти руны сохранились там, где культурное развитие наиболее отстало — в приграничных местностях Карелии, куда эти руны попали с Запада.

Капитализм не поддерживал рун «Калевалы», а умерщвлял их. Новые люди — новые интересы — новая поэзия. Не что иное как утверждение капиталистических отношений и было «роком» рун «Калевалы». То обстоятельство, что капитализм не поддерживал рун «Калевалы» *как живого явления*, ни в малой мере не помешало буржуазии, верховодительнице капиталистического порядка, в известный момент проявить напряженный интерес к тем же рунам «Калевалы», *как к памятнику мертвой национальной древности* (в сущности, совсем не седой древности). Это противоречивое положение вещей — один и тот же общественный порядок и умерщвляет и делает предметом культа — ничего удивительного собою не представляет.

В обработке Лённрота руны «Калевалы», связанные в одно целое и по-новому отредактированные, приобрели новое качество — перестали быть рунами «Калевалы» и стали «Калевалой». Кстати, название *Kalevala* — введенное Лённротом название.

Соответственно указанному мы различаем в рунах «Калевалы» ряд напластований. Древнее всего те напластования, которые отражают фольклор, существовавший до сформирования рун «Калевалы» как таковых. Далее идут напластования, которые отражают различные этапы развития рун «Калевалы» как таковых — напластования, относящиеся к эпохе возникновения феодализма, напластования, относящиеся к эпохе расцвета феодализма, напластования, относящиеся к эпохе упадка феодализма и переживаний докапиталистических отношений на селе. Последние из этих напластований — это напластования «окрестьянения» рун «Калевалы». Особо стоит то, что связано с обработкой рун «Калевалы» со стороны Лённрота. Все перечисленные напластования заслуживают одинакового внимания и должны рассматриваться в общей связи. Сосредоточение внимания на чем-либо одном, например, на напластованиях, которые отражают фольклор, существовавший до сформирования рун «Калевалы» как таковых, грозит полным искажением понимания этих рун. С другой стороны, искажением понимания этих рун грозит и невнимание хотя бы к напластованиям какого-либо одного порядка, например, к напластованиям, которые отражают фольклор, существовавший до сформирования рун «Калевалы» как таковых.

Чтобы не оставалось неясностей, затронем такой вопрос: почему это у финнов возникли руны «Калевалы», а у карел ничего в том же роде как будто не возникло, хотя карелы проходили через те же этапы социально-экономического развития?

Ответ на этот вопрос следующий. Совершенно ошибочно думать, что у карел

ничего в роде рун «Калевалы» не возникало. В эпоху возникновения феодализма и у них возник и не мог не возникнуть героический эпос в роде рун «Калевалы», но свой своей национальной формы. На этот счет мы имеем совершенно точные свидетельства. Тот самый М. Агрикола, который засвидетельствовал бытование рун «Калевалы» в XVI в. в западной Финляндии, засвидетельствовал наличие других рун в том же XVI в. у карел. Если финны пели о Väinämöinen'е, Ilmarinen'е и т. д., то карелы пели о других «богах». Вот собственные имена, упоминаемые М. Агриколой как имена карельских «богов»: Rongoteus, Pellonpecko, Wirancannos, Egres, Kondös и т. д. У карел были, однако, обстоятельства, которые рано оборвали традицию героического эпоса. Феодальные карельские верхи, как известно, растворились в новгородских феодальных верхах, усвоив русский язык и вообще русскую культуру (в связи с чем, между прочим, сохранявшее карельский язык население у новгородцев трактовалось не столько по признаку принадлежности к определенной народности, сколько по социальному признаку; ср. самоназвание олонецких карел *livviköit* из русского *люди* и самоназвание людинских карел *ljuudikot* из того же русского *люди*). Естественно, что эти феодальные карельские верхи примкнули к культивированию русского героического эпоса, оставив карельский. Надо думать что карельский героический эпос заглох не сразу. Но во всяком случае, например, в ухтинской Карелии оказалось достаточно «свободного места» для водворения финского героического эпоса — рун «Калевалы».

Несомненны некоторые вложения исчезнувшего карельского героического эпоса в руны «Калевалы», как они оказались представлены на востоке Финляндии, в Ингерманландии и в приграничной Карелии. Известные моменты тут можно указать и сейчас, но вопросу в целом предстоит быть проработанным еще в будущем.

4

Чем интересны руны «Калевалы» для нашего читателя кроме того, что представляют собою памятник человеческого искусства в определенной социально-экономической обстановке?

Прежде всего они знакомят нас с финской (и приграничной карельской) крестьянской средой эпохи, когда она была еще мало задета капиталистическими отношениями, во всей ее специфичности. Не с дворами конунгов знакомят они нас, а именно с крестьянской средой. Зародившись при дворах конунгов, они, в конце концов, перешли в крестьянскую среду, которая их глубоко переработала соответственно своему хозяйственному укладу и своему миросозерцанию. Не с эпохой викингов знакомят они нас, а с эпохами гораздо более поздними, которые их переработали в корне. Смелые воители прошлого в них погружены в туман сказки; но среда и эпоха, которой они принадлежат в том виде, как записаны, — ярки и живы.

А затем они, руны «Калевалы», представляют собою явление исключительных художественных достоинств. Диапазон изображения в них необычайно широкий. Перед нами проходят бесконечно разнообразные картины — такие картины, как бешеная схватка героев «Калевалы» со страшным чудовищем Лоухи, где каждая сторона рискует всем и прибегает ко всем средствам борьбы, от меча до потрясающих мир заклинаний, и такие картины, как скромное попечение пахаря о своей пашне. В смысле широты диапазона изображения руны «Калевалы» вряд ли имеют что-либо себе равное в мировой сокровищнице народной эпической поэзии. К этому прибавляется изумительная полнота и красочность изображения. Надо всем

господствует величавая северная природа с ее мрачными, замшенными скалами, дремучими лесами, непроходимыми болотными топями, бурными потоками, зеркальными озерами.

Чтобы понять художественные достоинства «Калевалы», надо отрешиться от некоторых наших привычек. Для «Калевалы» не существует логики в обычном смысле этого слова. Противоречия там на каждом шагу. Соразмерности явлений нет и в помине. Точность указаний не составляет предмета заботы; даже названия чисел не стремятся дать представление о числах («Он кругом топор свой точит, лезвие проворно гладит на шести кусках кремневых, на семи точильных камнях» и т. п.). Это придает «Калевале» особый колорит, колорит сказочности, переставшей не только через привычные нам связи вещей, но и через привычные нам мыслительные категории — колорит сна.

Внешние достоинства «Калевалы» в переводе пропадают, а они весьма значительны. В переводе нет, например, возможности передать свойственное «Калевале» богатство аллитерации (созвучия слов одного стиха по начальным согласным) — русский язык таков, что попытка осуществить в нем аллитерацию не дала бы нужного эффекта.

Важнейшая литература: K. Krohn, Kalevalan runojen historia (История руны Калевалы, ряд выпусков, Hels., 1903 — 1909), E. N. Setälä, Aus dem Gebiet der Lehnbeziehungen (Из области отношений заимствования, в журн. Finnisch-Ugrische Forschungen, XII, Hels.-Leipzig, 1912), T. E. Karsten, Germanisch-finnische Lehnwortstudien (Этюды по германско-финским словарным заимствованиям, — Acta Societatis Scientiarum Fennicae, Hels., 1915), K. Krohn, Kalevalan kysymyksiä (Вопросы «Калевалы», журн. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXXV и XXXVI, Hels., 1918), K. Krohn, Kalevalastudien (Этюды по «Калевале», в серии Folklore Fellow's Communications, ряд выпусков, Hels., начиная с 1924 — первый выпуск содержит введение, остальные посвящены отдельным циклам рун «Калевалы»). Более подробные указания по литературе — в последнем из указанных трудов (вып. I). Литература XIX в. устарела.

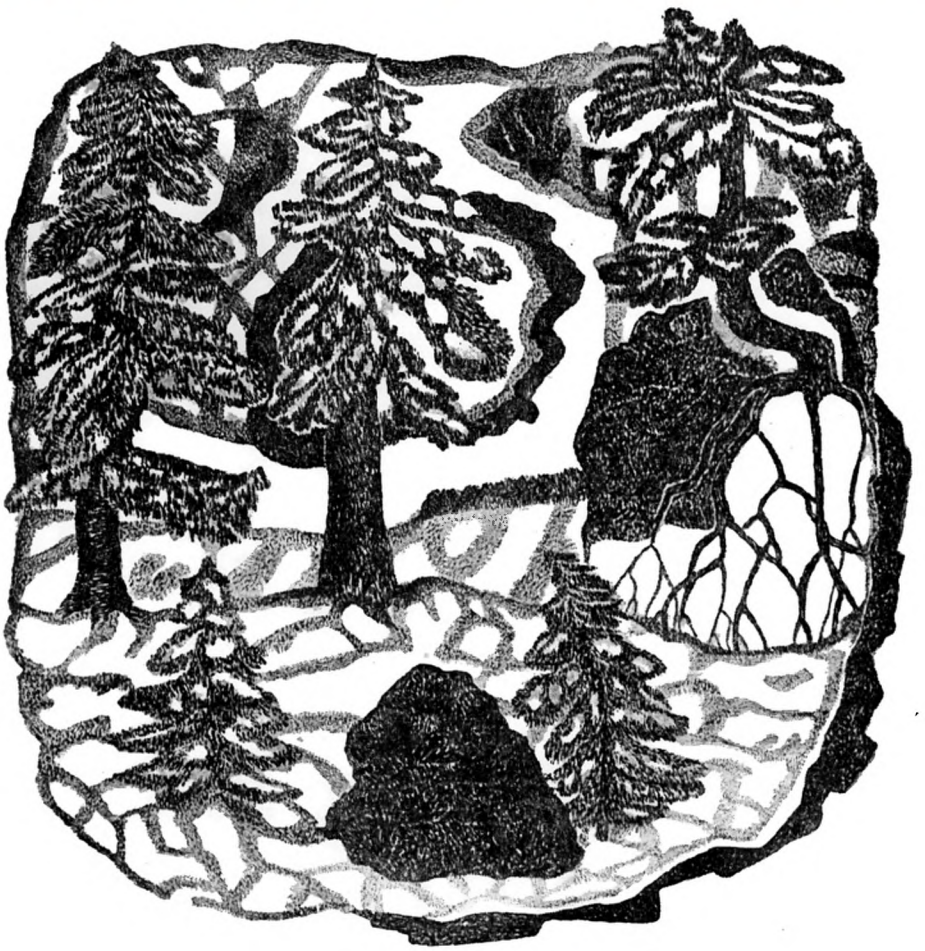
Перевод «Калевалы», сделанный Л. П. Бельским в 1889 г., в настоящем, третьем, издании подвергнут частичной переработке Д. В. Бубрихом. Перевод заново сверен с оригиналом В. И. Юнусом и исправлен. Внимание обращено и на передачу финских собственных имен, которая у Л. П. Бельского проведена несколько непоследовательно. Исправления самого Л. П. Бельского, предназначенные для предполагавшегося им нового издания, в настоящем издании, к сожалению, не могли быть использованы.

Примечания к «Калевале» составлены Д. В. Бубрихом. Цель их — главным образом разъяснить встречающиеся в рунах собственные имена. В состав примечаний внесено некоторое количество примечаний Л. П. Бельского ко второму изданию (из числа не-лингвистических).

Л. П. Бельский (1855—1916), профессор Московского университета и Московских высших женских курсов, был учеником Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова. Известен своими критическими этюдами о Толстом и Полонском. Работал по сербскому эпосу. Его перевод «Калевалы» получил в свое время прекрасную оценку.

Д. В. Бубрих

КАЛЕВАЛА



KALEVALA

Руна первая

Вступление. — Возникновение мира и рождение Вейнемейнена

Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу —
К песнопенью быть готовым
И начать скорее слово,
Чтобы спеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.
На устах слова уж тают,
Разливаются уж речи,
На язык они стремятся,
Раскрывают мои зубы.
Золотой мой друг и братец!
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.
Наконец мы увидались,
С двух сторон сюда сошлися;
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
В крае Севера убогом.
Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим; [1]
Песни славные споем мы,
И начнем мы с лучших песен;
Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.
И собрал я эти речи,
Эти песни, что держали
И на чреслах Вейнемейнен, [2]
И в горниле Илмаринен, [3]
И на стрелах Ёукахайнен, [4]
На мече Каукомиэли, [5]
В дальних северных полянах,
По песчаной Калевале. [6]
Их певал отец мой прежде,
Топорище вырезая;

Мать меня им научила,
За своею прялкой сидя;
На полу тогда ребенком
У колен их я вертелся;
Был я крошкой и питался
Молоком, еще, малютка.
Пели мне они о Сампо,[7]
О заклятьях хитрой Лоуухи,[8]
И старелось Сампо в песнях,
И от чар погибла Лоуухи,
С песней Випунен[9] скончался,
В играх умер Лемминкейнен.[10]
Слов других еще есть много
И познаний, мне известных,
Что нарвал я на тропинке,
Что на вереске сломал я,
Что с кусточков отломил я,
Что набрал себе на ветках,
Что собрал себе я в травах,
Что я поднял на дороге.
Шел тогда я, пастушонок,
Шел на пастбище я, мальчик,
Где луга богаты медом,
Где холмочки золотые;
Шел за Мурикки я черной,
Проходил за пестрой Киммо.[11]
Насказал мороз мне песен,
Наносил мне песен дождик,
Мне навеял песен ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
Речи создали деревья.
Я в один клубок смотал их,
Положил на санки связку,
Положил клубок на санки,
Положил на санки узел
И домой привез на санках,
На санях привез к овину
И в амбаре под стропила
В медном ларчике их спрятал.
Долго песни на морозе,
Долго скрытые лежали.
Не убрать ли их с мороза?
Песен с холода не взять ли?
В избу ларчик не принесть ли,
На скамью сундук поставить,
Под прекрасные стропила,
Под хорошей этой кровлей?
Не открыть ли ларчик песен,
Сундучок, словами полный?
За конец клубок не взять ли?
Развязать ли крепкий узел?
Песню славную спою я,
Зазвучит она приятно,
Если пива поднесут мне
И дадут ржаного хлеба.
Если ж мне не будет пива,
Не предложат молодого,
Всухомятку петь я стану
Иль спою с одной водою,
Чтобы вечер был веселым,
Чтобы день наш был украшен
И чтоб утренним весельем
Завтра день у нас начался.

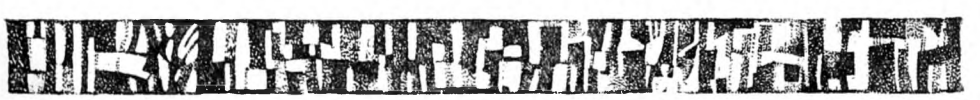
Я, бывало, слышал речи,
Слышал, как слагались песни.
По одной идут к нам ночи,
Дни идут поодиночке —
Был один и Вейнемейнен,[12]
Вековечный песнопевец;
Он от Илматар родился,
От родительницы Каве.[13]
Дочь прекрасная творенья,
Та дочь воздуха, девица,
Проводила непорочно
Все девичьей жизни время
Средь большой страны воздушной,
В растянувшихся равнинах.
Жить в девицах было скучно.
Тяжело так жить ей стало,
Проживать все одинокой,
Постоянно жить в девицах
Средь большой страны воздушной,
Средь пустыни безграничной.
И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На свободное теченье.
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря.
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.
Ветром деву закачало,
Било волнами девицу,

Закачало в синем море,
На волнах с вершиной белой.
Ветер плод надул девице,
Полноту ей дало море.
И носила в тяжком чреве
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Девять жизней человека —
А дитя все не рождалось,
Все на свет не выходило.
Мать воды, она металась
То к востоку, то на запад,
То на юг, а то на север
И ко всем странам небесным:
Все страдала страшной болью,
Полнотою в тяжком чреве —
А дитя все не рождалось,
Все на свет не выходило.
Тихо стала дева плакать,
Говорить слова такие:
«Горе мне, несчастной деве,
Мне, скиталице, бедняжке!
Я куда теперь пошла:
Навсегда под своды неба,
На потеху ветрам буйным,
На игру кипящим волнам
На морской воде обширной,
На равнинах вод открытых.
Мне б гораздо лучше было
Быть воздушною девицей,
Чем в пространствах этих чуждых.
Мать воды теперь я стала,
Только холод в здешней жизни;
Больно здесь мне оставаться,
На волнах я здесь тоскую,
По водам я здесь блуждаю.
О ты, Укко,[14] бог всевышний!
Ты, всего носитель неба!
Ты сойди сюда скорее,
Поспешай, к тебе взываю.
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева!
Поспешай, иди скорее,
Поскорей, я так страдаю!»
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Вот красиво мчится утка,
Воздух крыльями колышет,
Для гнезда местечка ищет,
Ищет места для жилища.
Мчится к западу, к востоку,
Мчится к югу и на север,
Но найти не может места,
Ни малейшего местечка,
Где гнездо могла бы сделать
И жилище приготовить.
Полетала, осмотрелась,
Призадумалась, сказала:
«Коль на ветре дом поставлю,
На волнах мое жилище,
То разрушит дом мой ветер,
Унесут жилище волны».
Мать воды то услыхала,
Мать воды, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо могла свить утка
И жилище приготовить.
Утка, славная та птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала то колено
На волнах, на синем море,
Приняла его за кочку
И сочла за дерн зеленый.
Полетала, осмотрелась,
На колено то слетела
И гнездо себе готовит,
Сносит золотые яйца:
Шесть яиц, — все золотые,
А седьмое — из железа.
Вот наседкой села утка,
Греет выпуклость колена.
День, другой сидит наседкой,
Третий день сидит недвижно.
Мать воды, творенья дева,
Боль внезапно ощущает,
Замечает, что согрелась
Кожа сильно на колене:
Словно в пламени колено,
И все жилы растопились.
Сильно двигает коленом,
Члены сильно потрясает —
В воду яйца все упали,
В волны моря покатились,
На куски разбились в море
И обломками распались.

Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но прекрасно изменились,
Превратились все обломки:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Стал высокий свод небесный;
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились.
И вперед уходит время,
Год бежит вперед за годом,
При сиянье юном солнца,
В блеске месяца младого.
Мать воды, творенья дева,
Без конца плывет по морю,
По водам, дремотой полным,
По волнам морским туманным;
И под ней простерлись воды,
А над ней сияет небо.
Наконец, в году девятом,
На десятое уж лето,
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
Создавать созданья стала
На хребте прозрачном моря,
На равнинах вод открытых.
Только руку простирала —
Воздвигались тотчас мысы;
Где ногою становилась —
Вырывались рыбам ямы;
Где же вовсе погружалась —
Глуби глубже становились.
Где земли касалась боком —
Ровный берег там являлся;
Где земли ногой касалась —
Там лососьи тони стали;
Где главою приближалась —
Бухты малые являлись.
Отплыла от суши дальше,
На волнах остановилась —
Созидала скалы в море
И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись, тонут,
Моряки где жизнь кончают.
Уж утесы создалися,
Скалы в море основались,
Уж столбы ветров воздвиглись, [15]
Создалися словом страны,
Ярко камни запестрели,
И наморщились утесы —
Только вечный песнопевец
Вейнемейнен не родился.
Старый, верный Вейнемейнен
В чреве матери блуждает,
Тридцать лет он там проводит,
Зим проводит ровно столько ж
На водах, дремотой полных,
На водах морских холодных.
Он подумал, поразмыслил:
Как же быть, и что же делать
На пространстве этом темном,
В неудобном, тесном месте,
Где свет солнца не сияет,
Света месяца не видно?
Он сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Месяц, солнце золотое!
Ты, Медведица на небе!
Вы меня скорей несите
Из дверей, мне незнакомых,
Из затворов непривычных,
Из столь тесного жилища!
Дайте вы свободу мужу,
Вы дитяти дайте волю,
Чтобы видеть светлый месяц,
Любоваться мне на солнце,
Пред Медведицей склониться,
Поглядеть на звезды в небе!»
Но не дал свободы месяц,
И не выпустило солнце.
Стало жить ему там тяжко,
Стала жизнь ему противна.
Тронул крепости ворота,
Ломит пальцем безымянным;
Костяной замок ломает
Безымянным левым пальцем;
На руках ползет к порогу,
На коленях через сени.

В море синее упал он,
Уперся ногами в волны.
Так остался муж на море,
Богатырь на влажных волнах.
Он пять лет носился в море,
Он пять лет и шесть качался
И еще семь лет и восемь;
Наконец плывет на берег,
Держит к суше без деревьев
И на косу без названья.

На коленях проползает,
Опирается руками;
Поднялся, чтоб видеть месяц,
Любоваться и на солнце,
Пред Медведицей склониться,
Поглядеть на звезды в небе.
Так родился Вейнемейнен,
Этот мощный песнопевец;
Дочь творенья, дева Каве,
Мать была его родная.



Руна вторая

Вейнемейнен засевает землю

Вот поднялся Вейнемейнен,
Стал ногами на прибрежье,
На омытый морем остров,
На равнину без деревьев.
Много лет затем он прожил,
Год за годом проживал он
Там на острове безлюдном,
На равнине без деревьев.
Он подумал, поразмыслил,
В голове держал он долго:
Кто ему засеет землю,
Кто рассыпать может семя?
Это — Сампса Пеллервойнен,
Сын поляны, мальчик-крошка: [1]
Он ему засеет землю,
Он рассыпать может семя.
Засевает он прилежно
Всю страну и все болота,
Все песчаные поляны,
Каменистые равнины.
На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
По пескам он сеет вереск,
Сеет кустики в долинах.
Сеет он по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуху во влажной,
На местах пониже — иву,
На болотистых — ракиту,
На святых местах — рябину, [2]
На песчаных — можжевельник
И дубы у рек широких.
Высоко растут деревья,
Потянулись уж побеги,
Ели с пестрою верхушкой,
Сосны с частыми ветвями,
Поднялись по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной

И черемуха во влаге;
Мало вырос можжевельник,
Только ягоды красивы;
На черемухе их много.
Старый, верный Вейнемейнен
Поднялся: хотел он видеть,
Как у Сампсы сев удался,
Пеллервойнена работа.
Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый —
Только дуб взойти не хочет,
Божье дерево — без корня. [3]
Дал упрямцу он свободу —
Пусть свое узнает счастье.
Ждет затем под ряд три ночи,
Столько ж дней он ожидает;
Так проходит вся неделя.
Посмотреть тогда идет он:
Все же дуб взойти не хочет,
Божье дерево — без корня.
Вот четыре девы вышли,
Вышли пять девиц из моря.
На земле лужайки мягкой,
На траве, росой покрытой,
На мысочке, средь тумана,
На лесистом островочке
Ворошат, скосивши, сено
И в одно сгребают место.
Тут из моря вышел Турсас, [4]
Богатырь из волн поднялся.
Он зажег траву: зажглися,
Запылали ярко травы,
Так что в золу превратились,
Обратились темным дымом. [5]
Вот зола стоит там кучей,
Пыль лежит сухою грудой;
В пыль кладет он листик нежный,
Вместе с ним дубовый жолудь.
Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной,
На поляне удобренной.
Дал широких много веток,
Веток с зеленью густою,
До небес вершину поднял,
Высоко раскинул зелень:
Облакам бежать мешает,
Не дает проходу тучам,
Закрывает в небе солнце,
Заслоняет месяц ясный.
Старый, верный Вейнемейнен
Так подумал и размыслил:
«Этот дуб срубить бы нужно,
Стройный ствол свалить на землю:
Жизнь людей идет печально,
Плавать рыбе неудобно,
Если солнце не блистает,
Не сияет месяц ясный».
Не нашлося великана,
Богатырь не находился,
Чтобы мог срубить ствол дуба,
Сто вершин его обрушить.
Старый, верный Вейнемейнен
Сам сказал слова такие:
«Каве, ты меня носила,
Мать родная, дочь творенья!
Из воды пошли мне силы —
Много сил вода имеет, —
Чтоб свалить здесь дуб высокий.
Чтоб его всю злобу вырвать,
Чтоб опять светило солнце,
Засиял бы месяц ясный!»
Вот выходит муж из моря,
Богатырь из волн поднялся;
Не из очень он великих,
Не из очень также малых:
Он длиною с палец мужа,
Вышиною с пядь у женщин.
Был покрыт он медной шапкой,
Сапоги на нем из меди,
Руки в медных рукавицах,
Чешуей покрытых медной;
Медный пояс был на теле
И висел топор из меди
С топорищем только в палец,
С лезвием в один лишь ноготь.
Старый, верный Вейнемейнен
Так подумал и размыслил:
«Видом он похож на мужа
Богатырского сложенья,
А длиной в один лишь палец,
Вышиной едва с копыто».
Говорит слова такие,
Молвит сам такие речи:
«Ты не выглядишь мужчиной,
Богатырь ты самый жалкий:

Мертвецы тебя получше
И погибшие покрепче».
И сказал морской малютка,
Дал ответ герой из моря:
«Нет! я муж на самом деле,
Богатырь из волн мотучих.
Дуба ствол пришел срубить я,
Расщепать здесь дуб высокий».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Не годишься ты на это,
Не дано тебе с рожденья,
Чтоб свалить здесь ствол огромный,
Чтоб срубить здесь дуб чудесный».
Но едва сказал он это,
Взор едва к нему направил,
Как тот муж вдруг изменился,
Обратился в великана:
По земле волочит ноги,
Головою держит тучи,
С бородою по колено;
Волоса висят до пяток,
Каждый глаз длиною в сажень,
Шаровары книзу в сажень,
В полторы сажени выше,
А на бедрах в две сажени.
Он кругом топор свой точит,
Лезвие проворно гладит
На шести кусках кремневых,
На семи точильных камнях.
Зашагал потом он быстро,
Поднимал он быстро ноги
В широчайших шароварах,
Развевавшихся от ветра;
С первым шагом очутился
На земле песчаной, рыхлой;
Со вторым он оказался
На земле довольно черной,
Наконец, уж с третьим шагом,
Подошел он к корню дуба.
Топором он дуб ударил,
Лезвием рубил он гладким;
Раз ударил и другой раз,
В третий раз он ударяет;
Искры сыплются с железа,
А из дуба льется пламя.
Хочет дуб уже склониться,
Уж трещать он сильно начал.
Наконец, четвертым взмахом,
Смог он дуб свалить на землю,
Ствол сломать его трещавший,
Сто верхушек опрокинуть.
Положил он ствол к востоку,
Бросил к западу верхушки,
Раскидал он листья к югу,
Разбросал на север ветви.
Если кто там поднял ветку,
Тот нашел навеки счастье;
Кто принес к себе верхушку,
Навсегда стал чародеем;
Кто себе отрезал листьев,
Взял сердечную отраду.
Что рассыпалось из щепок,
Из кусочков что осталось
На хребте прозрачном моря,
На равнине вод открытых,
То под ветром там качалось,
На волнах там колыхалось,
Как челнок в воде открытой,
Как корабль в волнистом море.
Ветер их понес к Похьёле.
Дева юная Похьёлы
Свой платок широкий мыла,
Мыла платья, полоскала,
На прибрежном била камне,
На носу большого мыса.
Увидала щепку в море,
Забрала себе в кошелку,
Принесла домой в кошелке,
Перепутанной ремнями,
Чтоб колдун оружье сделал,
Заколдованные стрелы.
Только дуб был опрокинут,
Только гордый ствол был срублен.
Снова солнце засияло,
Засветил прекрасный месяц,
В небесах простерлись тучи,
Снова радуги согнулись
На мысочке средь тумана,
На туманном островочке.
Густо рощи разрослися,
Поднялись леса на воле,
Распустились листья, травы,
Запорхали в ветках птицы,
Там дрозды запели песни,
И кукушка куковала.

Вышли ягоды из почвы
И цветочки золотые,
Разрослись густые травы
И цветами запестрели —
Лишь один ячмень не всходит,
И не зреет хлеб прекрасный.
Старый, верный Вейнемейнен
К морю синему подходит
И у моря размышляет,
На краю воды могучей;
Там шесть зернышек находит,
Семь семян он поднимает
На краю большого моря,
На земле песчаной, мягкой.
Спрятал их он в куньей шкурке,
Сунул в лапку желтой белки
И пошел засеять землю.
Он пошел рассыпать семя
На брегах ключа Калевы, [7]
На краю поляны Осмо. [8]
Вот поет синица с ветки:
«Не пойдет ячмень у Осмо,
Не взойдет овес Калевы:
Не расчищено там поле,
Там не срублен лес под пашню,
Хорошо огнем не выжжен».
Старый, верный Вейнемейнен
Тут топор устроил острый,
Вырубать леса принялся,
Побросал он их на поле,
Порубил он все деревья
И оставил лишь березу,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб кукушка куковала.
Вот орел летит по небу,
Пролетел он через воздух,
Чтобы видеть ту березу:
«Отчего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза,
Стройный ствол ее не срублен?»
Вейнемейнен отвечает:
«Оттого она осталась,
Чтоб на ней дать отдых птицам,
Чтоб орел слетал к ней с неба».
И сказал орел небесный:
«Хороша твоя забота,
Что березу ты не тронул,
Стройный ствол ее оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб я сам на ней сидеть мог».
И огонь орел доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;
Превращают рощи в золу,
В темный дым леса густые.
Старый, верный Вейнемейнен
Все шесть зерен вынимает,
Семь семян берет рукою,
Там из куньего мешечка
И из лапки белки желтой,
Летней шкурки горностая.
Он идет засеять землю,
Он идет рассыпать семя,
Говорит слова такие:
«Вот я сею, рассеваю,
Горстью творческой бросаю,
Всемогущего десницей,
Чтоб росло на этом поле,
Чтоб взошло на этой почве.
О ты, старица земная, [9]
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста:
И земля без сил не будет,
Если ей даруют милость
Девы, дочери творенья.
Ты вставай, земля, проснися,
Недра божьи, не дремлите,
Из себя пустите стебли:
Пусть поднимутся отростки,
Выйдет тысяча колосьев,
Сотня веток разрастется,
Где вспахал я и посеял,
Где я много потрудился.
Укко, ты, мой бог всевышний.
Укко, ты, отец небесный,
Ты, который правишь в тучах,
Облачка все направляешь!
Ты держи совет на тучах,
В небесах совет правдивый;
Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера большую,
А от запада побольше,
Тучу с юга побыстрее;
Ниспошли ты дождь небесный;
Пусть из тучи мед закаплет,

Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба здесь зашумели».
Укко, этот бог всевышний,
Тот отец небесный, мощный,
Совещанье держит в тучах,
В небесах совет правдивый;
Вот с востока шлет он тучу,
Тучу с севера другую,
Гонит тучу от заката,
Посылает тучу с юга.
Бьет он тучи друг о друга,
Край о край их ударяет,
Посылает дождь небесный:
Каплет мед из туч высоких,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба там зашумели,
Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы
Вейнемейнена трудами.
Вот проходит день ближайший,
Две и три проходят ночи,
Пробегает вся неделя.
Вышел старый Вейнемейнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
Где он много потрудился.
Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле.
Старый, верный Вейнемейнен
Осмотрелся, оглянулся.
Вот весенняя кукушка
Видит стройную березу:
«Для чего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза?»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Для того одна осталась
Здесь береза, чтоб расти ей,
Чтобы ты здесь куковала.
Ты покличь на ней, кукушка,
Пой, с песочной грудью птица,
Пой, с серебряною грудью,
Пой ты, с грудью оловянной,
Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело,
И весь край был полон хлебом!»

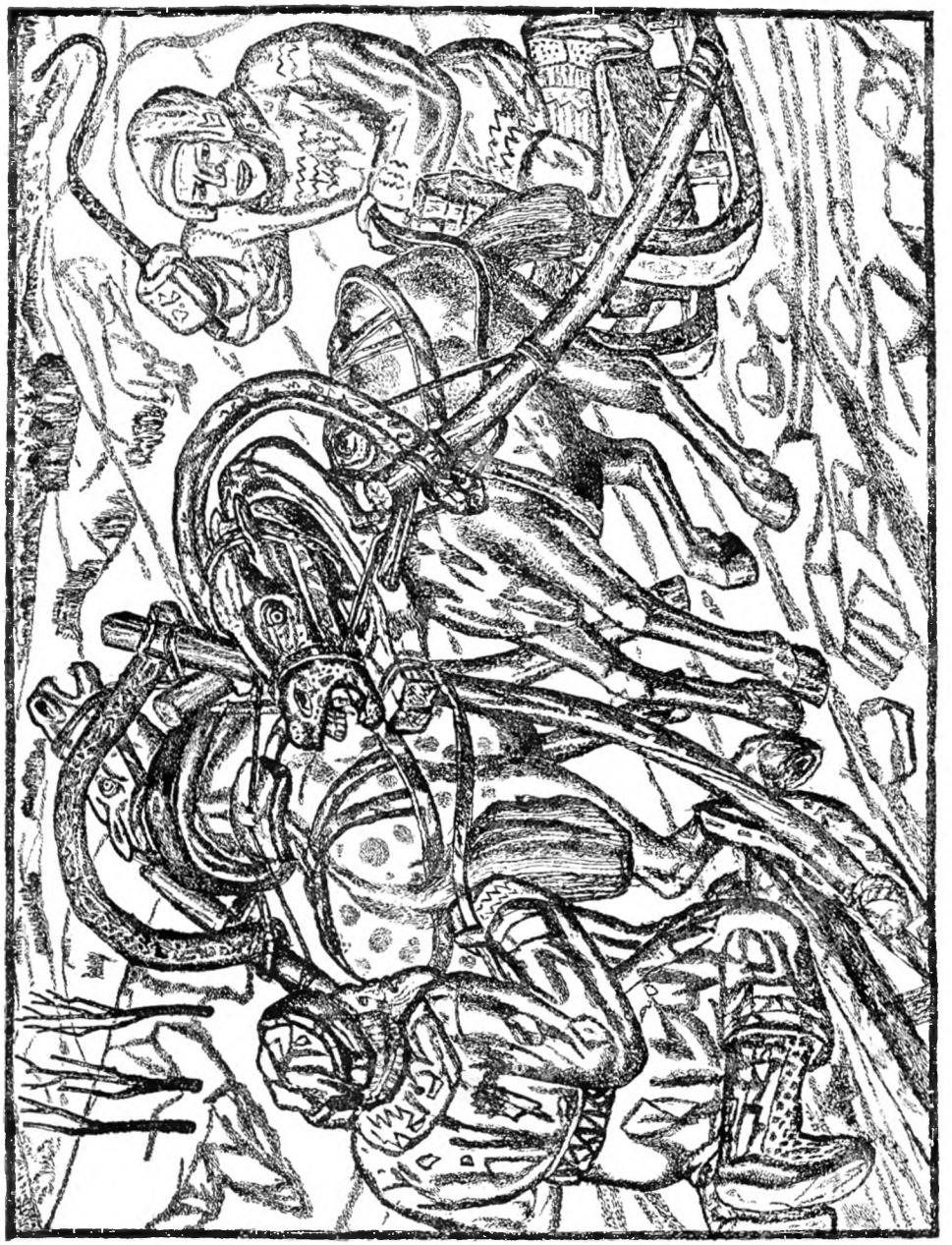
Руна третья

Вейнемейнен состязается в пении с Ёукахайненом

Старый, верный Вейнемейнен
Проводил покойно время
Посреди лесов Вейнеле,[1]
По дубравам Калевалы,
Распевал свои там песни,
Песни мудрости великой.
День за днем все пел он песни,
По ночам он распевал их,
Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхожденье,[2]
Что теперь ни малым детям,
Ни героям непонятно:
Времена пришли плохие,
И конец приходит жизни.
Далеко проникли вести,
Разнеслась молва далеко
О могучем пеньи старца,
О напевах богатырских.
И на юг проникли вести,
И дошла молва в Похьёлу.
Проживал там Ёукахайнен,[3]
Молодой, плохой лапландец.[4]
Как-то раз пошел он в гости,
Слышит странные там речи,
Будто лучше петь возможно,
Песни лучшие составить
Посреди полян Вейнеле,
По дубравам Калевалы,
Чем он сам певал доселе,
Чем его отец оставил.
Рассердился Ёукахайнен:
Не дают ему покоя
Вейнемейнена напевы,
Что поет он лучше прочих.
К старой матери идет он,
Он к родителям подходит;
Говорит, что он уходит,
Собирается в дорогу

3. *Вейнемейнен состязается*

В обиталища Вейнеле,
Чтобы с Вейне[5] там поспорить.
Но его не отпускают
Ни отец, ни мать старуха
В обиталища Вейнеле,
Чтобы с Вейне там поспорить:
«Нет, тебя там околдуют,
Околдуют и оставят
Эту голову в сугробе,
Эту руку на морозе,
Чтоб рукой не мог ты двигать,
Не ступал бы ты ногами».
Молвил юный Ёукахайнен:
«Хорошо отец все знает,
Мать еще получше знает,
Но всех лучше сам я знаю.
Если я хочу поспорить
И с мужами состязаться —
Посрамлю певцов я пеньем,
Чародеев зачарую;
Так спою, что кто был первым,
Тот певцом последним будет.
Я его обую в камень,
Ноги в дерево одену,
Наложу на грудь каменьев,
На плечи дугу из камня,
Дам из камня рукавицы,
Шлемом каменным покрою!»
Так, упрямый, он решает
И берет коня из стойла;
Из ноздрей коня бьет пламя,
Сыплет искры он копытом.
Он взнуздал коня лихого
И запряг в златые сани,
Сам уселся он на сани,
Сел удобно на сиденьи
И коня кнутом ударил,
Бьет кнутом с жемчужной ручкой;
Побежал конь по дороге,
Лошадь добрая помчалась.
Вот он из дому помчался,
Скачет день, другой день скачет,
Третий день он быстро мчится;
А когда прошел и третий,
Он достиг полян Вейнеле
И песчаной Калевалы.
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Был как раз на той дороге,
По пути тому он ехал
Меж полянами Вейнеле,
По дубравам Калевалы.
Ёукахайнен, юный, буйный,
На него наехал быстро;
Зацепилися оглобли,
И гужи переплелися,
Хомуты вдруг затрещали,
И дуга с дугой столкнулась.
Тут они остановились,
Стали оба, размышляя.
Из двух дуг сочилась влага,
От оглобель пар поднялся.
И спросил так Вейнемейнен:
«Ты откуда это родом,
Что так скачешь безрассудно,
Не спросяся, наезжаешь?
Ты зачем разбил хомут мой
И дугу из свежей ветки?
Ты зачем сломал мне сани,
Изломал мне их полозья?»
Молвил юный Ёукахайнен,
Сам сказал слова такие:
«Молодой я Ёукахайнен.
Но теперь и ты скажи мне:
Ты, дрянной, откуда родом,
Из какой семьи негодной?»
Старый, верный Вейнемейнен
Называет свое имя,
Говорит слова такие:
«Так ты — юный Ёукахайнен!
Уступи же мне дорогу:
Ты годами помоложе».
Молодой же Ёукахайнен
Говорит слова такие:
«Ни к чему тут наша юность,
Наша юность или старость:
Кто стоит в познаньях выше,
Больше мудрости имеет —
Только тот займет дорогу,
А другой ему уступит.
Так ты — старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель!
Приготовимся же к пенью,
Пропоем мы наши песни,
Мы прослушаем друг друга
И начнем здесь состязанье».



Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Я певец не знаменитый,
Заклинатель неизвестный.
Жизнь я прожил одиноко
По краям родного поля,
Посреди полян родимых,
Слышал там одну кукушку.
Но пусть будет, как кто хочет.
Ты дозволь себя послушать:
Что ты знаешь больше прочих,
Чем же их ты превосходишь?»
Молвил юный Ёўкахайнен:
«Я всего так много знаю;
Но одно я знаю ясно
И прекрасно понимаю:
В крыше есть окно для дыма,
А очаг внизу у печки.
Жить тюленю превосходно,
Хорошо морской собаке:
Ловит он вблизи лососей
И сигов он поглощает.
Сиг живет на плоскодонье,
А лосось — на ровном месте.
Класть икру умеет щука
В заморозки, в злую бурю;
Но горбатый окунь робок,
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом,
Берег плеском оглашая.
Если ж ты не убедился,
То еще я много знаю,
Рассказать могу, как пашут
Северяне на оленях,
А южане на кобылах,
За Лапландией — быками.
Знаю я леса на Пиисе,
На утесах Хорны[7] сосны;
Стройный лес растет на Пиисе,
Стройные на Хорне сосны.
Страшных три есть водопада
И озер огромных столько ж;
Также три горы высоких
Под небесным этим сводом;
Хеллепюэре[8] у Хеме,[9]
Катракоски[10] у карелов.[11]
Победить нельзя Вуоксу,[12]
Превзойти нельзя Иматру».[13]

Молвил старый Вейнемейнен:
«Ум ребячий, бабья мудрость
Не приличны бородатым
И женатому некстати.
Ты скажи вещей начало,
Глубину деяний вечных!»
Молвил юный Ёўкахайнен,
Говорит слова такие:
«Расскажу я про синицу,
Что она породы птичьей;
Из породы змей — гадюка;
Ерш в воде — породы рыбьей;
Размягчается железо,
А земля перекисает;
Кипятком обжечься можно,
Жар огня — весьма опасен;
Всех лекарств — вода старее;
Пена — средство в заклинаньях;
Первый чародей — создатель;
Бог — древнейший исцелитель.
Из горы вода явилась,
А огонь упал к нам с неба;
Стала ржавчина железом;
На утесах медь родится;
Всех земель старей — болота;
Ива — старше всех деревьев;
Сосны — первые жилища;
Камни — первая посуда».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Ты еще сказать что хочешь
Иль уж высказал всю глупость?»
Молвил юный Ёўкахайнен:
«Нет, еще немного помню.
Помню древность я седую,
Как пахал тогда я море
И копал морские глуби,
Рыбам вырывал пещеры,
Опускал я дно морское,
Разливал тогда озера,
Горы кверху выдвигал я,
И раскидывал я скалы.
Я шестым был из могучих,
Богатырь седьмой считался.
Мы творили эту землю,
Заключали в грани воздух,
Столб воздушный утверждали,
Также строили свод неба,

Направляли ясный месяц,
Вместе ставили мы солнце
И Медведицу на небе,
Рассыпали в небе звезды».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Лжешь ты выше всякой меры;
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глуби
И пещеры рыли рыбам,
Дно у моря опускали,
Простирали вширь озера,
Выдвигали горы кверху
И раскидывали скалы.
И тебя там не видали,
Тот не видел и не слышал,
Кто тогда всю землю создал,
Заключил в границы воздух,
Утвердил и столб воздушный
И построил свод небесный,
Кто направил ясный месяц,
Солнце светлое поставил
И Медведицу на небе,
Звезды по небу рассыпал».
Молодой же Еукахайнен
Говорит слова такие:
«Коль рассудок мой потерян,
За меня мой меч ответит!
Ну-ка, старый Вейнемейнен,
Ты, певец со ртом широким,
Станем меряться мечами [14]
И клинки у них посмотрим!»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Мне нисколько не опасны
Ни мечи твои, ни мудрость,
Ни оружие, ни хитрость.
Но пусть будет, как кто хочет,
И с тобой, с таким несчастным,
Я мечей не стану мерить:
Ты — негодный и противный!»
Обозлился Еукахайнен,
Рот от гнева покривился,
Головой трясет косматой,
Говорит слова такие:
«Кто мечи боится мерить,
Осмотреть клинки боится,
Так того моею песней
Превращу в свиное рыло.
Я таких людей презренных
По местам упрячу разным:
Уложу в навозной куче
Иль заброшу в угол хлева!»
Омрачился Вейнемейнен
И разгневался ужасно.
Сам запел тогда он песню,
Сам тогда он начал речи.
Не ребячьи песни пел он
И не женскую забаву —
Пел геройские он песни.
Не поют их вовсе дети,
Мальчики лишь в третьей части,
Женихи наполовину:
Времена пришли плохие
И конец приходит жизни.
Смело начал Вейнемейнен.
Всколыхалися озера,
Горы медные дрожали,
Камни твердые трещали,
Со скалы скала валилась,
Раздроблялися утесы.
Он запел, и разрослися
На дуге лапландца ветки,
На хомут насела ива,
На шлее явилась верба.
Позолоченные сани
Стали тальником прибрежным,
Кнут жемчужный обратился
Камышом на побережьи;
Конь лапландца белолобый
Стал скалой у водопада,
Меч с златою рукоятью —
Яркой молнией на небе;
Из раскрашенного лука
Вышла радуга над морем;
Стрелы легкие лапландца
Ястребами полетели;
Тупомордая собака
Валуном огромным стала.
Превращает старец шапку —
Стала шапка длинной тучей;
Рукавицы водяными
Вдруг становятся цветами;
Шерстяная куртка ходит
Облаком в высоком небе,
А из пояса лапландца
Звезды в небе запестрели.

Он поет — и Ёўкахайнен
По бедро ушел в болото
И до пояса в трясину,
До плечей в песок сыпучий.
Вот тогда-то Ёўкахайнен
Мог понять и мог постигнуть,
Что пошел не той дорогой
И предпринял путь напрасный,
Чтоб поспорить в заклинаньях
С Вейнемейненом могучим.
Хочет он нотою двинуть —
И поднять ноги не может;
Повернуть другую хочет —
Но она обута в камень.
Испытал тут Ёўкахайнен
Сильный ужас, страх великий,
Увидал свое несчастье
И сказал слова такие:
«О ты, мудрый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель!
Измени ты заклинанья,
Ты возьми назад заклятья,
Отпусти меня отсюда,
Дай свободу от несчастья.
Принесу тебе я выкуп,
Дам тебе все, что захочешь!»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Что ж ты дать мне обещаешь,
Чтоб вернул я заклинанья,
Взял назад свои заклятья
И пустил тебя отсюда,
Дал свободу от несчастья?»
Молвил юный Ёўкахайнен:
«У меня два славных лука,
Пара луков превосходных,
И один отлично целит,
А другой стреляет метко.
Выбирай, какой захочешь».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Не хочу твоих я луков;
Глупый ты: на что мне луки?
У меня их дома столько,
Что увешаны все стены,
Ими заняты все гвозди;
Сами луки в лес уходят,
Без меня они стреляют».
Он запел, и Ёўкахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёўкахайнен:
«У меня две славных лодки.
Челноков чудесных пара,
И одна летит, как птица,
А другая грузы возит.
Выбирай, какую хочешь».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Не хочу твоих я лодок,
Челноков твоих не нужно;
У меня их дома столько,
Что весь берег ими занят,
Все заливы ими полны,
И одни по ветру ходят,
А другие против ветра».
Вновь запел, и Ёўкахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёўкахайнен:
«Два коня в моей конюшне,
Жеребцов прекрасных пара,
И один бежит так быстро,
А другой силен в запряжке.
Выбирай, какого хочешь».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Мне коней твоих не нужно,
Жеребцов твоих хваленых;
У меня их дома столько,
Что стоят при каждых яслях
И стоят во всяком стойле,
На хребтах с водою чистой,
На крестцах с пудами жира». [15]
Вновь запел, и Ёўкахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёўкахайнен:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Измени ты заклинанья
И возьми назад заклятья:
Шапку золота доставлю,
Серебром насыплю шляпу.
Их с войны принес отец мой,
С поля битвы их доставил».
Молвил старый Вейнемейнен:
«В серебре я не нуждаюсь,
Твое золото на что мне?
У меня их много дома,
Кладовые ими полны,
Сундуки набиты ими;
Ясно золото, как месяц,
Серебро светло, как солнце».

Вновь запел, и Ёўкахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёўкахайнен:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Отпусти меня отсюда,
Дай свободу от несчастья!
Весь мой хлеб тебе отдам я,
Все поля я обещаю, [16]
Чтобы голову спасти мне,
Самого себя избавить!»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Мне полей твоих не нужно,
В хлебе вовсе не нуждаюсь;
У меня и так их много:
Где ни глянешь, там и поле,
И скирды стоят повсюду.
А мои поля получше,
И скирды мои почище».
Вновь запел, и Ёўкахайнен
Погрузился в топи глубже.
Наконец, уж Ёўкахайнен
И совсем перепугался:
Он до рта ушел в трясину,
С бородой ушел в болото;
В рот набился мох с землею,
А в зубах кусты завязли.
Молвил юный Ёўкахайнен:
«О ты, мудрый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель!
Вороти назад заклятье,
Жизнь оставь мне дорогую!
Отпусти меня отсюда:
Затянула топь мне ноги,
От песку глазам уж больно.
Если ты возьмешь заклятье,
Злой свой заговор воротишь,
Дам сестру тебе я Айно, [17]
Дочку матери любимой.
Пусть метет твое жилище,
В чистоте поля содержит;
Будет кадки мыть и парить,
Будет мыть твою одежду,
Ткать златые одеяла,
Печь медовые лепешки».
Старый, верный Вейнемейнен
Просиял, развеселился:
Рад он был, что Ёўкахайнен
Даст жену ему на старость.

На скале, веселый, сел он,
Сел на камень и распелся;
Спел немного, спел еще раз,
В третий раз пропел немного —
И вернул он заклинанья,
Взял назад свои заклятья.
Вышел юный Ёўкахайнен:
Из болота тащит шею,
Тащит бороду из топи.
Из скалы вновь стала лошадь,
Из кустов прибрежных сани,
Кнут из камышей явился.
Он спешит садиться в сани;
Грустный едет он оттуда.
К милой матери он едет,
Он к родителям стремится.
Он помчался с страшным шумом,
К дому бешено подъехал;
Об овин сломал он сани
И оглобли о ворота.
Мать не знает, что подумать,
А отец промолвил слово:
«Глупо сделал, что сломал ты
Эти сани и оглобли;
Что ты едешь, как безумный,
Словно бешеный, примчался?»
И заплакал Ёўкахайнен.
Плачет горькими слезами,
Головой поник уныло,
Шапка на сторону сбилась,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил он печально.
Мать узнать, в чем дело, хочет,
Хочет дело поразведать:
«Ты о чем, сыночек, плачешь,
Чем, мой первенец, расстроен?
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил ты печально».
Молвит юный Ёўкахайнен:
«Дорогая! мать родная!
Ведь со мной беда случилась,
Ведь со мной несчастье было.
Не без повода я плачу,
Есть причина для печали,
И я вечно буду плакать,
Буду жизнь вести печально:
Ведь сестрицу дорогую,
Дочь твою родную, Айно,

Вейнемейнену я отдал,
Чтоб певцу была женою,
Старцу слабому опорой,
В доме хилому защитой».
Мать захлопала в ладоши
И всплеснула тут руками;
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, мой сын родимый,
Нет тебе причины плакать,
Нет причины для печали.
Я жила надеждой этой,
Много лет я ожидала,
Чтоб герой могучий этот,
Песнопевец Вейнемейнен,
Чтобы он моим стал зятем,
Мужем дочери родимой».
Слышит то младая Айно,
Плачет горькими слезами,
Плачет день, другой день плачет,
На крыльце сидит, рыдая,
Плачет жалобно от горя,
От сердечной злой печали.
Говорить тут мать ей стала:
«Что ты плачешь, дочка Айно?
У тебя жених могучий;
К мужу сильному идешь ты,
Чтоб сидеть там под окошком
И болтать там на скамейках».
Дочь на это молвит слово:
«О ты, мать моя родная!
Есть о чем, родная, плакать,
Жаль мне кос моих прекрасных
И кудрей головки юной;
Жаль волос девичьих, мягких,
Мне так рано их закроют,
С этих лет мне их завяжут.
И всю жизнь жалеть я буду
Это солнце дорогое,
Этот месяц ясный, тихий,
Этот синий свод небесный.
Мне, младой, их надо бросить,
Их забыть девице надо
У скамьи рабочей брата,
У отцовского окошка».
Мать же дочери сказала,
Молодой старуха молвит:
«Брось ты, глупая, печали,
Брось, несчастная, ты слезы!
Плачешь ты без основанья
И тоскуешь без причины.
Божье солнце дорогое
На земле повсюду светит,
Не в одно отца окошко
Да на братнину скамейку.
Ведь повсюду много ягод,
На полянах земляники.
Ах ты, жалкая! Ты можешь
Там набрать их, а не только
По лесам отца родного
Да в полях родного брата».

Руна четвертая

Неудачное сватовство Вейнемейнена к Айно

Айно, дева молодая,
Ёукахайнена сестрица,
В лес пошла нарезать веток,
В роще веников наделать.
Для отца связала веник,
Веник матери связала,
Наконец и третий веник
Крепышу связала братцу.
И идет, спеша, из лесу,
Прямо к дому меж ольхами.
Вот подходит Вейнемейнен.
Он девицу в роще видит
На траве в нарядном платье,
Говорит слова такие:
«Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
Для меня носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой».
Так ответила девица:
«Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.
Не ищу нарядных платьев,
Белых хлебов мне не нужно:
Я ношу простое платье,
Ем я черную краюшку;
Я сижу в отцовском доме,
Вместе с матушкой родимой».
Вот с груди бросает крестик,
С пальцев кольца золотые,
С шеи жемчуг побросала,
Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их,
И в слезах пошла дорогой,
С горьким плачем в дом отцовский

У окна отец работал,
Вырезал он топорище:
«Что, дочь бедная, ты плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть, отец, причина плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,
Что я плачу и рыдаю:
Потеряла с шеи крестик,
С пояска мои застежки;
Был серебряный мой крестик,
Были медные застежки».
Брат в воротах там работал,
Делал он дугу резную:
«Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть причина, братец, плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,
Что я плачу и рыдаю:
Потеряла кольца с пальцев,
С шеи жемчуг драгоценный;
Золотые были кольца,
Серебрист на шее жемчуг».
Вот сестра сидит у двери,
Ткет из золота повязку:
«Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?»
«Есть, сестра, причина плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу:
Я горюю, что пропали
И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий шелковый налобник,
Лента красная из шелка».
В кладовой, у самой двери,
Мать снимала ложкой сливки:
«Что, дочь бедная, ты плачешь?
Что, девица молодая?»
«О ты, мать моя родная!
Ты меня, дитя, кормила!
Плачу, матушка, от скорби
И, несчастная, горюю.
Вот причина, что я плачу
И пришла домой, рыдая:
В лес пошла я резать ветки,
В роще веников наделать.
Веник батюшке связала,
Для тебя связала веник,
Наконец и третий веник
Крепышу связала братцу.
Уж домой итти хотела,
Шла поспешно по дубраве.
И сказал мне так Осмойнен,
Калевайнен [1] так промолвил:
«Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
Для меня носи ты крестик;
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой».
Я с груди швырнула крестик,
С шеи жемчуг побросала,
Синий шелковый налобник,
Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их.
А сама ему сказала:
«Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту;
Не ищу нарядных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я черную краюшку;
Я сижу в отцовском доме,
Вместе с матушкой родимой».
Мать девице отвечает,
Молодой старуха молвит:
«Перестань ты, дочка, плакать,
Не горюй, моя родная!
Целый год ты кушай масло,
Ты тотда красивей станешь;
На другой год ешь свинину,
И еще статнее будешь;
А на третий — хлеб молочный,
И красавицею станешь.
На горе есть кладовая;
Там в прекрасном помещеньи
Ящик к ящику поставлен
И шкатулка на шкатулку.
Ты открой там ящик лучший,
И найдешь под пестрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Семь прекрасных синих платьев.

Мне дочь месяца ткала их,
И дочь солнца мне их сшила.
В годы юности прошедшей,
В молодые годы часто
Я в лесу брала малину,
В лес по ягоды ходила.
Там однажды увидала
Я дочь месяца за станом
И дочь солнышка за прялкой,
На краю поляны ровной,
На опушке синей рощи,
У зеленого лесочка.
Подошла я боязливо,
Подле них я тихо стала,
Начала просить смиренно;
Так я девам говорила:
«Девы месяца и солнца!
Дайте мне сребра и злата,
Дайте девочке бедняжке,
Дайте бедному ребенку!»
Серебра дала дочь солнца,
А дочь месяца мне злата.
Золотой кокошник вышел
И серебряный налобник.
Как цветок, домой пришла я,
В дом отца вошла веселой.
День, другой я их носила,
А на третий поснимала;
Золотой сняла кокошник
И серебряный налобник,
Унесла на горку в домик,
Спрятала под крышку в ящик;
Там лежат они доселе,
Я их больше не видала.
Ты надень из шелку ленты
И из золота налобник.
Ты надень блестящий жемчуг,
Золотой на шею крестик,
Полотняную сорочку.
Шерстяное вынь ты платье
Из тончайшей мягкой шерсти,
Пояс шелковый наденешь
И возьмешь чулки из шелку,
Башмаки из тонкой кожи.
Заплети получше косы,
Лентой шелковой свяжи их;
Не забудь на пальцы кольца,
Золотые вынь запястья.
Вот тогда домой пойдешь ты,
В кладовой принарядившись,
И родителям на радость,
И родным всем на утеху,
Как цветочек, ты пройдешься,
Как малинка, по дорожке,
Станешь ты стройней, чем прежде,
И красивей несравненно».
Так ей матушка сказала,
Так промолвила девице.
Но она словам не внемлет,
И речей она не слышит.
Вышла быстрыми шагами,
По двору идет, рыдает,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Что такое мысль блаженных,
Помышления счастливых?
Ведь не то ли мысль блаженных,
Помышления счастливых,
Что вода при колыханьи,
Что волна воды в ведерке?
Что такое мысль печальных,
Помышленья бедной утки?
Ведь не то ли мысль печальных,
Помышленья бедной утки,
Что весенний снег в овражке,
Что вода в колодце темном?
Ах! как часто мысль девицы,
Дума девушки несчастной
Боязливо полем ходит,
Пробирается лесочком.
По траве ползет тихонько,
По кустам, по мхам засохшим!
Дума та смолы чернее,
Дума та угля темнее.
Мне б гораздо лучше было,
Если б я не родилася,
Если б я не подрастала,
Не видала бы на свете
Дней печали и несчастья,
Если б я жила немного;
На шестую б ночь скончалась,
На восьмую умерла бы;
Мало нужно бы мне было:
Чуть холстины на рубашку
Да под дерном уголочек.
Мать поплакала бы мало,

А отец еще поменьше,
Брат совсем не стал бы плакать».
День, другой девица плачет.
Мать опять ее спросила:
«Ты о чем, девица, плачешь,
Дочка бедная, горюешь?»
«Оттого, бедняжка, плачу,
Горевать всю жизнь я буду,
Что меня ты обещала,
Отдала ты дочь родную
Старику тому утехой,
Быть для старого защитой,
Быть для дряхлого опорой
Да в избе его охраной.
Лучше б дочь ты обещала
В глубину морей холодных,
Чтоб сигам была сестрицей
И подругой быстрым рыбам.
Лучше мне там в море плавать,
Проживать в волнах глубоких,
В море быть сигам сестрою
И подругой быстрым рыбам,
Чем быть старому защитой,
Старцу слабому подмогой:
Чрез порог в чулках пойдет он
И шагнувши, спотыкнется».
Вот идет она к постройке
И проходит в кладовую;
Там открыла лучший ящик
И нашла под пестрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Синих семь прекрасных платьев.
Одевается богато,
Выбирает, что получше:
И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий выбрала налобник,
Ленту красную на косу.
Так пошла она оттуда
По лугам и по полянам,
По болотам и равнинам,
По лесам прошла дремучим,
А сама поет тихонько.
Проходя, она запела:
«Тяжелы мои печали
И тоска на бедном сердце!
Пусть тоска сильнее будет,
Тяжелей печали станут,
Когда, бедная, умру я
И с мучением покончу,
С этой тягостной печалью,
Бесконечной, горькой скорбью.
Да, теперь настало время,
Чтобы в темный гроб ложиться,
Чтоб сойти в жилище Маны,
Подойти к дверям Туони. [2]
Обо мне отец не плачет,
Мать родная не жалеет,
У сестры лицо не мокро,
И глаза у брата сухи,
Хотя я иду уж в воду,
Направляюсь в море к рыбам,
В глубину пучины темной,
В тину, смешанную с илом».
День она идет, другой день,
Наконец, уже на третий,
Достигает края моря,
Берегов, травой поросших.
Начинало уж смеркаться,
Небо темным становилось.
Там проплакала весь вечер
И всю ночь протосковала,
На пребрежном сидя камне,
У широкого залива.
Дождалась она рассвета,
Поглядела: там три девы
По волнам морским стремятся.
Айно легким, тихим шагом
Хочет к ним итти четвертой,
Подойти к ним пятой веткой.
Быстро сбросила рубашку,
На осину мечет платье
И чулки свои на землю,
Башмаки свои на камень,
На песок свой крупный жемчуг,
На прибрежный камень кольца.
Там надтреснутый утес был,
Он блестел в далеком море;
И к нему плывет девица,
До скалы доплыть стремится;
Но едва туда ступила,
Отдохнуть присесть хотела
На растрескавшемся камне,
На скале, блестевшей в море,
Как упал вдруг в воду камень,
Та скала на дно морское,

А с тем камнем и девица,
С тем утесом гладким — Айно.
Так та курочка упала,
Так погибла та бедняжка
И сказала, умирая,
С белым светом расставаясь:
«К морю я пошла купаться,
На волне морской качаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, отец мой милый,
Никогда, в теченье жизни,
Не лови в волнах здесь рыбы
На пространстве вод широких.
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться;
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда ты, мать родная,
Никогда, в теченье жизни,
Не бери воды в заливе,
Чтоб месить для хлеба тесто.
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться;
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, мой брат любимый,
Никогда, в теченье жизни,
Не пои коня ты в море
На несчастном этом месте.
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться;
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, моя сестрица,
Никогда, в теченье жизни,
Не мочи лица здесь в море
И не мой водою здешней.
Ведь все волны в этом море —
Только кровь из жил девицы;
Ведь все рыбы в этом море —
Тело девушки погибшей;
Здесь по берегу кустарник —
Это косточки девицы;
А прибрежные здесь травы
Из моих волос все будут».
Так та девушка скончалась,
Так та курочка исчезла.

Кто взялся бы дать известье,
Кто взялся бы молвить слово
В доме девушки прекрасном,
На родном дворе девицы?
Не медведь ли слово скажет
И возьмется ль дать известье?
Он не может дать известье:
На коров он нападает.
Кто взялся бы дать известье,
Кто взялся бы молвить слово
В доме девушки прекрасном,
На родном дворе девицы?
Уж не волк ли слово скажет
И возьмется дать известье?
Он не может дать известье:
На овец он нападает.
Кто взялся бы дать известье,
Кто взялся бы молвить слово
В доме девушки прекрасном,
На родном дворе девицы?
Не лисица ль слово скажет
И возьмется ль дать известье?
Нет, она не даст известья:
Лишь гусей подстерегает.
Кто взялся бы дать известье,
Кто взялся бы молвить слово
В доме девушки прекрасном,
На родном дворе девицы?
Разве заяц слово скажет
И возьмется дать известье?
Заяц так и отвечает:
«Да, за храбрым речь не станет!»
Вот бежит, несется заяц
К дому славному девицы.
Подбежал он быстро к бане,
У порога приютился.
А в той бане все девицы,
И в руке у каждой веник:
«Косоглазого мы сварим,
Лупоглазого изжарим
Мы хозяину на ужин,
А хозяюшке на завтрак,
Милой дочке на закуску,
А сынку обед сготовим».
Но им заяц так ответил,
Молвил громко пучеглазый:
«Пусть сюда приходит Лемпо,[3]
Пусть себе в котле варится!

Я пришел, чтоб вам поведать,
Чтоб сказать такое слово:
Ведь красавица погибла
И с монистом оловянным,
С пояском, обшитым медью,
Погрузилась в волны моря,
Чтоб сигам там быть сестрою
И подругой быстрым рыбам».
Принялась тогда мать плакать
И со скорбью молвит слово:
«Матери! Вы не качайте
Никогда, в теченье жизни,
В колыбели ваших дочек,
Не воспитывайте деток,
Чтоб насильно выдать замуж,
Как я, жалкая, качала
В колыбели мою дочку,
Дорогого мне цыпленка».
Она плакала, а слезы,
Слезы горькие сбегали
Из очей старухи синих
На страдающие щеки.
Вот бежит слеза, другая,
Слезы горькие стремятся
От щеки ее опавшей
До груди, страданья полной.
Вот бежит слеза, другая,
Слезы горькие стремятся
От груди ее усталой
На подол нарядный платья.
Вот бежит слеза, другая,
Слезы горькие стремятся
От краев нарядных платья
На чулок с прошивкой красной.
Вот бежит слеза, другая,
Слезы горькие стремятся
От чулка с прошивкой красной
На башмак, что вышит златом.
Вот бежит слеза, другая,
Слезы горькие стремятся
С башмака, что вышит златом,
Прямо под ноги старухи
В землю — и земле на благо,
В воду — и воде на благо.

Как стекли они на землю,
Три ручья образовали,
Потекли тремя реками
Слез печали материнской.
На реке такой, на каждой,
Водопады огневые,
А средь пены водопадов
Три скалы там поднялися;
Наверху скалы, на каждой,
Золотой поднялся холмик;
Наверху холма, на каждом,
Вырастало по березке;
На березках тех сидели
Золотые три кукушки.
Все три вместе куковали:
Та «любовь! любовь!» кукует,
Та «жених! жених!» покличет,
А там третья: «радость! радость!»
Что «любовь! любовь!» кукует,
Так три месяца кукует
Для девицы, что погибла
Без любви в волнах глубоких.
Что «жених! жених!» кукует,
Та шесть месяцев кукует
Жениху тому, который
В одиночестве остался.
А что кличет: «радость! радость!»,
Та всю жизнь кукушка кличет
Для той матери несчастной,
Что все дни в слезах проводит.
Мать несчастная сказала,
Услыхавши клич кукушки:
«Мать несчастная! не слушай
Слишком долго клич кукушки:
Как раздастся клич кукушки,
Сердце горестно забьется,
На глаза выходят слезы,
По щекам вода струится,
Как горох, бегут те капли,
Как бобы, идут большие;
Становлюсь на локоть старше,
Делаюсь на четверть ниже,
Тело все мое трепещет,
Лишь услышу клич кукушки».

Руна пятая

Вейнемейнен напрасно ищет Айно

Вот рассказаны уж вести,
Уж доставлено известье
О погибели девицы,
О кончине юной девы.
Старый, верный Вейнемейнен,
Все узнавши, стал унылым,
Плакал вечер, плакал утро,
Ночи целые проплакал,
Что красавица исчезла,
Что девица утонула
Средь широких вод шумящих,
В глубине, волной богатой.
Вот со вздохами, с заботой,
Он пошел с тяжелым сердцем
К морю синему на берег,
Говорит слова такие:
«Ты скажи, Унтамо [1] спящий,
Сны твои открой, ленивец:
Где живут родные Ахто, [2]
Где лежат Велламо [3] девы?»
И сказал Унтамо спящий,
Сны свои открыл ленивец:
«Вот родные где у Ахто,
Где лежат Велламо девы:
На мыске они туманном,
Там, на мглистом островочке,
В темноте морей глубоких
В тине илистой и черной.
Там живут родные Ахто
Там живут Велламо девы
И сидят в каморке узкой,
Посреди избушки тесной,
Там, под камнем полосатым,
Там, под выступом утеса».
Вышел старый Вейнемейнен,
Стал на лодочную пристань,
Взял он удочку тихонько,
Осмотрел он тихо лески,

Положил в мешок крючочки
И уду в карман запрятал.
Вот грести он сильно начал,
Лодку к острову направил,
На мысок туманный вышел,
На покрытый мглою остров.
Приготовился к уженью:
Леску длинную расправил,
Повернул уду рукою;
Он крючок закинул в воду,
Стал удить, таща за леску.
Медь удилища дрожала,
Серебро шуршало в леске,
И в шнурке шумело злато.
Рассветать на небе стало,
Зорька утренняя вышла.
За крючок схватилась рыбка,
За крючок железный — семга.
Быстро тащит рыбку в лодку
И на дно кладет тихонько.
Смотрит он, глядит на рыбку,
Говорит слова такие:
«Удивительная рыбка!
Никогда таких не видел,
Не встречал таких доселе
Удивительных я рыбок.
Не бывает сиг так гладок,
Не пестреет так пеструшка,
Щука — та не столь седая,
Чешуи у самки меньше,
У самца ж ее побольше.
Девушки повязки носят,
Пояс носят и русалки,
А у курочки есть уши;
Эта ж рыба — точно семга,
Точно окунь вод глубоких».
Был на поясе у старца
Нож в серебряной оправе.
Нож он с пояса снимает,
Вынул нож из светлых ножен,
Распластать он хочет рыбку
И разрезать эту семгу,
Из нее чтоб сделать завтрак,
Закусить пораньше ею,
Чтоб обед себе сготовить
И оставить часть на ужин.
Вот пластать он хочет рыбку
И брюшко пороть ей начал.
Быстро выскользнула семга,
В море бросилася рыбка,
В волны кинулась из лодки,
Из ладьи широкой старца.
Подняла из волн головку,
Правым боком показалась
На волне морской, на пятой,
При шестом станке у сети.
Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой
На седьмой полоске моря,
На валу зыбей девятом.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Не затем я выходила
Семгой, чтоб меня ты резал,
Чтоб распластывал ты рыбку,
Из меня чтоб сделал завтрак,
Закусил пораньше мною,
Чтоб обед себе сготовил
И поужинал бы, старый».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Так зачем ты выходила?»
«Для того я выходила,
Чтобы курочкой спокойной
На руки твои садиться,
Быть всю жизнь твоей женою,
Чтоб тебе постель готовить,
На постель чтоб класть подушку,
Убирать твое жилище,
Подметать полы в покоях;
Чтоб дрова носить в избушку,
Раздувать большое пламя,
Печь тебе большие хлебы
Да медовые лепешки,
Подносить и кружку пива,
Угощать тебя, чем хочешь.
Я совсем не семга моря
И не окунь вод глубоких:
Я — девица молодая,
Лукахайнена сестрица;
Ты меня искал так долго
И желал в теченье жизни.
Ах ты, старенький и жалкий,
Вейнемейнен безрассудный!
Мною ты не овладеешь,
Не тебе меня похитить;

Я — русалка у Велламо,
Я у Ахто лучше прочих».
Молвил старый Вейнемейнен,
Молвил грустный и унылый:
Ёукахайнена сестра ты!
О, вернись ко мне скорее!»
Не придет она обратно
Никогда в теченье жизни.
Быстро в волны погрузилась,
Быстро в море опустилась
Вниз, к каменьям полосатым
И к расщелинам гранитным.
Старый, верный Вейнемейнен
Поразмыслил и подумал:
Как же быть и что же делать?
Потащил свои он сети
Из конца в конец чрез волны;
Через бухты, чрез заливы,
По воде спокойной тащит,
Тащит чрез лососьи рифы,
Чрез потоки вод Вейнеле,
Через рифы Калевалы,
Чрез чернеющие бездны,
По бессветным глубям моря,
По речным водам Ёуколы [4].
Чрез лапландские заливы.
Много всяких рыб поймал он;
Из всех рыб, живущих в море,
Не поймал он только рыбки,
О которой, грустный, думал,
Не поймал он только семги,
О которой тосковал он,
Той русалочки Велламо,
Что у Ахто лучше прочих.
Тут-то старый Вейнемейнен
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась;
Сам сказал слова такие:
«О я глупый и безумный!
Человек я без рассудка!
Ведь мне дан же ум здоровый,
И рассудок мне дарован
И чувствительное сердце.
Прежде я имел все это,
А теперь уж все исчезло
В хилой старости печальной,
При упадке сил бывалых;
Мой рассудок точно умер,
Прозорливость отлетела,
Стал я вовсе бестолковым.
Ту, которую искал я
И желал в теченье жизни,
Ту русалочку Велламо,
Дочь младую вод шумящих,
Ту, которую хотел я
Получить подругой жизни,
Быстро удочкой поймал я
И втащил на лодку быстро.
Но ее не удержал я,
Не принес в мое жилище,
Упустил обратно в море,
В глуби темные морские,
Вниз, к каменьям полосатым
И к расщелинам гранитным».
И пошел он по дороге,
Озабоченно вздыхая.
Шел домой прямой дорогой,
Говорил слова такие:
«Пели некогда кукушки,
Мне кукушки пели радость,
Рано утром, поздно на ночь,
Иногда и в час полудня.
Как испортился их голос,
И погиб напев чудесный?
Грустью голос их надорван,
Унесло его унынье.
Не слыхать его призыва,
И, когда заходит солнце,
Нет вечерней мне отрады;
Не слыхать кукушки утром.
Не могу совсем понять я,
Как мне быть и что мне делать?
Как прожить мне в этом мире,
Как скитаться в здешнем крае?
Если б мать в живых осталась,
На земле жила родная,
Мне б тогда она сказала,
Что теперь с собою делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни мои плохие,
В эти дни тоски жестокой!»
Мать в могиле пробудилась,
Из воды в ответ сказала:
«Мать твоя не умирала,
Все еще жива родная,

Чтоб тебе поведать ясно,
Что теперь с собою делать,
Чтоб печали не поддаться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни твои плохие,
В эти дни тоски жестокой.
Много девушек в Похьёле.
Там найдешь девиц получше.
Вдвое лучше и красивей,
В пять и в шесть раз здоровее.
Не бездельниц из Ёуколы,
Не лапландок этих вялых, —
Там, мой сын, возьми жену ты,
Дочь прекрасную Похьёлы,
Чтоб лицом была прелестна,
Чтобы стан имела стройный,
Чтобы ноги были быстры,
Чтобы гибко было тело».

Руна шестая

Нападение Ёўкахайнена на Вейнемейнена

Старый, верный Вейнемейнен
Приготовился к отъезду
В те холодные селенья,
В вечно мрачную Похьёлу.
Мастью конь его похож был
На горох иль на солому.
Недоуздок он накинул,
На коня надел уздечку,
На спине коня уселся
И от дома отъезжает,
Гонит сильно по дороге,
Проезжает путь поспешно
На коне, что на солому
Иль горох походит мастью.
Гонит по полю Вейнеле,
По песчаной Калевале,
На коне он быстро скачет
От родной земли все дальше,
По хребту морскому едет,
По равнине вод открытых.
У коня копыта сухи,
На ногах не видно влаги.
Молодой же Ёўкахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
До сих пор был все озлоблен.
И копил на старца злобу.
Уж давно питал он зависть
К Вейнемейнену седому,
К мощным старца песнопеньям,
К вещим старца заклинаньям.
Лук он огненный устроил,
Выгиб сделал в украшеньях;
Лук он сделал из железа,
Выгиб он отлил из меди,
Золотом его украсил,
Серебра туда прибавил.
Где же он нашел веревку,
Тетиву он как устроил?

Взял он нитки льна у Лемпо,
Жилы лося взял у Хиси.[1]
Вот готов был выгиб лука,
И концы его готовы.
Был тот лук на вид прекрасен,
Должен был не мало стоить.
Наверху конек поставлен,[2]
По бокам бежит жеребчик,
Медвежонок спит на сгибе,
На зарубке дремлет зайчик.
Он вырезывает стрелы,
Трижды стрелы оперяет.
Он из дуба точит стержень,
Из смолистых веток кончик.
Уж он вырезал те стрелы
И тогда их оперяет
Тонким перышком касатки,
Воробьиными крыльями.
Закалил он эти стрелы,
А потом концы намазал
Ядовитым черным соком,
Что нашел в крови гадюки.
Так готовы были стрелы.
Натянул он лук свой крепкий;
Вейнемейнена все ждет он,
Поджидает друга моря.
Утром, вечером сидит он,
Стережет и в час полудня.
Вейнемейнена все ждет он,
Ждет его, не уставая,
Поджидает под окошком,
Стережет в углу забора,
Слушает в конце дороги
И высматривает в поле;
За спиной колчан повешен,
А в руках тот лук прекрасный.
Вот стеречь он дальше вышел,
От другого дома смотрит.
С края огненного мыса,
От излучины залива,
С водопада огневого,
От святой реки кипящей.
Наконец, однажды утром,
Он свои направил взоры
И на север, и на запад,
Повернул лицо он к солнцу —
Что-то черное заметил,
Что-то синее на море:
«То не облако ль с востока,
Не заря ли ранним утром?»
То не облако с востока,
Не заря то ранним утром —
Это едет Вейнемейнен,
Это едет вещий старец,
Заклинатель вековечный,
Вековечный песнопевец.
Он держал свой путь в Похьёлу,
В землю мрака направлялся,
На коне, что на солому
Иль горох похож был мастью.
Лук схватил тут Іўкахайнен,
Юноша дрянной лапландский;
Он схватил, пылая гневом,
И направил лук прекрасный
Вейнемейнену на гибель,
Чтоб скончался друг потоков.
Мать его тогда спросила,
Седовласая старушка:
«Для кого ты лук устроил,
Обложил его железом?»
Так ответил Іўкахайнен
И сказал слова такие:
«Вот зачем я лук устроил,
Обложил его железом:
Вейнемейнену на гибель,
Чтоб скончался друг потоков;
Вейнемейнена сражу я,
Заклинателя седого,
В сердце самое и в печень
И в лопатку я ударю».
Но стрелять не позволяет,
Запрещает мать старушка:
«Вейнемейнена не трогай,
Песнопевца Калевалы.
Рода славного тот Вейне,
Мне по шурину племянник.[3]
Если ты его застрелишь,
Песнопевца Калевалы,
То исчезнет в мире радость,
На земле погибнет песня;
Здесь на свете лучше радость,
На земле приятней песня,
Чем в полях Маналы темной,
Чем в жилищах Туонелы».[4]
Все же юный Іўкахайнен
Размышлял не очень долго,

6. Нападение Ёўкахайнена

Ненадолго он сдержался:
Бить одна рука велела,
Бить нещадно заставляла,
А противилась другая.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Пусть погибнет в мире радость,
Пусть исчезнут в мире песни —
Я стреляю без раздумья,
Я стреляю без боязни».
Вот натягивает лук он,
К левому колену тянет
В медь обитое оружье;
Стал на правое колено.
Из колчана взял он стрелку,
Оперенную он вынул;
Выбрал ту, что всех покрепче,
У которой стержень лучше;
К луку он ее приладил,
На льняную клал он нитку.
Наклоняет лук свой крепкий
И к плечу уже приподнял,
Хочет он стрелять свободно,
В старца он стрелу направил,
Говорит слова такие:
«Мчися, кончик из березы,
Будь прямей, сосновый стержень,
И скользи, льняная нитка;
Коль рука нацелит низко,
Пусть стрела идет повыше;
Коль нацелит слишком кверху,
Пусть стрела помчится ниже».
Вот за спуск он сильно дернул
И стрелу пустил поспешно;
Высоко стрела взлетела,
Через голову, на небо;
В облака она попала,
В быстро мчащиеся тучки.
Не печалясь, он стреляет;
Вот пустил стрелу вторую —
Полетела слишком низко,
Глубоко воткнулась в землю,
Землю всю пробить хотела,
Разнести весь холм песчаный.
Тотчас он пускает третью;
Та попала в селезенку
Вейнемейненова лося,
В быстрого коня вонзилась,
Что своей похож был мастью
На горох иль на солому,
Через мясо у подмышки,
Через левую лопатку.
И упал тут Вейнемейнен
Быстро пальцами во влагу
И руками в волны моря,
Кулаком упал на пену
Со спины лосиной синей,
С своего коня на волны.
Поднялся ужасный ветер,
В море сильное волненье,
Понесло оттуда старца,
От земли его отбило
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.
Начал хвастать Ёўкахайнен,
Так он громко восклицает:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Никогда, в теченье жизни,
Никогда ты не увидишь
Света месяца златого,
Ни полей твоих родимых,
Ни песчаной Калевалы!
Шесть лет ты по морю плавай,
На волнах семь лет качайся —
Восемь лет метаться будешь
На пространстве вод широких,
По открытому теченью:
Как сосна, на море — шесть лет,
И как ель, на волнах — семь лет,
Восемь лет, как пень древесный».
Вот в избу он воротился.
Мать его в избе спросила,
Седовласая старушка:
«Неужель сразил ты Вейне,
Сына Калевы убил ты,
Песнопевца Калевалы?»
Молвил юный Ёўкахайнен,
Дал в ответ такое слово:
«Да! Его уж поразил я,
Сына Калевы убил я.
Пусть он море расчищает,
Пусть метет проворно воды.
В волны илистого моря,
В мутные его потоки
Старый пальцами уперся.
Он упал на море локтем

И склонился прежде на бок,
А потом спиной улегся,
По морским волнам понесся,
По морской поплыл пучине».
Мать тогда сказала слово:
«Ты, несчастный, дурно сделал,
Поступил нехорошо ты,
Что стрелял ты в старца Вейне:
Сына Калевы убил ты
И героя Сувантолы,[5]
Украшение Вейнеле,
Песнопевца Калевалы».

Руна седьмая

Неудачное сватовство Вейнемейнена в Похьёле

Старый, верный Вейнемейнен
По волнам плывет глубоким,
Точно ветвь сосны блуждает,
Точно тощий сук от ели,
Шесть дней летних он несется,
Шесть ночей, без перерыва;
Перед ним морская влага,
А над ним сияет небо.
Он плывет еще две ночи,
Два длиннейших дня блуждает;
Наконец, девятой ночью,
Восемь дней когда минуло,
Старец чувствует досаду
И большое огорченье:
На персте не стало ногтя,
И на пальце нет сустава.
Тут-то старый Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Горе бедному мне мужу,
Горе мне, несчастья сыну!
Землю я свою оставил,
Из родной страны ушел я,
Чтоб теперь под вольным небом
Здесь блуждать и дни и ночи,
Чтоб меня метала буря,
Чтобы волны колыхали
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.
Холодно мне жить на море,
Оставаться здесь мне больно,
Постоянно меж волнами
По воде морской носиться.
И не знаю, как мне жить здесь,
Как мне на море держаться:
Времена пришли плохие
И конец приходит жизни.
На ветру ли дом построить,
На волнах свое жилище?

Коль на ветре дом построю,
Не найду опоры в ветре;
На воде избу поставлю —
Отнесет ее водою».
От лапландцев мчится птица,
Тот орел из места мрака.
Не из очень он великих,
Не из очень также малых:
Он крыло влачит по морю,
А другим достиг до неба,
И хвостом метет он волны,
Клювом в скалы ударяет.
Полетал, остановился,
Посмотрел он, оглянулся,
Вейнемейнена увидел
На спине морей широких.
«Отчего ты, муж, на море,
Богатырь, на влажных волнах?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Вот зачем я, муж, на море,
Богатырь, на влажных волнах.
Шел я свататься в Похьёлу
К деве Пиментолы [1] мрачной.
Быстро мчался я по морю,
Вдоль морской равнины славной,
И попал я днем однажды,
В час восхода, ранним утром,
На залив при Луотоле, [2]
На теченье при Ёуколе.
Там мой конь свалился мертвым,
И меня сразить хотели.
Я упал тогда на волны,
В воду пальцами уперся,
Чтоб меня метала буря,
Чтобы волны колыхали.
И подул с востока ветер,
Буря с севера, с заката,
Отнесла меня от суши
На пространство вод далеких.
Много дней я так качался
И ночей проплавал много
На пространстве вод обширных,
По открытому теченью.
Не могу никак придумать,
Не могу понять, постигнуть,
Как мне жизнь придется кончить,
Что со мною раньше будет:
Раньше ль с голоду погибну,
Иль в воде здесь утону я».
Отвечал орел небесный:
«Ты нисколько не печалься!
На спине моей усядься,
У хвоста, у самой кости,
Унесу тебя из моря,
Унесу, куда захочешь.
Хорошо тот день я помню,
Помню доброе то время:
У Калевы ты жег рощу,
И дубраву жег у Осмо;
Пощадил тогда березу,
Стройный ствол ее оставил,
Чтобы сам на ней сидел я,
Чтоб на ней я отдохнуть мог».
Тут-то старый Вейнемейнен
По волнам поплыл поспешно;
Из воды муж смело вышел,
Богатырь из волн поднялся,
На крыло к орлу уселся,
У хвоста, у самой кости.
Вот несет орел небесный
Вейнемейнена седого,
Он несет его по ветру,
По пути ветров весенних,
К дальним севера границам,
К той печальной Сариоле; [3]
Вейнемейнена спускает,
Сам шумит уже по ветру.
Вот заплакал Вейнемейнен,
Плачет, жалобно горюет
На краю морей широких,
Там на мысе незнакомом.
На боку сто ран имел он,
Ветра тысячу ударов,
Борода покрыта грязью,
Волоса лежат клоками.
Две и три проплакал ночи,
Дней проплакал ровно столько ж,
Но не мог найти дороги,
Хоть какой-нибудь тропинки,
Чтоб на родину вернуться,
На знакомую границу,
В ту страну, где он родился,
Где он прежде жил спокойно.
Белокурая служанка,
Малорослая, в Похьёле

7. *Неудачное сватовство*

Об заклад побилась с солнцем,
Чтобы с месяцем и солнцем
Утром вместе подыматься,
Просыпаться вместе с ними;
И пришла гораздо раньше,
Раньше месяца и солнца;
Петухи еще не пели,
И сын курочки не крикнул.
Пять овец она остригла,
Шесть ягнят остригла лучших;
Соткала сукна из шерсти,
Приготовила на платье
Перед утренней зарею,
Раньше, чем проснулось солнце.
Вот столы она помыла,
Пол дощатый подметает
Чистым веником ветвистым,
Многолистною метлою,
Сор на медную лопатку,
В кучу быстро собирает
И выносит сор наружу,
Из дверей выносит к пашне,
К краю пахотного поля,
За плетень бросает в угол
И стоит там возле сора;
Что-то слышит, обернулась:
Слышит, с моря плач несется
И от берега стенанье.
В дом к себе она уходит,
Быстро в горницу проходит
И, когда вошла, сказала,
Слово молвила такое:
«Я слыхала плач на море
И у берега стенанье».
Лоўхи,[4] севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
На свой двор идет поспешно
И к отворенным воротам;
Там прислушалась ко звукам,
Говорит слова такие:
«Так нигде не плачут дети,
Так и женщины не стонут,
Плачут так одни герои,
Бородатые мужчины».
Вот столкнула в воду лодку,
Многовесельную в волны,
И сама гребет поспешно,
С быстротой туда стремится,
Где горюет Вейнемейнен,
Богатырь могучий плачет,
Горько плачет Вейнемейнен,
И скорбит Увантолайнен,[5]
В ивняке плохом он плачет,
Посреди густой крушины,
Борода и рот трясутся,
Но уста его закрыты.
Молвит севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ах, старик ты бедный, жалкий!
Ты попал в чужую землю!»
Старый, верный Вейнемейнен
Поднял голову высоко,
Говорит слова такие:
«Сам уже я это знаю,
Что попал в чужую землю,
В незнакомые пределы;
Я на родине был лучше,
И стоял я дома выше».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«От тебя б я знать хотела,
И, позволь, тебя спрошу я:
Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Назывался я доселе
И досель всегда считался
Лишь вечернею отрадой,
Лишь певцом в родных долинах,
Посреди полей Вейнеле,
По песчаной Калевале.
А теперь в моем несчастьи
Сам себя не узнаю я».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Так из сырости ты выйди
И пройди ко мне тропинкой,
Расскажи свое несчастье
И судьбу свою поведай».
Вот его из места плача
И из места злой кручины
Лоўхи в лодку принимает,
На конец ладьи сажает,
А сама гребет поспешно,
Из всей силы правит лодкой,

Прямо едет в Сариолу,
На чужую старцу землю.
Там голодного кормила,
Платье мокрое сушила,
Жарко баню натопила,
Долго старца согревала;
Старец выздоровел скоро,
Стал герой опять здоровым.
Начала расспросы Лоўхи,
Говорит слова такие:
«Отчего так, Вейнемейнен,
Плакал ты, Увантолайнен,
В этой местности угрюмой,
На краю большого моря?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Есть для слез моих причина,
Есть для слез и для рыданья.
Я ведь долго в море плавал,
И меня там били волны
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.
Оттого так долго плачу
И, пока я жив, страдаю,
Что я родину оставил,
Из знакомых мне пределов
Прохожу в чужие двери,
В незнакомые ворота;
Тяжела мне здесь береза,
И ольха меня здесь режет,
Здесь деревья точно ранят,
Ветка каждая дерется.
Только ветер — мой знакомый,
Только солнце — друг мой прежний
Здесь в пределах чужеземных,
У дверей мне незнакомых».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, о Вейнемейнен,
Не горюй, Увантолайнен:
Хорошо б тебе остаться,
Проводить бы здесь все время,
Есть бы семгу на тарелке,
Есть бы также и свинину».
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Не прошу чужой я пищи,
Не прошу и самой лучшей;
Всего лучше людям дома
И стоит там всякий выше.
Ниспошли, о боже добрый,
Дай, творец, любовью полный,
Чтоб домой мне возвратиться,
В страны родины любимой!
Лучше ведь в краю родимом
И водица из-под лаптя,
Чем в стране чужой, далекой
Мед из чаши драгоценной».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Что ты дать мне обещаешь,
Если я тебя доставлю
На рубеж родного поля,
Довезу до самой бани?»
Молвил старый Вейнемейнен:
«А чего бы ты хотела,
Если ты меня доставишь
На рубеж родного поля,
Чтобы слышать клич кукушки,
Услыхать там птицы пенье —
Шапку золота ты хочешь?
Серебра ль возьмешь ты шляпу?»
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«О ты, мудрый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель!
Не забочусь я о злате,
В серебре я не нуждаюсь.
Золото — цветочки детям,
Серебро — коней убранство.
Должен выковать ты Сампо, [6]
Крышку пеструю сковать мне.
Взяв конец пера лебедки,
Молоко от той коровы,
Что яловою осталась,
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе.
Эту девушку отдам я,
Дочь мою, тебе в награду
И домой тебя доставлю,
Чтоб ты слушал там кукушку,
Чтоб ты слушал птички пенье
На краю родного поля».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Не могу ковать я Сампо,

Крышку пеструю устроить,
Но, когда домой приеду,
Илмаринена[7] пришлю я:
Пусть тебе скует он Сампо,
Крышку пеструю устроит,
Пусть он дочь твою получит,
Пусть ее составит счастье.
Он — кузнец, и первый в мире,
Первый мастер он в искусстве.
Ведь он выковал уж небо,
Крышу воздуха сковал он,
Так, что нет следов оковки
И следов клещей не видно».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Дочь мою тому отдам я,
Лишь тому я обещаю,
Кто сковать мне может Сампо,
Крышку пеструю украсит,
Взяв конец пера лебедки,
Молоко от той коровы,
Что яловою осталась,
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе».
Вот взнуздала жеребенка,
Запрягла гнедого в сани,
Вейнемейнена сажает,
Посадила старца в сани,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Головы не поднимай ты,
Не вытягивайся кверху,
Пока лошадь не устанет,
Не приблизится уж вечер.
Если голову поднимешь,
Если вытянешься кверху,
То тебя беда постигнет
И судьба постигнет злая».
Вот ударил Вейнемейнен
По коню и быстро мчится,
Опустил свободно вожжи,
Шумно едет по дороге
Из Похьёлы вечно мрачной
Из печальной Сариолы.

Руна восьмая

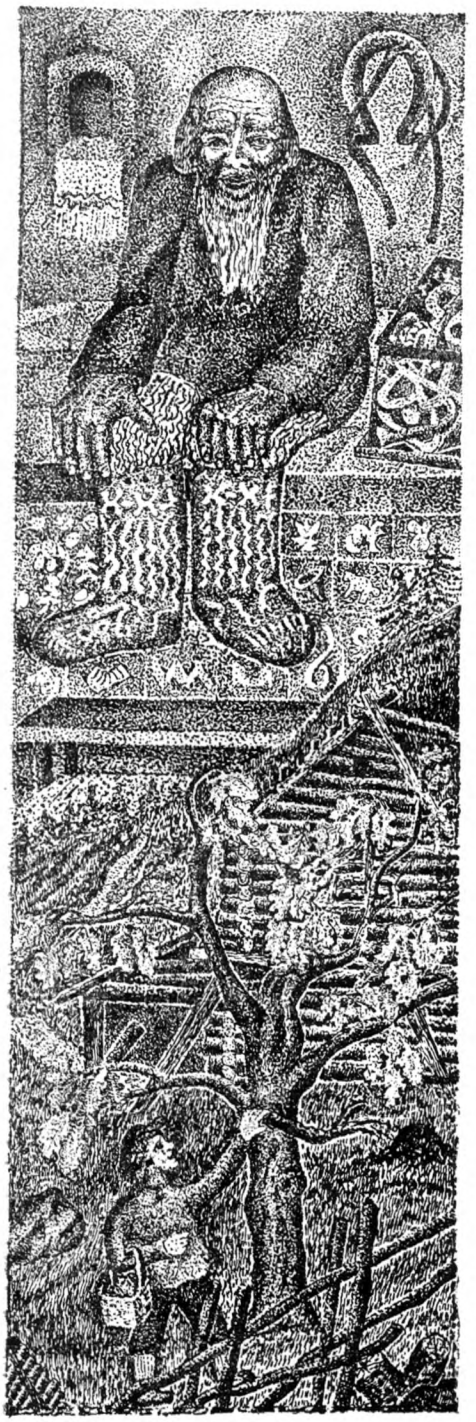
Вейнемейнен строит лодку для небесной девы и ранит себе ногу

Дева стройная Похьёлы,
Красота земли и моря,
На дуге сидит воздушной,
Там на радуге небесной,
В платье чистое одета,
В одеяньи белой ткани;
Ткет одежду золотую,
Серебром всю украшает,
Золотой челнок проводит
По серебряному берду,
И челнок, жужжа, стремится,
Быстро бегает катушка,
Быстро движется основа
И серебряное бердо
При тканье прекрасной девы,
Серебром прилежно ткущей.
Старый, верный Вейнемейнен
Шумно едет по дороге
Из Похьёлы вечно мрачной,
Из печальной Сариолы.
Недалеко он отъехал
И подвинулся немного,
Слышит: вот челнок по берду
Зажужжал над головою.
Старец голову приподнял
И взглянул туда на небо:
Вот стоит дуга на небе,
На дуге сидит девица,
Ткет одежду золотую,
Серебром всю украшает.
Старый, верный Вейнемейнен
Останавливает лошадь,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты сойди, девица, в сани,
Ты садись со мною рядом».
И ответ дала девица,
Так сказала и спросила:

«Что же я на этих санках,
Что, девица, буду делать?»
Старый, верный Вейнемейнен
Так потом ей отвечает:
«Ты затем сойди, девица,
Ты затем садись на сани,
Чтобы с медом печь мне хлебы.
Будешь пиво мне готовить,
На скамье споешь приятно,
У окна ты развлечешься,
Посреди полян Вейнеле,
По подворьям Калевалы».
Но девица отвечает,
Говорит слова такие:
«Я пошла на луг цветистый,
На желтеющее поле
Вечерком вчера пошла я,
Как уж солнце закатилось.
Вдруг я слышу пенье птички,
Слышу — дрозд поет на ветке
И поет девичьи думы
Да невесткино раздумье.
Я сказала доброй птичке,
У нее я так спросила:
«Ты скажи мне, милый дроздик,
Спой, чтоб было мне понятно,
Как на свете жить приятней,
Как прожить на свете лучше:
У отца ли жить девицей,
Или с мужем жить женою?»
Отвечает так синица,
Дрозд на ветке так щебечет:
«Летом дни теплы и ясны,
Но теплее жить девице;
Холодно зимой железо,
Холодней жене живется;
Дома девушка на воле —
Точно ягодка в поляне,
А жена при муже — точно
На цепи сидит собака.
Редко раб увидит ласку,
Но жена совсем не видит».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«То пустое птичье пенье,
И дрозда напевы глупы:
Вечно девушка — ребенок,
Только жен лишь уважают.
Ты сойди, девица, в сани,
Ты садись со мною рядом;
Я ведь — муж незаурядный,
Богатырь, других не хуже».
Молвит девушка разумно,
Говорит слова такие:
«Я тебя сочту героем
И тебя сочту я мужем,
Если ты разрежешь волос —
Но чтоб нож отточен не был,
Если ты яйцо завяжешь —
Но чтоб узел не был виден».
Старый, верный Вейнемейнен
Волос тотчас разрезает
Не отточенною сталью,
Лезвием совсем не острым;
Завязал яйцо он в узел,
И тот узел не был виден.
Просит девушку на сани,
Просит сесть там на сиденье.
Молвит девушка разумно:
«Я сойду к тебе на сани,
Если так обточишь камень,
Изо льда жердинки срежешь,
И не сыпались кусочки,
Чтоб пылинка не слетела».
Старый, верный Вейнемейнен
Не задумался нисколько.
Обточил он быстро камень,
Изо льда жердинки сделал,
И не сыпались кусочки,
И пылинка не слетела.
Вновь зовет он деву в сани,
Вновь девицу на сиденье.
Молвит девушка разумно,
Говорит слова такие:
«За того я замуж выйду,
Кто сработает мне лодку
Из обломков веретенца,
Из кусков моей катушки,
Пустит на воду ту лодку,
Новый челночек на волны,
Не толкнув ее коленом,
Не дотронувшись рукою,
Не вертя ручною кистью
И плечами не касаясь».
Молвил старый Вейнемейнен,
Он сказал слова такие:

«Никого здесь не найдется
Под небесной этой кровлей,
Кто, как я, построит лодку,
Кто ее, как я, сколотит».
Взял обломки веретенца,
Взял кусочки от катушки
И спешит устроить лодку:
Сто досок соединяет
На горе, богатой сталью,
На скале, железом полной.
Он сколачивает лодку
И работает прилежно.
День работает, другой день,
Уж работает и третий,
Топором не колет камень,
Лезвием скалу не рубит.
Вот на третьи сутки Хиси
Вдруг хватает топорище,
Лезвие хватает Лемпо,
Топорищу дает силу,
И топор к скале стремится,
Лезвие несется к камню;
Отскочил топор от камня,
Лезвие вонзилось в тело,
Мужу бедному в колено,
В палец на ноге у Вейне.
Лемпо режет старцу тело,
Жилы Хиси разрывает,
И кровь хлынула потоком,
Потекла изо всей силы.
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, топор остроконечный,
С лезвием железным гладким!
Ты б рубил одни деревья,
Воевал с косматой елью,
Направлялся к диким соснам,
Враждовал с березой белой,
А не в тело здесь врезался,
Разрубал живые жилы».
Начал старец заклинанья,
Говорит и вспоминает
Зол земных происхожденье;
Вспомнил каждое он слово,
Одного не вспомнит только:
Заклинаний о железе,
Чтоб из них повязку сделать,
Чтоб замок из них устроить
Этим ранам от пореза,
От железной синей пасти.
Уж ручьями кровь сбегает,
Как поток, стремится шумно,
Покрывает стебли ягод,
Залила траву в полянах,
Не осталось ни травинки —
Все покрыто было кровью,
Все залил поток могучий:
Он сбегал, бушуя грозно,
С богатырского колена,
С пальца на ноге у Вейне.
Старый, верный Вейнемейнен
Лишаи сдирает с камня,
Мох сбирает на болоте,
На земле срывает травы,
Чтоб закрыть отверстье злое,
Запереть большую рану;
Но все это бесполезно,
Кровь стремится с прежней силой.
Удрученный тяжкой болью,
Он страдает еще больше.
Старый, верный Вейнемейнен
Начинает горько плакать,
Заложил коня поспешно
И запряг гнедого в сани,
Сам на них с трудом поднялся,
Поместился на сиденьи.
Вот кнутом коня ударил
И стегнул хлыстом хорошим —
Бодро конь бежит оттуда,
Путь становится все меньше;
Так подъехал он к деревне,
А в деревне три дороги.
Старый, верный Вейнемейнен
Едет нижнею дорогой,
Стал у нижнего строенья,
У порога стоя, молвит:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Кто бы знал болезнь героя,
Исцелил герою рану?»
На полу сидел там мальчик,
У печи сидел ребенок,
Дал в ответ слова такие:
«Никого нет в этом доме,

Кто б лечил следы железа,
Мог унять герою боли,
Положить конец страданью,
Исцелить герою рану.
Где-нибудь найдешь, быть может;
Поезжай к другому дому».
Старый, верный Вейнемейнен
Вновь коня кнутом ударил,
Быстро едет по дороге;
Проезжает недалёко,
Едет среднею дорогой,
Стал у среднего строенья,
У порога стоя, молвил
И спросил перед окошком:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Удержал бы реку крови,
Жил потоки успокоил?»
Там, покрывшися, старушка
Перед печкою лежала
И ответила охотно,
Постучав тремя зубами:
«Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Крови знал происхожденье,
Успокаивал бы боли.
Где-нибудь найдешь, быть может;
Поезжай к другому дому».
Старый, верный Вейнемейнен
Вновь коня хлыстом ударил,
Быстро мчится по дороге,
Проезжает недалеко,
Едет верхнею дорогой,
Стал у верхнего строенья;
У порога стоя, молвил
И сказал он под навесом:
«Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Успокоил реку крови,
Положил конец потоку?»
Там старик седобородый
Наверху, на печке грелся;
Запищал оттуда старый,
Закричал седобородый:
«И не то еще сдержали,
И не то остановили
Три могучих божьих слова,
Повесть о вещей начале;
Так утихли водопады,
Реки, бурные потоки,
Также бухты у мысочков
И у узких кос заливы».



Руна девятая

Вейнемейнен исцеляется от раны

Вот поднялся Вейнемейнен,
Сам он быстро встал на санках
И без помощи выходит,
Без поддержки приподнялся,
Направляется в жилище,
Дальше в горницу проходит.
Из сребра приносят кружку,
Чашку ставят золотую,
Но она вмещает мало,
Незначительную долю
Вейнемейненовой крови
Из той раны богатырской.
Запищал на печке старый,
Закричал седобородый:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
Ведь семь лодок крови вышло,
Восемь кадок глубочайших;
Из колен твоих, несчастный,
Пролилася кровь на землю.
Много разных слов я знаю,
Но не знаю о начале
И рождении железа
И о первом росте стали».
Молвил старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Знаю сам начало стали
И рождение железа.[1]
Воздух — мать всему на свете,
Старший брат — водой зовется,
Младший брат воды — железо,
А огонь — их брат середний.
Укко, тот творец всевышний,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с сушей;[2]
Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.

Укко, этот бог небесный,
Протянул однажды руки
И потер их друг о друга
На своем колене левом;
Появились три девицы,
Эти дочери творенья,
Эти матери железа,
Также стали синеротой.
Вот пошли они, колышась,
В облаках они ступают,
Молоком полны их груди,
И сосцы отяжелели.
Молоко течет на землю.
Грудью полной орошают
Девы землю и болота,
Тихо дремлющие воды.
Каплей черною стекает
Молоко у девы старшей,
У второй же девы средней,
Каплей белою стекает,
А у той, что всех моложе,
Каплей красною сбегает.
И из черных этих капель
Вышло мягкое железо;
Где же белые упали,
Сталь упругая явилась;
А из красных капель вышло
Только хрупкое железо.
Так недолго продолжалось.
Вот железо захотело
Брата старшего увидеть,
Завести с огнем знакомство.
Но огонь бушует страшно
И растет с ужасной силой,
Сжечь несчастного он хочет,
Брата младшего — железо.
И железо убегает
И спасается поспешно
От руки огня ужасной,
От его коварной пасти.
И бежит оно далеко,
Для себя защиты ищет
В зыбких топях и болотах
И в потоках быстротечных,
На хребте болот обширных
И в обрывах гор высоких,
Где несут лебедки яйца,
Где сидят на яйцах гуси.
И в болоте, под водою,
Распростерлося железо,
Там скрывается два года,
Там скрывается и третий,
Между пнями двух деревьев,
Между трех корней березы.
Но совсем не убежало
От огня объятий диких,
И еще ему пришлося
Увидать огня жилище,
Чтобы там в мечи и копья
Превратиться от каленья.
По болоту волк стремится,
Из лесу медведь там бродит,
И колышет волк трясину,
И медведь болото топчет.
Поднимается железо,
И выходят прутья стали,
Где ступает волк ногою,
Где медведь ступает лапой.
Вот родился Илмаринен,
Он родился, подрастает.
На горе углей родился,
Рос на угольной поляне,
И в руке он молот держит,
В кулаке щипцы сжимает.
Темной ночью он родился,
Днем же кузницу он строит,
Место кузнице он ищет,
Где мехи свои поставить.
Увидал сырую землю,
То болото все в холмочках;
Поглядеть туда идет он,
Рассмотреть вблизи болото;
Ставит там свое горнило,
И мехи он размещает.
По следам идет он волчьим,
По следам медвежьей лапы,
Видит отпрыски железа,
Видит прутья синей стали
На следах глубоких волка,
На следах больших медведя.
Говорит слова такие:
«О ты, бедное железо!
Здесь тебе плохое место,
Ты лежишь здесь очень низко,
Где идут болотом волки,
Где медведь ступает лапой!»

Он подумал и размыслил:
«А что будет, если брошу
Я в огонь железо это,
Положу его в горнило?»
Испугалося железо,
В ужасе оно трепещет
Пред безумной силой жара,
Как услышало те речи.
И кователь Илмаринен
Молвил: «Этого не будет:
Не сожжет огонь родного,
Другу он вредить не будет.
Ты пойдешь к огню в жилище,
Где живет, укрывшись, пламя:
Там ты вырастешь прекрасно,
Там ты сделаешься сильным,
Станешь ты мечом для мужа
И застежками для женщин!»
В тот же день и в тот же вечер
Из болот железо взяли,
Там на дне его отрыли,
Принесли его к горнилу.
Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила
И мехи привел в движенье,
Трижды дуть их заставляет.
Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Точно тесто из пшеницы
Иль для черных хлебов тесто,
Там, в огне кузнечном сильном,
В ярком пламени горнила.
И воскликнуло железо:
«О, кователь Илмаринен!
Унеси меня отсюда,
Здесь меня терзает пламя».
Так ответил Илмаринен:
«Коль теперь отсюда выйдешь,
Будешь ты для всех ужасно,
Станешь диким, беспощадным,
Своего порежешь брата,
Сына матери поранишь».
Поклялось тогда железо,
Поклялось сильнейшей клятвой
Пред горнилом, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Есть деревья для пореза,
Можно рвать у камня сердце;
Я не буду резать брата,
Сына матери не трону;
Жизнь моя приятней будет
И житье мое привольней,
Если к людям попаду я,
Послужу ручным орудьем
И не буду брата резать
И родных не стану ранить».
И кузнец тот, Илмаринен,
Тот кователь вековечный,
Из огня железо тащит,
Положил на наковальню,
Бьет его, чтоб стало мягче,
Вещи острые кует он,
Топоры кует и копья,
Разные другие вещи.
Но еще железу мало,
Надо бедному прибавить:
Не готов язык железа,
И не вырос рот у стали,
И железо не окрепло,
Не намочено водою.
И кователь Илмаринен
Сам об этом поразмыслил,
Положил золы немного,
Чуть-чуть щелоку прибавил
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.
Языком он смесь отведал,
В мыслях верно обсуждает,
Говорит слова такие:
«Эта смесь не обратится
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа».
От земли пчела летела,
Синекрылая из травки;
Полетав, остановилась
У кузнечного горнила.
И кузнец промолвил слово:
«Пчелка, быстрый человечек!
Принеси медку на крыльях,
Языком достань ты сладость
Из шести цветочных чашек,
Из семи верхушек травных,
Чтобы сталь здесь изготовить,
Чтобы выправить железо».

Слышит шершень, Хиси птичка,
Услыхал он эти речи:
С кровли кузницы смотрел он,
На бересте кровли сидя,
Как калилась сталь в горниле,
Как готовилось железо.
С быстротой летит оттуда,
Сыплет ужасами Хиси
И приносит змей шипенье,
Черный яд ехидны злобной,
Муравьиный яд приносит
И сокрытый яд лягушки
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.
А кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Пораздумал и помыслил,
Что та пчелка, прилетевши,
Сладкий мед ему приносит,
Доставляет мед сотовый;
Он сказал слова такие:
«Принесла ты слишком много
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа».
Сталь туда он погружает,
Погружает и железо,
Из огня железо вынув,
Из горнила сталь поднявши.
Вышла сталь оттуда злою,
Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;
Без пощады режет брата
И родных с ужасной злобой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом».
Закачал на печке старый
Бородой и головою:
«Знаю я теперь начало
И коварный нрав железа.
Злое, жалкое железо,
Ты, изгарина дрянная,
Сталь с могуществом ужасным!
Так-то ты росло на свете,
Так-то сделалось ты страшным,
Чересчур уже великим!
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Красоты ты не имело,
Прежде силы ты не знало:
Молоком новорожденным
Ты покойно исходило
Из сосцов прекрасных девы,
Из девичьей полной груди
На краю обширной тучи,
Посредине небосвода.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как ты было словно влага,
Словно струйка ключевая
На хребте болот широких;
У крутой скалы, в уступе,
Ты комком земли лежало,
Ты лежало пылью ржавой.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тогда тебя в болоте
И олень, и лось топтали,
Как тебя давили волки,
И медведь царапал лапой.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тебя из топи вынул,
Потащил из почвы черной
И на кузницу доставил
Прямо к горну Илмаринен.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как ты кучей там шипело,
Кипятком ты клокотало
В страшном огненном пространстве,
Как клялось ты страшной клятвой
Перед горном, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Пред горячим дном горнила,
Где кузнец тогда работал.
Ты теперь великим стало,
Сильной ярости достигло,
Клятву страшную забыло,
Честь свою, как пес, ты съело:
Свой же род ты полосуешь
И своих родных кусаешь!
Кто ж тебя ко злу понудил,
Кто внушал дела дурные?
Твой отец иль мать родная,
Был ли то твой брат старейший,

Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?
Не отец, не мать родная
И не брат родной старейший,
Не сестра твоя меньшая
И никто другой из рода;
Ты само — источник бедствий;
Ты — начало дел ужасных.
Посмотри свою работу
Да приди беду поправить;
Иль скажу твоей родимой
И пожалуюсь старухе.
Много матери заботы,
Тяжело бывает старой,
Если сын дурное сделал,
Если дерзко поступил он.
Кровь! довольно изливаться!
Ты не бей струею теплой,
Перестань на лоб мне брызгать,
Обливать мне грудь потоком;
Как стена, ты стань недвижно,
Как забор, ты стой покойно,
Стой, как меч, упавший в море,
Как во мху стоит осока,
Как стоит на поле глыба,
Как скала средь водопада.
Если ж непременно надо,
Чтобы быстро ты стремилась,
Ну, так двигайся ты в мясе,
По костям ты бегай быстро:
Там тебе гораздо лучше,
В коже много превосходней
Пробегать тебе по жилам,
По костям передвигаться,
Чем на землю изливаться,
Перемешиваться с пылью.
Молоко, не лейся в землю.
На траву не изливайся,
Ни на дерн, мужей украса,
Ни на холм, героев злато:
Проживать должно ты в сердце,
В легких погреб свой устроить.
Поспешай туда обратно,
Возвратись туда скорее.
Нет нужды ручьем стремиться
И широко разливаться
Или бить ключом болотным,
В поле лужей расстилаться.
Смирно стой, не изливайся,
Кровь ты красная, не лейся,
Будь смирна, сама сдержися;
Водопад на Тюрье [3] стал же,
Мертвецов поток сдержался,
Море высохло и небо
В лето засухи великой,
В год огня, мучений полный.
Если ж этому не внемлешь,
Я пути другие знаю,
Знаю я, чего искать мне:
Я возьму котел у Хиси,
Чтобы кровь в нем поварилась;
Там она калиться будет,
И не вытечет ни капли,
Красный сок не будет литься,
Не падет уж кровь на землю,
Не польет, свистя, из раны.
Или я не муж уж больше
Иль, сын старца, не герой я,
Чтоб сдержать стремленье крови,
Запрудить из жил потоки?
О! так есть отец высокий,
Есть творец, живущий в тучах;
Из мужей он самый сильный,
Из героев самый мощный:
Крови рот зашить он может,
Он уймет ее стремленье.
Укко! Ты, творец всевышний,
Ты, отец и бог небесный,
Снизойди: тебя мне нужно!
Снизойди: тебя зову я!
Ты сдави рукою сильной,
Нажимай ты толстым пальцем,
Да покрепче, эту рану
И запри отверстье злое,
Положи листочков нежных
И рассыпь цветы златые,
Чтоб закрыть дорогу крови,
Запрудить ее потоки,
Чтоб она не шла на платье,
В бороду мне не лилася».
Так потоки укротил он,
Запрудил дорогу крови.
Сына в кузницу послал он,
Чтобы мази приготовить,
Взяв травы волокон нежных
И в цвету тысячелистник,

Взяв медовых сладких капель
Да собрав частицы сотов.
Мальчик в кузницу уходит,
Чтобы мази приготовить.
На пути он дуб встречает
И у дуба вопрошает:
«Есть ли мед в ветвях широких,
На коре дубовой соты?»
Отвечает дуб разумно:
«Да, вчера еще мед капал
По ветвям моим широким,
Мед повис в моей вершине,
С облаков упав шумящих,
С тех барашков благовонных».
Взял он щепочку от дуба,
Крошку мягкой древесины,
Много трав собрал хороших,
Злаков самых разновидных,
Что не только в этом крае,
Но и в прочих неизвестны.
Положил в огонь горнила,
Смесь он крепкую составил
Из щепы коры дубовой
И из трав, прекрасных видом.
Вот шумит котел кипящий,
Он кипит под ряд три ночи
И под ряд три дня весенних.
Смотрит мальчик: что-то вышло.
Хорошо ли мазь вскипела,
Не годится ли уж средство?
Мазь однако не готова,
Не такое вышло средство.
Трав еще он в смесь прибавил,
Злаков самых разновидных,
Что в иных местах, далеких,
Миль за сотню, собирали
Девять сильных чародеев,
Восемь знахарей могучих.
Он еще три ночи варит,
Варит девять ночек сряду
И с огня котел снимает.
Смотрит мазь он осторожно:
Средство нужное поспело ль,
Мазь волшебная готова ль?
Там ветвистая осина
На краю росла поляны,
Очень сильно подломившись
И совсем почти упавши.
Он ее помазал смесью
И потер волшебной мазью,
Сам сказал слова такие:
«Через то, что этой мазью
Кривизну я здесь покрою,
Перелом я здесь помажу,
Пусть осина исцелится,
Пусть еще красивей станет».
Вдруг поправилась осина
И еще красивей стала:
Поднялась вершина стройно,
Укрепился ствол высокий.
Стал он мазать этой мазью,
Покрывать волшебным средством
И расколотые камни,
И рассевшиеся скалы:
Вновь срастались половины,
И куски соединялись.
Мальчик кузницу оставил,
Мазь целительную сделав;
Приготовив это средство,
В руки старому он подал:
«Вот состав с большою силой,
Вот испытанное средство:
Крепко сплачивает горы,
Быстро связывает скалы».
На язык кладет мазь старый,
В рот берет для испытанья
И находит средство годным,
Эту мазь вполне удачной.
Вейнемейнена он мажет,
Лечит все следы ранений,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет мазью посредине;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Не своей иду я плотью,
Плотью творческой иду я;
Не своей стремлюся силой,
Силой мощного стремлюся;
Не мои уста здесь молвят,
Молвлю вышнего устами;
И в моих устах есть милость,
Но уста творца богаче;
И в моей руке есть прелесть,
Но рука творца прекрасней».
Только он помазал мазью,
Только средство приложил он,

Вдруг стал корчиться от боли
И свалился Вейнемейнен:
Он туда, сюда вертится,
Но покоя не находит.
Изгоняет старый боли,
Гонит сильные мученья,
Шлет их внутрь горы болезней
И наверх холма мучений,[4]
Чтобы камни заболели,
Чтобы мучились утесы.
Ленты шелковые взял он,
Режет ленты он на части,
Рвет полоски друг от друга,
Сделал старый перевязки;
Обвязал он этим шелком,
Обмотал весьма искусно
Вейнемейнена колено
И больной героя палец.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Божий шелк бинтом здесь служит,
Лента божья — перевязкой
На колене славном мужа
И на пальце, полном силы.
Ты взгляни, о бог прекрасный,
Защити, творец могучий,
Чтобы нам не ведать бедствий,
Чтобы нам не знать несчастий».
Старый, верный Вейнемейнен
Скоро помощь ощущает
И становится здоровым.
Тело стало вновь красивым,
Снизу стало исцеленным
И внутри вполне окрепшим,
И с боков неповрежденным,
И снаружи без порезов,
Превосходнее, красивей,
Чем когда-либо бывало.
Уж ступить ногою может,
Может он сгибать колено,
Без малейшей даже боли,
Безо всяких затруднений.
И поднялся Вейнемейнен,
В высоту вперяет очи,
Смотрит с радостью великой
Через голову на небо;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Да, оттуда сходит милость,
Помощь верная оттуда,
Вот оттуда, с выси неба,
От творца с могучей силой.
Да прославится создатель,
Да восхвалится всевышний!
Ниспослал свою он помощь,
Дал он мне свою защиту
При моих ужасных болях,
При страданьях от железа».
Молвил старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Ты, народ, что после будешь,
Племя, что потом возникнешь!
Челнока на спор не делай,
Не хвалися понапрасну:
Только бог кончает дело,
Лишь творец конец дарует;
Без него герои слабы,
Руки сильного бессильны».

Руна десятая

Ильмаринен выковывает Сампо

Старый, верный Вейнемейнен
Своего коня выводит,
Жеребца взнуздал поспешно.
Он запряг гнедого в сани,
Сам в санях тогда уселся,
Поместился на сиденьи.
Он коня кнутом ударил;
Сильно хлопнул кнут жемчужный:
Быстро конь бежит дорогой,
Лишь мелькает та дорога,
И стучат саней полозья,
Да трещит дуга сухая.
Он оттуда мчится с шумом
По полям и по болотам,
По равнинам и полянам;
День он едет и другой день,
Наконец, уже на третий,
Он подъехал к переправе,
На границу Калевалы,
На межу поляны Осмо.
Там сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Волк! сожри того сонливца,
Ты, болезнь, убей лапландца!
Он сказал мне, будто дома
Своего я не достигну
Никогда в теченье жизни
И, пока сияет месяц,
Не увижу ни Вейнеле,
Ни песчаной Калевалы».
Начал старый Вейнемейнен,
Начал петь весьма искусно
И напел златую елку —
Верх и ветви золотые,
Поднялась вершиной в небо,
Уперлася прямо в тучи,
Распростерлись в воздух ветви,
Растянулися до неба.

Он поет и заклинает,
И выходит светлый месяц
На златой верхушке ели,
И Медведица на ветках.[1]
Едет шумно он оттуда,
Мчится прямо в край родимый,
Опустив главу, печальный,
Шапка на сторону сбилась,
Ибо сильный Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Им обещан как заложник,
Чтоб главу свою избавить,
В вечно мрачную Похьёлу,
В край туманный Сариолы.
Удержав коня поспешно
На поляне новой Осмо,
Вышел старый Вейнемейнен
Из саней, пестревших краской.
Слышны в кузнице удары,
В доме угля слышен молот.
Старый, верный Вейнемейнен
Тотчас к кузнице подходит,
Ильмаринена там видит.
Тот, не мешкая, работал.
Молвил старцу Илмаринен:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Где так долго оставался,
Где так долго, старый, прожил?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Вот где прожил я так долго,
Где все время оставался:
В вечно сумрачной Похьёле,
В той туманной Сариоле;
Я в Лапландии там прожил,
Средь лапландских чародеев».
Молвил старцу Илмаринен
И сказал слова такие:
«О ты, старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель!
Расскажи о том, как жил ты,
Как на родину вернулся».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Расскажу тебе я много.
Есть на севере девица,
Там в селе холодном дева;
Жениха она не ищет,
Мужа славного не хочет.
Половина всей Похьёлы
Славит дивную девицу:
Лунный свет с висков струится,
И с груди бежит свет солнца,
С плеч Медведицы сиянье,
Со спины свет семизвездный.
О кузнец ты, Илмаринен,
Вековечный ты кователь!
Увези, пойди, девицу,
Посмотри, пойди, на косы:
Если выкуешь ты Сампо,
Крышку пеструю украсишь,
Ты возьмешь в награду деву,
За работу ту девицу».
Отвечает Илмаринен:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Я тобой уже обещан
В вечно мрачную Похьёлу,
Чтоб главу твою спасти мне,
Самого тебя избавить!
Не пойду, пока живу я,
И пока сияет месяц,
В избы мрачные Похьёлы,
В те жилища Сариолы,
Где герои погибают,
И где мужи увязают».
Молвил старый Вейнемейнен,
Он сказал слова такие:
«Есть еще большое чудо.
Ель растет с главой цветущей
И с ветвями золотыми
На краю поляны Осмо:
На вершине светит месяц
И Медведица на ветках».
Отвечает Илмаринен:
«Я не верю, чтоб то было,
Если сам я не увижу,
Не взгляну я сам глазами».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Если ты не хочешь верить,
Так пойдем туда, посмотрим:
Правда это иль неправда».
Вот выходят, чтоб увидеть
Эту ель с главой цветущей.
Впереди шел Вейнемейнен,
А за ним шел Илмаринен;
И когда пришли на место,
На рубеж поляны Осмо,

Подошел кузнец поближе
На ту ель полюбоваться,
Где Медведица на ветках,
Ясный месяц на верхушке.
Молвил старый Вейнемейнен,
Он сказал слова такие:
«Полезай наверх, мой братец,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
С золотой сосны верхушки».
Тут кователь Ильмаринен
Лезет высоко на елку,
На небесный свод стремится,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
С золотой верхушки ели.
Ель его предупреждает,
Золотая ему молвит:
«Муж ты, разумом богатый,
Богатырь без всякой сметки!
Лезешь, глупый, ты на ветви,
Точно мальчик, на вершину,
Чтобы снять поддельный месяц
И поддельное созвездье».
Тотчас старый Вейнемейнен
Начал петь, как мог, сильнее,
Чтоб поднялся бурный ветер,
Всколыхался страшно воздух;
Сам сказал слова такие
И такие молвил речи:
«Унеси его, о ветер,
На своей неси ты лодке,
Быстро мчи, чтоб он домчался
В вечно мрачную Похьёлу».
Сильно буря зашумела,
Разрывает страшно воздух,
Ильмаринена уносит,
Быстро мчит его оттуда
К вечно сумрачной Похьёле,
К той туманной Сариоле.
Так понесся Ильмаринен,
Так спешит оттуда дальше,
По дороге ветра едет,
По стезе воздушной свежей,
Выше месяца, над солнцем,
Над Медведицей широкой.
У двора Похьёлы стал он,
Возле бани Сариолы —
Псы его не услыхали,
Брехуны не осадили.
Лоўхи, севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
На дворе сама стояла;
Говорит слова такие:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
По пути ветров пришел ты,
По стезе саней воздушной,
И не лаяла собака,
Не видал брехун косматый».
Отвечает Ильмаринен:
«Не затем сюда пришел я,
Чтоб меня рвала собака,
Искусал брехун косматый
У дверей мне незнакомых,
У входных ворот, мне чуждых».
Тотчас севера хозяйка
У пришельца вызнать хочет:
«Не знавал ли ты, быть может,
Или ты, быть может, слышал:
Ильмаринен есть кователь,
Он — кузнец весьма искусный;
Уж давно мы ждем его здесь,
Уж давно желаем видеть
В дальних северных пределах,
Чтоб он выковал нам Сампо».
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
«С кузнецом знаком я, точно,
Ильмаринена я знаю:
Сам я — это Ильмаринен,
Я — кузнец весьма искусный».
Лоўхи, севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
Быстро в горницу уходит,
Говорит слова такие:
«Дочь моя, что всех моложе,
Что детей моих всех лучше!
Нарядись получше нынче,
Ты надень красивей платье,
Ты навесь прекрасный жемчуг:
На груди клади красивей,
Назади клади почище,
На височках попестрее.
О румянце щек подумай
Да о блеске глаз помысли:

Ведь кузнец-то к нам уж прибыл.
Знаменитый Илмаринен,
Чтобы выковать нам Сампо,
Крышку пеструю устроить».
Дочь прелестная Похьёлы,
Красота земли и моря,
Набрала получше платьев,
Что почище из одежды,
Их надела друг за дружкой,
Головной убор надела,
Медные взяла застежки,
Золотой прекрасный пояс.
Кладовую оставляет,
Со двора проходит в избу:
Красотой глаза блистают,
Вся она стройна, красива,
Все лицо ее сияет,
На щеках румянец алый,
На груди сверкает злато,
Серебро в кудрях блистает.
Тут сама хозяйка Лоўхи
Илмаринена проводит
В обиталище Похьёлы,
Прямо в избу Сариолы;
Кормит досыта пришельца
И дает довольно выпить,
Угощает превосходно
И слова такие молвит:
«О кузнец ты, Илмаринен,
Вековечный ты кователь!
Можешь ты сковать мне Сампо,
Крышку пеструю устроить,
Взяв конец пера лебедки,
Молока от той коровы,
Что яловою осталась,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив?
Ты тогда возьмешь в награду
За работу мою дочку».
Отвечает Илмаринен,
Говорит слова такие:
«Я скую, конечно, Сампо,
Крышку пеструю устрою,
Взяв конец пера лебедки,
Молока от той коровы,
Что яловою осталась,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив.
Я ведь выковал же небо,
Кровлю воздуху сковал я
Раньше всякого начала,
Раньше, чем что-либо было».
Вот идет ковать он Сампо,
Крышку пеструю устроить,
Просит места для работы,
Ищет он вещей кузнечных;
Не нашел такого места,
Нет там кузницы, мехов нет,
Наковальни нет и горна,
Молотка и колотила.
И промолвил Илмаринен,
Говорит слова такие:
«Сомневаться могут бабы,
Не кончают дел бедняги,
А не муж, хотя поплоше,
Не герой, хоть послабее».
Ищет места для горнила,
Для мехов своих местечка,
Ищет в той стране обширной,
По краям полей Похьёлы.
Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Увидал он пестрый камень,
Увидал утес пригодный.
Там кузнец остановился,
Там огонь себе разводит.
В первый день меха он ставит,
На другой день — наковальню.
Вот кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Все припасы бросил в пламя,
Вещи нужные в горнило,
У мехов рабов поставил,
Чтоб огонь они раздули.
И мехи рабы качают,
Раздувают сильно угли.
Так три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;
Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах.
Вот на первый день нагнулся
Тот кователь Илмаринен;
Он нагнулся, чтоб увидеть
На пылавшем дне горнила,
Что из пламени там вышло,
Из огня что поднялося.

Лук из пламени явился
С золотым сияньем лунным;
Серебром концы блестели,
Рукоятка — пестрой медью.
Был по виду лук прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.
Сам кователь Илмаринен
Не обрадовался луку:
Пополам он лук ломает
И бросает снова в пламя,
Поддувать рабам велит он
Изо всей стараться силы.
На другой день вновь нагнулся
Тот кователь Илмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка темной краски,
Борт весь золотом украшен,
И уключины из меди.
Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шел в сраженье,
Биться шел без приказанья.
Сам кователь Илмаринен
Не обрадовался лодке:
Изломал ее он в щепки
И бросает лодку в пламя,
Поддувать рабам велит он,
Изо всей стараться силы.
Вот на третий день нагнулся
Тот кователь Илмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня корова вышла,
У нее рога златые,
Среди лба у ней созвездье,
Меж рогов сияет солнце.
Хороша корова с виду,
Но у ней дурное свойство:
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю.
Сам кователь Илмаринен
Не доволен той коровой:
Режет в мелкие кусочки
И в огонь ее бросает,
Поддувать рабам велит он,
Изо всей стараться силы.
На четвертый день нагнулся
Тот кователь Илмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня там плуг выходит;
У него сошник из злата,
Стержень из красивой меди
И серебряная ручка.
С виду был тот плуг прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Он пахал поля чужие,
Бороздил соседний выгон.
Сам кователь Илмаринен
Не обрадовался плугу:
Быстро плуг в куски ломает
И бросает снова в пламя,
Заставляет дуть он ветры,
Заставляет дуть он бурю.
Быстро ветры зашумели;
Дует западный, восточный,
Сильно дует ветер южный,
Страшно северный бушует;
Дуют день, другой день дуют,
Третий день бушуют ветры,
Из окошка мчится пламя,
Из дверей несутся искры,
К небу мчится туча гари,
Дым смешался с облаками.
Ильмаринен, тот кователь,
Вновь на третий день нагнулся
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Видит: Сампо возрастает,
Крышка пестрая возникла.
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Стал тогда ковать скорее,
Молотком стучать сильнее,
И выковывает Сампо,
Что муку мололо б боком,
А другим бы соль мололо,
Третьим боком много денег.
Вот уж выковано Сампо,
Крышка пестрая готова:
На рассвете мелет меру,
Мелет меру на потребу,

А другую — для продажи,
Третью меру — для запаса.
Рада севера старуха.
Отнесла большое Сампо,
Отнесла в утес Похьёлы,
В гору крепкую из меди;
С девятью гора замками.
Корни там пустило Сампо
В глубину на девять сажен;
И один шел корень в землю,
А другой — на берег моря,
Третий корень — в глубь утеса.
Все устроив, Ильмаринен
Кротко просит о девице,
Говорит слова такие:
«Ты отдашь ли мне девицу,
Ибо Сампо уж готово,
Крышка пестрая прекрасна?»
Дева чудная Похьёлы
Так сама ему сказала:
«Кто же будет в год ближайший
И на будущее лето
Заставлять кукушку кликать,
Коли буду на чужбине?
Если б курочка пропала,
Затерялася брусничка,
То исчезла б и кукушка.
Упорхнули б быстро птички
С высоты родимой горки,
Со спины холма родного.
Никогда на этом свете
Я не брошу дней девичьих,
Ни занятий, ни заботы,
И страды не брошу летней:
Целой ягода б осталась
И не полным песен берег
И не пройденным лесочек,
Не играла бы я в роще».
И кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Клонит голову, печальный,
Шапка на сторону сбилась;
Хочет он теперь размыслить,
Как ему домой уехать
Из Похьёлы вечно мрачной,
Из туманной Сариолы.
Молвит севера хозяйка:
«О кователь Ильмаринен!
Отчего такой ты грустный,
Сбил ты на сторону шапку?
Иль ты мучаешься думой,
Как бы родины достигнуть?»
Говорит так Ильмаринен:
«Да! К тому стремятся мысли,
Чтоб на родине скончаться,
Там найти покой последний».
Ильмаринена хозяйка
Накормила, напоила,
Посадила на нос лодки,
Веять ветер заставляет.
Так кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Едет к родине любимой
По потокам в синем море.
Едет день, другой день едет.
Наконец, уже на третий,
Он счастливо в дом приходит,
В те места, где он родился.
Старый, верный Вейнемейнен
Ильмаринену так молвит:
«Ильмаринен, брат мой милый,
Вековечный ты кователь!
Что же, выковал ты Сампо,
Изукрасил ли ты крышку?»
Отвечает Ильмаринен,
Молвит сам искусный мастер:
«Сампо новое уж мелет,
Крышка пестрая готова:
Мелет меру на рассвете,
Мелет меру на потребу,
А другую — для продажи,
Третью меру — для запаса».

Руна одиннадцатая

Женитьба Лемминкейнена на Кюлликки

Скажем мы теперь про Ахти, [1]
Про молодчика споем мы.
Ахти был островитянин,
Лемпи [2] сын молодцеватый;
Вырастал в высоком доме,
Возле матери любимой,
На морском брегу у бухты,
У залива на мысочке.
Каўко [3] рыбами кормился,
Окуней ловил подросток.
Стал потом он сильным мужем,
Расцветая красной кровью;
Голова была прекрасна,
Ростом был он превосходен,
Но он был не без пороков,
И вел жизнь не без ошибок:
Жизнь при женщинах он прожил,
Все кругом ходил он ночью,
Где девицы веселились,
Где нарядные плясали.
У родных росла Кюлликки, [4]
Выросла на славном Сари, [5]
Возросла в высоком доме.
Стройно вытянулась ростом,
У отца в жилище сидя
На скамейке задней низкой.
Далеко о ней узнали,
Женихи за ней являлись,
В дом за девицей красоткой
И во двор за девой славной.
Солнце сватало сыночка. [6]
Но нейдет в страну их дева,
Чтоб сиять бок-о-бок с солнцем
И спешить за солнцем летом.
Месяц ясный сына сватал.
В дом его не хочет дева,
Чтобы с месяцем сиять там,
Круг воздушный пробегая.

С сыном звездочка хлопочет.
Но нейдет в страну их дева,
Чтоб блистать там долгой ночью,
Чтоб мерцать на зимнем небе.
Из Эстонии являлись,
И из Ингрии[7] ходили.
Никуда не хочет дева
И одно всем отвечает:
«Злато губите напрасно,
Серебро идет некстати:
Я в Эстонию не выйду,
Не пойду, не захочу я
Там грести в водах эстонских,
Мерить волны по прибрежью,
Есть эстонскую там рыбу
И эстонскую ушицу.
Я и в Ингрию не выйду,
На печальное прибрежье:
Только голод там да холод,
Нет там дров и нет лучины,
Нет воды и нет пшеницы,
Даже нет ржаного хлеба».
Но веселый Лемминкейнен,[8]
Молодец Каукомиэли[9]
Ехать все ж туда решился,
Чтоб цветок посватать Сари,
Эту славную невесту
С разукрашенной косою.
Отклонить его мать хочет,
Остеречь седая мыслит:
«Ты не сватайся, сыночек,
Коль девица лучше родом:
Ведь тебя там не потерпят,
В знатном племени том Сари».
Отвечает Лемминкейнен,
Говорит Каукомиэли:
«А мой дом не знатен разве?
Род наш слишком даже знатен.
Подберу себе девицу
И по виду и по роду».
Все же мать не позволяет
Лемминкейнену там сватать,
В знатном племени том Сари,
В той семье весьма обширной:
«Засмеют тебя девицы,
Осмеют тебя там жены».
Мало думал Лемминкейнен,
Говорит слова такие:
«Прекращу я смех у женщин
И хихиканье девичье:
У грудей их дети будут,
Дам им на руки я бремя;
Это кончит их насмешки,
Заключеньем будет смеха».
Молвит мать слова такие:
«Горе мне, несчастной, в жизни!
Коль обидишь жен ты Сари,
Оскорбишь девиц невинных,
Спор большой тогда возникнет,
Битва страшная настанет:
Женихи, мужья на Сари
Целой сотней, и с мечами,
Окружат тебя, несчастный,
Одного тебя бить станут».
Мало слушал Лемминкейнен
Материнские советы;
Лошадь статную берет он —
Тот породист жеребенок.
Скачет с шумом он оттуда
Прямо в поселенья Сари,
Сватать там тот Сари цветик,
Эту славную невесту.
Засмеялися все жены,
Засмеялися девицы,
Как на улицу он странно
И во двор неловко въехал:
Опрокинул там он сани
И в воротах покачнулся.
Вылезает Лемминкейнен,
Рот скривил, поник главою,
Бороду свою кусает,
Говорит слова такие:
«Никогда того не видел,
Никогда того не слышал,
Чтобы жены надо мною
И девицы насмехались».
Мало думал Лемминкейнен,
Говорит слова такие:
«Есть ли место здесь на Сари,
На обширных здесь равнинах,
Чтоб я мог повеселиться?
Есть ли место мне для пляски,
Чтобы девы веселились,
И плясали бы девицы?»
Говорят девицы Сари,
Отвечают так с мысочка:

«Много места здесь на Сари,
Здесь земли довольно ровной,
Чтоб тебе повеселиться,
Место есть тебе для пляски.
Можешь быть ты пастушонком,
Пастушонком на пожоге;
Худы дети здесь на Сари,
Жеребята же здесь жирны».
Мало думал Лемминкейнен,
Стал служить он пастушонком.
На лугу он день проводит,
По ночам к девицам ходит,
С молодицами играет
И с нарядными он пляшет.
Так веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли
Скоро кончил смех замужних,
Прекратил девиц насмешки:
Ни одна там не осталась,
Ни одна из дев невинных,
Чтобы он ее не обнял,
Не провел бы ночи с нею.
Но одна была меж всеми
В славном племени том Сари
Неприступная девица,
Что любовь отвергла мужа.
То — Кюлликки, дева-цветик,
Всех прекраснее на Сари.
И веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Сапогов сто пар испортил,
Сотню весел уничтожил;
Все он сватался к девице,
Хлопотал вокруг Кюлликки.
Но Кюлликки, дева-цветик,
Говорит слова такие:
«Для чего живешь здесь, слабый,
Что по берегу визжишь ты,
Что ты сватаешь девицу
С оловянною застежкой?
Или ждать меня ты хочешь,
Пока камень изотру я,
Пока пестик растопчу я,
Истолку пока я ступку?
Не хочу тебя, плохого,
Бедняка, такую тряпку;
Нужно стройного мне мужа:
Я сама стройна ведь телом;
Я хочу, чтоб он был статным:
Сложена сама я статно;
Я хочу, чтоб он был рослым:
Я сама большого роста».
Мало времени проходит,
Лишь полмесяца минуло,
Как в один из дней прекрасных,
Только смерклось в час вечерний,
Девы весело играли,
Все красавицы плясали
На краю лесной лужайки,
На поляночке красивой.
Впереди всех шла Кюлликки,
Изо всех девиц прекрасней.
Удалец, цветущий жизнью,
К ним подъехал Лемминкейнен.
На жеребчике он въехал,
На отборнейшей лошадке,
В середину самой пляски,
В хоровод девиц прекрасных.
Он схватил Кюлликки в сани,
Бросил деву на сиденье,
Обвязал ремнями быстро,
Обмотал ее веревкой.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он ремнем сильнее,
Поскакал оттуда быстро.
На скаку он так промолвил:
«Никогда, нигде, девицы,
Никому не сообщайте,
Что сюда я к вам подъехал
И увез с собою деву.
Коль не будете послушны,
Будет вам, девицы, плохо:
Закляну мечом и битвой
Женихов, мужей всех ваших,
Так что днем и ясной ночью
Вы не будете их слышать:
Не пойдут они деревней,
По поляне не поедут».
Молвит жалобно Кюлликки,
Так цветок горюет Сари:
«Отпусти меня на волю,
Ты из рук пусти ребенка:
К матери домой пойду я,
Обо мне она ведь плачет.
Если ж ты меня не пустишь,
Чтобы я домой вернулась,

Так имею я пять братьев,
Семь сынов отца родного,
Что найдут следы зайчонка
И возьмут назад девицу».
Но ее он не пускает.
Начала девица плакать,
Говорит слова такие:
«Ах, напрасно я родилась!
Я и выросла напрасно,
Для того лишь подросла я,
Чтоб попасть к дрянному мужу,
Чтоб бездельнику достаться,
Что всегда готов на битву,
Может вечно злобно драться».
Говорит так Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Милый сердца цвет, Кюлликки,
Мед мой, ягодка, красотка!
Ты оставь свои заботы:
Обижать тебя не буду,
Будешь кушать — обниму я,
А пойдешь — со мной под ручку;
За руку со мной ты станешь,
Ляжешь ты со мною рядом.
Ну, к чему твои заботы,
Вздохи, полные печали?
Оттого ль ты так горюешь
И печально так вздыхаешь,
Что без пищи, без коровы
Я терплю нужду в запасах?
Так оставь свои заботы:
У меня коров довольно,
Молока дают мне много:
На болоте куманика,
На пригорке земляника,
На полях растет брусника;
Хороши они без корму
И красивы без надзора;
Их не связывают на ночь,
Не развязывают утром,
Не бросают им и корму,
Им не сыплют утром соли.
Оттого ль ты так горюешь
И печально так вздыхаешь,
Что незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой?
Пусть незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой,
Но мой меч огнем пылает,
Пышет пламенем клинок мой.
Он, конечно, знатен родом
И родился в славном доме:
Он у Хиси отшлифован,
У богов отчищен ярко;
Им достану знатность роду
И моей семье величье, —
Тем мечом моим горящим
И клинком, дающим пламя».
И вздохнула тут девица,
Испугалась и сказала:
«Ахти! Лемпи ты сыночек!
Хочешь ли иметь красотку
Постоянной половиной,
Точно курочку в объятьях?
Поклянись мне вечной клятвой,
Что войны ты не предпримешь,
Если золота захочешь,
Серебра ты пожелаешь».
Тут веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Я клянуся вечной клятвой,
Что войною не пойду я,
Если злата захочу я,
Серебра я пожелаю.
Но и ты клянися также
Никогда не быть в деревне,
Если ты плясать захочешь,
Иль играть ты пожелаешь».
Так они клянутся клятвой
И залог дают навеки
Перед видящим все богом,
Перед богом всемогущим:
Ахти — что войну забудет,
Кюлликки — играть не выйдет.
Тут веселый Лемминкейнен
Жеребца кнутом ударил.
Он стегнул его вожжами.
И сказал слова такие:
«Ну, прощайте, луг на Сари,
Корни елей и пни сосен,
Где ходил я этим летом,
Где ступал я и зимою,
Где бродил дождливой ночью,
Вязнул я в дурное время,
Эту курочку искавши,
Все за уточкой гоняясь».

Поскакал конек веселый;
Скоро родина открылась.
И промолвила девица,
Речи молвила такие:
«Смотрит хижина дырявой
И голодною норою,
И, конечно, ей владеет
Человек незнатный родом».
Но веселый Лемминкейнен
Сам сказал слова такие:
«Не страдай об этом доме,
Не вздыхай об этом месте:
Я тебе других наставлю,
Лучших комнат я настрою
Из гораздо лучших бревен,
Из стропил на диво крепких».
Так приехал Лемминкейнен,
В милый дом к себе вернулся,
Прямо к матери родимой
Подошел, оставив сани.
Мать слова такие молвит,
Говорит такие речи:
«Что ты долго оставался,
Мой сыночек, на чужбине?»
Но веселый Лемминкейнен
Сам сказал слова такие:
«Пусть теперь все жены Сари
И невинные девицы
Посмеются надо мною,
Что я лучшую из всех их
Взял к себе на коврик в сани,
Под меха швырнул поспешно;
Отплатил я за насмешки,
За хихиканье девичье.
Мать, ведь ты меня носила,
Ты питала, дорогая!
Приобрел, чего желал я,
И достиг, к чему стремился.
Дай получше изголовье,
Дай помягче мне подушки,
Чтоб на родине уснул я
Рядом с юною девицей».
Мать на это так сказала,
Речи молвила такие:
«Богу вышнему хваленье,
И хвала тебе, создатель!
Ты мне дал теперь невестку.
Мне огонь она раздует,
Будет ткать она прекрасно,
Скрутит нитки веретенцем
И отлично постирает
И холсты побелит славно.
Ты хвали судьбу, красотка:
Ты устроилась прекрасно.
Хорошо творец все сделал,
Он, отец, любовью полный.
Чист по снегу подорожник —
А твой муж еще почище;
Хоть бела на море пена —
А твой муж еще белее;
Хоть стройна на море утка —
А твой друг еще стройнее;
Ясны звездочки на небе —
Твой супруг еще яснее.
Ты, сынок, полы пошире,
А окошки строй побольше,
Стены новые поделай
И обстрой ты все покои,
Перед горницей порожки,
Над порогом двери сделай.
Ты ведь получил девицу,
Выбрал ты себе красотку,
Что тебя повыше родом
И знатней происхожденьем».

Руна двенадцатая

Поездка Лемминкейнена в Похьёлу

Ахти, юный Лемминкейнен,
Тот красавец Каукколайнен,[1]
Все живет да поживает
Вместе с юною девицей.
На войну не ходит Ахти,
На село нейдет Кюлликки.
Вот случилося однажды,
Рано, в утреннее время,
Вышел Ахти Лемминкейнен
В те места, где рыбы мечут,
И под вечер не вернулся.
Тут, когда уж смерклось, ночью,
На село пошла Кюлликки,
Где все девушки плясали.
Кто расскажет это дело,
Принесет о том известье?
То сестра его, Айникки,[2]
Рассказала это дело,
Принесла о том известье:
«Ахти! милый ты мой братец!
На село пошла Кюлликки,
На село, к чужим воротам,
Где играют молодицы,
Где красавицы танцуют».
Ахти, матери сыночек,
Тот веселый Лемминкейнен,
Омрачился, обозлился;
Долго зол был Лемминкейнен
И сказал слова такие:
«Мать, старушка дорогая,
Мой скорее мне рубашку
В яде черных змей ужасных,[3]
Ты суши ее скорее,
Чтоб я мог итти на битву
К очагам детей Похьёлы,
На поля сынов лапландских.
На село ушла Кюлликки,
На село к чужим воротам,

Где играют молодицы,
Где красавицы танцуют».
Но сказала так Кюлликки,
Быстро вымолвила слово:
«О возлюбленный мой Ахти,
На войну не отправляйся!
Я, заснувши, увидала,
Увидала сны такие:
Шел огонь, как из горнила,
Выбивалось сильно пламя
Под окошками у дома,
По краям стены высокой;
Ворвалось затем в покои,
Зашумело водопадом,
В потолок от пола билось,
От окошка до окошка».
Тут веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Женским снам совсем не верю,
Как не верю женским клятвам.
Мать, ведь ты меня носила!
Дай военную рубашку,
Дай кафтан мне для сраженья:
Страсть влечет меня на битву,
Пиво битвы буду пить я,
Мед отведаю сраженья».
Мать сказала ему слово:
«Милый Ахти, мой сыночек,
На войну не отправляйся!
Пиво есть у нас и дома,
Пиво есть в еловых бочках,
За дубовым краном бродит.
Для тебя все это пиво,
Можешь пить его день целый».
Отвечает Лемминкейнен:
«Не хочу я пива дома,
Лучше буду пить я воду,
Пить ее веслом смоленым;
Слаще этот мне напиток,
Чем все пиво в этом доме.
Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
Я пойду к домам Похьёлы,
На поля сынов лапландских,
Чтобы золото забрать там,
Серебро принесть оттуда».
Молвит мать Каукомиэли:
«Милый Ахти, мой сыночек,
Дома золота здесь много,
Серебро лежит в запасе.
Вот что здесь вчера случилось:
Рано в утреннее время
Раб пахал гадючье поле,
Запахал змеиный угол;
Сошником он вынул крышку,
В сундучке нашел он злато;
Были собраны там сотни,
Тысячи под крышкой были.
Я снесла все в кладовую
И поставила на полку».
Отвечает Лемминкейнен:
«Не нужна мне кладовая.
Серебро, что взято с бою,
Несравненно мне дороже,
Чем все золото здесь дома,
Серебро, что взяли плугом.
Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
Я иду теперь в Похьёлу
Избивать детей лапландских.
Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу:
Я хочу там сам услышать
И своим увидеть глазом,
Есть ли девушка в Похьёле,
В темной области девица,
Чтобы мужа не хотела,
Жениха чтоб не желала».
Молвит мать Каукомиэли:
«Милый Ахти, мой сыночек!
У тебя Кюлликки дома,
Всех жена твоя красивей.
Странно было б двух жен видеть
На одной постели мужа».
Отвечает Лемминкейнен:
«На село Кюлликки ходит;
Пусть она, там поигравши,
По чужим домам ночует,
С молодежью веселится
И с красавицами пляшет».
Удержать его мать хочет,
Остеречь его старушка:
«Не ходи ты, мой сыночек,
В села дальние Похьёлы,
Не ходи без чародейства,
Без премудрости всевластной

К очагам детей Похьёлы,
На поля детей лапландских.
Запоет тебя лапландец,
Заклянет тебя турьянец,[4]
По уста положит в угли,
Головой положит в пламя,
А рукой положит в золу
На каменьях раскаленных».
Отвечает Лемминкейнен:
«Чаровали чародеи,
Заклинали эти змеи.
Три лапландца собралися
На меня средь летней ночи;
Голы были на утесе,
Без одежд, без подпоясок,
Неприкрытые нисколько.
От меня они там взяли,
От меня там получили,
Что топор берет от камня,
Что на льду каблук стирает,
Что буран берет с утеса
И что смерть в пустом жилище.
А в другой раз было лучше:
Все пошло тогда иначе.
Мне грозили заклинанья,
Мне грозили их заклятья,
Что завязну я в болоте;
Я попал уж было в тину,
По колено был в трясине
И по бороду в грязи был;
Но я — муж других не хуже —
И тогда не затруднился.
Стал я тотчас чародеем,
Сам я начал заклинанья.
Я запел — и чародеи,
Те волшебники с ножами,
Те певцы с своею сталью
Обратились водопадом,
Ужасающей пучиной,
Самым злым водоворотом.
Пусть они себе там дремлют,
Колдуны пусть почивают:
Прорастут весною травы
Через головы и шапки,
Через плечи чародеев,
Через мясо на боках их,
Чародеев крепко спящих
И дремотою заклятых».

Все ж старушка запрещает
Уходить Каукомиэли,
Сыну мать не позволяет,
Женщина героя просит:
«Не ходи отсюда, милый,
В те холодные селенья,
В эту мрачную Похьёлу;
Там опасность угрожает,
Мужу бедному там страшно;
Там живет несчастье, Ахти;
Хоть ты будешь стоязычным,
Что совсем невероятно,
Все же ты не бросишь пеньем
Сыновей Похьёлы в воду:
Языков ты их не знаешь —
Ни лапландцев, ни турьянцев».
Приоделся Лемминкейнен,
Весельчак Каукомиэли,
Волоса свои он чешет,
Щеткой их усердно гладит.
Щетку он к стене бросает,
К косяку бросает, к печке,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Лишь тогда несчастье злое
Лемминкейнена постигнет,
Если кровь из щеки брызнет,
Если красная польется».
И пошел веселый Ахти
В эту мрачную Похьёлу,
Мать свою он не послушал,
Как она ни запрещала.
Снарядился, взял он пояс
И железную рубашку,
Он надел из стали пояс,
Говорит слова такие:
«Крепче будет муж в кольчуге,
Лучше в панцыре железном,
В пояске стальном сильнее
Против этих чародеев;
В них ему не страшен худший
И сильнейший не опасен».
Он за меч тогда схватился;
Как огонь, тот меч рубился,
Был отточен он у Хиси,
У богов был отшлифован;
Меч себе повесил с боку,
Положил поспешно в ножны.

Где же Ахти притаился,
Где герой укрылся смелый?
Он тихонько притаился,
Спрятался герой без шума
У дверей под самой жердью,
Притаился у порога,
На дворе у переулка,
Где кончаются ворота.
Там укрылся осторожно,
Быстро спрятался от женщин.
Но такая осторожность
Помогла герою плохо:
Должен он укрыться дальше
От толпы мужей могучих
На дороге раздвоенной,
На спине холодной камня,
На болотной зыбкой почве,
У текущего потока,
У каменьев водопада,
При изгибе вод шумящих.
Вот веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Выходите вы, с мечами,
Вечные земли герои,
Вы, из глуби меченосцы,
Лучники из рек глубоких;
Лес, и ты иди с мужами,
Ты с своей толпою, чаща;
Старец гор — с своею силой,
Водяной ужасный Хиси,
Мать воды с своею мощью,
Старец вод с своей толпою;
Вы, из всех долин русалки,
Опененные потоком,
На защиту станьте мужа,
Как товарищи героя,
Чтобы стрелы чародеев
Острием мне не вредили,
Ни железные ножи их,
Ни стрелков оружье злое.
Если ж этого все мало,
Знаю я другое средство:
Обращусь, вздыхая, кверху,
К старцу вышнему на небо,
Что царит над облаками,
Направляет всюду тучи.
Укко, ты мой бог всевышний,
Ты, отец небесный древний,
Что беседуешь чрез тучи,
Открываешься чрез воздух!
Дай мне меч, огнем горящий,
Лезвие, в котором пламя,
Чтоб опасность отвратил я,
Помешал бы я несчастью,
Победил бы чародеев
Из земли, из вод шумящих,
Тех, что станут предо мною,
Что останутся за мною
И с боков и надо мною
И вокруг здесь соберутся —
Чтоб заклял я чародеев
С их стрелами, с их ножами,
С их блестящими мечами,
Всех волшебников негодных».
Заклинать стал Лемминкейнен,
Засвистал Каукомиэли
Жеребеночку в лесочке,
Златогривому на поле;
Лошадь в упряжь снаряжает,
Ставит бурого в оглобли
И тогда садится в сани;
Поместившись на сиденьи,
Он коня кнутом ударил,
Узловатым лошадь хлопнул;
Быстро конь бежит оттуда,
Мчатся сани. Загудели
И серебряный песочек
И равнина золотая.
Едет день, другой день едет,
Также едет он и третий,
Наконец, уже на третий,
На деревню он наехал.
Скачет быстро Лемминкейнен,
Скачет быстро по дороге,
Нижней улицею едет,
Едет к нижнему жилищу.
У столба остановился
И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Опустил бы мне оглобли
И хомут стащил с лошадки?»
На полу сидел малютка;
Так с порога мальчик молвил:
«Никого здесь нет в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,

Опустить твои оглобли
И хомут стащить с лошадки».
Не горюет Лемминкейнен,
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он жгутом жемчужным,
Быстро мчится по дороге,
Едет улицей середней
И к середнему жилищу;
Стал под самым там навесом
И с порога так спросил он:
«Не найдется ль кто в избушке,
Кто мои подержит вожжи,
Кто б сумел с груди и с шеи
Отвязать ремни искусно?»
С печки старая болтунья,
Со скамейки закричала:
«Да, найдется в этом доме,
Кто твои подержит вожжи
И гужи твои развяжет,
Спустит на землю оглобли;
Здесь найдешь мужей десяток,
Сотню целую, коль хочешь,
Что тебя отсель спровадят,
На проезд дадут лошадок
Да домой плута отправят,
В край родной плута дрянного,
На отцовскую скамейку,
В материнское жилище,
К брату в самые ворота,
К сестрам на пол, и доставят
Раньше, чем наступит вечер,
Раньше, чем здесь сядет солнце».
Не горюет Лемминкейнен,
Говорит слова такие:
«Застрелить старуху нужно б
С ее челюстью отвислой».
На коне спешит оттуда,
Гонит быстро по дороге,
Едет улицею верхней,
Едет к верхнему строенью.
Вот веселый Лемминкейнен
Ко двору тому подъехал
И сказал слова такие
И такие речи молвил:
«Хиси! ты зашей собаке,
Ты, зашей ей, Лемпо, морду,
Удержи ей пасть от лая,
Ты сожми собаке зубы,
Чтобы лай не раздавался,
Если муж пройдет здесь мимо».
И на двор туда вошел он,
По земле кнутом ударил:
Из земли туман поднялся,
«И в тумане — человечек.
Он супонь разрезал быстро,
Опустил затем оглобли.
Слушать начал Лемминкейнен,
Слушать начал осторожно,
Чтоб никто его не видел
И никто не обнаружил.
Через мох он слышит песни
И слова чрез конопатку,
Слышит музыку чрез стенку,
Через доски слышит пенье.
Заглянул он внутрь тихонько,
Посмотрел тихонько в избу:
Колдунов полны покои.
Громко пели чародеи,
С музыкой у стен сидели,
Прорицатели у двери,
Знахари же — на скамейках,
Заклинатели — на печке,
По-лапландски пели песни,
Мудрые творенья Хиси.
Тут веселый Лемминкейнен
Изменить свой вид желает,
Изменяется в объеме,
Проникает через угол;
Он проходит внутрь строенья,
Говорит слова такие:
«Лучше пенье с окончаньем,
Покороче песнь приятней;
И сберечь всю мудрость лучше,
Чем порвать на половинки».
Тотчас севера хозяйка
На ходу засуетилась,
На средине пола стала,
Говорит слова такие:
«Прежде пес, бывало, лаял;
Этот пес, железный цветом,
Мясо, кости пожирает,
Свежей кровью запивает.
Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев,
Что ты в горницу проходишь,
Проникаешь ты в жилище,

Так что пес тебя не слышал
И брехун не мог учуять?»
Отвечает Лемминкейнен:
«Знай, что я сюда к вам прибыл
Не без знанья и искусства,
Не без мудрости и силы,
Не без отческих заклятий,
Не без дедовских познаний,
Чтоб собаки не кусались,
Брехуны меня не рвали.
Мать моя меня купала,
Как я слабым был малюткой,
Летней ночью по три раза,
Девять раз осенней ночью,
Чтоб на каждой я дороге
Оградить себя мог пеньем,
Чтоб могуче пел я дома,
Колдуном был на чужбине».
Тут веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Начал грозные заклятья,
Заклинательные песни.
Полилось из шубы пламя
И из глаз огонь полился,
Как запел Каукомиэли,
Как он начал заклинанья.
Он запел — и кто был лучшим,
Стал певцом совсем негодным;
Он набил им в рот каменьев,
В глотки им поставил скалы,
Тем певцам, повсюду славным,
Знаменитым чародеям.
Он заклял мужей тех гордых,
По местам раскинул разным:
На поляны без растений,
На невспаханное поле,
На безрыбные озера,
Где и окунь жить не может,
В водопад ужасный Рутьи,[5]
В ту горящую пучину,
В тот поток, покрытый пеной;
Как каменья их поставил,
Чтоб они огнем горели,
Чтоб, как искры, там трещали.
И веселый Лемминкейнен
Тех мужей заклял с мечами,
Тех героев с их оружьем,
Стариков, а также юных,
Вместе с ними возраст средний;
Одного лишь не заклял он,
Только пастуха дрянного,
Только старого, слепого.
Этот старый, в мокрой шляпе,
Говорит слова такие:
«О, веселый Лемминкейнен,
Всех заклял ты старых, юных,
Вместе с ними возраст средний,
Отчего ж дал мне пощаду?»
Отвечает Лемминкейнен:
«Оттого я дал пощаду,
Что тебя и видеть жалко,
Скверен ты и без заклятий.
Ты, когда еще был молод,
Пастухом был самым злобным;
Деток матери ты портил
И сестер родных срамил ты,
Лошадей всех перепортил,
Жеребят всех искалечил
По полям и по болотам,
По колеблющейся почве».
Но пастух тот в мокрой шляпе
Был в обиде очень злобен;
Вышел из дверей наружу,
Через двор он вышел в поле,
Побежал к потоку мертвых,
К бездне той реки священной.
Поджидал Каукомиэли,
Лемминкейнена там ждал он,
Ждал, когда он из Похьёлы
В дом родной к себе поедет.

Руна тринадцатая

Сватовство Лемминкейнена в Похьёле

Вот веселый Лемминкейнен
Молвил северной старухе:
«Дай мне, старая, девицу,
Дай мне дочь свою красотку,
Изо всех мне дай получше,
Из толпы девиц повыше».
Молвит севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«За тебя я дочь не выдам.
Я не дам тебе девицу
Ни получше, ни похуже,
Ни повыше, ни пониже.
У тебя давно жена есть,
Привезенная хозяйка».
Отвечает Лемминкейнен:
«Я в село прогнал Кюлликки,
Ко входным дверям в деревню,
Ко въездным чужим воротам.
Здесь ищу жену получше.
Ты свою отдай мне дочку,
Из толпы девиц красотку,
Из числа прекраснокудрых».
Молвит севера хозяйка:
«Никогда я дочь не выдам
За пустого человека,
Бесполезного героя.
Вот тогда проси ты дочку,
У меня цветочек сватай,
Как словить сумеешь лося
На полянах дальних Хиси».
Острие поспешно Ахти
Насадил на быстрый дротик,
Натянул на лук тетивку,
Приготовил свои стрелы,
Говорит слова такие:
«Уж насажен быстрый дротик,
Стрелы все уже готовы,
И натянут лук мой крепкий.

Остается мне немного —
Позаботиться о лыжах».
И веселый Лемминкейнен
Пообдумал и размыслил:
Как бы сделать эти лыжи,
Из чего бы их устроить?
К дому Каўппи [1] подошел он,
К кузнецу туда, к Люликки: [2]
«Ты, Вуои [3] житель мудрый,
Ты, кузнец лапландский лучший!
Сделай мне две славных лыжи,
Выгладь их ты покрасивей,
Чтобы мог поймать я лося
На поляне злого Хиси».
Отвечает тут Люликки,
И решает Каўппи быстро:
«Ты идешь напрасно, Ахти,
Чтоб охотиться за лосем:
Ведь при всем своем стараньи
Ты лишь пень гнилой получишь». [4]
Не горюет Лемминкейнен,
Говорит слова такие:
«Ты устрой мне только лыжи,
Чтоб они готовы были.
Я пойду, поймаю лося
На поляне той у Хиси».
Каўппи был на лыжи мастер,
Был искусен в этом деле;
Вырезает лыжи в осень,
Их обтачивает в зиму,
Целый день строгает палку,
А другой — кольцо упора.
Лыжа левая готова,
Лыжа правая за нею,
Приготовлены и палки,
И прилажены к ним кольца,
И ценою палка с выдру,
А колечко — с мех лисицы.
Жиром лыжи он намазал,
Мажет их оленьим салом,
Сам в уме он держит думу,
Говорит слова такие:
«Не возьмется ль кто из юных,
В подрастающем народе,
Этой левой лыжей двигать,
Также двигать лыжей правой?»
Молвил юный Лемминкейнен,
Удалец, цветущий жизнью:
«Да, один из них, из юных,
Из растущего народа,
Будет левой лыжей двигать,
Будет двигать также правой».
На спине колчан приладил,
Положил свой лук на плечи,
Захватил он в руки палку,
Начал двигать левой лыжей.
А за нею также правой.
Говорит слова такие:
«Не найдется в божьем мире,
Под небесным этим сводом,
И под этими ветвями
Ни один четвероногий,
Кто не мог бы быть настигнут,
Не достался бы в добычу
Сыну славному Калевы,
Лемминкейнену на лыжах».
Слышат это люди Хиси,
Те слова услышал Ютас; [5]
Лося делает тут Хиси,
Делает оленя Ютас:
Голову из пня гнилого
И рога из веток ивы;
Вместо ног — тростник прибрежный,
Из болотных трав — колени,
Из жердей — спина у лося,
Из сухой соломы — жилы,
А глаза — цветок болотный,
Из цветов озерных — уши,
Из коры сосновой — кожа,
Из бревна гнилого — мясо.
Наставлял тут Хиси лося,
Говорил слова такие:
«Ты беги, олень мой славный,
Благородный лось, стремися
На места, где много лосей,
На поля сынов лапландских.
Пусть муж этот попотеет,
Пусть поездит Лемминкейнен».
Устремился лось тот Хиси,
И бежит олень прекрасный
За амбарами Похьёлы,
По полям сынов лапландских
Опрокинул он кадушку,
На огонь котел он сбросил,
В золу вывалил все мясо,
На очаг похлебку вылил.

И поднялся шум ужасный
На полях сынов лапландских;
Стали лаять их собаки,
Рассмеялися их жены,
Дети стали громко плакать,
Зароптали все лапландцы.
А веселый Лемминкейнен
Быстро лося догоняет
По лесам и по болотам,
По обширным тем полянам.
Из-под лыж огонь стремится,
Задымилась сильно палка —
Только лося все не видно,
Все не видно и не слышно.
По лесам скользит, по замкам;
Он несется чрез озера,
По дремучим дебрям Хиси,
Через все поляны Калмы, [6]
Перед самой пастью смерти,
Пред самим жилищем Калмы;
Смерть уж пасть свою открыла,
Уж главу склоняет Калма,
Чтоб схватить того героя,
Проглотить Каўкомиэли —
Не смогла его похитить,
Не смогла его наститнуть.
Не проехал он одной лишь,
Самой узенькой полоски
В дальних местностях Похьёлы,
На больших землях лапландских.
Но и ту он проезжает,
Проезжает этот угол.
До конца угла доехал,
Слышит: шум большой поднялся
По окраинам Похьёлы,
На полях сынов лапландских;
Слышит: лают там собаки,
Плачут дети у лапландцев;
Слышит: женщины смеются,
Негодуют все лапландцы.
Тут веселый Лемминкейнен
Собирается проехать
В место, где собаки лают,
На поля сынов лапландских.
И, приехавши, сказал он,
Так спросил он, показавшись:
«Что тут женщины смеются,
Отчего тут дети плачут,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки?»
«Оттого смеются жены,
Оттого тут плачут дети,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки,
Что пронесся здесь лось Хиси,
Простучал копытом гладким;
Опрокинул лось кадушку,
На огонь котел он сбросил;
Наше варево он вылил,
На огонь похлебку пролил».
Плут молодчик Лемминкейнен,
Весельчак Каўкомиэли,
Лыжу левую подвинул,
Как гадюку по пожогу;
Он скользнул болотной елью,
Как живой змеей, по снегу,
Сам, скользя, промолвил слово,
Так сказал, держась за палку:
«Ну, теперь лапландец каждый
Может принести мне лося;
Может каждая лапландка
Здесь котел почище вымыть;
Из детей лапландских каждый
Насбирать мне может щепок;
И котел лапландский каждый
Может здесь сварить мне лося».
Он напряг свои все силы,
Подался вперед, понесся;
В первый раз он лыжей двинул
И исчез из глаз тотчас же;
Двинул лыжей во второй раз,
И его не слышно стало;
С третьим разом попадает
К лосю на спину он прямо.
И берет он кол кленовый,
Из ветвей березы вязку,
Чтоб связать покрепче лося,
За плетень свести дубовый:
«Оставайся здесь, лось Хиси,
Прыгай здесь, скакун свирепый».
По спине он лося гладит,
Треплет ласково по шее:
«Хорошо бы тут мне было
Отдохнуть, поспать немного
Рядом с юною девицей,
С этой курочкой растущей».

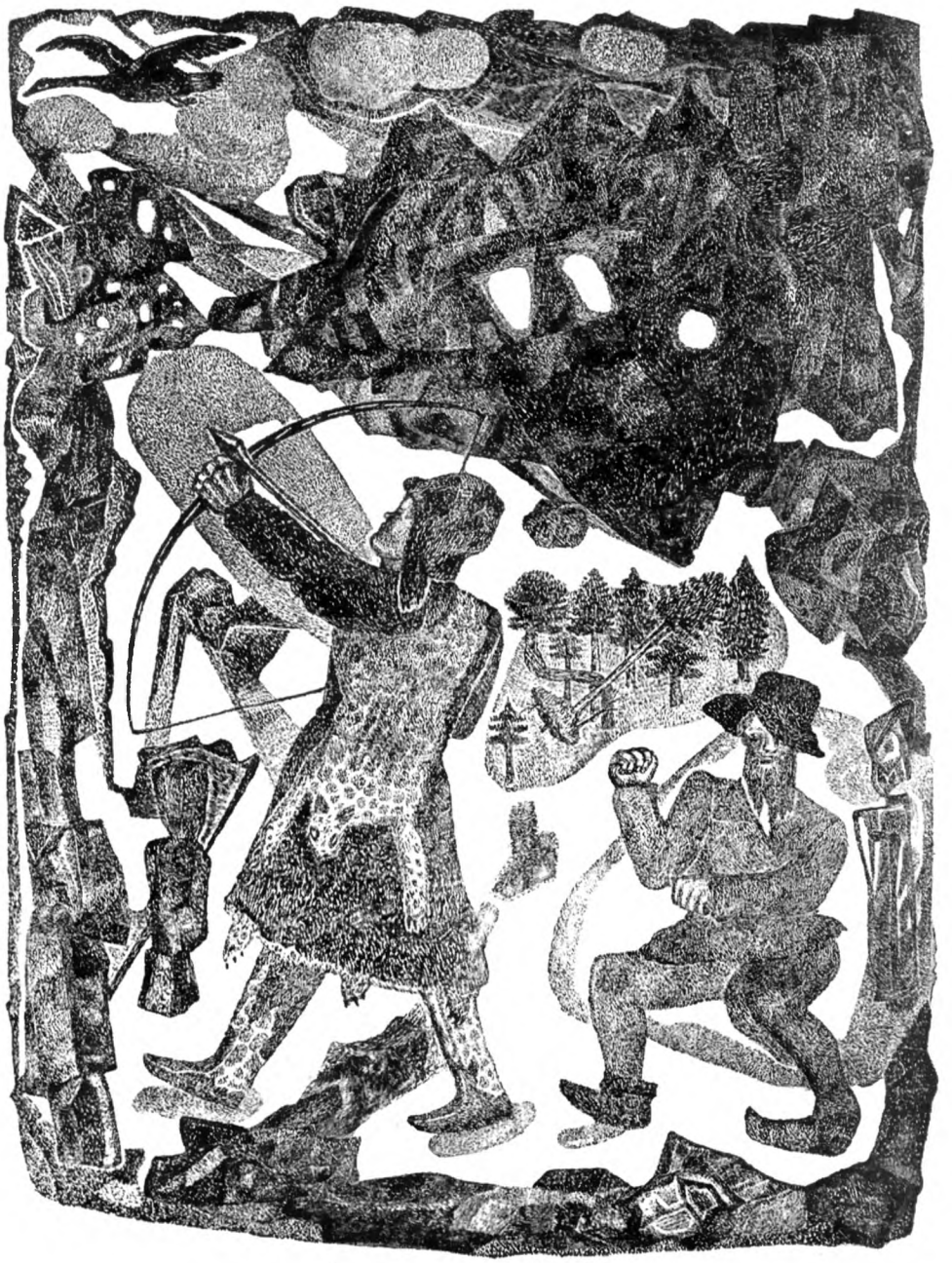
Обозлился тут лось Хиси,
Дико начал выбиваться,
Сам сказал слова такие:
«Пусть тебе поможет Лемпо
Полежать с девицей юной,
Отдохнуть тут вместе с девой».
Лось уперся, понапрягся,
Рвет он вязку из березы,
Кол кленовый он ломает,
Валит он плетень дубовый.
Убегает лось оттуда,
Устремляется поспешно,
По лесам и по болотам,
По горам лесистым мчится,
Так что глазом уж не видно
И совсем не слышно ухом.
Плут молодчик омрачился,
Опечалился веселый,
Стал свирепым и жестоким,
Быстро мчится он за лосем.
Дал один толчок ногою;
В яме вдруг застряла лыжа,
И ремень на лыже лопнул,
А другой ремень на пятке,
Ручка дротика сломалась,
И конец сломался палки.
Убегает тут лось Хиси,
И опять его не видно.
Грустно смотрит Лемминкейнен,
Опустил главу печально,
Осмотрел свои все вещи,
Говорит слова такие:
«Пусть никто в теченье жизни,
Пусть никто из всех на свете
Не стремится в лес упрямо,
Чтоб ловить оленя Хиси,
Как стремился я, несчастный:
Я совсем испортил лыжи,
Поломал в лесу я палку
И согнул в лесу свой дротик».

Руна четырнадцатая

Охота Лемминкейнена и его смерть

Вот веселый Лемминкейнен
Так подумал и размыслил:
По какой свернуть дороге
И какой путь лучше выбрать:
Бросить ли оленя Хиси,
Самому домой вернуться,
Иль еще раз попытаться
Поохотиться за лосем
Матери лесов на радость,
Девам бора на отраду?
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Укко, ты мой бог всевышний,
Укко, ты отец небесный!
Ты устрой получше лыжи,
Дай ты им побольше скорость,
Чтоб на них я мог промчаться
По земле и по болотам
Прямо в край далекий Хиси,
По большим полям Похьёлы,
По следам оленя Хиси,
Лося, дикого оленя.
Вот иду я в лес дремучий,
Вот иду я на работу
По дороге Тапиолы,
Мимо Тапио жилища.[1]
Мой поклон вам, горы, выси,
Вам, леса прекрасных елей,
Вам, осиновые рощи,
Также тем, кто к вам приветлив.
Пропустите, лес, пустыня;
Тапио, будь благосклонен,
Пропусти на горы мужа,
Дай пройти мне по болотам,
Чтоб поймать мою добычу,
Получить мою награду.
«О, сын Тапио, Нюрикки,[2]
Муж чудесный в красной шапке,

Сделай метки по дороге,
На горах поделай меток,
Чтобы шел я, глупый, прямо,
Чтоб нашел себе дороту,
Здесь ища свою добычу
И трудяся для награды.
Миэликки,[3] ты, старушка,
Леса чудная хозяйка,
Разбросай свое ты злато,
Серебро твое рассыпь здесь
Перед мужем, что блуждает
По следам, по всяким ямкам.
Ты возьми ключи златые
С твоего кольца на чреслах,
Отопри подвал глубокий,
Поищи в лесных палатах,
Здесь пока я жду добычи,
За охоту жду награды.
Если ж ты сама не хочешь,
Ты пошли своих служанок,
Ты пошли своих прислужниц,
Прикажи ты подчиненным.
Что ж ты будешь за хозяйка,
Если слуг ты не имеешь,
Если сотни нет прислужниц,
Если тысячей не служат,
Чтоб пасти стада лесные,
Чтоб заботиться о дичи?
Дева Танио, малютка,
Сладкогласная девица!
Ты пойди с медовой флейтой,
Посвисти свирелью сладкой
Пред великой госпожою,
Пред хозяйкой леса дивной;
Ты ей дашь услышать звуки,
Ото сна ее пробудишь —
Ведь она совсем не слышит,
Сна досель не покидает.
Умоляю неотступно,
Золотой язык тревожу».
Так веселый Лемминкейнен
Умоляет по дороге.
По лесам он пробегает,
По полям и по болотам,
К угольным высотам божьим,
К угольной поляне Хиси.
День скользит он, и другой день,
Наконец, уже на третий,
Подошел к горе великой,
На утес великий вышел;
Бросил взоры он на север,
Посмотрел через болото
И дом Тапио увидел:
Двери золотом блистают,
Блеск идет через болота,
Через гору, чрез кустарник.
Тут веселый Лемминкейнен
С своего уходит места,
Приближается к жилищу,
К окнам Тапио подходит,
В ожиданьи там укрылся,
Под шестым присел окошком;
Там подательницы были,
Леса матери сидели
В самых будничных одеждах,
В самых мараных лохмотьях.
Так промолвил Лемминкейнен:
«Что сидишь, хозяйка леса,
В грязной будничной одежде
И валяешься в лохмотьях?
На тебя смотреть мне стыдно —
Так чудна твоя наружность;
Далеко ты не прекрасна
С огрубевшим, грязным телом.
Как блуждал я этим лесом,
Три дворца в лесу нашел я:
Костяной и деревянный,
Третий был дворец из камня;
Шесть златых прекрасных окон
Были там на каждой стенке.
Посмотрел я чрез окошко
И, припрятавшись, увидел
Тапио, владыку леса,
Видел Тапио хозяйку,
Дочку Тапио, Теллерво,[4]
Весь народ лесной я видел:
Все они шумели златом,
Серебром они звенели;
А сама хозяйка леса,
Подающая отраду,
В золотом была браслете,
В золотых на пальцах кольцах;
Головной убор из злата,
В волосах златые ленты,
А в ушах златые серьги
И на шее крупный жемчуг.



Милая хозяйка леса,
Ты, медвяная старушка!
Сбрось соломенные туфли,
Сбрось ты лапти из бересты,
Сбрось противные лохмотья,
Сбрось рабочую рубашку;
Платье радости возьми ты
И рубашку понарядней,
Здесь пока хожу я лесом
И ищу своей добычи.
Сильно я в лесу скучаю;
Омрачился оттого я,
Что хожу я понапрасну
И все время без добычи;
Обещай ее доставить,
Чтоб немного отдохнул я;
Так печально долог вечер,
Долог день, коль нет добычи.
Дед лесов седобородый,
Мох — твой плащ, а хвоя — шапка!
Затяни леса в полотна,
Облеки одеждой рощи,
Покрывало дай осинам,
Платье мягкое дай ольхам,
Серебром покрой ты сосны,
Ты рассыпь по елям злато,
Опояшь ты сосны медью,
Серебром лесные сосны;
Пусть цветет береза златом,
Дай на ствол ей погремушки.
Сделай, как в былое время;
Дни тогда получше были:
Точно солнце, ель блестела,
И сосна — как будто месяц,
Медом пахло по лесочку,
Медом пахло в синей роще,
Пахло пряным на поляне,
У болот стекало масло.
Леса, дочь, душа-девица,
Дочка Тапио, Туликки! [5]
Пригони ты дичь к опушке,
К протянувшимся полянам;
Коль она бежать не хочет,
Коль сюда пойдет лениво,
От куста возьми ты хлыстик,
Хлыст березовый в долине,
И ты бей ее по бедрам,
Ударяй ее по боку
И гони скорее к месту,
С быстротой гони добычу
К ожидающему мужу,
По охотничьему следу.
Если выйдет на тропинку,
Пусть она бежит тропинкой,
Протяни ты обе руки,
Не давай ей сторониться,
Чтоб она не ускользнула,
Не сбежала бы с тропинки.
Если ж дичь уйдет оттуда,
Если на сторону выйдет,
Ты отбрось на край дороги,
За рога веди к тропинке.
Коль есть хворост на дороге.
Ты отбрось на край дороги;
Если там лежат деревья,
Разломай ты их в кусочки.
Если там плетень не встретишь,
Опрокинь его на землю,
Обломай пять перевязок,
Отломи там семь жердинок.
Встретишь реку на дороге,
Ручеечек на тропинке,
Мостик шелковый ты сделай
Из пунцового платочка,
Перекинь через проливы,
Перебрось его чрез воду,
Через северную реку,
Через пену водопада.
Тапио, хозяин леса!
Ты, лесов краса, Мимеркки! [6]
Дед лесов седобородый,
Золотой владыка леса!
Ты, владычица лесная,
Ты, лесная мать даяний,
Старица в одежде синей
И в чулках с прошивкой красной!
Приходи меняться златом,
Серебром со мной меняться;
От луны — мое все злато,
Серебро мое — от солнца;
На войне его забрали,
Лишь с трудом достали в битве,
И лежит без пользы в сумке,
Пропадает зря в кисете.
Неразменно это злато,
Серебро менять мне не с кем».

Уж веселый Лемминкейнен
Пробежал далеко лесом,
На опушке пел он песни,
Пел внутри трех рощ зеленых.
Он склонил хозяйку леса
И хозяина лесного;
Добры дочери лесные,
Благосклонны девы леса,
Испугали, выгоняют
Из лесов заросших лося,
С горки Тапио сгоняют,
По краям жилища Хиси,
К ожидающему мужу,
Чтоб он мог поймать добычу.
Вот веселый Лемминкейнен
Свой аркан набросил быстро
На плечо оленя Хиси,
На ту шею олененка,
Чтоб не бился он ногами,
Коль ему погладить спину.
И веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Властелин страны и леса,
Красота полян обросших!
Мать лесная Миэликки,
Ты, лесная мать даяний!
Приходи, возьми ты злато,
Серебро бери скорее,
Расстели платок широкий,
Положи платок на землю,
Под блистающее злато,
Под сребро, что так прекрасно.
Чтоб на землю не упало,
Не рассыпалось по грязи».
Вот отправился в Похьёлу
И, придя, промолвил слово:
«Наконец-то лось чудесный
Пойман на поляне Хиси!
Ты отдай мне дочь, старуха,
Дай девицу мне в супруги».
Лоухи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Лишь тогда отдам я дочку,
Дам тебе девицу в жены,
Как коня взнуздаешь Хиси,
Как поймаешь Хиси лошадь,
Жеребца, что вечно в мыле
На границе поля Хиси».

Взял веселый Лемминкейнен
Золотистую уздечку,
Серебристый недоуздок
И пошел искать ту лошадь,
Стал следить за долгогривой
По границам поля Хиси.
Быстро он идет в дорогу,
Он идет поспешно с места
На зеленые поляны,
На края святого поля;
Там коня прилежно ищет,
Ищет лошадь с длинной гривой;
Он заткнул узду за пояс,
На плечо взял недоуздок.
Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Он взошел на холм высокий,
Лезет на спину утеса;
Бросил взоры он к востоку,
Обратил лицо на солнце;
На песке коня увидел,
Долгогривого у елей:
Из волос огонь стремился,
Подымался дым из гривы.
И промолвил Лемминкейнен:
«Укко, ты — мой бог всевышний!
Тучи в небе ты содержишь,
Облаками управляешь!
Отвори ты свод небесный,
Твердь воздушную раскрой ты,
Ниспусти ты град железный,
Ты пошли комки железа
В гриву жеребенку Хиси,
Белолобому на спину».
Укко, тот творец всевышний,
Бог, на облаке живущий,
Пополам раздернул воздух,
Разломил он свод небесный,
Дал железный град и иней,
Ниспустил он град железный
Головы крупней мужчины
И помельче лошадиной
Жеребенку Хиси в гриву,
Белолобому на спину.
Тут веселый Лемминкейнен
Подошел, чтоб все увидеть
И получше все заметить,
Сам сказал слова такие:

«Добрый конь поляны Хиси,
Ты, горы жеребчик юный!
Золотой нагнися мордой,
Головой, сребром блестящей,
Под уздечку золотую,
Под серебряные кольца;
Обижать тебя не буду,
Сильно гнать тебя не стану
По дороге недалекой,
По дороге той короткой
В дом высокий Сариолы.
Гнать не стану к злобной теще,
Бить ремнем тебя не буду,
Гнать хлыстом тебя не стану,
Поведу тебя на ленте,
Буду погонять шнурочком».
Рыжий жеребенок Хиси,
Запененный конь, нагнулся,
Золотой нагнулся мордой,
Головой, сребром блестящей,
В серебристую уздечку,
Под колечки золотые.
Наконец-то Лемминкейнен
Держит жеребенка Хиси;
Вздел узду ему на морду,
Надевает недоуздок,
Быстро на спину садится,
На крестец проворно скачет.
Он коня кнутом ударил,
Гонит хлыстиком из ивы,
Едет быстро по дороге,
Направляется к высотам,
К тем горам на север дальний,
На хребет, покрытый снегом.
Приезжает он в Похьёлу,
Со двора идет в покои,
И, достигнувши Похьёлы,
Он, войдя, так молвит слово:
«Я взнуздал коня большого,
Жеребенок Хиси пойман
На полях его зеленых,
На краю святого поля.
Я настигнул лося Хиси
На поляне Хиси дальней.
Дай мне дочь твою, старуха,
Дай девицу мне в супруги».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Я отдам тебе девицу,
Дам тебе в невесты деву,
Если лебедя застрелишь,
Птицу сильную в потоке,
В черной речке Туонелы,
В той святой реке, в пучине.
Но лишь раз один стреляй ты
И пусти одну лишь стрелку».
Вот веселый Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли,
Хочет лебедя увидеть,
Длинношеего заметить
На реке Туони черной,
В нижней области Маналы.
Шел он быстрыми шагами,
Подошел весьма поспешно
Он к потоку царства мертвых,
К той святой реке, к пучине;
Лук закинут за плечами,
За спиной колчан повешен.
Но пастух тот в мокрой шляпе,
Тот слепой старик Похьёлы,
Стал у самой Туонелы,
У святой речной пучины
И смотрел кругом все время,
Не придет ли Лемминкейнен.[7]
Наконец, пастух однажды
Лемминкейнена увидел,
Как тот шел все ближе, ближе,
Шел к потоку Туонелы
Близ стремнины водопада,
Близ святой речной пучины.
Взял он словно трость из моря,
Из волны змею он поднял,
Лемминкейнену чрез печень,
Через сердце он вонзает,
Через левую подмышку,
Прямо в правую лопатку.
И веселый Лемминкейнен,
Пораженный, пал на землю.
Говорит слова такие:
«Поступил я очень дурно,
Что спросить не догадался
И у матери старушки
Не спросил я два словечка
И не больше, как три слова,
Как мне быть и что мне делать
В эти дни ужасных бедствий?

Есть слова от язв змеиных,
От укуса злой ехидны.
Мать, ведь ты меня носила
И, трудяся, воспитала!
Ты узнать, родная, можешь,
Где теперь твой сын несчастный.
Ты иди сюда поспешно,
Ты иди ко мне на помощь,
Чтоб я, бедный, был избавлен
От кончины в этом месте,
Чтоб я юношей проснулся
И пошел цветущий жизнью!»
Но пастух тот в мокрой шляпе,
Тот слепой старик Похьёлы,
К Лемминкейнену приблизясь,
Погрузил Калевы сына
В воды черные Туони,
В эту бурную пучину.
И веселый Лемминкейнен
С шумом падает в теченье;
Там шумит он с водопадом,
Со стремниной царства мертвых.
Весь в крови, слуга Туони
Меч вонзил в Каукомиэли,
Лезвием ударил острым,
Так что искры полетели;
Распластал скорее мужа,
На восемь частей разрезал,
Бросил в реку Туонелы,
В глубину воды Маналы:
«Ты лежи себе там вечно
С своим луком и колчаном,
Лебедей стреляй в потоке,
Птиц речных в теченьи мрачном».
Так скончался Лемминкейнен,
Тот жених неутомимый,
В глубине Туони черной,
На глубоком дне Маналы.

РУНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Мать возвращает Лемминкейнена к жизни

Лемминкейнена родная
Мать-старушка дома мыслит:
«Где теперь мой Лемминкейнен,
Где мой Ахти пропадает?
Не слыхать, чтоб возвратился,
Чтоб с дороги он вернулся».
И не ведала бедняжка,
Мать родная и не знала,
Где сынок ее остался,
Плоть и кровь ее где были:
На горе ли он сосновой,
В тихой местности пустынной,
На хребте ль морей шумящих,
В вечно пенистом теченьи,
Иль в боях проводит время,
Средь жестокого сраженья,
Пролито где крови много,
До колен где кровь доходит.
А красоточка Кюлликки
Во все стороны смотрела
В Лемминкейненовом доме,
На дворе Каукомиэли;
Смотрит вечером на щетку,
На нее же смотрит утром.
И случилося однажды,
Рано, в утреннее время,
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки.
Та красоточка Кюлликки
Говорит слова такие:
«Мой супруг пропал бесследно
И погиб Каукомиэли
На тропиночке безлюдной,
На неведомой дороге:
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки».
Тотчас мать Каукомиэли
Смотрит пристально на щетку,

Начинает горько плакать:
«Горе матери несчастной!
Как мне быть и что мне делать?
Вот уж милый мой сыночек,
То дитя мое родное,
До тяжелого дня дожил,
До несчастья, бедный мальчик.
Беды Каўко уж постигли:
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки».
И взяла подол свой в руки,
Захватила в руки платье,
Быстро мчится по дороге,
Изо всей стремится силы.
От шагов трясутся горы,
Возвышаются долины,
Понижаются высоты,
И наверх выходят глуби.
Вот пришла к домам Похьёлы,
Расспросила там о сыне
И слова такие молвит:
«О ты, севера хозяйка!
Ты куда послала сына,
Лемминкейнена младого?»
Лоўхи, севера хозяйка,
Так ответила старушке:
«Ничего о том не знаю,
Куда он запропастился;
Жеребца ему дала я,
Огневую лошадь в сани;
Верно, в проруби погиб он
Иль замерз на льдистом море,
Или волку в пасть попался,
Иль попал медведю в глотку».
Лемминкейнена мать молвит:
«Говоришь ты ложь прямую:
Не погубят род мой волки,
И медведь не тронет Ахти;
Он волков кидает пальцем,
Медведей руками валит.
Коль не скажешь ты мне правды,
Куда ты девала Ахти,
Я сломаю дверь овина,
Двери мельницы обрушу».
Молвит севера хозяйка:
«Я досыта накормила
И дала ему напиться,
Угостила всем довольно.
Посадила мужа в лодку,
Чтоб спустился по порогам,
Но я все-таки не знаю,
Где пропал твой сын несчастный;
Может быть, погиб он в пене,
Средь крутящейся пучины».
Лемминкейнена мать молвит:
«Говоришь ты ложь прямую;
Ты скажи открыто правду,
Положи конец неправде.
Ты куда девала Ахти,
Где сейчас мой Калевайнен?
Иль тебя постигнет гибель,
Тотчас смерть тебя похитит».
Молвит севера хозяйка:
«Ну, теперь скажу я правду.
Я его сперва послала
За оленем быстроногим,
А потом за жеребенком,
Чтоб его взнуздал уздою,
Да за лебедем послала,
Чтоб поймал святую птицу.
Но я все-таки не знаю,
Может быть, несчастье было
Или так он задержался;
Не слыхать, чтоб он вернулся
За невестою своею,
За моею милой дочкой».
Мать все ищет, где исчез он,
Все боится, что пропал он;
Точно волк, бежит болотом,
Как медведь, в лесах все рыщет,
По воде плывет, как выдра,
Барсуком бежит по полю,
Точно еж, бежит по мысу
И по берегу, как заяц.
Камни в сторону бросает
И стволы деревьев валит,
Хворост в сторону швыряет
Вместо мостика чрез топи.
О пропавшем мать тоскует,
Заблудившегося ищет;
У деревьев вопрошает
О своем пропавшем сыне.
И сосна ей так сказала,
Дуб ответил неохотно:
«О себе лишь я забочусь.
О твоем ли думать сыне?

Жребий выпал мне жестокий,
И постигнут я несчастьем:
Из меня ведь колья тешут,
Из меня дубинки режут,
На дрова меня изводят,
Скоро я совсем исчезну».
Долго сгибнувшего ищет,
Долго ищет, не находит.
Ей встречается дорога;
У нее она спросила:
«Богом данная дорога,
Не видала ль ты сыночка,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»
Ей разумно отвечает,
Говорит ей та дорога:
«У меня заботы много.
О твоем ли думать сыне?
Жребий выпал мне жестокий,
Я постигнута несчастьем:
Все бегут по мне собаки,
Проезжают здесь колеса,
Сапогами сильно топчут,
Прижимают каблуками».
Долго сгибнувшего ищет,
Долго ищет, не находит.
Той дорогою шел месяц;
Так она ему взмолилась:
«Богом данный месяц ясный!
Не видал ли ты сыночка,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»
Сотворенный богом месяц
Ей разумно отвечает:
«У меня забот довольно.
О твоем ли думать сыне?
Жребий выпал мне жестокий,
И постигнут я несчастьем:
Я один блуждаю ночью
И свечу в мороз жестокий;
Я зимой на строгой страже,
А на лето пропадаю».
Долго сгибнувшего ищет,
Долго ищет, не находит.
Солнце ей идет навстречу;
Так его мать умоляет:
«Богом созданное солнце!
Не видало ль ты сыночка,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый?»
И про это знало солнце,
Ей в ответ оно сказало:
«Твой погиб уже сыночек,
Уж скончался он, несчастный,
На реке Туони черной,
В глубине воды Маналы.
В водопад его столкнули
И спустили по порогам
В дебри темные Маналы,
На равнины Туонелы».
Лемминкейнена мать стала
О потере сына плакать.
К кузнецу пошла, сказала:
«О кователь Илмаринен!
Ты ковал вчера и раньше,
Поковать прошу сегодня:
Выкуй грабли с ручкой медной
И с зубцами из железа,
Чтоб зубцы в сто сажен были,
Чтоб была в пять сажен ручка».
И кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Ручку медную ей сделал,
Стал зубцы ковать для грабель,
Чтоб длиной в сто сажен были,
Чтоб в пять сажен была ручка.
Лемминкейнена мать тотчас
Эти грабли захватила,
Подбежала к Туонеле,
Так упрашивает солнце:
«Богом созданное солнце!
Самому творцу ты светишь;
Посвети ты раз сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся,
В третий раз как можно жарче:
Усыпи ты злое племя,
Ты расслабь народ Маналы,
Утоми Туони царство».
Богом созданное солнце,
Божье чадо дорогое,
На дупло березы село,
На изгиб ольхи нагнулось,
Засветило раз сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся,
В третий раз как можно жарче,
Усыпило злое племя

И расслабило Маналу,
Всех там юношей с мечами,
Стариков с дубьем сидящих,
Средний возраст — копьеносцев;
И парит, летя оттуда,
К небу ровному, взлетая
На насиженное место,
На старинное местечко.
Мать тогда взялась за грабли
С их железными зубцами;
Загребает, ищет сына,
В многошумном водопаде,
Средь бурливого потока —
Загребает, не находит.
Вот она цепляет глубже
И сама вступила в воду,
По подвязку стала в волны
И до пояса в теченье,
Загребает по потоку,
По теченью ищет сына,
А потом идет напротив;
Раз проходит, и другой раз,
Ловит там рубашку сына,
Ловит с тяжкою печалью;
Вновь рекой она проходит,
Тащит шапку и чулочки,
Те чулки печально тащит,
Тащит шапку с болью в сердце.
Вновь затем ступила глубже,
В глуби самые Маналы,
По длине проводит грабли,
Поперек ведет в другой раз,
В третий наискось проводит,
Наконец, при третьем разе,
Сноп огромный захватила
На зубцы железных грабель.
Но не сноп она схватила:
Сам веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
На зубцах тех появился,
Зацепясь ногою левой,
Безымянным только пальцем.
Показался Лемминкейнен,
Тот веселый Калевайнен,
На богатых медью граблях,
На волнах прозрачных моря;
Но кусков недоставало,
Головы куска с рукою
И других частей некрупных;
Нехватало также жизни.
Начала тогда мать думать
И в слезах сказала слово:
«Или здесь не выйдет мужа,
Иль не станет здесь героя?»
Ворон те слова услышал
И в ответ сказал ей слово:
«Кто исчез, не станет мужем,
Кто погиб, уж жить не будет;
Уж сиги глаза пожрали,
И разъели плечи руки;
Брось его в поток обратно,
Брось в теченье Туонелы:
Может быть, тюленем будет
Иль в кита там превратится».
Лемминкейнена мать все же
Не бросает сына в воду,
С бодрым духом пропускает
Снова грабли через воду
По длине реки Туони,
По длине и поперечно.
Головы часть ловит, руку
И спинных костей частицы,
Кости бедренной кусочки
И других кусочков много.
Составляет тело сына,
Лемминкейнена родного.
Мясо к мясу прилагает,
Примеряет верно кости,
Член привязывает к члену
И сжимает сильно жилы.
Крепко связывает жилы,
Вяжет их концы друг с другом,
Нити жил она считает,
Говорит слова такие:
«Дева жил, стройна ты ростом!
Суонетар,[1] жил богиня,
Ты прядешь прекрасно жилы,
Пряха с стройным веретенцем,
С медным остовом у прялки,
Также с колесом железным.
О, приди, тебя прошу я,
Принеси, я умоляю,
Связку жил своей рукою,
Связку кож в поле у платья,
Чтоб связать покрепче жилы,
Их концы скрепить покрепче

В страшных ранах, здесь открытых,
И в щелях, что здесь зияют.
Если ж этого все мало,
Есть на воздухе высоком
Дева в крытой медью лодке,
В челноке, покрытом красным.
С воздуха сойди, девица,
С середины неба, дева,
Проплыви по этим жилам,
Проплыви по членам, дева,
По пустым костям ты плавай,
По щелям средь этих членов.
Положи на место жилы,
Где они лежали прежде;
Ты зашьешь большие жилы
И устроишь их биенье,
Перевяжешь сухожилья,
Свяжешь маленькие жилы.
Ты возьмешь иглу помельче,
Нитку шелковую вденешь,
Будешь шить иголкой мягкой,
Будешь штопать оловянной,
Жил концы иголкой стянешь,
Ниткой шелковою свяжешь.
Если ж этого все мало,
Сам приди, земли создатель,
Запряги коней ты быстрых,
Бегунов своих ретивых,
Проезжай на пестрых санках
По костям, по этим членам,
По трепещущему мясу,
Проезжай по жилам шумно,
Привяжи к костям ты мясо,
Привяжи ты жилу к жиле,
Положи сребро на связки,
Золото на ранах в жилах.
Там же, где расселась кожа,
Дай расти ты новой коже;
Где разорванные жилы,
Там ты связывай покрепче.
Где ж пропало много крови,
Там налей ты крови новой.
Где разбиты были кости,
Там пусть сызнова срастутся.
Где растерзанное мясо,
Там свяжи его покрепче,
Положи его на место,
Где оно лежало прежде.
К кости кость и мясо к мясу,
Прикрепи ты члены к членам».
Собирает мать сыночка,
Мужа, славного героя,
Чтобы зажил он, как прежде,
В том же виде, как был раньше.
Скреплены все жилы были,
Были связаны концами;
Но не может молвить слово,
Говорить сынок не может.
Молвит мать слова такие
И такие речи молвит:
«Где теперь возьму я мази,
Где возьму медовых капель,
Чтобы бедного помазать,
Чтоб несчастного поправить,
Чтоб он мог промолвить слово,
Чтоб уста открыл для песен?
Птичка меда, божья пчелка,
Ты, лесных цветов царица,
Принеси, пойди, ты меду,
Принеси сотов ты сладких
Из Метсолы [2] благовонной,
Из разумной Тапиолы,
Взяв из чашечек цветочных,
Из головок трав душистых,
Чтоб могла унять я боли,
Утолить страданья сына».
Пчелка, быстренькая птичка,
Полетела, запорхала
К той Метсоле благовонной,
К той разумной Тапиоле;
На лугах сосет цветочки,
Языком медок сварила
Из концов цветочков этих,
Из ста злаков, там цветущих,
И жужжа летит обратно,
Прилетает быстро с шумом;
Крылья полны сладким медом,
Полны перышки сотами.
Лемминкейнена мать тотчас
Принимает мазь у пчелки,
Сына тою мазью мажет,
Неудачника врачует.
Все же мазь не помогает,
Муж не может молвить слова.
Молвит мать слова такие:
«Пчелка, милая ты птичка,

Ты лети в иные страны;
За девятым морем будешь —
Ты спустись на остров в море,
На медовые поляны,
В новый дом лети ты к Тури,[3]
К тем Палвойнена[4] жилищам;
Там медок есть благодатный,
Там чудесные есть мази:
Жилу всякую скрепляют,
Всякий член они врачуют;
Принеси мне этой мази,
Принеси мне средств волшебных,
Чтоб беду поправить эту
И несчастье уничтожить».
Пчелка, легкий человечек,
Вновь обратно запорхала,
За девять морей несется,
Пол десятого промчалась;
День летит, летит другой день,
Так летит она и третий,
В камышах не отдыхая,
Не садясь на листочки;
Мчится к острову на море,
На медовые поляны,
К водопаду огневому
И к святой речной пучине.
Там был мед уже сваренный,
Мазь была совсем готова
В малых глиняных сосудах
И в котлах прекрасных медных —
Все длиною только в палец,
Шириною в кончик пальца.
Пчелка, быстрый человечек,
Собрала прилежно мази.
Мало времени проходит,
Протекло одно мгновенье,
Уж летит жужжа обратно
И спешит, как только может,
Держит в лапках шесть скорлупок,
Семь скорлупочек на спинке;
Все полны хорошей мазью
И волшебным сильным средством.
Лемминкейнена мать тотчас
Мажет сына этой мазью;
Девять мазей приложила,
Восемь разных средств волшебных;
Не приносят средства пользы,
Ничего не могут сделать.

Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Птичка воздуха, ты, пчелка!
В третий раз уж ты отправься
На небесные высоты;
За девятым небом будешь —
Там найдешь ты много меду,
Меду сыщешь сколько хочешь:
Бог его употребляет,
Только сам святой создатель;
Он детей своих им мажет
В их страданьи от злой силы;
Обмакни в медок ты крылья,
Перья легонькие в сладость,
Принеси сотов на крыльях,
На своей покрышке меду,
Чтоб утешить эти боли
И страданье уничтожить».
Пчелка, умная та птичка,
Говорит слова такие:
«Как же я туда достигну,
Я, бессильный человечек?»
«Полетишь отсюда славно,
Зажужжишь вверху прекрасно
Выше месяца под солнцем,
Мимо дивных звезд небесных.
В первый день там пролетая,
Ты виски луны заденешь,
На другой день подлетишь ты
У Медведицы к лопатке,
А на третий станешь выше
Семи звезд. Над их спиною
Не длинна уж там дорога,
Небольшая лишь полоска
Там до божьего сиденья,
До убежища святого».
Поднялась с земли та пчелка,
Поднялась на крыльях с дерна,
Опахалом нежным машет,
Вверх летит на быстрых крыльях.
Над двором луны взлетает,
Край затронула у солнца
И Медведицыны плечи,
Семи звезд задела спину.
Полетела в погреб к богу,
К всемогущему в чуланы.
Там готовилося средство,
Там вываривались мази.

Там в серебряных кувшинах,
В золотых котлах богатых
Посредине мед варился,
По бокам помягче мази;
Мед готовился на солнце,
Ночью же варились мази.
Птичка воздуха, та пчелка,
Много меду набирает
И сотов как можно больше.
Мало времени проходит —
Уж жужжит она обратно,
Уж назад слетает с шумом;
Сто рожков приносит в лапках,
Тысячу сосудов разных,
Полных медом и водою,
Полных самых дивных мазей.
Лемминкейнена мать тотчас
В рот берет поспешно мази,
На язык берет отведать,
Оценить желает строго:
«Это — мазь, какой ждала я;
Вот таинственное средство;
Им сам бог всевышний мажет,
Утоляет боль создатель».
Мазью сына натирает,
Несчастливца ею лечит;
Мажет кости по расщепам,
Члены мажет по разрезам,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет также в середине,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Пробудись от сна, сыночек,
Ты оставь свою дремоту
В этом бедственнейшем месте,
В столь ужасном положеньи».
Он от сна освободился,
Пробудился от дремоты;
Мог теперь сказать он слово,
Языком он так промолвил:
«Долго спал я на свободе,
Продремал, ленивый, долго —
Ну, и выспался ж чудесно,
Погруженный в сон глубокий!»
Лемминкейнена мать молвит,
Говорит слова такие:
«Спал бы ты еще побольше,
Пролежал бы ты подольше
Здесь без матери, несчастный,
Без меня, тебя носившей.
Но скажи, сынок мой бедный,
Сообщи мне, дай услышать:
Кто тебя унес в Маналу,
Кто послал к реке Туони?»
Молвил юный Лемминкейнен,
Так он матери ответил:
«Пастушонок в мокрой шляпе,
Дед слепой страны дремотной —
Он меня в Маналу бросил
И толкнул меня он в реку.
Из воды змею он вызвал,
Он из волн послал гадюку
На усталого героя.
Я не знал, что с нею сделать,
Как лечить укус гадюки,
Рану от змеи той злобной».
Лемминкейнена мать молвит:
«О ты, муж недальновидный!
Шел ты против чародеев,
Ты хотел заклясть лапландцев,
А не ведал язв змеиных,
Укушенья злой гадюки.
От воды змеи начало;
Родилась она в потоке
Из мозгов хороших утки,
Из мозгов приморской чайки,
От слюны злой Сюэтер,[5]
Что бросала слюни в воду.
Волны слюни растянули,
Осветило солнце слюни;
На воде качал их ветер,
Колыхало дуновенье;
Погнало их с вод на берег
И отбросило прибоем».
Вот качает мать сыночка,
Лемминкейнена качает,
Возвращает к прежней жизни,
Чтобы стал он, как был раньше,
Чтобы стал он даже лучше
И красивее, чем прежде,
И тогда ответить просит,
Что еще сыночку надо.
Отвечает Лемминкейнен:
«Мне еще не мало надо.
Я свое оставил сердце,
Я свои оставил думы

Там в Похьёле вечно мрачной,
У прекраснокудрой девы.
Слушать старая не хочет:
Не отдаст она мне дочки,
Если птицу не поймаю,
Если лебедя не дам ей
Из реки Маналы мрачной,
Из святой речной пучины».
Лемминкейнена мать молвит,
Говорит слова такие:
«Пусть плывут здесь птицы мирно,
Пусть плывут спокойно утки
По реке Туони черной,
В этой огненной пучине.
Ты иди к родным пределам
Вместе с матерью печальной,
Будь судьбе ты благодарен,
Восхвали ты бога в сердце:
Он послал благую помощь,
Возвратил тебя он к жизни
Из пределов Туонелы,
Из пределов злой Маналы.
И чего бы я достигла,
Что могла бы я исполнить
Без всезнающего бога,
Без помощника благого?»
Встал веселый Лемминкейнен
И пошел он прямо к дому
Вместе с матерью любимой,
Вместе с нею, престарелой.
Но оставлю здесь я Каўко,
Лемминкейнена покину,
Изменю я слов теченье,
Поверну я быстро пенье,
Поверну к другим предметам,
Поведу иной дорогой. [6]

Руна шестнадцатая

Вейнемейнен сходит в царство мертвых

Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Лодку вытесать задумал.
Хлопотал он сделать шлюпку
На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке;
Только не было деревьев,
И досок недоставало.
Кто же дерева достанет.
Кто стволы дубов доставит
Вейнемейнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать?
Это — Сампса, мальчик малый,
Пеллервойнен, сын поляны.
Он найдет ему деревьев,
Он стволы дубов доставит
Вейнемейнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать.
Вот пошел он по дороге
На восточные поляны,
Подошел к горе, к другой он.
Подошел к горе и к третьей:
Золотой топор он держит
С рукояткою из меди.
Тут осина повстречалась
Вышиною в три сажени.
Он хотел срубить осину,
Топором ее низринуть,
Но осина молвит слово,
Говорит ему поспешно:
«От меня чего ты хочешь,
Получить ты что желаешь?»
Молвит Сампса Пеллервойнен,
Отвечает он осине:
«Вот, осина, что мне нужно,
Вот чего я здесь желаю:
Я ищу досок для лодки,
Для челна певца деревьев».

И в ответ ему сказала
Так ветвистая осина:
«Потечет, утонет лодка,
Если будет из осины;
Пустотою ствол мой полон:
Ведь уж трижды в это лето
Червь протачивал мне сердце,
У корней моих ложился».
Слышит это Пеллервойнен
И идет своей дорогой.
Он идет спокойным шагом
Прямо к северным полянам.
Встретил он сосну дорогой:
Вышиной она в шесть сажен.
Топором сосну ударил,
Стукнул он сосну киркою,
Говорит слова такие:
«Будешь ли, сосна, пригодна
Вейнемейнену для лодки,
Будешь ли хорошим судном?»
И сосна так отвечает,
Громким голосом так молвит:
«Из меня челнок не выйдет,
Шестиреберная лодка;
Я испорчена давно уж:
Трижды ворон в это лето
Здесь высиживал в вершине
Воронят, своих детишек».
Слышит это Пеллервойнен,
И пошел блуждать он дальше.
Он пошел спокойным шагом,
Вышел к области на юге;
Дуб дорогой повстречался,
Девять сажен дуб в обхвате.
Вопрошает он у дуба:
«Ты, мать-дерево, быть может,
Годно на постройку судна,
На помост военной лодки?»
Дуб разумно отвечает,
И в ответ он молвит слово:
«Дерева во мне довольно,
Чтобы сделать киль у лодки.
Статен я, без недостатков,
Пустоты внутри не знаю:
Ведь уж трижды в это лето,
В самый жаркий промежуток,
Внутрь меня сходило солнце
И сиял в вершине месяц,
На ветвях кукушка пела,
Наверху сидели птички».
Слышит это Пеллервойнен
И топор с плеча снимает,
Ударяет он по дубу,
Лезвием он рубит острым,
Скоро дерево роняет,
Стройный дуб на землю валит.
Отрубает он вершину,
Разрубает ствол древесный
И для дна полоски рубит;
Нарубил досок без счету
На челнок певцу прекрасный,
Вейнемейнену на лодку.
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Строит лодку заклинаньем;
Он челнок сбивает пеньем
Из кусков большого дуба,
Из частей его древесных.
Песню спел — и дно готово,
Спел еще — бока явились,
Третью песню спел — и сделал
Все уключины для весел,
Укрепил концы у ребер
И их стороны приладил.
Были сплочены уж ребра,
Были связаны друг с другом —
Трех словечек нехватило,
Чтоб устроить в лодке рейки,
Чтобы киль скорей окончить,
Чтобы борт скорей приделать.
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Говорит слова такие:
«Вот настали дни несчастья!
Не спустить челна на море,
Новой лодочки на волны».
Он подумал и размыслил,
Где найти ему три слова,
Получить те заклинанья:
Не в мозгах ли у касаток,
Не в мозгах ли лебединых,
Не в гусиных ли лопатках?
Он пошел искать три слова.
Лебедей убил он кучу
И гусей большое стадо,
Много ласточек убил он,

Но найти не может слова,
Не нашел он и полслова.
Он подумал и размыслил:
«Не найду ль я тех словечек
В языках оленей летних
Иль во рту у белой векши?»
Он пошел искать три слова,
Он пошел ловить заклятья;
Перебил табун оленей,
Настрелял он связку белок,
Много разных слов находит,
Но помочь они не могут.
Он подумал и размыслил:
«Сотню слов найду наверно
Я в жилищах Туонелы
И в строениях Маналы».
Он пошел, чтоб взять три слова
В царстве мрачного Туони.
Шел он быстрыми шагами,
Шел неделю чрез кустарник,
Через заросли — другую,
Можжевельником шел третью;
Увидал Туони остров,
Увидал он холм Маналы.
Старый, верный Вейнемейнен
Громким голосом воскликнул
У потока Туонелы,
У глубоких вод Маналы:
«Дай мне лодку, дочь Туони,
Дай паром, дитя Маналы,
Чтобы реку перейти мне,
Чрез пролив туда добраться».
Дочь Туони небольшая,
Дева малая Маналы,
У воды там мыла платье
И белье там полоскала,
На реке Туони мрачной,
У глубоких вод Маналы;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Подойдет отсюда лодка,
Если скажешь ты причину,
По какой пришел в Маналу,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И никем не умерщвленный».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Взял меня сюда Туони,
Притащил со света Мана».
Дочь Туони небольшая,
Дева малая Маналы,
Говорит слова такие:
«Ты болтаешь понапрасну!
Если б взял тебя Туони,
Притащил со света Мана,
Сам бы нес тебя Туони,
Сам тащил бы Маналайнен,
Дал бы сам Туони шапку,
Дал бы Мана рукавицы.
Молви правду, Вейнемейнен,
Что тебя влечет в Маналу?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Привело меня железо,
Сталь ведет меня в Маналу».
Дочь Туони небольшая,
Дева малая Маналы,
Говорит слова такие:
«Болтуна я слышу снова!
Если бы тебя железо
Привело к реке Туони,
То текла бы кровь по платью,
Шумно б красная струилась.
Молви правду, Вейнемейнен,
Хоть теперь ее скажи мне».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Принесла меня стремнина,
Привлекла вода к Туони».
Дочь Туони небольшая,
Дева малая Маналы,
Говорит слова такие:
«Вот сейчас лгуна я слышу!
Если бы тебя стремнина
Принесла во тьму Туони,
То текла б вода по платью,
По одежде бы струилась.
Ты скажи открыто правду:
Что влечет тебя в Маналу?»
Снова старец Вейнемейнен
Деве той солгать решился:
«Взял огонь меня в Маналу,
Принесло к Туони пламя».
Дочь Туони небольшая,
Дева малая Маналы,

16. Вейнемейнен сходит

Говорит слова такие:
«Ложь твою я вижу ясно:
Если бы тебя в Маналу,
В царство мертвых, взяло пламя,
Спалены бы были кудри,
Борода бы повредилась.
О ты, старый Вейнемейнен,
Если хочешь сесть на лодку,
Должен ты сказать всю правду,
Положить конец неправде:
Ты зачем пришел в Маналу,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И никем не умерщвленный?»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Я солгал тебе немножко,
Не сказал тебе я правды.
Ну, теперь скажу наверно.
Я заклятьем сделал лодку,
Я челнок построил пеньем;
Пел я день и пел другой день,
Но на третий день сломал я
Санки дивного заклятья.
Я сломал полозья пенья
И пошел сюда в Маналу,
Чтобы взять себе буравчик,
Починить для песен санки,
Сани заново исправить.
Ну, теперь пошли мне лодку,
Твой паром пришли оттуда,
Чтоб я мог туда проехать,
Чрез пролив земли достигнуть».
Забранилась дочь Туони,
Дева Маны заругалась:
«О ты, глупый, сумасшедший,
Человек с рассудком слабым!
Без причины, без болезни
Ты идешь сюда к Туони.
Шел бы лучше ты обратно,
Шел бы в собственную землю;
К Маше многие приходят,
Но немногие уходят».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Сомневаются пусть бабы,
А не муж, хоть самый слабый,
Не герой, хоть самый жалкий.
Дай мне лодку, дочь Туони,
Дай паром, дитя Маналы».
Дочь Туони едет в лодке,
Вейнемейнена седого
Чрез пролив переправляет,
Перевозит через реку,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Ты живой пришел к Туони,
Не умерший в царство Маны!»
Вот хозяйка Туонетар,
Эта старица Маналы,
Принесла в сосуде пиво,
Держит кружку за две ручки,
Говорит слова такие:
«Выпей, старый Вейнемейнен».
Старый, верный Вейнемейнен
Осмотрел пивную кружку:
Там внутри кричат лягушки,
По краям лежат там черви.
Молвил он слова такие:
«Не за тем сюда пришел я,
Чтобы пить из кружки Маны,
Осушать сосуд Туони.
Кто пьет пиво, тот пьянеет;
Кто пьянеет, часто гибнет».
Но хозяйка Туонелы
Молвит: «Старый Вейнемейнен!
Ты зачем пришел в Маналу,
В царство мрачное Туони,
Прежде чем тебя звал Мана,
Чем потребовал Туони?»
Молвит старый Вейнемейнен:
«Я себе там строил лодку,
Я челнок готовил новый;
Было нужно мне три слова,
Чтоб скрепить концы плотнее,
Чтоб покрыть корму у лодки.
Не нашел я трех словечек,
Не достал я их на свете,
Должен был итти к Туони,
Должен был итти в Маналу,
Чтоб достать себе три слова,
Чтобы выучить заклятье».
Но хозяйка Туонелы
Говорит слова такие:
«Слов тебе не даст Туони.
Ты не можешь уж отсюда
В дом родной к себе вернуться,
Выйти в собственную землю».

В сон героя погружает,
Отдыхать кладет пришельца
На постели у Туони.
Там лежит герой в дремоте,
В сон глубокий погруженный,
Раскидав свою одежду.
Там была одна старуха
С острой челюстью отвислой,
Пряха ниток из железа,
Отливала нить из меди;
Сто сетей она напряла,
Сеток тысячи связала
Как-то ночью, теплым летом,
Где-то там в воде на камне.
Был один старик в Манале,
У него три пальца были;
Из железа плел он сети,
Сети медные готовил:
Сто сетей наплел он, старый,
Сеток тысячу окончил
Той же ночью, теплым летом.
Там в воде на том же камне.
У Туони сына пальцы
Были крючья из железа;
Сто сетей он расставляет
На проливе Туонелы,
Поперек и вдоль их ставит,
Чтоб не вышел Вейнемейнен
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц,
Из строений Туонелы.
Из жилищ Маналы мрачной.
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Не пришло ль ко мне несчастье,
Не обрушились ли беды
Здесь в жилищах Туонелы
И в строениях Маналы?»
Быстро вид свой изменил он
И в другом явился теле;
Черный, он стремится в море,
Тонкий, он скользит в трясину;
Он ползет, как червь железный.
И скользит змеею черной
Чрез потоки Туонелы,
Через сто сетей Маналы.
Сын Туони поднял пальцы.
Посмотреть пошел на сети.
Там нашел форелей сотню,
Рыбок тысячу помельче,
Не нашел он только Вейно,
Не нашел он друга моря.
Вышел старый Вейнемейнен,
Вышел он из Туонелы
И сказал слова такие
И такие речи молвил:
«Никогда, о бог мой добрый,
Никому не дозволяй ты
Своевольно быть у Маны,
Проникать в Туони царство.
Много к ним туда приходит,
Но немногие уходят
Из строений Туонелы,
Из жилищ Маналы темной».
Дальше так он молвил слово,
Так сказал он молодежи,
Что теперь лишь подрастает,
Молодому поколенью:
«Никогда, сыны земные,
Никогда в теченье жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным,
Чтоб не видеть вам возмездья
В тех жилищах у Туони!
Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе:
Под горячими камнями,
Под пылающим утесом,
Там для них покров уж соткан
Из червей, из змей Туони».

Руна семнадцатая

Вейнемейнен сходит в утробу Випунена

Старый, верный Вейнемейнен
Не выносит трех словечек
Из строений Туонелы,
Из жилищ Маналы мрачной.
Он все думает упорно,
Рассуждает сам с собою:
Где б он мог найти три слова,
Где достать те заклинанья?
Шел пастух ему навстречу,
Говорит слова такие:
«Слов найти ты можешь сотню,
Песен тысячу узнаешь:
Випунен [1] тебе их скажет,
В его чреве их найдешь ты.
К Випунену есть дорога,
Есть на место то тропинка.
Не из лучших та дорога,
Не совсем она из худших:
Часть пути пройти ты должен
По концам иголок женских;
А другую часть пройдешь ты
По концам мечей железных;
Третью часть пройти придется
По секирам заостренным».
Старый, верный Вейнемейнен
Поразмыслил о дороге,
К кузнецу пошел, к горнилу,
Говорит слова такие:
«О кователь Илмаринен,
Выкуй обувь мне из стали,
Сапоги мне из железа
Да железную рубашку;
Сделай мне рычаг железный,
Из хорошей стали ворот;
Ты его из стали сделай,
Обтяни вокруг железом.
Я хочу достать три слова
И добыть себе заклятий;

Випунен их мне откроет,
В его чреве их найду я».
Тут кователь Илмаринен
Говорит слова такие:
«Випунен давно уж умер,
Антеро [2] давно скончался,
Уж силков давно не ставит
И сетей не расставляет.
У него ты не узнаешь,
Не найдешь ни полсловечка».
Старый, верный Вейнемейнен,
Несмотря на то, уходит.
В первый день проходит быстро
По концам иголок женских,
А в другой с трудом проходит
По концам мечей героев
И идет, качаясь, в третий
По секирам заостренным.
Випунен, тот песнопевец,
Тот могучий, сильный старец,
Возлежал там, протянувшись,
С заклинаньями и с пеньем;
На плечах его осина,
На висках его береза
И ольха на подбородке,
В бороде нависли ивы;
Изо лба тянулись ели,
Меж зубов качались сосны.
Появился Вейнемейнен,
Меч железный обнажает,
Из ножен, из кожи тащит,
С чресл своих его снимает,
На плечах осину рубит,
На висках березу валит,
Ольхи валит с подбородка,
В бороде он рубит ивы
И на лбу густые ели,
На зубах он рубит сосны.
Кол железный он втыкает
Випунену в рот огромный,
В отвратительные десны,
Чрез скрежещущую челюсть;
Говорит слова такие:
«Встань, служитель человека,
Под землею здесь лежащий,
В сон глубокий погруженный!»
Випунен, тот песнопевец,
Оставляет сон глубокий;
Он удар жестокий чует,
Ощущает он страданье,
Кол железный он кусает,
Челюстями жмет железо,
Но прогрызть не может стали,
Прокусить нутро железа.
Старый, верный Вейнемейнен,
Во рту стоя, спотыкнулся,
Поскользнулся внутрь ногою.
Он скользит ногою левой
К Випунену в рот огромный,
Между скул его костлявых.
Випунен, тот песнопевец,
Открывает рот пошире,
Угол рта он расширяет;
Проглотил с мечом героя,
Пропустил его чрез горло,
Вейнемейнена седого.
Випунен, тот песнопевец,
Говорит слова такие:
«Ел я многое на свете:
Я глотал козу с овцою
И нестельную корову,
Кабана глотал бывало,
Но такого никогда я
Не попробовал кусочка».
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Вижу я, пришло мне горе,
Разразилося несчастье
Надо мною в склепе Калмы,
В загородке злого Хиси».
Он подумал и размыслил:
Как же быть и что же делать?
У него был нож на чреслах,
Вся в прожилках рукоятка;
Из нее челнок он сделал,
Лодку выстроил искусно
И поплыл на этой лодке,
По кишкам гребя повсюду;
Он гребет по всем проходам
И с трудом по закоулкам.
Випунен, тот песнопевец,
Не был этим растревожен.
И тотчас же Вейнемейнен
Приготовился к кованью;
Начал он ковать железо,
Обратил рубашку в кузню,

Рукава мехами сделал,
Шубу сделал поддувалом,
Из штанов устроил трубы,
Из чулок отверстье печи;
Стал ковать он на колене;
Молотком рука служила.
Он ковал с ужасным шумом,
Колотил с ужасным стуком,
Напролет ковал он ночи,
Днем ковал, не прекращая,
Там в желудке великана,
В животе у чародея.
Випунен, тот песнотворец,
Говорит слова такие:
«Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
Проглотил я сто героев,
Я до тысячи пожрал их,
Но не ел тебе подобных.
Мне до рта доходит уголь,
К языку мне жар подходит,
В горло чад идет с железа.
Выходи оттуда, изверг,
Убегай скорей, мучитель,
Иль я к матери отправлюсь,
Все скажу твоей старухе;
Если матери скажу я,
Все открою ей, старухе,
Будет мать твоя печальна,
Тяжело старушке будет,
Что сын дурно поступает,
Что дитя столь плохо стало.
Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть:
Как ты в чреве оказался,
Как попал туда ты, изверг,
Чтоб кусать меня и мучить,
Пожирать и рвать ужасно?
Или ты — болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним?
Или мне тебя наслали,
Причинили вред другие?
Иль пришел сюда за плату,
Поместился здесь за деньги?
Если ты — болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним,
То себя творцу я вверю,
Воле вышнего отдамся:
Славных бог не оставляет,
Никогда не губит храбрых.
Если ж мне тебя наслали,
Причинили вред другие,
То найду твое начало,
Отыщу происхожденье.
Появилось повреждение
И несчастье от заклятий
В круге сильных чародеев,
У певцов весьма искусных,
На седалище злых духов,
На гадательских полянах.
На равнинах бога смерти,
Изнутри земли явилось,
Из жилищ мужей умерших,
Из домов людей погибших,
Из распухшей вышло почвы,
Из земли, повсюду взрытой,
Из кремней, крутимых ветром,
Из песков, обильных шумом,
Из долин, идущих книзу,
Из болот, лишенных моха,
Из волны, шумящей вечно
По просторам бесконечным,
Из лесов дремучих Хиси,
И из рощ тенистых Лемпо,
Из шести расщелин темных,
Из пяти ущелий горных,
С тех покатостей гор медных
И с вершин, рудою полных,
С многошумной серой ели
И с сосны, шумящей сильно,
Из дуплистых старых сосен,
Из гнилого леса елей,
Из дрянной норы лисицы
И с лесных полян оленей,
Из скалистых нор медведей,
Из пещеры косолапых,
Из краев Похьёлы дальней,
Из большой страны лапландской,
Из тех рощ, где нет побегов,
И с полей, не знавших плуга,
Да с больших равнин сраженья
И с тех мест, где бьются мужи,
С трав помятых очень сильно
И из крови, что дымится,
С дальнего хребта морского
С безграничной той равнины,

Из покрытой илом глуби,
Глуби тысячесаженной,
Из шипящего потока,
Из огнем кипящей бездны,
Из больших порогов Рутьи,
Из стремнины водопада,
С половины задней неба,
С облаков далеких, тонких,
Со стези ветров весенних,
С места их отдохновенья.
Ты зачем оттуда вышел,
Ты зачем пришел оттуда
В это сердце, что невинно,
В это чрево, что безгрешно,
Чтоб кусать и рвать то чрево,
Пожирать и драть ужасно?
Выходи, собака Хиси,
Вылезай, собака Маны,
Выйди, чудище, из чрева,
Из моей печенки, изверг!
Ты не рви мою грудину,
Не тревожь мне селезенку,
Не тряси ты мой желудок,
Не повертывай ты легких,
Не просверливай пупок мой,
Ты моих висков не трогай
И не мучь хребта спинного,
Не раскалывай ты бедер.
Если я не муж, как должно,
Мужа я пошлю получше,
Чтоб прогнать беду оттуда,
Чтобы чудище извергнуть.
Жен земли я снизу кликну,
Позову хозяев с поля,
Из земли мужей с мечами,
Из песков верхом героев —
Всех на помощь мне я кликну,
На подспорье мне, на пользу
При моих страданьях тяжких,
При ужаснейших мученьях.
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти ты не хочешь,
Приходи ты, лес, с мужами,
Можжевельник со слугами
И с народом лес сосновый,
Озерцо с детьми своими,
Сто героев, все с мечами,
Тысяча мужей железных,
Чтобы дьявола извергнуть,
Раздавить лихую болесть.
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти ты не хочешь
Ты, о мать воды, явися
Из волны в повязке синей,
Из потока в мягком платье,
В чистоте из тины выйди,
Мужу слабому защитой,
Мне, герою, исцеленьем,
Чтоб невинно не был пожран,
Без болезни б я не умер.
Если ж то тебе не страшно.
Если выйти ты не хочешь,
Дочь прекрасная творенья,
Ты, краса, златая дева,
Ты, древнейшая из женщин,
Ты, что мать была всех раньше,
Посмотри на эти боли,
Отврати, приди, несчастье,
Удали мои страданья
И мучителя извергни.
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти ты не хочешь,
Укко, ты, что в высях неба,
Что сидишь средь туч гремящих,
Ты сойди, тебя прошу я,
Поспеши, я призываю,
Изгони дурное дело,
Удали очарованье
Ты мечом своим огнистым
И клинком, дающим искры.
Вылезай отсюда, изверг,
Убегай скорей, мучитель!
Не твое ведь здесь жилище,
Не твоя ведь тут обитель.
Коль тебе жилище нужно,
Коль себе ты ищешь дома,
Ты ищи подальше места,
Обиталища подальше,
Близ хозяйского жилища,
У дверей твоей хозяйки.
Но когда туда достигнешь,
До конца пройдешь дорогу,
К отцу-матери поближе
И к родительскому стаду,
Дай им знак, что ты на месте,
Укажи им, что ты прибыл,

Застучи, как треск тромовый,
Заблести, как блещет пламя,
На дворе ударь по двери,
Оттащи с окошка доску,
Проскользни тогда внутрь дома,
Поспеши, лети в покои,
Их схвати за сухожилье,
Место узкое на пятке,
Как в углу хозяин будет,
У дверей хозяйка станет.
Ты ему глаза вон вырви,
Размозжи хозяйке череп,
Изогни им пальцы в крючья,
Головы согни обоим.
Если ж этого все мало,
Петухом лети наружу
И на двор лети цыпленком,
На навоз садись ты грудью,
Лошадей гоняй от ясель,
Скот рогатый от корыта,
Их в навоз упри рогами,
Увязи хвосты их в землю,
Вырви им глаза из впадин
И ломай сильнее шеи.
Если ты — болезнь от ветра,
Им навеяна, надута
Вместе с воздухом весенним,
Послана сюда морозом,
То иди дорогой ветра,
По пути ветров весенних,
Не садяся на деревья,
На ольхе не отдыхая,
Прямо на гору из меди,
К ней на верх, обильный медью,
Чтоб качал тебя там ветер,
Обвевал тебя там воздух.
Если ж ты спустился с неба,
С облаков окраин тонких,
Ты взойди опять на небо,
Поднимись опять на воздух,
В облака, где много капель,
На мерцающие звезды,
Чтоб, как пламя, запылал ты,
Как огонь, чтоб загорелся
На большой дороге солнца,
На дворе луны округлом.
Если ж ты пришел с потоков,
Пригнан ты сюда водою,
Ты к воде и возвращайся,
Уходи опять в потоки,
К краю тинистого замка,
К водяной горе, к вершине,
Чтоб тебя качали волны
И потоки колыхали.
Если ж ты с поляны Калмы,
Из жилищ людей умерших,
Возвратись в места родные,
Возвратись в обитель Калмы,
На распухшую ту почву,
На раскопанную землю,
Где народы погрузились,
Где лежат толпы большие.
Если ж, глупый, ты явился
Из лесов дремучих Хиси,
Из углов сосновой чащи,
Из жилищ сосновой рощи,
Прогоню тебя, живи ты
Средь лесов дремучих Хиси,
Средь жилищ сосновой рощи,
Средь углов еловой чащи,
До тех пор там оставайся,
Как сгниет там пол дощатый,
Прорастут грибами стены,
Упадет на землю крыша.
Прогоню тебя, дрянного,
Вышлю чудище отсюда,
В норы старого медведя,
В дом медведицы старухи,
На болотистые долы,
На безгласные болота
И на зыбкие трясины,
На бурливые потоки,
На безрыбные озера,
В воду, где не плещет окунь.
Не найдешь и там ты места —
Прогоню тебя подальше,
В область мрачную Похьёлы,
В страны дальние лапландцев,
На поляны без побегов,
На невспаханную землю,
Где ни солнца, ни луны нет,
Нет совсем дневного света.
Там прожить тебе удобно,
Там порхать тебе приятно:
Там висят на ветках лоси,
Благородные олени,

Чтоб муж голод свой утишил,
Утолил свое желанье.
Я гоню дрянного дальше,
Заклинаю, прогоняю
К тем порогам, что на Рутье,
На ревущую пучину,
Где стремятся вниз деревья,
Низвергаются с потоком —
Со стволом большие ели,
С головой зеленой сосны.
Плавай там ты, злой язычник,
Плавай в пене водопада,
Ты крутись в волнах широких,
Ты живи в потоках узких.
Если там не будет места,
Прогоню тебя оттуда
В речку черную Туони,
В воды вечные Маналы,
Чтоб оттуда ты не вышел
Никогда в теченье жизни,
Коль не дам тебе свободы,
Коль тебя не отпущу я
За девять баранов жирных,
Все ягнят одной овечки,
За девять быков сильнейших,
Все телят одной коровы,
За девять коней прекрасных,
Жеребят одной кобылы.
Лошадей себе попросишь,
Для пути коней захочешь —
Лошадей в дорогу дам я,
Для пути коней доставлю.
Чудный конь живет у Хиси:
На горе он, красногривый,
Изливает мордой пламя;
У ноздрей концы пылают,
Из железа все копыта,
Ноги сделаны из стали;
Может впрыгивать на горы,
Может двигаться в долине,
Если сам седок искусен,
Если всадник полон силы.
Коль ты этим недоволен,
Ты возьми у Хиси лыжи,
Из ольхи сапожки Лемпо,
Также палку злого мужа,
Чтоб попал в равнины Хиси,
Чтоб попал ты в рощу Лемпо,
Исчертил поляны Хиси,
По стране скользил у злого.
Встретишь ты дорогой камни —
Расколи их на две части;
По пути ты встретишь ветки —
Разломай их на кусочки;
По пути героя встретишь —
Оттолкни его в сторонку.
Ну же, трогайся ты, лишний,
Убегай, дрянной, отсюда,
Прежде чем здесь день начнется,
Прежде чем заря займется,
Прежде чем взойдет здесь солнце,
Прежде чем петух здесь крикнет.
Уходить дрянному время,
Убегать пора дрянному,
Уходить при лунном свете,
Удаляться при сияньи.
Если ж, злой, не убежишь ты,
Не уйдешь, собака, скоро,
То возьму орлиный коготь,
Коготь жаждущего крови;
Я возьму для мяса клещи,
Те зубцы, что носит ястреб,
Чтоб сдавить дрянного ими,
Чтобы с извергом покончить,
Голова чтоб не шумела
И душа не волновалась.
Убегал же страшный Лемпо,
Милый матушкин сыночек,
Как давал мне бог подмогу,
Даровал творец мне помощь!
Ты, что матери не знаешь,
Тварь бессильная, беги ты,
Без хозяина собака,
Без хозяйки пес противный,
Прежде, чем упустишь время,
Чем окончит путь свой месяц!»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Хорошо мне проживать здесь,
Мне приятно здесь остаться.
Вместо хлеба ем я печень,
Жир мне служит для обеда,
Славно легкое варится,
Сало — пища недурная.
Эту кузницу поглубже
Посажу я в мясо сердца,

Молотком сильнее буду
Колотить в местах опасных,
Чтобы ты в теченье жизни
От меня свободен не был,
Если слов я не услышу,
Не узнаю заклинаний,
Если тысячу заклятий
Не узнаю здесь хороших.
Не должны слова скрываться,
Не должны таиться притчи,
Не должны скрываться в землю
И по смерти чародеев».
Випунен, тот песнопевец,
Этот старец, полный силы,
Чьи уста полны заклятий,
В чьей груди так много силы,
Отпер ящик со словами,
Отворил шкатулку песен,
Чтобы спеть получше песни,
Предложить слова получше
О вещей начале первом,
О вещей происхожденьи.
Не поют теперь их дети,
Не поют их и герои:
Времена пришли плохие,
И конец приходит жизни.
Пел вещей происхожденье,
По порядку все заклятья,
Как по божьему веленью,
По всемощному приказу,
Сам собой распался воздух,
Из него вода явилась,
Из воды земля возникла,
Из земли пошли растенья.
Он пропел, как создан месяц,
Как взошло впервые солнце,
Как столбы ветров явились,
Как возникли в небе звезды.
Випунен, тот песнопевец,
Много пел с большим уменьем;
Не слыхали, не видали
Никогда в теченье жизни
Никого, кто пел бы лучше,
Кто бы лучше знал заклятья.
Так уста слова и гонят,
Так язык и гонит речи —
Как рысистый жеребенок,
Как скакун, бегущий быстро.

День за днем поет он песни,
Он поет под ряд все ночи;
И внимает пенью солнце,
Прекращает бег свой месяц,
Неподвижны в море волны,
Стали все валы в заливе,
Реки все остановились,
Замерли стремнина Рутьи
И течение Вуоксы,
Иордан стал неподвижен.
Старый, верный Вейнемейнен,
Как слова он эти понял,
Как наслушался их вдосталь,
Как набрал хороших притчей,
Порешил скорее выйти
У чудовища из чрева,
Изо рта у великана,
Из груди у чародея.
Молвил старый Вейнемейнен:
«О ты, Випунен! Открой-ка,
Отвори свой рот пошире,
Уст твоих углы побольше,
Чтоб из чрева мог я выйти
И на родину вернуться».
Випунен, тот песнопевец,
Говорит слова такие:
«Пожирал я в жизни много,
Проглотил я много тысяч,
Никогда не ел такого,
Как ты, старый Вейнемейнен.
Ты пришел сюда искусно;
Хорошо, что ты уходишь».
Славный Випунен зевает,
Отворяет быстро скулы,
Рот свой делает пошире
И углы у рта побольше.
Старый, верный Вейнемейнен
У него из чрева вышел.
Изо рта у великана,
Из нутра у чародея,
Изо рта скользит поспешно,
Выскользает на поляны,
Точно векша золотая,
Златокудрая куница.
Он пошел дорогой дальше,
К кузнецу пришел, к горнилу.
Молвил старцу Илмаринен:
«Что ж, узнал ли ты три слова,

Получил ли изреченья,
Чтоб края построить лодки,
Чтоб связать корму покрепче,
Чтоб борты сплотить сильнее?»
Старый, верный Вейнемейнен
Не заставил ждать ответа,
Кузнецу он так ответил,
Молвил он слова такие:
«Ста словам я научился,
Слышал тысячу заклятий,
Вынес скрытые заклятья
И слова из тайной глуби».
К челноку уходит старец,
К месту, где работал мудро;
Скоро лодочку окончил,
По краям связал каемки;
Он корму связал покрепче
И борты сплотил сильнее;
И возник челнок без стройки,
Судно выросло без щепок.

Руна восемнадцатая

Вейнемейнен и Илмаринен сватаются в Похьёле

Старый, верный Вейнемейнен
Пораздумал и размыслил:
«Надо привести девицу,
Деву с славною косою,
Из Похьёлы вечно мрачной,
Из туманной Сариолы».
Красной краской красит лодку,
Синей краской покрывает;
Нос он золотом украсил,
Серебром его отделал,
И потом, прекрасным утром,
Рано, только день начался,
Оттолкнул он лодку в воду,
На теченье челн дощатый.
Мачты крепкие поставил,
Паруса на мачту поднял;
Натянул он парус красный,
Прикрепил и парус синий;
Сам в ладью тогда он сходит,
В этот новенький кораблик,
Чтобы править им по морю,
По простору голубому.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты сойди на лодку, вышний,
На корабль ты, милосердный,
В помощь слабому герою,
Мужу малому в подспорье
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.
Ты качай челнок мой, ветер,
Ты гони, волна, кораблик,
Чтоб не брать мне в руки весел
И не трогать ими воду
На хребте широком моря,
По открытому теченью».
Дева с именем Анникки,[1]
Дочка сумерек и ночи,

Прежде солнышка проснулась,
Рано утром пробудилась,
И белье уже колотит,
Одеянье чисто моет
На конце моста, на красном,
На широком переходе,
На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке.
Вот вокруг она взглянула,
В далеко простертый воздух;
Посмотрела кверху в небо,
А потом взглянула в море:
В высоте блестело солнце,
А внизу сверкали волны.
Взоры бросила на море,
Повернулась прямо к солнцу:
В устье той реки Суоми,[2]
В излиянье речки Вейне,
Что-то на море чернеет,
Что-то на волнах синеет.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Что там черное на море,
Что там на волнах синеет?
То, быть может, стадо уток
Иль гусей крикливых стадо?
Так лети себе скорее
Вверх, в небесные просторы.
Или ты — утес лососий,
Иль, быть может, рыбья стая?
Так спустись и плавай глубже,
Уходи ты в глубь потоков.
Или ты — подводный камень,
Или просто ветка в море?
Пусть тебя укроют волны,
Пусть вода тебя покроет».
Но челнок плывет все дальше,
Едет парусный кораблик
Мимо мглистого мысочка,
Мимо острова в тумане.
Дева с именем Анникки
Уж кораблик увидала,
Видит близко челн дощатый,
Говорит слова такие:
«Ты не братнин ли кораблик,
Не челнок ли ты отцовский?
Поезжай в родную землю,
Поверни в страну родную,
К этой пристани стань носом,
А кормой к каткам чужбины.
Если ж ты челнок с чужбины,
То плыви отсюда дальше,
Носом стань к каткам чужбины,
К этой пристани кормою».
То не с родины челнок был,
Но и не совсем с чужбины:
Подплывал то Вейнемейнен,
То челнок певца подъехал.
Очень близко подъезжает,
В разговор вступает старец,
Слово даст, берет другое,
Чтоб сказать получше третье.
Дева с именем Анникки,
Дочка сумерек и ночи,
Обратившись к лодке, молвит:
«Ты куда же, Вейнемейнен,
Ты куда, друг моря, едешь,
Красота страны, стремишься?»
Отвечает Вейнемейнен,
Молвит с лодки старец деве:
«Я ловить лососей еду,
Где икру лососи мечут,
Там, в реке Туони черной,
В глубине меж камышами».
Дева с именем Анникки
Говорит слова такие:
«Хоть не лгал бы ты так явно!
Разве рыба ныне мечет?
Выезжал отец мой прежде,
Часто ездил седовласый,
Чтоб ловить в потоках семгу,
Привозить домой пеструшек;
И лежали сети в лодке,
Невода в челне бывали,
У сетей веревок много,
По бокам шесты и сети;
На скамьях багры лежали,
У руля большие палки.
Ты куда же, Вейнемейнен,
Держишь путь, Увантолайнен?»
Молвит старый Вейнемейнен:
«Я гусей ловить поехал
Там, где пестрые играют,
Птиц ловить хочу слюнявых
На Саксонском[3] том проливе,
По открытому теченью».

Дева с именем Анникки
Говорит слова такие:
«Знаю тех, кто правду молвит,
И лгуна всегда открою:
Выезжал отец мой прежде,
Часто ездил, седовласый,
Чтоб гусей ловить в проливе,
Убивать там красноносых;
Лук его бывал прилажен,
Он натягивал тетивку;
На цепи собаки были
И привязаны у лука;
Псы по берегу бежали,
Брехуны по острым камням.
Молви правду, Вейнемейнен,
Ты куда свой путь направил?»
Молвит старый Вейнемейнен:
«Ну, а если я поехал
К шуму страшному сраженья,
Где друг с другом мужи бьются
И где кровь потоком льется,
До колена достигает?»
Так ответила Анникки
В оловянных украшеньях:
«Знаю, как идут на битву.
Уходил отец мой раньше
В тот великий шум сраженья,
Где друг с другом мужи бьются.
Сто мужей садились к веслам,
С ними тысячи стояли,
По краям висели луки,
По скамьям мечи висели.
Ты скажи-ка лучше правду,
Ты скажи, не прилыгая:
Ты куда, о Вейнемейнен,
Держишь путь, Сувантолайнен?»
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Ты сойди на лодку, дева,
Ты войди в челнок, девица,
Вот тогда скажу я правду
И скажу, не прилыгая».
Отвечает так Анникки
В оловянных украшеньях:
«Ветер пусть сойдет на лодку,
В твой челнок пусть сядет буря!
Поверну твою я лодку,
Опрокину вместе с бортом,
Если правды не услышу,
Для чего ты в лодке едешь,
Не услышу правды ясно,
И ты ложь свою не кончишь».
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Ну, скажу я правду ясно.
Я солгал тебе немножко:
Я иду, чтоб взять девицу,
Получить младую деву
Из Похьёлы вечно мрачной.
Из туманной Сариолы,
Где герои погибают,
Где героев топят в море».
Дева с именем Анникки,
Дочка сумерек и ночи,
Услыхавши эту правду,
Эту правду без обмана,
Уж платков не выбивала,
Платьев больше не стирала
На широком переходе,
На краю моста, на красном;
Подхватив рукою платья,
Побежала к дому быстро,
К кузнецу пришла в жилище,
Подошла сама к горнилу.
Там работал Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Делал лавку из железа,
Серебром ее украсил;
С руку копоть на макушке,
С сажень уголья на шее.
Подошла к дверям Анникки,
Говорит слова такие:
«Брат-кузнец мой, Илмаринен,
Вековечный ты кователь!
Челночок мне, братец, выкуй,
Выкуй мне получше кольца,
Выкуй две иль три сережки,
Пять или шесть мне подпоясок,
Я за то скажу всю правду,
Безо лжи все расскажу я».
Молвит мастер Илмаринен:
«Принесешь вестей хороших —
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
И на грудь скую я крестик.
Головной убор прекрасный.

Принесешь дурные вести —
Поломаю украшенья
И с тебя в огонь их брошу,
Брошу их в мое горнило».
Дева с именем Анникки
Говорит слова такие:
«О кователь Илмаринен!
Ты желаешь ведь взять деву,
Ту, с которой обручился,
Хочешь взять ее в супруги?
Ты куешь лишь беспрерывно
И стучишь здесь постоянно;
Летом ты куешь подковы,
А зимой для них железо,
По ночам ты строишь сани,
Днем для них бока ты строишь,
Чтобы ехать за невестой,
Чтоб отправиться в Похьёлу.
Между тем туда уж едет,
Кто хитрей тебя и ловче,
И возьмет, что заслужил ты,
Увезет, что так любил ты
И на что смотрел два года,
Сватался три полных года.
Спешно едет Вейнемейнен
По волнам на синем море,
У руля из меди сидя,
На корме с златой резьбою,
К вечно сумрачной Похьёле,
К той туманной Сариоле».
Кузнецу настало горе,
Муж железа стал печален,
Клещи из руки упали,
Молоток из рук валится.
Молвит сильный Илмаринен:
«Ты, сестра моя, Анникки,
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
Две ли, три ль скую сережки,
Пять ли, шесть ли подпоясок.
Баню сладкую нагрей мне,
Надыми в медовой бане,
Положи потоньше плахи,
Нащепи помельче щепок
Да подсыпь золы немного,
Щелочку прибавь немножко,
Чтоб им голову мне вымыть,
Тело щелоком очистить
От углей еще осенних
И от старой зимней гари».
Дева с именем Анникки
Хорошо нагрела баню.
Жжет упавшие деревья
И что молнией разбиты;
Набрала в реке каменьев,
Полила их — пар поднялся
От воды, в ключе добытой,
В роднике, покрытом пеной.
Нарвала в кусточках веток,
В роще веточек хороших,
Парит полный медом веник
На конце медовом камня,
Из мозгов и простокваши
Мыло мягкое готовит,
Мыло, чтоб оно смывало,
Чтобы пенилось, сверкало,
Чтоб жених все тело вымыл,
Чтобы голову очистил.
Сам кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Наковал, что ей хотелось,
Головной убор украсил,
Между тем как дева в бане
О мытье его старалась.
Положил ей в руки вещи,
А она ему сказала:
«Я уж баню истопила,
Сладкий пар уж приготовлен,
Уж попарила я веник,
Помахала там ветвями.
Мойся в бане этой вдосталь,
Лей воды там сколько хочешь,
Чтоб, как лен, глава белела,
Чтоб глаза, как снег, блестели».
И кователь Илмаринен
Тут пошел в той бане мыться.
Там он вдоволь накупался,
Добела все тело вытер,
И глаза его блестели,
И виски его горели,
Как яйцо белела шея,
И все тело заблистало.
Вышел в горницу из бани —
Там его едва узнали:
Так прекрасны были щеки,
Так румяна их поверхность.

Говорит слова такие:
«Ты, сестра моя, Анникки,
Дай ты мне получше платье,
Полотняную рубашку,
Чтоб украсить лучше тело,
К сватовству чтоб быть готовым».
Дева с именем Анникки
Принесла ему рубашку,
Чтоб облечь сухие члены,
Чтоб покрыть нагое тело;
Принесла и шаровары,
Те, что мать родная сшила,
Чтоб надел он их на бедра,
Где костей нельзя заметить.
Вносит мягкие чулочки,
Что когда-то мать связала,
Чтоб покрыть у брата голень,
Чтоб ему закутать икры;
Башмаки дает по мерке,
Сапоги, что сам купил он,
Чтоб покрыть концы чулочков,
Что когда-то мать связала;
Куртку сверху голубую,
Снизу ж как печенка цветом,
Чтоб надеть поверх рубашки,
Из чистейшего льна тканной;
И кафтан суконный плотный,
С четверной кафтан обшивкой,
На ту куртку голубую,
На новейшую из новых;
Шубу с тысячею петель,
С целой сотней украшений,
На кафтан суконный, плотный,
Но сукном обшитый тонким;
Подает на чресла пояс,
Золотом обильно шитый,
Что родная вышивала,
Бывши в девушках, соткала;
Вносит пестрые перчатки
С золотым красивым кантом,
Что готовили лапландцы
Для руки прекрасной формы;
На его златые кудри
Принесла и шлем высокий,
Что отец купил когда-то,
К сватовству еще готовясь.
Ильмаринен тот, кователь,
Уж готов совсем, оделся,
На него уж платье влезло,
И рабу тогда он молвит:
«Запряги мне жеребенка
В разукрашенные сани,
Чтоб я мог на них поехать,
Чтоб отправился в Похьёлу».
Раб ему так отвечает:
«Шесть коней у нас в конюшне,
Лошадей, овес едящих.
Так какую ж запрягу я?»
Отвечает Илмаринен:
«Жеребца возьми получше,
Запряги мне жеребенка
Там буланого в оглобли;
Посади и шесть кукушек,[4]
Семь из птиц голубоватых,
На дуге чтоб поместились
И в ремнях ярма звучали:
Пусть любуются девицы,
Пусть нарядным будет радость.
Принеси мне мех медвежий,
Чтоб на нем я мог усесться;
Принеси тюленью шкуру,
Чтоб покрыть мне ею сани».
И запряг слуга усердный,
Что за жалованье служит,
Жеребенка быстро в сани,
Там буланого в оглобли.
Шесть кукушек размещает,
Птичек семь голубоватых,
Чтоб звучать им под дугою,
Чтоб в ремнях ярма чирикать.
Он приносит мех медвежий,
Чтоб мог сесть на нем хозяин.
Вот принес тюленью шкуру,
Чтоб на санках сделать полость.
Сам кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Укко вышнему взмолился,
Так гремящего он просит:
«Свежий снег пошли мне, Укко,
Хлопья мягкие из неба,
Чтоб по ним скользили сани,
Чтоб по снегу зашуршали!»
Свежий снег бросает Укко,
Хлопья мягкие из неба,
Стебли трав покрыл он снегом
И покрыл верхушки ягод.

Тут кователь Илмаринен
Сел на сани из железа,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«При вожжах пусть счастье будет,
Бог моим саням охрана;
Не порвет мне счастье вожжи,
Бог саней мне не сломает».
Захватив рукою вожжи,
А другою кнутовище,
Он коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
«Ну, беги ты, белолобый.
Мчися ты, с льняною гривой».
Скачет, мчится конь дорогой,
По песчаному прибрежью,
У медового залива,
Меж холмов, ольхой поросших,
Едет берегом он шумно,
По песку прибрежья гонит,
И песок в глаза несется,
Плещет в грудь вода морская.
Гонит день, другой он гонит,
Третий день он гонит также,
Наконец, уже на третий,
Вейнемейнена догнал он,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«О ты, старый Вейнемейнен,
Сговоримся-ка с тобою,
Чтоб, когда мы будем сватать
Эту спорную девицу,
Не пошла она насильно,
Но пошла свободно к мужу».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Соглашаюсь я охотно:
Не возьму девицы силой,
Против воли брать не стану,
Чтоб она тому досталась,
С кем она пойти согласна;
Я вражды питать не буду
И иметь не буду злобы».
Едут дальше по дороге,
По своей дороге каждый,
И шумит вдоль брега лодка.
Скачет конь, земля трясется.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Вот залаяла собака,
Пес дворовый громко брешет
В вечно сумрачной Похьёле,
В вечно мрачной Сариоле.
Вот ворчит она потише
И рычит гораздо реже,
На краю усевшись пашни,
По земле хвостом махая.
И хозяин сам Похьёлы
Молвит: «Дочка, посмотри-ка:
Серый пес там что-то лает,
Воет битый, вислоухий».
Отвечает дочь разумно:
«У меня и так есть дело:
Хлеб убрать, смотреть за стадом
Да вертеть тяжелый жернов,
Чтоб муку смолоть помягче,
Пропустить муку чрез сито.
Трудно жерновом работать:
И на это-то сил мало».
Тихо лает пес лохматый,
Все ворчит он на кого-то.
И хозяин сам Похьёлы
Говорит: «Пойди, старуха:
Серый пес все что-то лает,
Воет битый, подворотный».
Но ему старуха молвит:
«Никакой мне нет охоты.
Впору мне с хозяйством сладить:
Хлопочу я об обеде,
Хлеб большой стотовить нужно,
Замесить покруче тесто.
Хлеб велик, возня с мукою:
И на это-то сил мало».
Молвит севера хозяин:
«Вечно бабы суетливы,
Вечно девушки с работой:
То пожарятся у печки,
То растянутся в постели.
Ты, сынок, пойди, послушай».
Но молодчик отвечает:
«Нет мне времени там слушать:
Наточить топор мне нужно,
Расколоть им пень огромный,
Кучу дров для топки сделать,
Наколоть поленьев тонких.
Толсты бревна, тонки плахи:
И на это-то сил мало».

А все лает пес дворовый,
Все ворчит собака замка;
Страшный пес рычит со злобой,
Сторож острова свирепый,
На краю поляны сидя
И хвостом своим махая.
Вот хозяин сам Похьёлы
Говорит: «Не лает серый,
Не рычит он без причины,
Не ворчал бы он на сосны».
Сам пошел он поразведать.
За черту двора выходит,
На последний край поляны
Позади своих посевов.
Посмотрел собаке в морду,
Видит: морда повернулась
На хребет холмов бурливых,
На вершины гор ольховых;
Тут всю правду он увидел,
Отчего так серый лаял,
На земле из всех псов лучший,
И вертел хвостом мохнатым:
Паруса у лодки красной
На заливе Лемпо веют,
Едут убранные сани
У медового залива.
Тут Похьёлы сам хозяин
Входит в горницу поспешно,
Быстро в доме появился,
Говорит слова такие:
«К нам уж прибыли чужие
По хребту морей шумящих,
И подъехали к нам сани
У медового залива,
С парусами едет лодка
По хребту залива Лемпо».
Но хозяйка Сариолы
Молвит: «Как же мы узнаем,
С чем к нам прибыли чужие?
Дочка, милая малютка,
Положи в огонь рябину,
Подожги красу деревьев.
Если кровь польет струею,
То идут на нас войною;
Если ж потечет водица,
То останемся мы с миром».
Дева стройная Похьёлы,
Эта скромная девица,
На огонь кладет рябину,
Подожгла красу деревьев.
Не течет ни кровь оттуда,
Ни водица чистой струйкой;
Видит — мед течет оттуда,
Сладкий сот там показался.
Молвит Суовакко [5] тихо,
Молвит старая с постели:
«Если мед течет из древа,
Сладкий сот оттуда каплет,
Это значит — будут гости,
Женихи толпой большою».
Вышла севера хозяйка,
Вместе с матерью и дочка,
По двору шагают быстро,
Со двора пошли наружу.
Посмотрели вдаль оттуда,
Повернули взоры к солнцу,
Увидали, что подходит
Близко парусный кораблик
Из досок, из целой сотни,
По заливу Лемпо едет;
Серовата лодка снизу,
Красновата в верхней части;
У руля сидит там сильный,
Муж сидит у медных весел.
Видят, скачет жеребенок,
Сани красные скользят там,
Пестро убранные едут
У медового залива;
На дуге там шесть кукушек,
И поют златые птицы,
Птичек семь голубоватых
Там в ремнях ярма распелись;
Гордый муж сидит на санках,
И в руках он держит вожжи.
Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Замуж хочешь ли ты выйти,
Если сватать эти едут,
Чтоб подругою быть мужу
И быть курочкой любимой?
Тот, который едет в лодке,
В челноке стремится красном,
По сю сторону залива,
Это — старый Вейнемейнен;
Он на дне везет запасы,
Он везет богатства в лодке.

Тот, который едет сушей,
Там скользит на санках пестрых
У медового залива,
То — кователь Илмаринен,
И с пустыми он руками,
В санках — только обещанья.
Как войдут они в покои,
Принеси ты в кружке меду,
В кружечке с двумя ушками,
И тому подай ты кружку,
За кого итти согласна.
Вейнемейнену подай ты,
Что везет именье в лодке,
В челноке везет богатства».
Дочь прекрасная Похьёлы
Говорит в ответ ей слово:
«Мать, ведь ты меня носила,
Ты меня ведь воспитала!
Я не выберу богатства,
Ни с сокровищами мужа.
Муж мой должен быть красивым,
И лицом красив, и телом.
Никогда то не бывало,
Чтоб девицу продавали.
Без сокровища пойду я
К Илмаринену младому,
Что нам выковал здесь Сампо,
Крышку пеструю украсил».
Молвит севера хозяйка:
«Явно глупый ты ягненок!
Илмаринена берешь ты,
Чтоб стирать ему рубашки,
Очищать чело от пота,
Голову от черной сажи».
Так ответила ей дочка,
Говорит слова такие:
«Вейнемейнену не буду,
Старцу слабому, охраной:
Очень трудно с ним мне будет,
Скучно будет с этим старым».
Скоро прибыл Вейнемейнен,
И достиг он цели раньше;
Лодку красную он ставит,
Темный челн свой помещает
На катки, что из железа,
К медной пристани причалил;
Сам отправился в покои,
Быстро входит в дом старухи
И, на пол дощаный ставши,
Перед дверью, у порога,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Хочешь, дева, быть моею,
На всю жизнь моей супругой,
Дни мои делить со мною,
Быть мне курочкой любимой?»
Тотчас северная дева
Быстро старцу отвечает:
«А ты выстроил мне лодку,
Челн большой ты мне построил
Из обломков веретенца,
Из кусков моей катушки?»
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Лодку славную я сделал,
Сколотил я челн мой крепко,
Чтоб выдерживал он ветер,
Чтоб держался в непогоду;
Если он пойдет на волны,
Заскользит по глади моря,
Чтоб поднялся, как пузырь, он,
Чтоб качался, как цветочек,
В шири северных потоков,
На волнах, покрытых пеной».
Дочь прекрасная Похьёлы
Так ответила на это:
«Не хочу я мужа с моря,
Что всегда живет на волнах:
Ум его уносят бури,
По мозгам его бьют ветры.
Не могу с тобой итти я
И себя связать с тобою,
Чтобы спутницей быть в жизни,
Старцу курочкой любимой,
Для спанья готовить место,
Класть под голову подушку».

Руна девятнадцатая

Ильмаринен исполняет поручения Лоухи

Вот кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Быстро в горницу проходит,
Направляется под кровлю.
Мед был тотчас же предложен,
Сладкий сок был в кружке подан
Ильмаринену в покоях.
И кузнец промолвил слово:
«Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц
До питья здесь не дотронусь,
Если деву не дадут мне,
Если не готова замуж
Та, которой ожидал я».
Молвит севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Ведь труда большого стоит
Та, которой ожидают.
В башмачок обует ножку
И другую точно так же —
И готова будет замуж
За тебя девица выйти,
Если поле змей ты вспашешь,
Если так его ты взрежешь,
Чтоб сошник не подвигался,
Плуг нисколько не качался.
Пропахал то поле Лемпо,
Взбороздил то поле Хиси,
Сошником, богатым медью,
Плугом с огненным железом.
Половину мой сыночек
Недопаханной оставил».
Тут кователь Ильмаринен
К деве в горницу приходит,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Дочка сумерек и ночи!
Помнишь ли былое время.

Как сковал для вас я Сампо,
Крышку пеструю украсил?
Ты клялась мне страшной клятвой
Перед знающим все богом,
Что моей женою станешь,
Будешь курочкой любимой.
Мать тебя отдать не хочет,
Мне тебя не доверяет,
Если поле со змеями
Мною вспахано не будет».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кузнец ты, Илмаринен,
Вековечный ты кователь!
Выкуй ты сошник из злата,
Серебром укрась прекрасным:
Поле то ты быстро вспашешь,
Взрежешь поле, где гадюки».
Тут кователь Илмаринен
Положил в горнило злата,
Серебра туда прибавил
И сошник из них сработал;
Из железа обувь сделал,
Сделал поножи из меди,
Их надел себе на ноги
И покрыл он ими икры;
Взял железную рубашку,
Пояс взял из лучшей стали
И железные перчатки,
Взял перчатки он из камня,
Сделал огненную лошадь;
Запрягает лошадь в упряжь —
И пошел пахать то поле,
Бороздить пошел он пашню.
Видит: головы вертятся,
Черепа шипят ужасно;
Говорит слова такие:
«Змеи, созданные богом!
Кто здесь поднял ваши пасти,
Кто вас выслал, кто устроил
Ваши головы так прямо,
Ваши шеи так высоко?
Уходите вы с дороги,
На жнивье идите, злые,
Вы скользите в чащу леса,
Уползайте, змеи, в травы.
Если ж вновь вы приползете,
Укко головы снесет вам,
Разобьет стальной стрелою
Размозжит железным градом».
Он пошел змеиной пашней,
Взбороздил он клин змеиный,
Поднял змей своей сохою
И гадюк своим он плугом
И сказал, придя обратно:
«Я вспахал с змеями поле,
Взбороздил уж клин змеиный,
Поднял землю со змеями.
Ты отдай мне дочь, старуха,
Поручи мне дорогую».
Но тут севера хозяйка
Говорит слова такие:
«Лишь тогда отдам я дочку,
Поручу тебе родную,
Коль тобой медведь Туони,
Кровожадный волк Маналы
Будет схвачен в царстве мертвых.
В мрачных дебрях Туонелы;
Сотни взять его хотели,
И никто не возвратился».
Вот кователь Илмаринен
Входит в горницу девицы,
Говорит слова такие:
«Мне еще есть порученье:
Должен взять я волка Маны,
Взять медведя Туонелы;
Я отправлюсь в царство мертвых,
В рощу мрачную Маналы».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кузнец ты, Илмаринен,
Вековечный ты кователь!
Выкуй ты узду из стали,
Выкуй ты ремень железный
Посреди воды на камне,
В бурной пене трех потоков,
И возьмешь того медведя,
Укротишь ты волка Маны».
И кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Сделал там узду из стали
И сковал ремень железный
Посреди воды на камне,
В бурной пене трех потоков.
Укрощать пошел животных,
Сам сказал слова такие:

«Терхенетер,[1] дочь туманов!
Ты просей туманы ситом
Там, где ходят в роще звери,
Чтоб мой шаг им не был слышен!»
Обвязал он пасть у волка,
Он связал медведя цепью
На полянах Туонелы,
Там внутри лесов дремучих,
И сказал, придя обратно:
«Ты отдай мне дочь, старуха:
Я принес тебе медведя,
Я связал в Манале волка».
Но хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Эту уточку отдам я,
Эту птичку голубую,
Если щуку ты поймаешь,
Рыбу жирную доставишь
Из реки Туони темной,
Из глубоких вод Маналы;
Но сетей ты не поставишь,
Не потянешь в глуби невод.
Сотни там ловить ходили,
Ни один не возвратился».
Стал угрюмым Илмаринен
И в тоску он погрузился.
Входит в горницу девицы,
Говорит слова такие:
«Мне еще есть порученье,
И оно получше прежних:
Должен выловить я щуку,
Рыбу жирную доставить
Из реки Туони черной,
Из глубоких вод Маналы,
Но без невода, без сети,
Без других приспособлений».
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
«О кователь Илмаринен,
Никогда не будь печальным!
Из огня орла ты выкуй,
Птицу пламенную сделай:
Он тебе поймает щуку,
Рыбу жирную притащит
Из реки Туони черной,
Из глубоких вод Маналы».
И кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Из огня орла устроил,
Птицу пламенную сделал,
Сделал пальцы из железа,
Из каленой стали когти,
Положил борты на крылья,
Сам взошел на эти крылья,
Сел он на спину у птицы,
На костях спины орлиной.
Так орла предупреждает,
Так советует он птице:
«О орел ты мой любезный!
Ты лети, куда велю я,
В реку черную Туони,
В воды мрачные Маналы,
Ты схвати Туони щуку,
Рыбу жирную достань мне».
Полетел орел прекрасный,
Устремился, что есть силы,
Чтобы вытащить ту щуку,
Рыбу с страшными зубами,
Из реки Туони мрачной,
Из глубоких вод Маналы;
И одно крыло — на море,
А другое — в самом небе;
Бьет он по морю когтями,
Точит клюв он на утесах.
Вот подходит Илмаринен,
Посмотреть идет кователь
В волны черные Туони,
А орел охраной служит.
И чудовище явилось,
Илмаринена схватило;
Но орел хватает зверя,
Повернул его за шею,
Погрузил его глубоко
И забил в густую тину.
Поднялась Туони щука,
Из воды ползет собака;
Щука та не из огромных,
Вместе с тем и не из малых:
В две секиры язычище,
С рукоятку грабель зубы,
Пасть в широких три потока,
Шириной спина в семь лодок;
Проглотить героя хочет,
С Илмариненом покончить.
Но орел спустился быстро,
Птица воздуха слетает;

Не из очень он великих,
Вместе с тем и не из малых:
Во сто сажен клюв длиною,
Зев отверстьем в шесть потоков,
А язык длиной в шесть копий
И в пять кос длиною когти.
Он стремится к страшной щуке,
К той проворной жирной рыбе,
Он бросается на рыбу,
Чтоб схватить ее когтями.
И огромнейшая щука,
Тот пловец проворный, жирный,
От орла отбилась быстро
В глубине воды прозрачной.
Поднялся орел высоко,
Поднялся в свободный воздух,
Тащит когти он из тины
По спине воды блестящей.
Полетел, остановился,
Попытаться снова хочет;
И одним ударил когтем
По плечу ужасной щуки,
Водяной собаки страшной,
А другим ударил когтем
По утесу из железа,
По скале из твердой стали.
Отскочил от стали коготь,
И уходит в глуби щука
Из когтей орла большого,
Из когтей огромной птицы;
На боках у ней отверстья,
На плечах большие раны.
Тут железными когтями
Снова бьет орел огромный,
Крылья пламенем блистают,
А из глаз стремятся искры.
Он схватил когтями щуку,
Водяного пса сжимает,
Ту чешуйчатую рыбу
Тащит чудище потоков
Из ужасной водной глуби
По спине блестящей моря.
Так взята орлом могучим,
Наконец, при третьей схватке,
Щука злейшая Туони,
Тот пловец проворный, жирный
Из потока царства мертвых,
Из глубоких вод Маналы.
И узнать нельзя бы воду —
Столько чешуи там щучьей;
И узнать нельзя бы воздух —
Столько там орлиных перьев.
Потащил орел когтями
Рыбу с твердой чешуею
На большие ветви дуба,
На сосну с густой верхушкой;
Начал пробовать он щуку:
Он прорезал брюхо рыбы
И прорвал ей грудь когтями,
Голову отнял от тела.
И промолвил Илмаринен:
«Ты, орел, негодный малый!
Что ж ты будешь за пернатый,
Что же будешь ты за птица,
Если рыбы уж отведал
И прорезал брюхо щуке,
Грудь прорвал ей совершенно,
Голову отнял от рыбы!»
Но орел с железным когтем
Улетает быстро дальше,
Поднялся повыше в воздух,
На края широкой тучи;
Стонет небо, гнутся тучи,
Покривилась крыша неба,
Поломался лук у Укко,[2]
На луне рога сломались.
Вот приносит Илмаринен
Голову той страшной щуки
Теще будущей в подарок,
Говорит слова такие:
«Голова послужит эта
Стулом в горнице Похьёле,
А затем он снова молвит,
Вот какие молвит речи:
«Я вспахал с змеями поле,
Взбороздил страну ехидны,
Я связал в Манале волка,
Мною взят медведь Туони.
Вот теперь я здесь со щукой.
С тем пловцом проворным, жирным
Из потока царства мертвых,
Из глубоких вод Маналы:
Так отдашь ли ты мне дочку,
Поручишь ли ты мне деву?»
Но хозяйка Сариолы
Молвит: «Все же ты отрезал

Голову у этой щуки,
Распорол у щуки брюхо,
Грудь прорвал у щуки страшной,
Мяса щучьего отведал».
Но кователь Ильмаринен
Отвечает так старухе:
«Не бывает без ущерба
И из лучших мест добыча,
Я же взял ее в Манале,
Из реки Туони вынес.
Ну, теперь готова ль дева,
Та, которой ожидал я?»
Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Да, теперь готова дева,
Та, которой ожидал ты.
Эту уточку родную,
Птичку нежную, вручаю
Ильмаринену: пусть будет
Милой спутницею в жизни,
Будет дней его подругой,
Будет курочкой любимой».
На земле сидел там мальчик,
И запел с земли ребенок:
«Показалась у жилища,
Прибыла к палатам птица,
Прилетел орел с востока,
Прилетел чрез воздух ястреб:
Он одним крылом по тучам,
А другим в волнах влачится;
Он хвостом потоки режет,
Головой уперся в небо.
Он кругом себя посмотрит,
Полетит, недвижно станет
И летит к мужам в палаты
И кричит огромным клювом;
Но там кровля из железа:
Он проникнуть внутрь не может.
Он кругом себя посмотрит,
Полетит, недвижно станет
И летит в палаты женщин
И кричит огромным клювом;
Но из меди кровли женщин:
Он проникнуть внутрь не может.
Он кругом себя посмотрит,
Полетит, недвижно станет
И летит в палаты к девам,
И кричит огромным клювом;
Полотняная там кровля:
К ним он может внутрь проникнуть.
К дымовой трубе летит он,
Опускается на крышу,
У окошка рвет он доску,
На окне палат садится,
На стене, зеленоперый;
Сел, стоперый, он на бревнах.
Он кудрявую там видит.
Девушку с косою чудной,
Что всех девушек прекрасней,
Что прекрасней всех кудрявых,
Что милее всех нарядных,
Всех украшенных цветами.
Уже берет орел когтями,
Уж хватает ястреб быстро
Деву, лучшую из многих,
Ту милейшую из уток,
Что всех легче и нежнее,
Всех быстрее и белее;
Деву взял орел воздушный,
И царапает уж коготь
Ту, что держится так прямо,
Ту, чье тело всех прекрасней;
Взял ее на хвост пернатый,
Хвост, покрытый нежным пухом».
И хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Ты узнал откуда, милый,
Яблочко мое златое,
Что здесь выросла девица,
Чьи, как лен, прекрасны кудри.
Серебро ль блистало девы?
Или золото девицы?
Иль от нас сияло солнце?
Иль блистал отсюда месяц?
Говорит с земли малютка,
Молвит так побег тот юный:
«Вот счастливец как проведал,
Как нашел себе дорогу
К дому славной той девицы,
Ко двору прекрасной девы.
Об отце ее узнал он,
Что корабль большой он выслал;
А об матери узнал он,
Что печет крутые хлебы,
Хлеб пшеничный славно месит
И гостей им угощает.

Вот как выведал счастливец,
Что уж выросла девица.
Он на двор однажды вышел,
К кладовой пошел поближе.
Это было рано утром,
Только зорька занималась.
Вся в клоках крутилась сажа,
Дым густой бежал клубами
От жилища той девицы,
Со двора той девы стройной.
Там сама молола дева,
Терла брусьями о жернов;
Пели брусья, как кукушки,
Дырья сбоку, точно утки,
Как сверчок, звучало сито,
Сами ж камни, точно жемчуг.
Он отправился в другой раз
И пошел по краю поля;
На лугу была девица,
На цветочной той поляне,
Красным красила котельчик,[2]
Краску желтую варила.
В третий раз опять пошел он
Под окно прекрасной девы:
Слышит — дева ткет прилежно,
Слышит — движется там бердо,
Челночок скользит веселый,
Словно горностай по камню;
Слышит стук зубцов у берда,
Точно дятлы на деревьях;
Слышит: там навой все ходит,
Точно белочка на ветках».
Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Видишь, милая девица!
Я ль тебе не говорила:
Не ходи ты петь у елей,
Ты не пой на дне долины,
Не сгибай так гордо шеи,
Не кажи красы рук белых
И волненья юной груди,
Не хвались ты стройным станом.
Всю я осень говорила,
Лето целое твердила,
Говорила и весною,
При втором посеве хлеба:
Мы такой построим домик,
Чтоб не видно было в окна,
Как работает девица,
У станка сидит прилежно,
Чтоб о том не знали финны,[4]
Женихи со всей Суоми».
На земле промолвил мальчик,
Тот ребенок двухнедельный:
«В доме можно спрятать лошадь,
Жеребца с хвостом хорошим,
Но кудрявую девицу
Ни в каком не спрячешь доме,
Хоть построй из камня замок
В середине самой моря
И держи ты там девицу,
Эту курочку младую;
Не укроется девица,
Когда вырастет большая,
Чтоб жених к ней не явился;
И жених и сват найдутся;
Все они в высоких шлемах,
Сталью кованы их кони».
Тут-то старый Вейнемейнен
Головой поник, угрюмый,
Собрался домой в дорогу,
Говорит слова такие:
«Горе дряхлому мне мужу:
Я того и не заметил,
Что жениться надо раньше,
В молодых летах жениться.
Только мрачный по природе
Ропщет, в юности женившись,
Что обзавелся он рано
И детьми, и всем хозяйством».
Не позволил Вейнемейнен,
Запретил Сувантолайнен
Старцу свататься седому,
Если есть соперник юный.

Руна двадцатая

Приготовления к свадьбе в Похьёле

Что б теперь начать такое,
И о чем бы спеть нам песни?
Пропоем теперь мы вот что,
Вот начнем какие песни:
О пирушке в Сариоле,
О попойке чародеев.
Долго свадьбу обряжают,
Долго все заготовляют
В славных горницах Похьёлы
И в жилищах Сариолы.
Что же там соорудили
И чего там натащили
К долгой северной пирушке,
Для питья толпе огромной,
Для еды прибывшим людям,
Для большого угощенья?
Бык кормился у карелов,
Жирный вол в Суоми вырос,
Не был малым иль великим,
Был теленок, как и всякий:
Он хвостом был у тавастов,
Головою был у Кеми,[1]
Вышиной рога в сто сажен,
В полтораста сажен морда.
Ласка только лишь в неделю
Обежать могла вкруг шеи;
Только в целый день касатка
С рога к рогу пролетает
И при этом мчится быстро,
На пути не отдыхая;
Целый месяц нужно белке,
Чтоб с плеча к хвосту добраться;
До конца не достигает,
Прежде чем пройдет весь месяц.
Этот бык большого роста,
Этот вол шел из Суоми,
Из Карелии с охраной
На края полей Похьёлы,

Сто мужей рога держали,
Морду тысяча тянули,
Как вели быка дорогой,
Доставляли в Сариолу.
Бык идет своей дорогой,
У пролива Сариолы,
Ест траву у вод болотных,
Туч касается спиною.
Но мясник не находился,
Чтоб быка того зарезать,
Из числа сынов Похьёлы,
Из большой толпы народа,
Ни в растущем поколеньи,
Ни в толпе уже старевших.
Прибыл старец из чужбины,
Вироканнас[2] от карелов,
Говорит слова такие:
«Подожди-ка, бык несчастный,
Как приду сюда с дубиной,
Как колом тебя ударю
В самый череп твой, несчастный,
Так ты следующим летом
Головы не поворотишь,
Напирать не будешь мордой
На края поляны этой
При заливе Сариолы».
Вот уходит Вироканнас,
Оправляется Палвойнен,
Чтоб того быка зарезать.
Повернул бык головою,
Глянул черными глазами —
Вироканнас убегает,
Прыгает в кусты Палвойнен,
В ивы прячется поспешно.
Мясника прилежно ищут,
Что быка бы мог зарезать,
Ищут и в земле карелов,
Ищут также по Суоми,
По земле спокойной русских,
По земле отважных шведов,
По Лапландии обширной,
По земле заклятий, Турье,
Ищут долго в царстве мертвых,
В низких местностях Маналы,
Ищут долго — не находят,
Узнают везде — напрасно.
Мясника прилежно ищут,
Резника все ищут дальше,
На хребте прозрачном моря,
По волненью вод открытых.
Муж поднялся в синем море,
Богатырь в морских потоках.
Не из очень он великих,
Вместе с тем и не из малых,
Спать он мог под малой чашей,
Мог уставиться под ситом.
Был он стар, на вид железный,
У него кулак тяжелый,
И скала служила шлемом,
А утесы башмаками,
Золотой в руке был ножик,
Нож был с медной рукояткой.
Так мясник быку был найден,
Зверю дивному убийца.
Увидал мясник добычу,
Он быка ударил в шею
И поставил на колени,
Бросил он быка на землю.
Что ж, и много получили?
Получили там немного:
Только сто ушатов мяса,
Колбасы сто сажен вышло,
Крови вышло на семь лодок,
Жиру вышло на шесть бочек —
Все для свадьбы в Сариоле,
Для пирушки в той Похьёле.
Меж покоями Похьёлы
Был один большой, широкий,
В девять сажен он длиною
И семь сажен шириною:
Закричит петух на крыше,
А внизу его не слышно,
В глубине собака лает —
Не слыхать ее у двери.
И хозяйка Сариолы
Средь покоев хлопотала.
Вот подумала и мыслит:
«Где же я достану пива
При устройстве этой свадьбы,
При заботах о пирушке?
Варки пива я не знаю,
Ни его возникновенья».
На печи сидел там старый,
И промолвил старый с печи:
«Ведь ячмень для пива служит,
Также хмель идет в напиток,

И вода нужна для пива,
И огонь с ужасной силой.
Хмель родился от гуляки,
Малым был он брошен в землю;
Как змея, туда прошел он,
Муравьем пролез он малым,
На краю ручья Калевы,
На краю поляны Осмо.
Там подрос младой отросток,
Поднялся зеленый прутик,
Потянулся по деревьям,
Поспешил к вершине прямо.
А ячмень посеял старец,
Старец счастья в поле Осмо;
Хорошо ячмень родился,
В вышину прекрасно вырос
На конце поляны Осмо,
На полях сынов Калевы.
Мало времени проходит,
И аукнул хмель в деревьях,
Говорит ячмень на поле
И вода в ручье Калевы:
«Так когда же мы сойдемся
И пойдем один к другому?
В одиночестве жить скучно,
Двум, троим жить вместе лучше».
Осмотар,[3] что пиво варит,
Капо,[4] что готовит брагу,
С ячменя срывает зерна,
С ячменя берет шесть зерен,
Семь концов берет у хмеля,
И водицы восемь ложек,
На огонь котел там ставит,
Чтоб сильнее смесь кипела.
Поместила это пиво
В жаркий день однажды летом
На мысочке, средь туманов,
Там, на мглистом островочке,
Там, на дне сосудов новых,
Там, в березовых ушатах.
Вот она сварила пиво.
Все же в пиве нет броженья.
Поразмыслила и мыслит,
Говорит слова такие:
«Что сюда еще подбавить,
Что прибавить к этой смеси,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»

Дочь Калевы,[5] та девица,
Что всегда легко обута,
То идет по краю пола,
То пойдет по середине
И хлопочет по хозяйству
Посреди котлов обоих —
Вдруг увидела там щепку,
Поднимает щепку с пола.
Повернула эту щепку:
«Что из щепки может выйти
На руках прекрасных девы,
Между пальцами девицы,
Если щепку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»
Отдает ту щепку Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
Векша белая явилась.
Так она сказала векше,
Так советовала дочке:
«Векша, золото в высотах,
Цвет холмов, земли веселье!
Побеги, куда пошлю я.
Я пошлю тебя, отправлю
К той возлюбленной Метсоле,
К той разумной Тапиоле.
Полезай там на деревья,
Влезь умно на ель густую,
Чтоб орел тебя не тронул,
Не схватила б птица неба;
Принеси еловых шишек,
Тоненьких сосновых игол
И отдай их в руки Капо,
Дай на пиво дочке Осмо».
Векша быстро побежала,
Машет хвостиком пушистым,
Пробегает по дороге
Чрез широкое пространство.
Вдоль и вширь бежит лесами.
Поперек их пробегает
К той возлюбленной Метсоле,
К той разумной Тапиоле.
Видит, там стоят три ели,
Там сосны четыре славных;
И на ель в низине влезла,
На ту сосну на равнине;

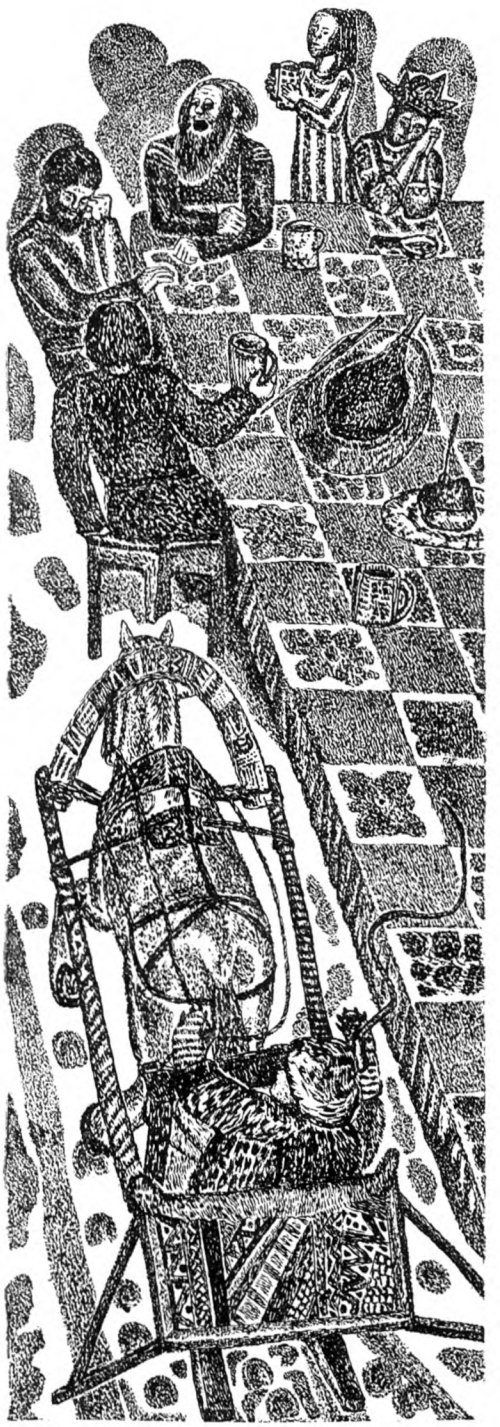
И орел ее не тронул,
Не схватила птица неба.
Набрала сосновых игол,
Набрала еловых шишек,
Прячет иглы меж когтями,
Их запрятывает в лапки,
Принесла их в руки Капо
И кладет у ней меж пальцев.
Капо их бросает в пиво,
Осмотар кладет их в брагу;
Все же пиво не бродило,
Не хотело подниматься.
Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
«Что сюда еще добавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»
Калеватар, та девица,
Что всегда легко обута,
То пойдет по краю пола,
То пойдет по середине
И хлопочет по хозяйству
Посреди котлов обоих —
Вдруг увидела лучинку,
Подняла лучинку с пола,
Повернула ту лучинку:
«Что-то выйдет из лучинки
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль лучинку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»
Отдает лучинку Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
Вышла желтая куница.
Так она кунице молвит,
Так советовала дочке:
«Птичка ты, моя куница,
Ты, красотка с ценным мехом!
Побеги, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
На скалу, в медвежьи норы,
К ворчунам, в берлоги леса,
Где спасаются медведи,
Где их жизнь идет сурово.
Собери дрожжей там лапкой,
Почерпни ты ножкой пену,
Положи на руки Капо,
На ладони дочке Осмо».
Побежала тут куница,
Златогрудая помчалась.
Пробегает по дороге,
Чрез широкое пространство,
По рекам стремится быстро,
Через них нашла дорогу
На утес в медвежьи норы,
К ворчунам, в берлоги леса,
Где они друг с другом бьются,
Где их жизнь идет сурово,
На скалах, железом полных,
На горах, обильных сталью.
Пена льет с медвежьей морды,
Дрожжи льют с ужасной пасти.
Пену лапками схватила,
Собрала когтями дрожжи,
Принесла их в руки Капо
И кладет на пальцы девы.
Капо их бросает в пиво,
Осмотар кладет их в брагу;
Все же пиво не бродило,
Не шипит мужей напиток.
Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
«Что ж сюда еще подбавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?»
Калеватар, та девица,
Что всегда легко обута,
То идет по краю пола,
То пойдет по середине
И хлопочет по хозяйству
Посреди котлов обоих —
На полу стручочек видит,
Подняла стручочек с полу
Повернула тот стручочек:
«Что отсюда может выйти
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль стручок я в руки Капо
Положу меж пальцев девы?»
Отдает стручочек Капо
И кладет меж пальцев девы.

Вот потерла руки Капо,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
И оттуда вышла пчелка.
Так она сказала пчелке,
Так советовала птичке:
«Пчелка, быстренькая птичка,
Луговых цветов царица!
Полети, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
К островам на синем море,
На утесы средь потоков.
Там девица почивает,
У нее свалился пояс,
Сбоку много трав медовых,
Злаки сладкие в подоле.
Принеси сотов на крыльях,
На свою возьми покрышку
Из верхов прекрасных злаков,
Из златых цветочных чашек,
Положи на руки Капо,
На ладони дочке Осмо».
Пчелка, быстренькая птичка,
Уж летит и поспешает,
Пролетает всю дорогу,
Сокращает путь далекий,
Над морями мчится быстро,
Через них дорогу ищет,
К островам в средине моря,
На утесы средь потоков.
Видит: дева тихо дремлет
В оловянных украшеньях,
На лужайке безыменной,
На краю полей медовых;
На бедре трава златая,
Из сребра трава на чреслах.
Пчелка медом мажет крылья,
Погружает перья в сладость
Наверху прекрасных злаков,
В золотых цветочных чашках
И приносит в руки Капо
И кладет меж пальцев девы.
Капо мед бросает в пиво,
Осмотар кидает в брагу;
Наконец-то бродит пиво,
Поднялось питье младое
Там, на новом дне сосуда,
Там, в березовом ушате.

Пиво пенится до ручек,
Через край оно стекает,
Убежать на землю хочет
И упасть стремится на пол.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Вот бегут к питью герои,
Раньше прочих Лемминкейнен.
Опьянел Каукомиэли,
Весельчак напился пьяным
Этим пивом дочки Осмо,
Брагой дочери Калевы.
Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Говорит слова такие:
«Горе мне с моею жизнью!
Ведь я дурно поместила,
Не как надо, это пиво,
И течет оно из кадки
И на землю вытекает».
Дрозд на дереве высоком
Распевает краснохвостый:
«Не дурной ничуть напиток,
А напиток превосходный:
Надо бочки им наполнить,
Отнести его на погреб,
Поместить в дубовых бочках,
Что кругом обиты медью».
Вот как пиво появилось,
Пиво новое Калевы;
Оттого и имя славно,
Хорошо прозванье пива,
Что оно возникло дивно,
Что мужам оно приятно,
Что на смех наводит женщин,
А мужам дает веселье,
Храбрым радость доставляет,
А глупцов на драку гонит».
Тут хозяйка Сариолы,
Услыхав начало пива,
Собрала воды в кадушку,
Налила до половины,
Ячменя туда наклала,
Хмелевых головок много,
Начала готовить пиво
И кругом мешает воду,
Там, на новом дне сосуда,
Средь березовой кадушки.

Целый месяц греют камни,
Кипятят все лето воду,
На дрова леса все рубят,
Из ручьев всю воду сносят;
И леса все поредели,
А вода в ручьях исчезла:
В пиво все употребили,
Положили все для браги
На раскошный пир Похьёлы,
Для пирушки добрым людям.
Дым на острове поднялся,
Запылал огонь на мысе;
Он густым поднялся клубом,
Дым густой на воздух вышел,
Там, где был огонь ужасный,
Там, где пламя распростерлось,
И наполнил пол-Похьёлы,
Ослепил совсем карелов.
Весь народ на небо смотрит,
Боязливо смотрит в выси:
«Дым откуда мог подняться,
Протянуться мог до неба?
На войне бывает больше,
Пастухи сжигают меньше».
Ахти мать, старушка, вышла
Ранним утром на источник
Почерпнуть себе водицы,
Увидала тучу дыма
В стороне Похьёлы мрачной,
Говорит слова такие:
«Это — дым войны, конечно,
От огня вражды ужасной».
Ахти, тот островитянин,
Сам красавец Лемминкейнен,
Посмотрел кругом по небу,
Пообдумал и размыслил:
«Я хотел бы видеть ясно,
Там поблизости разведать,
Где имеет дым начало,
Где на воздух дым выходит?
Это — дым войны, быть может,
От огня вражды ужасной».
Вот пошел Каўкомиэли
На места густого дыма;
Это не был дым военный,
От огня вражды ужасной.
Это был огонь от пива,
Пламя было там от браги
У пролива Сариолы,
У утеса при заливе.
Пригляделся Лемминкейнен,
Покосился одним глазом,
А потом другим косится,
Не шевелит он губами;
Наконец, взглянув, промолвил,
От пролива молвил слово:
«Теща милая! Похьёлы
Ты разумная хозяйка!
Ты вари получше пиво,
Чтобы брага пригодилась,
Как питье толпе великой,
Лемминкейнену всех больше.
На моей на свадьбе пышной
С милой дочерью твоею».
Уж готово было пиво,
Уж поспел мужей напиток.
Пиво красное убрали,
Отнесли младую брату,
Чтоб в земле започивало,
В крепком погребе в утесе,
В бочках, сделанных из дуба,
Там, за кранами из меди.
И хозяйка Сариолы
Стала кушанье готовить:
Все котлы заклокотали,
Сковородки зашипели.
Испекла большие хлебы,
Намешала много каши,
Чтоб кормить народ хороший,
Напитать толпу большую
На большом пиру Похьёлы,
На попойке Сариолы.
Испекла большие хлебы,
Намешала скоро каши.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Зашумело пиво в бочке,
Молвит в погребе младое:
«Ведь могли б меня уж выпить,
Уж могли б схлебать всю брагу,
Чтоб меня прославить с честью
И воспеть бы по заслугам».
Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный,
Восхвалять бы мог прилично,
Мог бы спеть прекрасно песни.

Принесли для пенья семгу,
Щуку, чтоб прекрасно пела,
Но не дело семги — пенье,
Щука тоже петь не может:
Семга — с жабрами косыми,
Щука — с редкими зубами.
Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный.
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни.
Приведен для пенья мальчик,
Как певец он был отыскан.
Не ребячье дело — пенье,
Не слюнявого ребенка:
Языки ребят — кривые,
Языки с согнутым корнем.
И вспылило пиво в бочке,
Сыплет страшные проклятья
В бочках, сделанных из дуба,
Там, за кранами из меда:
«Коль певец не будет найден,
Чтоб он был певец искусный,
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни —
То все обручи побью я,
Проломлю я дно у бочки».
И хозяйка приказала
Приглашать на свадьбу всюду,
Шлет послов, чтоб всех просили,
Говорит слова такие:
«О ты, милая малютка,
Ты, раба, моя служанка!
Созови людей к пирушке,
Созови мужей толпами,
Всяких бедных, всяких нищих.
Всех слепых и всех несчастных
Всех хромых и всех калечных.
Ты слепых доставь на лодках,
На конях доставь безногих,
А калек вези на санках.
Пригласи народ Похьёлы,
Пригласи народ Калевы,
Вейнемейнена седого.
Пусть поет он здесь искусно.
Не зови Каўкомиэли,
Не ходи на остров Ахти».
Так ей девочка сказала,
Говорит слова такие:
«Отчего не звать мне Ахти,
Отчего не звать на свадьбу?»
Но хозяйка Сариолы
Говорит в ответ ей слово:
«Не зови сюда ты Ахти,
Не зови Каўкомиэли:
Ведь всегда он склонен к спору.
Он горячий забияка,
Он возбудит злость на свадьбе,
Бед наделает на пире,
Осмеет девиц невинных
В славных праздничных одеждах».
Отвечает ей девчонка,
Говорит слова такие:
«Как узнать Каўкомиэли,
Чтоб не звать его на свадьбу?
Я не знаю, где живет он,
И где родина у Ахти».
Тут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Ты легко узнаешь Ахти
И жилье его узнаешь:
Там на острове живет он.
У воды живет веселый,
У широкого залива,
На изгибе мыса Каўко».
Звать гостей пошла девчонка,
Недешевая прислуга,
По шести она дорогам,
По восьми путям проходит,
Позвала народ Похьёлы,
Всех людей в стране Калевы,
Всех крестьян наибеднейших.
Всех поденщиков в лохмотьях —
Только Ахти молодого
Обошла без приглашенья.



Руна двадцать первая

Свадебное пиршество

Лоўхи, севера хозяйка,
Той Похьёлы вечно мрачной,
Не была под кровлей дома,
Занята была работой;
Слышит хлопанье с болота,
Слышит шум саней по брегу.
Взоры бросила на запад,
Повернула взор на солнце,
Пообдумала и мыслит:
«Что за люди появились
Там по берегу? О горе!
Неужели это — войско?»
И подходит к месту ближе,
Рассмотреть поближе хочет.
Было то совсем не войско:
Молодцов толпа большая,
Зять в толпе той находился,
Посреди людей хороших.
И хозяйка Сариолы,
Той Похьёлы вечно мрачной.
Только зятя увидала,
Говорит слова такие:
«А я думала, что буря
Кучу дров там повалила,
Что бушует берег моря,
Что шумит песок прибрежный!
Подошла я к месту ближе,
Рассмотреть, что там, хотела:
То не буря там шумела
И не куча дров свалилась;
Не бушует берег моря,
Не шумит песок прибрежный –
Это зять с людьми своими,
Сотни две мужей подходят.
«Как я зятя увидала,
Как в толпе мужей узнала?
Он в толпе всегда заметен,
Как черемуха в лесочке,

Точно дуб в зеленой роще,
Точно месяц в звездной куче.
Лошадь зятя вороная,
Словно жадный волк, та лошадь,
Точно ворон на добыче,
Точно жаворонок реет;
Шесть златых щебечут птичек
На дуге его согнутой,
Голубых семь птичек вместе
Там трещат в ремнях запряжки».
Шум на улице поднялся,
Треск оглобель по дороге:
Зять на двор въезжает быстро,
Подъезжает прямо к двери,
И толпа стремится к дому,
Молодцов толпа большая;
Зять стоит средь провожатых,
Посреди людей хороших,
Стал, вперед не выдвигаясь
И назад не подаваясь.
«Ну вы, дети и герои,
Ну, высокие, спешите,
Вы супонь скорей берите
И ремни освободите,
Опустите вы оглобли
И скорей встречайте зятя!»
Быстро конь бежит у зятя,
Сани пестрые промчал он,
По двору большому тестя.
И промолвила хозяйка.
«Мною нанятый служитель,
Ты, слуга в деревне лучший!
Ты прими коня у зятя,
Белолобого избавь ты
От шлеи, богатой медью,
Светлым оловом покрытой,
От ремней цены высокой,
От дуги его ветельной;
Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты осторожно
На ремнях, сребром богатых,
И на поводе из шелку,
Отведи на мягкий выгон,
На равнины, на поляны,
На поля снегов бесшумных,
В ту страну с молочным цветом.
Напои ты лошадь зятя
В том источнике ближайшем,
Где струится быстро влага
И бежит, как простокваша,
У златых корней сосновых,
У корней тенистой ели.
Накорми там лошадь зятя
Из станка златого резкой
И из медного корыта
Ячменем, зерном отборным;
Яровой свари пшеницы,
Яровой корми ты рожью.
Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты к яслям лучшим,
На возвышенное место,
К загородке самой задней;
Привяжи ты лошадь зятя
К золотым и крепким кольцам
И к крюкам, что из железа,
Привяжи к столбу с прожилкой;
Положи коню ты зятя
Там с овсом одно корыто,
А другое с свежим сеном,
Третье дай ему с мякиной.
И почисть ты лошадь зятя
Щеткой из моржовой кости,
Чтобы волосы не лезли,
Чтобы хвост испорчен не был;
И покрой ты лошадь зятя
Серебристым покрывалом,
Златотканною попоной,
Тем сукном, богатым медью.
Вы же, мальчики-цыплята,
Зятя в горницу ведите
С непокрытой головою
И с руками без перчаток!
Посмотреть бы я хотела,
Не пройдет ли зять в покои,
Там дверей не поснимавши,
Косяков не отодвинув,
Перекладин не поднявши,
Не понизивши порога,
Не сломав углов меж стенок
И не сдвинув с места балок.
Не проходит зять в покои.
Не пройдет златой в жилище,
Там дверей не поснимавши,
Косяков не отодвинув,
Перекладин не поднявши,
Не понизивши порога,

Не сломав углов меж стенок
И не сдвинув с места балок:
Зять всех на голову больше,
На длину ушей повыше.
Перекладины подняли,
Чтоб он шапкой не цеплялся;
Опустили вниз порожек,
Чтоб каблук он свой не портил;
Косяки раздали шире,
Сняли вовсе дверь входную,
Как подходит зять поближе,
Как приблизился он, бравый.
Слава богу, наконец-то
Зять вошел туда в покои!
Я бы в горницу взглянула,
Осмотрела б быстрым взором:
Может, там столы не мыты,
Может, лавки не потерты;
Чисто ль вычищены планки,
Доски выскребены ль чисто?
Я взглянула прямо в избу:
Не могу совсем узнать я,
Из каких она деревьев,
Из каких деревьев крыша,
И откуда взяты стены,
Где сколочены так балки?
Все края — ежовой кости,
Задняя стена — оленьей,
А другая — россомахи,
Косячки — овечьей кости.
Все из яблони тут жерди,
Столб березового свиля,
Потолок же из чешуек,
Из чешуек гладких рыбьих.
Все скамейки из железа,
Пол из планочек немецких,
Все столы блестят от злата,
Пол покрыт ковром из шелку.
Печка сделана из меди,
Весь очаг — из твердых камней,
Печка — из камней подводных,
Загородки — дуб Калевы».
Вот жених в покои входит,
Поспешает он в жилище,
Говорит слова такие:
«Боже! ты пошли здоровья
Под прославленную кровлю,
В это славное жилище!»
И ответила хозяйка:
«Будь и ты здоров, явившись
В эту маленькую избу,
В эту низкую постройку,
К нам в еловое жилище,
К нам в сосновое строенье.
Эй ты, девочка служанка,
Ты, наймитка из деревни!
Принеси огня в бересте,
На конце сосновой щепки,
Чтоб я зятя посмотрела,
Жениху в глаза взглянула:
Сини те глаза иль кари,
Или белы, как льняные?»
Принесла огня девчонка,
Та наймитка из деревни,
На бересте принесла ей,
На конце сосновой щепки.
«Нет! шумит, трещит береста,
Дым пошел смолистый, черный;
Задымил глаза он зятю,
Цвет лица он сделал черным.
Принеси огня на свечке,
На свече из воску, белой.
Принесла огня девчонка,
Та наймитка из деревни,
Принесла на длинной свечке,
На свече из воску, белой.
Заблестел дымок от воску,
Засиял огонь от свечки,
Осветил он очи зятя,
Заблестели зятя щеки.
«Я узнала очи зятя:
Не красны они, не сини
И не белы, как льняные,
А блестят, как пена моря,
Как фиалка моря, серы,
Как цветок, они прекрасны!
Ну вы, мальчики-цыплята!
Моего ведите зятя
На высокое сиденье,
На возвышенное место,
К голубой стене спиною,
Головой же поверните
На гостей, на красный столик,
Грудью к шуму всех сидящих!»
И хозяйка угощает,
И поит гостей, и кормит;

Кормит их прекрасным маслом,
Кормит мягкими комками;
Всех гостей кормила званых,
Больше ж всех кормила зятя.
Уж разложена там семга
Возле жареной свинины;
Так полна была посуда,
Что края едва держали,
В угощенье приглашенным,
А для зятя — прежде прочих.
И хозяйка Сариолы
Молвит: «Девочка-малютка!
Принеси-ка пива в кружках,
В кружках тех с двумя ушками.
Всем гостям здесь приглашенным,
А для зятя — прежде прочих».
Принесла девчонка кружку,
Та служанка нанятая,
Чтоб кругом ходила кружка,
С пивом спелым чтоб гуляла,
Чтоб с бород там хмель струился,
Пена белая стекала
У гостей всех приглашенных,
Прежде же гостей — у зятя.
Что ж тогда случилось с пивом,
Что поспевшее сказало,
Как к певцу оно попало,
К знаменитому поближе,
К Вейнемейнену седому,
Охранителю напевов,
Что богат искусством пенья,
Всех сильнее в заклинаньях?
Взял он пиво прежде прочих,
Говорит слова такие:
«Пиво, славный ты напиток!
Да не пьют тебя в молчаньи:
Возбуди мужей ты к песне,
Пусть поют уста златые;
Пусть хозяева дивятся,
А не то хозяйка молвит:
«Что-то песни уж завяли,
Языки уж притупились?
Дурно пиво я сварила,
Налила питья плохого,
Что певцы не запевают,
Не похвалятся напевом,
Не шумят златые гости,
И кукушка не ликует».
Кто ж начать здесь должен песни,
Чей язык звучать здесь должен
На большом пиру Похьёлы,
На пирушке Сариолы?
Не поет ведь здесь скамейка
Без людей, на ней сидящих,
Не звучит здесь пол в покоях
Без людей, на нем стоящих;
Здесь окно не веселится
Без хозяев у окошка,
Не шумит здесь стол краями
Без людей, за ним сидящих,
Не гудит окно для дыма
Без людей, внутри живущих».
На полу уселся мальчик,
На печной скамье мальчишка,
И сказал тот мальчик с полу,
С той печной скамьи ребенок:
«Я вот мал и юн годами,
Я и слаб и тонок телом,
Но пусть будет по желанью:
Не поют ведь те, кто толще,
Мужи сильные не молвят,
Не хотят здесь веселиться.
Я спою, худой мальчишка,
Я спою, ребенок тощий,
Хоть мое и худо тело,
И совсем без жира бедра,
Чтобы вечер был веселым,
Чтоб почтен был день прекрасный».
На печи лежал там старый,
Говорит слова такие:
«Не должны петь песни дети,
Лопотать пустые вещи:
Много лжи в ребячьих песнях,
Песни девушек без правды.
Пусть споет премудрый песню,
Тот, чье место на скамейке».
И сказал тут Вейнемейнен,
Что богат искусством пенья,
Всех сильнее в заклинаньях,
Так промолвил слово старец:
«Есть ли кто из молодежи,
Есть ли кто в честном народе,
Кто б сложил с рукою руку,
Положил бы их друг к дружке
И потом бы начал пенье,
Пенье радостное поднял,

Чтобы день наш был веселым,
Чтобы вечер был прославлен?»
Говорит на печке старый:
«Никогда здесь не слыхали,
Не слыхали, не видали,
Никогда, ни в кое время,
Чтобы был певец получше
И мудрее заклинатель,
Чем был я, как лепетал я,
Как ребенком пел я часто
У широкого залива,
На полях шумел бывало,
Как взывал в сосновом лесе,
Говорил в густых я рощах.
Силен, славен был мой голос
И напевы превосходны;
И текли они, как реки,
Как поток воды, шумели,
И скользили, точно лыжи,
Точно парусный кораблик;
Тяжело теперь промолвить,
Тяжелей еще услышать,
Что надорван сильный голос,
Что поник мой голос милый.
На реку уж не похож он,
На поток он не походит,
Он, как грабля между пнями,
Как сосна на снежном поле,
На земле песчаной сани,
На сухих каменьях лодка».
Молвил старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Коль не явится другой кто,
Чтобы петь со мною вместе,
То один уж петь я стану,
И один спою я песни.
Я певцом уж так был создан,
Так певцом я и родился,
Не спрошу я у другого
Ни пути, не цели песен».
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Песнопевец вековечный,
Пенья вечная опора,
Начал радостное дело,
Исполненье песнопенья:
Раздалася песнь веселья,
Слово мощно загремело.

Начал старый Вейнемейнен,
Людям дал услышать мудрость;
Знал он много слов хороших,
Ведал много дивных песен.
Больше, чем у скал каменьев,
Чем цветов в воде цветущей.
И запел тут Вейнемейнен.
Пел он вечеру на радость,
Чтобы женщины смеялись,
Чтоб мужчины веселились,
Чтобы слушали, дивились
Вейнемейнена напевам.
И дивились те, кто слушал,
Кто ничем там не был занят.
Молвил старый Вейнемейнен,
Он сказал, окончив пенье:
«Я — певец не знаменитый,
Я — не важный заклинатель,
Не могу пропеть я много,
И мое уменье слабо.
Если б петь хотел создатель,
Говорить слова устами,
Он бы мощные пел песни,
Молвил грозные заклятья.
Обратил бы в мед он море,
А песок — в горох красивый,
Хрящ морской — в хороший солод,
Солью стали б камни моря,
Хлебородной почвой — рощи,
Темный лес — пшеничным полем,
Горы стали б пирогами,
Стали б яйцами каменья.
Он бы мощные пел песни.
Пел бы песни, заклинал бы,
На дворе напел бы стадо,
Мог бы в хлев коров наделать,
В стойла много пестролобых,
В поле множество молочных,
Сотни с выменем обильным,
Дал бы тысячу рогатых.
Он бы пел и заклинал бы,
Он бы пел и сотворил бы
Для хозяина мех рысий,
На кафтан сукно хозяйке,
Башмачки на ноги дочке,
Сыну — красную рубашку.
Посылай всегда, о боже,
Делай, праведный создатель,

Чтоб всегда здесь поживали,
Чтобы так довольны были,
Как теперь на угощеньи,
На пирушке Сариолы.
Пусть течет рекою пиво,
Пусть медовое польется
В этих горницах Похьёлы,
По строеньям Сариолы,
Чтобы днем здесь распевали,
Вечерами веселились,
Здесь пока живет хозяин,
И пока жива хозяйка.

Боже, дай им воздаянье,
Ниспошли свою им милость,
Пусть достанется им счастье,
Пусть они найдут награду —
У стола найдет хозяин,
А хозяюшка в амбаре,
Сыновья найдут в тенетах,
За станками сидя дочки;
И на будущее лето
Пусть никто не пожалеет,
Что он на пиру был этом,
Что сидел здесь на пирушке!»

Руна двадцать вторая

Свадебные причитания

Вдоволь там попировали,
На пирушке Сариолы.
Зятю молвила хозяйка,
Илмаринену сказала:
«Что сидишь, высокородный,
Бодрствуешь, страны украса?
Иль сидишь отцу утехой,
Иль для матери отрадой,
Иль для блеска здесь в покоях,
Для красы гостей на свадьбе?
Не сиди отцу утехой,
Ни для матери отрадой,
Ни для блеска здесь в покоях,
Для красы гостей на свадьбе.
А сиди утехой девы
И сияй твоей любезной!
Женишок, мой милый братец,
Подожди еще немного:
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Половина кос плетеных,
Половина неплетеных.
Женишок, мой милый братец,
Подожди еще немного:
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь один рукав надетый,
А другой пока пустеет.
Женишок, мой милый братец,
Подожди еще немного:
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна нога обута,
А другая не обута.
Женишок, мой милый братец,
Подожди еще немного:

Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна рука в перчатке,
А другая не покрыта.
Женишок, мой милый братец,
Ты пождал, не утомился:
Уж готова дорогая,
Наша уточка одета.
Выйди, проданная дева,
Следуй, купленная птичка!
Вот то, что тебя связало,
Что тебя и отделяет;
Вот он, кто тебя увозит,
За тобою выйдет в двери;
Уж кусает конь поводья,
Ожидают сани деву.
Ты была падка на деньги,
Отдала ты скоро руку,
Приняла подарок быстро,
Ты кольцо надела скоро.
Полюби же эти сани
И войди туда скорее,
Проезжай деревней быстро,
Уезжать спеши скорее.
Мало, юная девица,
Мало в сторону смотрела,
Мало кверху ты глядела;
Ты раскаешься в продаже,
Много слез прольешь ты в жизни,
Много лет рыдать ты будешь,
Что отцовский дом бросаешь,
Что от матери любимой
И от родины уходишь,
Из жилища дорогого.
Жить тебе прекрасно было,
Жить в строениях отцовских;
Как цветок росла ты нежный,
Точно ягодка на поле;
К маслу шла ты из постели,
К молоку ты шла проснувшись,
С ложа шла ты на пшеницу,
К маслу свежему — с подстилки;
Если ты не ела масло,
Ты брала куски свинины.
Никогда забот не знала,
Дум больших ты не имела,
Отдала заботу соснам,
Отдала тычинкам думы,
Всю печаль болотным соснам
Да березе на песочке.
Как листочек, ты порхала,
Мчалась бабочкой веселой,
Точно ягодка родная,
Земляничка на поляне.
Вот ты из дому уходишь
И идешь к другому дому;
Там и мать тебе другая,
И чужие в доме люди;
Там совсем иначе будет,
Все в другом иначе доме:
Там рожки звучат иначе,
Там скрипят иначе двери,
Створки там иначе ходят,
И крюки визжат иначе.
Там дверей найти не сможешь,
Не отворишь там ты створок,
Как их дочери умеют;
Развести огонь не сможешь,
Не истопишь там ты печки,
Как хотят там их мужчины.
Знала ль это ты, девица?
А ты думала, младая,
Провести там только ночку
Да домой назад вернуться?
Не на ночку ты уходишь,
Не на ночку или на две —
Ты надолго ведь уходишь,
Да, на месяцы, на годы,
На всю жизнь отца оставишь,
Мать, пока она на свете.
Значит, двор наш удлинится,
И порог повыше станет,
Если ты, когда вернешься,
Вновь придешь в места родные».
Дева бедная вздохнула,
На глазах сверкнули слезы;
У нее печаль на сердце,
На глазах стоит водица.
И сказала дева слово:
«Так я думала, гадала,
Так я знала, говорила
В годы юности цветущей:
Без значенья ты, девица,
Под родительской охраной,
Посреди полей отцовских,
В доме матери старушки.

Ты тогда важнее станешь,
Как пойдешь, девица, к мужу,
На порог ногой ты ступишь,
А другой ногою в сани;
Головой ты будешь выше,
Выше ты тогда ушами.
Вот чего ждала я в жизни
И желала, подрастая,
Точно славного годочка,
Точно лета приближенья.
И исполнились надежды,
Уж приблизился мой выезд,
На порог нога ступила,
А другая — уж на сани.
Все ж не в силах я постигнуть,
Что мой ум так изменило:
Я не с радостью на сердце
Ухожу, не с ликованьем
Из жилища дорогого,
Где девицей проживала,
Со двора, где подрастала,
Из отцовского строенья;
Ухожу я с горькой думой,
Ухожу полна заботой,
Точно к осени в объятья,
Как на тонкий лед весенний:
Нет следов на льду весеннем,
Ни слединки нет на скользком.
Как приятны думы прочих,
Как других приятны мысли!
Нет такой у них заботы,
Как я, бедная, имею.
Как в заботах я страдаю!
Сердце — точно уголь черный.
Ведь не то ль у лучших думы,
Ведь не то ль блаженных мысли,
Что денной рассвет весенний,
Что весенним утром солнце?
У меня, у бедной, думы,
У меня, печальной, мысли,
Точно ровный берег моря,
Точно край у темной тучи,
Точно тьма осенней ночи;
Очень мрачен день зимою,
А мои мрачнее думы
И темней осенней ночи».
Работящая старушка,
Что всегда жила при доме,
Говорит слова такие:
«Ну, вот видишь ты, девица,
Помнишь, что я говорила,
Сотни раз тебе твердила:
«Женихом ты не любуйся,
Не гляди в уста мужчине
И глаза не разбирай ты,
Не смотри ты, крепки ль ноги!
Пусть уста его приятны,
Пусть глаза его красивы —
Да в устах уселся Лемпо,
Смерть сидит на подбородке».
Я советовала деве,
Я племяннице сказала:
«Женихи придут к девице,
Женихи придут и сваты;
Женихам же ты ответишь,
От себя ты им промолвишь:
«Никогда мне не придется
Уходить отсель невесткой.
Не пойму я, как итти мне,
Чтобы жить где в подчиненьи:
Если кто мне слово скажет,
Я тому и два отвечу;
Кто мне волосы лишь тронет,
До кудрей моих коснется,
В волоса тому вцеплюсь я,
Растреплю я их с позором».
Ты на это не смотрела,
Слов моих ты не слыхала,
Ты сама в огонь уходишь,
В жидкую смолу с охотой,
Ты спешишь к лисице в сани,
Чтоб попасть медведю в лапы.
Увезут тебя те сани,
Унесет медведь далеко;
Там хозяину послужишь
И послужишь ты свекрови.
Ты идешь из дома в школу,
От отца идешь на муку;
Тяжело итти в ту школу,
Там мучительно бедняжке:
Там уж куплены поводья,
Узы рабские готовы
Не кому-либо другому,
А тебе одной, несчастной.
Скоро ты узнаешь грубость.
Плохо проданной придется:

Из костей уста у свекра,
И застыл язык свекрови,
Речи деверя морозны,
Горд затылок у золовки.
Слушай речь мою, девица,
Слушай речь мою и слово:
Ты была в дому цветочек,
На дворе отцовском радость,
Мать звала тебя все солнцем,
Ясным месяцем отец звал,
Блеском вод тебя звал братец,
Голубым платком — сестрица.
Ты идешь к другому дому.
Там и мать тебе чужая,
Не такая, как родная:
Эта мать ведь иноземка,
Редко даст приказ хороший,
Редко даст совет получше.
Будешь дрянью слыть у свекра,
Рванью будешь у свекрови,
Назовет порогом деверь
И страшилищем золовка.
Ты тогда была б хорошей.
И тебя бы оценили,
Если бы ты как пар всходила,
Точно дым бы поднималась,
Точно листик запорхала,
Точно искорка спешила.
Не летаешь ты как птичка,
Не порхаешь точно листик,
Не спешишь ты точно искра,
Точно дым ты не восходишь.
Дева милая, сестрица!
Вот теперь ты променяла
Своего отца родного
На чужого свекра злого,
Променяла мать родную
На свекровь свою, злодейку,
Милых братьев ты сменила
На злых деверьев жестоких,
Ты сестер сменила кротких
На насмешливых золовок,
Полотняные постели
На каменья с черной сажей;
Эту чистую водицу
На густую грязь и плесень,
Берега с песочком чистым
На болота с черной грязью,
Рощи милые сменила
На пустынные пространства,
Холмик ягодный сменила
Ты на пожниво сухое.
Иль ты думала, девица,
Иль ты, курочка, мечтала,
Что заботы и работы
Знать не будешь с этой ночи,
Как тебя ко сну отправят,
На покой тебя проводят?
Не ко сну тебя отводят,
Не покоем наслаждаться:
Ты должна ждать беспокойства,
От забот ударов тяжких;
Будут частые печали,
Тосковать всегда ты будешь.
Как платка ты не носила,
Ты не знала и печали;
Не имела покрывала,
Не имела и заботы;
И печали и заботы
Головной платок приносит.
Лен приносит только горе,
Он приносит только скорби.
Что такое дева в доме?
Дева — то в отцовском доме,
Что король, живущий в замке;
Лишь меча ей нехватает.
Все иначе у невестки,
Так живет она при муже,
Как живет в России пленник,
Только стражей нехватает.
Поработала невестка,
Уже плечи утомились,
Уж промокла вся от пота,
Пот по лбу струится пеной;
Настает покоя время —
Тут в огонь ее погонят,
В пламя страшное отправят
И пошлют бедняжку в пекло.[1]
Взять тогда должна бедняжка,
Взять ума у быстрой семги,
А язык искать ершиный
И у окуня взять мысли,
Рот и брюхо у плотицы,
Мудрость взять у черной утки.
Не могла одна понять я,
Мать мне тоже не сказала,

Ни ее все девять дочек,
У родителей хранимых,
Где родился тот обжора,[2]
Где грызун тот проживает,
Что жрет мясо, кости гложет,
Волоса по ветру сыплет,
Их по ветру распускает,
Их дарит ветрам весенним.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Ты облей слезами руки,
Горьких слез налей пригоршни,
На дворе пролей ты капли,
В доме пол залей прудами,
Плачь, пока зальешь покои,
Чтоб текло чрез доски пола!
Плачешь ты еще немного,
А заплачешь, как вернешься,
Как придешь ты в дом отцовский,
Старика-отца увидишь
Мертвого средь дыма бани,
А в руках холодных веник.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще немного,
А заплачешь, как вернешься,
В материнский дом придешь ты
И увидишь мать-старушку
Под навесом без дыханья,
А в руках соломы связку.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще немного,
А заплачешь, как вернешься,
В этот дом когда придешь ты,
Брата милого увидишь
Там на улице упавшим,
Прислонившимся у дома.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще немного,
А заплачешь, как вернешься,
В этот дом когда придешь ты
И сестриц увидишь нежных,
Как лежат среди дороги
И вальки в руках сжимают».
Тяжело вздохнула дева,
Часто дева задышала,
Начала тут горько плакать,
Проливать обильно слезы.
Облила слезами руки,
Налила полны пригоршни,
Оросила двор отцовский,
Залила полы прудами;
Говорит слова такие:
И такие молвит речи:
«О вы, милые сестрицы,
Вы, мои подруги жизни!
Вы со мной играли вместе,
Вы услышьте, что скажу вам.
Не могу никак постигнуть:
Отчего так угнетает,
Так гнетет меня кручина,
Отчего печаль терзает,
Отчего тоска так мучит,
Отчего забота вяжет?
Не так думала, гадала —
Я ждала иного в жизни.
Я хотела быть кукушкой,
По холмам хотела кликать
В эти дни мои младые,
Как достигла лет цветущих.
Не иду теперь кукушкой,
Чтобы кликать по холмочкам:
Точно уточка я стала,
Как она в волнах далеких
Поплывет в воде холодной,
В ледяной воде трепещет.
Мать, отец, мои родные!
Ты, старушечка седая!
Вы куда меня ведете,
Отправляете бедняжку,
Что я слезы проливаю,
Что я мучаюсь печалью,
Что забот имею столько,
Что терплю такое горе?
Иль ты, мать моя, бедняжка,
Что меня в себе носила,
Что меня кормила грудью,
Молоком меня вспоила —
Иль качала ты колоду,
Или камешек купала,
А не дочку ты купала,
Не качала дорогую
Для заботы беспрестанной
И для горести сердечной?

Может, кто-нибудь мне скажет,
Может, кто-нибудь помыслит:
Нет тебе, девице глупой,
Ни заботы, ни печали!
Люди добрые, молчите,
Милые, не говорите:
У меня забот ведь больше,
Чем каменьев в водопаде,
Чем на топком месте ветел,
Вереску в лесу сосновом.
Не могла б везти их лошадь,
Не могла бы дотащить их,
Чтоб дуга не покачнулась
И хомут не затрещал бы;
Это все — мои заботы,
Все — моя печаль-кручина».
На полу запел тут мальчик,
Там у печки пел ребенок:
«Отчего, девица, плачешь,
Отчего твои заботы?
Ты коням оставь заботы,
Меринам кручину черным,
Горе — им, железномордым,
Им — печаль, большеголовым.
У них головы получше
И у них покрепче кости,
Больше носит сгиб их шеи
И сильнее у них тело.
И зачем тебе так плакать,
И к чему тебе томиться?
Не ведут тебя в болото,
На окраину оврага:
От равнины плодоносной
Ты идешь к полям богатым;
Из жилищ, где много пива,
В дом идешь, где пива больше.
Ты гляди направо, дева,
От бедра смотри направо:
Муж стоит, твоя охрана;
Светел он с тобою рядом;
Муж хорош, и конь прекрасен,
Упряжь сделана с искусством;
Резво рябчики порхают,
На изгиб дуги взлетают,
И дрозды там веселятся
И поют в ремнях на сбруе,
Золотые шесть кукушек
На хомут коня взлетают,
Семь прекрасных синих птичек
Впереди саней распелись.
Будь, девица, без заботы,
Дочка матери, не плачься:
Не идешь для жизни худшей,
А идешь для лучшей жизни
Рядом с этим земледельцем,
Рядом с пахарем усердным,
Возле уст у хлебопашца,
На руках у рыболова,
Что смывает пот охоты
На лосей и на медведя.
Из мужей твой — самый лучший,
Ты взяла себе героя:
Лук его всегда при деле,
На гвозде колчан не виснет,
Не торчат собаки дома,
Мягких ковриков не знают.
Вот уж трижды в эту весну,
В самый ранний час рассвета,
При огне он поднимался,
Пробуждался он меж сучьев;
У него уж трижды в весну
Росы падали на очи,
Ветки щеткою служили,
Гребешком служили сучья.
У него стада большие
И они все возрастают;
Наш жених имеет много
Тех, что по лесу гуляют,
Пробегают по вершинам;
Сходят в низменность долины
Сотни тех, что носят вымя,
Сходит тысяча рогатых;
На полях там много хлеба,
В долах множество запасов,
По лесам ольховым — пашни,
По ручьям — ячмень богатый,
Там овес промеж утесов,
По прибрежьям рек — пшеница,
Деньги там в огромных грудах,
Пеннинги[3] — как мелкий щебень».

Руна двадцать третья

Наставления невесте

Нужны девушке советы,
Надо мудрой быть невесте.
Кто ж девицу вразумляет,
Кто невесту умудряет?
Осмотар, красотка дева,
Опытная дочь Калевы,
Вразумляет ту девицу,
Ту сиротку умудряет,
Как бы в радости прожить ей,
Как прожить бы с похвалою,
Быть веселой в доме мужа,
Быть хвалимой у свекрови.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты, невеста и сестрица,
Молодой отросток нежный!
Ты послушай, что скажу я,
Повторять тебе что буду.
Ты, цветок, идешь отсюда,
Вдаль ты, ягодка, уходишь,
Ты уйдешь, платочек пестрый,
Выйдешь, бархатный кусочек,
Из прославленного дома,
Из прекрасного жилища,
Ты придешь к иному дому,
Вступишь в чуждое хозяйство.
Все в другом иначе доме,
Все иначе в том хозяйстве:
Как пойдешь, так прежде думай,
Пред работою помысли,
А не как в родных полянах,
Как у матери на поле:
Пенье было там в долинах,
Там веселье на дорогах.
Этот дом ты покидаешь,
Можешь взять ты все другое,
Но оставь три вещи дома:
Сны, что ты на дню видала,

Речи матери любезной
И кадушку с свежим маслом.
Все возьми с собой другое,
Но оставь мешок со снами
Здешним девушкам при доме,
На краю широкой печки;
Пенье брось на край скамейки,
К окнам радостные песни,
Брось метле свое веселье,
Шум — к оборкам одеяла,
Шалость брось к печной скамейке,
Лень свою ты выкинь на пол
Иль отдай подруге детства,
Брось в полу своей подружке,
Пусть несет ее в кустарник,
Пусть в пустырь ее забросит.
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ты забудь отцовы ласки,
Чтоб ласкал тебя там свекор;
Ты поклоны ниже делай,
Расточай слова получше.
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку матери забудь ты,
Чтоб свекровь тебя ласкала;
Ты поклоны делай ниже,
Расточай слова получше.
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Позабудь ты ласки брата,
Чтоб тебя ласкал там деверь;
Ты поклоны ниже делай,
Расточай слова получше.
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку сестрину забудь ты,
Чтоб золовка там ласкала;
Ты поклоны ниже делай,
Расточай слова получше.
В продолженье целой жизни
И пока сияет месяц,
Ты безнравственности бойся
И храни ты добродетель.
В доме нравственности ищут,
В добром доме чистых нравов.
У жены муж чувства просит,
Лучший муж лишь чувства ищет;
Спросят мудрости тогда лишь,
Если нет порядка в доме;
Там нуждаются в усердье,
Где сам муж совсем негоден.
Пусть старик хоть волком будет,
Пусть медведицей старуха,
Хоть змеею деверь будет,
Хоть занозою золовка —
Отдавай им честь такую ж,
Даже кланяйся пониже,
Чем ты кланялась родимой,
Чем средь горницы отцовской
Пред отцом ты наклонялась,
Почитала мать родную.
Припасти должна ты будешь
Мудрый ум и быстрый разум;
Там должна ты постоянно
Быть всегда благоразумной,
Вечерами наблюдая
За лучиной, чтоб не гасла,
Острый слух иметь под утро.
Чтоб петуший крик услышать;
Прокричал петух один раз,
Не кричал еще в другой раз —
А должна вставать молодка,
Старики пусть спят покойно.
Коль петух кричать не будет,
Не зовет хозяев птица,
То по месяцу следи ты,
По Медведице на небе;
Часто будешь выходить ты,
Чтоб смотреть на месяц ясный,
По Медведице знать время,
Принимать от звезд советы.
Коль Медведица так прямо
Головою к югу станет,
А хвостом своим на север —
Значит, время подниматься,
Подниматься с ложа мужа,
Из объятий молодого
И искать огня средь пепла,
Искру малую в коробке
И раздуть огонь в поленьях,
Но чтоб он не шел далеко.
Коль огня не будет в пепле,
Не найдешь в коробке искры,
Растолкай тогда ты мужа,
Разбуди тогда красавца:

«Дай огня, супруг мой милый,
Дай мне, ягодка, хоть искру!»
Как кусок кремня получишь,
Вместе с ним немного труту,
Выбивай огонь поспешно,
Ты воткни в скобу лучинку
И пойди дорогой к хлеву,
Чтобы там кормить скотину.
Замычит тогда корова,
И заржет там лошадь свекра,
Ждет там деверя корова,
И теленок ждет золовки,
Чтоб скорее дали сена,
Чтобы клевер был наложен.
Ты пройди в загон, нагнувшись,
Наклонясь, во двор к скотине,[1]
Накорми коров с любовью,
А стада овец с уменьем.
Брось соломы ты коровам,
Ты подай телятам пойла,
Нежных стеблей жеребятам,
Сена мягкого ягнятам;
На свиней не натыкайся,
Не толкай ты поросенка,
А поставь кормушку свиньям,
Дай корыто поросятам.
Отдыхать не вздумай в хлеве,
Не засни ты там в загоне.
Ты прошла загоном скотным
И стада ты осмотрела —
Так спеши скорей оттуда,
Ураганом мчись ты к дому.
Там заплакал уж ребенок,
Уж кричит он на постели,
Говорить не может, бедный,
Он не скажет, бессловесный,
Есть ли хочет он, озяб ли,
Или что-нибудь случилось.
Ведь не видел он родимой,
Речи матери не слышал.
Ты тогда пойдешь в покои,
Ты войдешь сама-четверта:
На руке ведро с водою,
А подмышкой свежий веник,
И во рту твоем лучинка —
Вот и выйдет вас четыре.
Подмети ты доски пола,
Со стола смети почище,
Вылей воду ты на доски,
Не на голову ребенка;
На полу дитя увидишь,
Пусть оно дитя золовки,
Посади его на лавку,
Вытри глазки, гладь головку,
Дай ему хоть щепку в руки.
Да намажь на хлебец масла;
Не найдешь ты в доме хлеба —
Дай ему хоть щепку в руки.
Ты столы захочешь вымыть
Попоздней, в конце недели —
Мой поверхность, мой и сбоку,
Не забудь и ножки вымыть;
Ты облей скамьи водою,
Обмети, как нужно, стены,
По порядку все скамейки
И в длину все стены дома.
Что на стол насело пыли,
Что насело по окошкам,
Ты смети крылом прилежно,
Вытри тряпочкой с водою,
Чтобы пыль не разошлася,
К потолку б не поднялася.
С потолка смети ты сажу,
Печку также ты почисти
И почисти столб у печки,
Также о шестках подумай,
Чтобы горницу узнали
И сочли ее жилищем.
Слушай, дева, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю:
Никогда нейди без платья,
Не покрытая платочком,
Не ходи ты без платочка,
Не ходи без башмаков ты:
Неприятно то супругу,
Заворчит тогда твой милый.
Охраняй с большим стараньем
На дворе своем рябины:
То — священные деревья
Со священными ветвями;
Зелень на ветвях священна,
А плоды уже подавно:
Через них узнает дева,
Беззащитная узнает,
Сколь живет она по мысли
И желанию супруга.

Ты, как мышь, ушами слушай,
Ты, как заяц, бегай быстро,
Наклоняй затылок юный,
Ты младой сгибайся шеей,
Как растущий можжевельник,
Как черемухи верхушка.
Быть внимательной должна ты
И должна остерегаться,
Чтобы отдыхать не села,
Не свалилась на лежанку,
Не легла бы на одежду,
На постель бы не наткнулась.
Вот вернется с пашни деверь,
Свекор твой вернется с поля,
Подойдет супруг с работы,
Из лесу придет уставши.
Принеси с водою ковшик,
Принеси ты полотенце,
Наклонись к земле пониже,
Молви ласковое слово.
А свекровь вернется в избу,
Подойдет в руках с мукою —
Ты беги на двор навстречу,
Поклонись еще пониже
И возьми из рук старухи,
Отнеси муку в покои.
Если ж ты сама не знаешь
И сама не понимаешь,
За какое дело взяться
И какую взять работу,
То спроси ты у старухи:
«Ах, свекровьюшка родная!
Мне за что теперь приняться
И какую взять работу?»
И свекровь тебе ответит,
Так тебе старуха скажет:
«Вот за что тебе приняться
И какую взять работу:
Ты толки, мели прилежно,
Приведи в движенье жернов,
Принеси водицы свежей,
Замеси покруче тесто,
Принеси поленьев в печку,
Чтобы печка понагрелась;
Испеки потом ты хлебы,
Испеки пирог потолще,
Для еды посуду вымой,
Для питья сосуды вытри».

Услыхавши от свекрови,
От старухи про работу,
Ты возьми зерно с каменьев [2]
И в чулан молоть отправься;
И когда туда войдешь ты,
Чтоб молоть там, в том чулане,
Ты не пой, не веселися,
Во всю глотку не шуми там:
Пусть поет у камня ручка,
Пусть шумят у камня дыры,
Не пыхти при том ты сильно,
Не вздыхай, пока ты мелешь,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что пыхтишь ты от досады,
Что вздыхаешь ты от злости.
Ты потом муку просеешь,
Принесешь домой на крышке
И пеки там хлеб с весельем,
Замеси с большой заботой,
Чтоб сухой муки комочков
В этом тесте не осталось.
Коль ведро стоит где косо,
На плечо ведро возьми ты
И возьми черпалку в руки,
Почерпни воды черпалкой,
Понеси ведро без скуки,
Принеси на коромысле.
Ты беги назад, как ветер,
Словно ветра дуновенье,
У воды не засидися,
У ключа там не замедли,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что лицо свое ты смотришь
И любуешься собою,
Своей свежестью в водице,
Красотой своей в потоке.
К дровяной пойдешь ты куче,
Чтобы там набрать поленьев —
Ты бери, не выбирая,
И осиною не брезгай;
Захвати поленья тихо,
Не наделай много шуму,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что бросаешь ты со злости,
Что шумишь ты от досады.

И когда в амбар пойдешь ты
Принести муки оттуда,
То не отдыхай в амбаре,
Не пробудь в дороге долго,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что мукой ты оделяешь
И даришь в деревне женщин.
И пойдешь ты мыть посуду,
Вымыть дочиста сосуды,
Мой ушки ты у горшечков,
Мой ты донышки у кружек,
Вымой чашки, мой их сбоку,
Вымой ложки, мой их ручки.
Береги ты эти ложки,
Стереги свою посуду,
Чтоб собака не стащила,
Не взяла бы там их кошка,
Не рассыпала б их птица
И не взяли б с места дети:
Ведь детей в деревне много,
Много маленьких головок,
Что возьмут твои горшечки,
Унесут с собою ложки.
Подойдет помыться время,
Воду, веники тащи ты,
Выпарь веники ты в бане,
Как уж в ней не будет дыма;
Долго там не оставайся,
Не засиживайся в бане,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что ты в бане разлеглася,
На полке там развалилась.
И как в горницу придешь ты,
Пригласи ты свекра в баню:
«Ах ты, свекор мой любезный!
Уж вода готова в бане,
Уж и веники готовы,
Чисто выметены полки:
Ты пойди, помойся вдоволь,
Обливайся, сколько хочешь;
Я сама прибавлю жару,
Там под полками я стану».
Вот и прясть настанет время,
Время для тканья настанет —
Не ищи в деревне пальцев,
За ручьем себе искусства,
По дворам себе советов,
У чужих себе ты берда.
А сама пряди ты нитки,
Пряжу собственной рукою,
Шерсть закручивай слабее,
А льняные нитки круче,
Их мотай в клубок покрепче,
Намотай их на воробы,
А с вороб навей на вьюшки,
На навой навей основу,
Ударяй покрепче бердом,
Ты станком скорее двигай,
На кафтан натки ты сукон,
Шерстяных наделай платьев
Из одних охлопков шерсти
От ягнят прозимовавших,
Из волос овечки летней,
Из бараньей мягкой шерсти.
Ты послушай, что скажу я,
Что тебе я повторяю:
Ты вари ячмень для пива,
Сладкий солод для напитка,
Ты бери ячмень хороший,
Только жги поленьев меньше.
Солод сладкий ты попробуй,
Сок ячменный ты отведай,
Не мешай тот солод сечкой,
Поворачивай лопаткой,
Ты мешай его руками,
Поворачивай ладонью,
И ходи почаще в баню, [3]
Чтоб затора не испортить,
Чтобы кошка там не села,
Кот на солоде не спал бы;
Волка ты не опасайся,
Зверя дикого лесного,
Если в баню ты проходишь,
Если даже будет полночь.
Коль чужой придет к вам в гости,
Будь приветлива ты с гостем;
Дом хороший запасает
Много разного для гостя:
Мяса лишнего кусочек,
Пирожков хороших много.
Пригласи ты сесть чужого,
Говори с ним дружелюбно,
Угощай его словами
Во все время столованья.

А пойдет назад из дома
И совсем уже простится,
Провожать нейди чужого,
Дальше двери не ходи с ним,
Чтоб твой муж не рассердился,
Не разгневался б любезный.
Коль придет тебе желанье
Как-нибудь пойти в деревню,
Не ходи без позволенья,
Не спросясь нейди ты в гости.
И пока в деревне будешь,
Речи умные веди ты
И свой дом там не кори ты,
Не брани своей свекрови.
Там тебя невестки спросят
Или женщины другие:
Что, сверковь дает ли масла,
Как давала мать родная?
Ты не смей сказать так прямо:
«Нет! мне масла не бывает».
А скажи, что постоянно
Прямо с ложки угощает,
Хоть с зимы, быть может, самой
Только раз его ты ела.
Слушай дальше, что скажу я,
Что тебе я повторяю:
Ты вот из дому уходишь
И идешь к иному дому.
Мать родную не забудь ты,
Огорчать не смей родную:
Жизнь она тебе дала ведь
И твои кормила груди
Мать ведь собственною грудью
И своим прекрасным телом.
Редко мать ведь спала ночи
И обедать забывала,
Как тебя, дитя, качала
И как няньчила малютку.
Если мать кто забывает,
Огорчает дорогую,
Не добром пойдет к Туони,
Не добром пойдет в Маналу.
Воздадут ему в Манале.
Воздадут ужасной платой,
Если мать кто забывает,
Огорчает дорогую.
Так Туони дочки скажут,
Девы Маны там промолвят:
«Мог забыть ты мать родную,
Огорчил ты дорогую:
Мать тяжелый труд имела,
Тяжесть страшную носила,
Как она лежала в бане,
На соломе распростершись,
Бытие тебе давала,
Там тебя на свет рожала».
На полу старуха села,
На ковре седая села;
На деревне все пороги,
Всех людей дороги знала,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Пел петух своей супруге,
Пел сын курицы красотке;
И ворона спеть сумеет,
Лишь снега сойдут весною.
Мне бы песни петь пристало,
Лучше бы они молчали;
Хорошо им всем живется,
Там на лоне у любезных,
Я ж без друга и без дома,
Без любви живу все время.
Ты, сестра, меня послушай,
Ты идешь теперь в дом мужа,
Ты не следуй нраву мужа,
Как я, жалкая, когда-то
Нраву мужа потрафляла,
Сердцу гордого супруга.
Распускалась я цветочком,
Вереском в лесу сосновом,
Кверху шла, как юный прутик,
Вышла стройною девицей.
Ягодкой меня все звали,
Золото — мне было имя,
У отца была я уткой
И у матери гусенком,
Водяною птичкой брата,
Зябликом была сестрицы.
Как цветок, я шла дорогой,
Как малина, шла по пашне,
Я по берегу шумела,
На холмах в цветах качалась,
Распевала по долинам.
На холме трещала каждом,
По лесочкам я играла,
Веселилась в каждой роще.

Пасть в капкан лисиц торопит,
Языки же — горностаев;[4]
Мысль гнала меня в дом мужа,
В дом другой гнала девицу:
Создана уж так девица,
Так уж выняньчена дочка,
Чтоб жить женушкой при муже,
Подчиненной быть свекрови.
Шла я, ягодка, в чужбину,
И к воде чужой шла, вишня,
Шла, брусника, к оскорбленьям,
Земляничка, шла я гибнуть.
Дуб меня как будто резал
И березы словно рвали.
Ольхи же меня хватали,
Ветка каждая кусала.
Я женой вошла в жилище,
Подвели меня к свекрови.
Как туда я отправлялась,
Мне твердили, будто в доме
Шесть покоев, все из ели,
Вдвое будто бы чуланов,
По краям лесов амбары,
С краю улицы цветочки,
У ручья ячмень прекрасный,
По полям овсы густые,
Обмолоченного груды,
Немолоченного кучи,
Сотня денег уж добытых,
Столько же еще не взятых.
И пришла туда я глупой,
Отдала я глупо руку:
Шесть подпорок у покоев,
Семь тычинок у забора;
Жестки были там все рощи,
Неприветливы кусточки,
Там на всех ходах заботы,
Злость во всех лесах царила,
В закромах запас негодный,
А другие вовсе пусты;
Сотня слов уже добытых,
Сотня слов еще не взятых.
Я о том не горевала,
Жить и так хотела с честью,
Я ждала себе почета,
Я добра себе искала.
Привели меня в покои,
Начала искать я щепок,
Лбом я стукнулась о двери,
О косяк там головою;
При дверях глаза чужие,
Очи мрачные при стенках
И средь пола там косые,
А вдали и вовсе злые;
Изо рта огонь струится,
С языка идут пожары,
Изо рта у злого свекра,
С языка его без ласки.
И о том не горевала,
Как-нибудь прожить хотела,
Быть там в милости всегдашней
И держать себя смиренно;
Я, как заяц, там скакала,
Горностаем там стремилась,
На покой ложилась поздно,
Рано, нищенкой, вставала;
Чести все-таки не знала,
Не нашла я снисхожденья —
Хоть катала бы я горы,
Пополам рубила скалы.
Я с трудом муку молола,
Зерна грубые с терпеньем,
Чтоб свекровь их поедала,
Горлом огненным глотала,
За углом стола усевшись,
Из посуды золоченой.
Я сама, невестка, съела
Мучки с камешками вдосталь,
Мне столом служила печка,
Ложкой мне была мешалка.
Я, невестушка, в том доме
Часто, неженка, носила
Свежий мох с болотной почвы,
Хлеб себе пекла из моха,
Из ключа носила воду,
Из ковша ее хлебала,
Ела, бедная, я рыбок,
Там я корюшек съедала,
Нагибаясь прямо к сети,
В зыбкой лодке там качаясь:
Не могла иметь я рыбы
Из руки своей свекрови,
Хоть один денек бы выпал,
Чтобы это приключилось.
Летом жала я колосья,
А зимой навоз таскала,

Как поденщица какая,
Как служанка нанятая.
Постоянно в этом доме
У свекрови мне давали
Цеп как можно подлиннее,
Претяжелое трепало,
Вилы самые большие
И валек мне больше прочих.
Никогда никто не думал,
Что слаба я, что устану;
Уставали и герои,
Жеребцы — и те слабели.
Так я, бедная девица,
Исполняла все работы
И в своем поту купалась.
А когда я шла на отдых,
Прогоняли меня в пламя,
Прямо в пекло посылали.
За веселость поносили,
Языки бранили злые
И мой нрав всегда хороший,
Незапятнанное имя;
Так дождем слова и лили
На меня все, на бедняжку,
Точно искры осыпали,
Точно град какой железный.
Я в отчаянье не впала,
Прожила бы я и дольше,
Чтоб быть помощью старухе,
Жить у огненного горла;
Вот что дух мой погубило,
Принесло большое горе:
В волка муж мой обратился,
Принял вид совсем медведя;
От меня он отвернулся,
Так и ел он, и работал.
Тут-то я уж стала плакать,
Размышляла я в чулане,
Вспоминала дни былые,
Как получше мне жилося
На дворе большом отцовском,
В доме матери прекрасном.
Начала там говорить я
И промолвила я слово:
«Воспитала мать родная
Меня, яблочко, прекрасно,
Возрастить его сумела —
Посадить же не сумела;
Деревцо ведь посадила
В нелюбезное местечко,
В невозделанную землю,
У корней березы жестких —
Пусть всю жизнь оно там плачет,
Пусть все месяцы горюет.
Я годилась ведь, конечно,
На местечко и получше,
На дворы и подлиннее,
На полы пошире этих,
Чтоб иметь получше мужа
И товарища покрепче.
Я наткнулась здесь на лапоть,
Весь изодранный в лохмотья;
У него воронье тело,
Нос от ворона большого,
Рот от злобнейшего волка,
Все другое от медведя.
Если б мне такой был нужен,
Я пошла б тогда на горку,
Я взяла бы пень с дороги,
Ствол ольховый из лесочка,
Сделала б лицо из дерна,
Изо мха его бородку,
Голову его из глины,
А глаза его из угля,
Из древесных шишек уши,
Из ветвей ветелки ноги».
Я такую песню пела
И заботливо вздыхала;
То услышал мой любезный;
За стеной он находился,
Тотчас он пошел оттуда
И прошел в чулан чрез двери.
Я узнала по походке,
По шагам его узнала;
Не от ветра, а от злости
Волоса его вздымались
И сверкали страшно зубы;
Страшно он вертел глазами,
А в руках держал рябину,
Он держал в руках дубину;
Надо мной дубину поднял,
Сильно в голову ударил.
Наступил затем и вечер,
Стал ко сну он собираться,
Взял он в руки хворостину,
Взял с гвоздя ременный кнутик

Не кому-либо другому,
А все мне, жене несчастной.
Вот и я пошла на отдых,
Наконец заснуть хотела,
И легла я рядом с мужем;
Положил меня он сбоку,
Стал толкать он кулаками,
Злобно бить меня руками,
Колотить кнутом ременным,
Ручкою моржовой кости.
Отскочила я от мужа,
От холодной той постели;
На меня напал он сзади,
Гнал меня супруг до двери,
В волоса рукой вцепился,
Волоса мои повырвал,
Бросил злобно их по ветру,
Их по воздуху рассыпал.
Где искать уж тут совета,
Кто бы мог подать мне помощь?
Дали обувь мне из стали,
Дали мне ремни из меди,
И ждала я за стеною,
Поджидала в переулке,
Чтоб он кончил бесноваться
И хоть несколько утих бы;
Но утихнуть он не хочет,
Бесноваться не кончает.
Наконец я стала мерзнуть,
Там заброшенною сидя,
У стены там оставаясь,
За дверями дома мужа.
Поразмыслить я хотела:
Ведь не вечно же терпеть мне,
Этот гнев сносить недолго,
Выносить мне здесь презренье,
Здесь, в толпе презлого Лемпо,
Здесь, в гнезде дрянного Пиру.[5]
Я простилась с милым домом,
С тем возлюбленным жилищем,
Принялась тогда блуждать я
По полям и по болотам,
Чрез обширные потоки
До пределов поля брата.
Ели были там сухие,
Сосны стройные шумели.
Там закаркали вороны,
Затрещали все сороки:
«Не твои теперь места здесь,
Те места, где родилась ты».
Я не слушала те речи,
Ко двору пошла я, к брату;
И сказали мне ворота,
Все поля мне говорили:
«Ты на родину вернулась,
Что ж ты хочешь здесь услышать?
Уж давно отец твой умер,
Мать твоя давно скончалась,
Стал чужим тебе твой братец,
Словно с русскою женою».
Я и этого не слышу,
Прохожу в покои прямо
И взялась за ручку двери —
Холодна в руках та ручка.
Я вошла туда в покои
И в дверях остановилась;
Так горда была хозяйка,
Что здороваться не стала
И руки не подала мне.
Я была горда не меньше,
Тож здороваться не стала
И руки не подала ей.
Протянула руку к печке —
Холодна мне показалась;
Повернула руки к углям —
Все без жару были угли.
На скамье лежал мой братец,
Протянувшийся у печки —
В сажень с сажею на шее
И в пядень на прочих членах,
Голова в золе на локоть
И на четверть в черной саже.
И спросил чужую братец,
Так расспрашивал он гостью:
«Ты из-за моря откуда?»
Я ответила на это:
«Иль сестру не узнаешь ты,
Дочку матери родимой?
Мать одна нас породила,
Мы — единой птички дети
Мы — птенцы одной гусыни,
Из гнезда одной рябушки».
Брат заплакал, услыхавши,
Потекла из глаз водица.
И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:

«Принеси поесть сестрице».
Но жена взглянула косо,
Принесла мне щей из дому:
Жир в них съеден был собакой,
Соль брехун слизал с капусты,
Черный досыта наелся.
И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:
«Принеси-ка пива гостье».
Но жена взглянула косо
И воды приносит гостье,
Принесла воды негодной,
Чем глаза себе промыла,
Руки вымыла невестка.
Я тогда ушла от брата,
Из родного вышла дома
И пошла блуждать повсюду,
Начала ходить, бедняжка,
Там по берегу морскому,
И печально подходила
Я к дверям мне незнакомым,
К вовсе чуждым мне воротам,
Повлекла детей с собою,
По деревне их, бедняжек.
Есть порядочно на свете,
Даже многие найдутся,
Кто злым голосом мне скажет
И меня уколет словом;
А немногие найдутся,
Чтобы доброе мне сделать,
Слово ласковое молвить,
Отвести меня на печку,
Если дождь меня намочит
Или с холоду приду я
В платье, инеем одетом,
В шубе, сверху льдом покрытой».

Руна двадцать четвертая

Наставления жениху. Прощание невесты

Уж девицу научили,
Уж невесту вразумили;
Так еще скажу я братцу,
Жениху я так промолвлю:
«Женишок, мой милый братец,
Ты из братьев самый лучший,
Из детей ты всех милее,
Из сынов ты всех приятней!
Ты послушай, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю
Я об этой коноплянке,
О цыпленке, что поймал ты.
Славь, жених, судьбу благую
И хвали, что получил ты.
Хвалишь ты — хвали сильнее,
Ведь добро тебе досталось,
Даровал добро создатель,
Дал добро он, благосклонный.
И отца благодари ты,
Благодарен будь родимой,
Что прекрасную невесту,
Эту деву воспитали!
Чистая с тобой девица,
Ясная с тобой в союзе,
Белая в твоем владеньи,
Статную ты защищаешь,
Сильную у сердца держишь,
Крепкая с тобою рядом.
Молотить она умеет
И прекрасно косит сено,
Дева в стирке так искусна
И полотна белит ловко
И прядет отлично нитки
И сильна, чтоб выткать платье.
У нее так звучно бердо,
Как на холмике кукушка,
Челночок скользит у девы,
Как по ветке горностайка,

У нее в руках катушка,
Как в зубах у векши жолудь;
Не заснет деревня крепко,
И не спит весь округ замка —
Так стучит девица бердом,
Так трещит челнок у девы.
Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Скуй косу ты поострее,
Укрепи на твердой ручке,
У ворот ты ручку вырежь,
И на пне косу отбей ты;
Как взойдет на небо солнце,
Проводи на луг девицу
И смотри за шумом сена,
Как трава шуршит сухая,
Под косой визжит осока,
Как шипит щавель зеленый,
Как кусточки исчезают,
Как ломаются отростки.
На другой день дай девице
Челночок хороший ткацкий,
Дай ей ниченки, дай бердо,
Дай ей ткальные набилки,
Дай получше ей подножку,
Весь прибор хороший ткацкий.
Посади к станку девицу
И подай девице бердо;
Зазвучит оно у девы,
Весь станок качнется сильно,
Стук пойдет по всей деревне,
Даже дальше шум от берда.
Это старые заметят,
Спросят женщины в деревне:
«Кто такой там ткет за станом?»
Должен будешь ты ответить:
«Это ткет моя златая,
То шумит мое сердечко.
Распустить ей, что ли, ткани?
Снять ли ей основу с берда?»
Распускать не нужно ткани
И снимать основу с берда.
Так ведь ткет лишь дочка солнца,
Так дочь месяца лишь может,
Дочь Медведицы на небе,
Так у звезд лишь могут дочки.
Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Ты отправишься в дорогу,
Ты от этих мест поедешь
Дальше с милою девицей,
С этой курочкою дивной.
Зяблика возить не вздумай,
Эту нашу коноплянку,
Не вози ее по ямам
И не стукни о заборы,
Чтоб на бревна не упасть ей,
Не свалиться ей на камни.
Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
Не возили ее к ямам,
Никогда к углам заборов,
Чтоб не падала на бревна,
Не свалилась бы на камни.
Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Не води свою девицу,
Не води ты драгоценность,
Чтоб она в углах сидела
И в углах чтоб там копалась.
Ведь она в отцовском доме
И в покоях материнских
Никогда углов не знала
И в углах там не копалась,
А сидела у окошка,
На досках стояла средних,
Утром матушке на радость,
Вечерком отцу родному.
Никогда, супруг ты бедный,
Не води свою ты птичку
К ступке с жесткою травою,
Чтоб кору она толкла там,
Чтоб пекла хлеб из соломы,
Замесив с еловой коркой.
Никогда в отцовском доме,
На дворе своей родимой
Не ходила дева к ступке,
Чтоб толочь кору сухую,
Чтоб печь хлебы из соломы
И месить с сосновой коркой.
Эту курочку веди ты
На поля с богатой жатвой,
Пусть насыплет ржи в амбаре,
Пусть берет ячмень хороший,
Чтоб месить большие хлебы,
Чтоб сварить получше пиво,

Чтобы хлеб испечь пшеничный,
Чтобы взбить получше тесто.
Женишок, мой милый братец!
Эта курочка златая,
Этот милый наш гусенок
У тебя чтоб слез не знала:
Коль придет дурной часочек,
Коль девица заскучает,
Запряги гнедого в сани,
Лошадь белую в запряжку,
Привези к отцу девицу,
К милой матери в покои.
С этой курочкой не смей ты,
С этой нашей коноплянкой,
Как с служанкой обращаться,
Как с прислужницей наемной,
Не пускать ее на погреб,
На замке держать амбары.
Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
С нею так не обращались,
Как с наемною служанкой;
Для нее открыт был погреб
И амбар не запирался,
Белый хлеб она держала
И за яйцами смотрела,
За молочною посудой,
За посудою для пива,
На ночь погреб запирала,
А на утро отпирала.
Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Если будешь ласков с девой,
Будешь ласково и принят,
Если к тестю в дом приедешь,
Коль приедешь в гости к теще.
Хорошо тебя покормят,
И накормят, и напоят,
Отпрягут тебе конягу,
Отведут его в конюшню,
Там покормят и попоят,
Принесут овса в кормушке.
Не позорь девицу эту,
Эту нашу коноплянку,
Будет род ее незнатен
И родня не так обширна.
Знатен род у этой девы,
И родня весьма обширна:
Коль бобов осьмину сеять,
По бобу получит каждый;
Если льна осьмину сеять,
Выйдет каждому по нитке.
Ты не вздумай, муж несчастный,
Поступить с девицей дурно,
Поучить ременной плеткой,
Как слугу, кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать.
Ведь ее в отцовском доме
Никогда никто не вздумал
Поучить ременной плеткой,
Как слугу, кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать.
Перед нею стань стеною,
Стань пред ней, как столб у двери,
Чтоб свекровь ее не била,
Чтобы свекор не бранился,
Чтобы гости не сердили,
Чтоб соседи не бранили.
Коль к тебе пристанут люди,
Чтоб ты сам ее ударил,
Никогда не бей ты нежной,
Не наказывай любезной:
Ты три года дожидался,
Сватал деву непрерывно.
Ты учи, супруг, девицу,
Это яблочко златое,
Ты советуй ей в постели
И учи ее за дверью;
Делай так в теченье года,
Год учи ее словами,
А другой учи глазами,
Третий топай ты ногою.
Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Ты возьми тогда тростинку,
Собери хвощу в поляне,
Поучи девицу этим.
На четвертый год все так же
Ты стращай ее тростинкой,
Злаком с крепкими краями,
Не секи ее ремнями
И не бей еще ты розгой.
Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,

Принеси из лесу розгу,
Взяв березку из долины,
Принеси ее под шубой,
Чтоб соседи и не знали;
Покажи ее супруге,
Пристыди ее, не бивши.
Если ж слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Поучи ее ты розгой,
Свежей веткою березы
Где-нибудь в углу, в покоях,
За промшенною стеною.
Не секи ее средь луга
Или где-нибудь на поле:
Не дошел бы шум в деревню,
Не дошел бы крик к соседям,
До других домов рыданье,
Суматоха та до лесу.
По плечам лишь бить ты должен,
Умягчать ей розгой спину;
Никогда не бей по глазу
И ушей ты не касайся.
На висках коль шишки вскочат,
Пятна синие под глазом,
То начнет свекровь расспросы,
И заметит свекор это,
На деревне все увидят,
Станут женщины смеяться:
«На войне была, должно быть,
Где-нибудь была в сраженьи.
Иль уж волк не изодрал ли?
Иль медведь где не помял ли?
Видно, волком-то супруг был,
Муженек, знать, был медведем?»
Там лежал на печке старый,
Наверху лежал там нищий,
И сказал оттуда старый,
Так промолвил сверху нищий:
«Никогда, супруг несчастный,
Не гляди на нрав супруги,
На язык супруги гладкий,
Вот как я, несчастный малый.
Покупал я хлеб и мясо,
Покупал я масло, пиво,
Покупал я рыбы всякой.
Всевозможного съестного;
Пиво брал я в странах здешних,
А пшеницу из далеких.
Но и этого все мало,
Не пошло ей впрок и это.
Вот вошла жена в покои,
В волоса мои вцепилась
С искаженными чертами
И вертит глазами страшно;
Все вздыхала и стонала,
Говорила лишь со злобой,
Называла толстозадым
Да бранилася болваном.
Я нашел исход уж новый;
Я пошел другой дорогой:
Взял я ветку от березы —
Назвала супруга птичкой,
Можжевеловый взял прутик —
Говорит: «Ты — золотой мой!»
Высек ивовою розгой —
Женка бросилась на шею».
Тяжко девушка вздохнула,
Прослезилась, застонала,
Стала дева горько плакать,
Говорит слова такие:
«Да, близка другим разлука,
У дверей уж их прощанье,
А моя разлука ближе,
А прощанье вовсе близко;
Тяжела моя разлука,
Нелегко мое прощанье
С этой славною деревней,
С этим двориком прекрасным,
Где я выросла, красотка,
Где я выше становилась,
Как росла еще ребенком,
В годы детства возрастала.
Ведь не думала я раньше,
Никогда не помышляла,
Не мечтала о разлуке,
Не гадала о прощаньи,
О прощаньи с этим замком
И с горой высокой этой.
Вот теперь в разлуку верю,
Вижу я — уйти мне время:
Пьют уже прощальный ковшик.
Нет прощального уж пива,
Уж повернуты и сани,
Передком стоят наружу,
Боком стали уж к конюшне,
Повернулись спинкой к хлеву.

Чем воздам я при разлуке,
Чем, бедняжка, при прощаньи,
Чем за молоко родимой,
За добро отцу родному,
За любовь родному братцу
И за ласковость сестрице?
Уж и батюшке родному
За всю жизнь мою спасибо,
За еду, что я поела,
За отборные кусочки.
Уж и матушке спасибо,
Что меня, дитя, качала,
Что малюточку носила,
Что меня кормила грудью.
И тебе, спасибо, братец,
И тебе, моя сестрица!
И спасибо всем в семействе,
Всем друзьям годов прошедших,
С кем жила я неразлучно,
С кем росла я, молодая.
Не горюй ты, мой родимый,
Также матушка родная,
Не горюй, мой род высокий,
Вы, почтенные родные,
Не горюйте, не заботьтесь,
Обо мне вы не печальтесь,
Что иду в страну иную,
А куда, сама не знаю.
Ведь блистает солнце божье,
И сияет божий месяц,
И сверкают неба звезды,
И Медведица на небе,
Там по воздуху простершись.
По просторам бесконечным;
Ведь везде они, повсюду,
Где бы я ни оказалась,
Не в одном дворе отцовском,
Где жила я, молодая.
«Я теперь должна расстаться
С золотым родным жилищем,
С этой комнатой отцовской,
С этим погребом родимой
И с болотами, с полями;
Оставляю дерн зеленый,
Эти светлые потоки
И песчаный этот берег;
Пусть купаются тут жены,
Пусть тут плещутся подпаски.
Оставляю здесь болото,
Поле пахарю с сохою,
Лес для ищущих покоя,
Для гуляющих дубравы,
Для шагающих заборы,
Для бродящих переулки,
Для бегущих двор широкий,
Для стоящих эти стены,
Для опрятных пол покрытый,
Для метущих доски пола,
Для оленей их поляны,
Чащи вольные для рысей,
Для гусей луга большие
И кустарники для птичек.
Ухожу теперь отсюда,
Оставляю я с печалью
Все, к чему я так привыкла,
Удаляюсь я к иному,
В руки ноченьки осенней
Да на скользкий лед весенний,
Где шагов не остается,
Где на глади след не виден,
На коре следы от платья,
На снегу следы подола.
Если я когда вернуся,
Возвращусь в места родные,
Не услышит мать мой голос,
Ни отец мое рыданье,
Как начну я причитанья,
Над главами их заплачу.
Уж взойдет младая травка,
Подрастет уж можжевельник
Там у матери над телом,
У отца над головою.
Если я опять явлюся
На дворе пространном этом,
Уж никто меня не встретит,
Уж никто и не признает,
Кроме двух моих подружек,
Двух моих подружек милых —
У забора перевязки
Да той жердочки на поле:
Я, дитя, их завязала,
Я, девица, их воткнула.
Да узнает лишь корова;
Как была она теленком,
Я ей есть и пить давала,
И теперь она мычит здесь

На навозных этих кучах,
На полях зимы холодной —
Вот она еще признает,
Что из этого я дома.
Да отца конек-любимчик,
Что я досыта кормила,
Как была еще девчонкой,
Конь, что ржет здесь постоянно,
На дворе на сорных кучах,
На полях зимы холодной —
Он еще меня признает,
Что из этого я дома.
Да у братца вот собачка,
Что ребенком я кормила,
Бывши девочкой, учила,
Что здесь лает беспрестанно,
На дворе на сорных кучах,
На полях зимы холодной —
Вот она меня признает,
Что из этого я дома.
А другие не признают,
Как вернусь в места родные.
Все, как прежде, будут броды,
Все такое же жилище,
На своих местах заливы,
Тони рыбные на месте.
Ты прощай, мое жилище,
Ты, с своей дощатой крышей, —
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Вы прощайте, наши сени,
Вы, с своим дощатым полом, —
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Ты прощай, мой двор широкий,
Двор, рябиною поросший, —
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Всем поклоны на прощанье:
Лесу, ягодам, землице,
Вам, всем пастбищам с цветами,
Вам, всем травам и полянам,
Вам, озерам с островами,
Вам, глубокие проливы,
Вам, холмы и рощи сосен,
Вам, овраги и березы!»
Тут кователь Илмаринен
Посадил на сани деву
И коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
«Вы прощайте, берег моря,
Берег моря, край поляны,
Вы, все сосны на пригорке,
По дубравам все деревья,
Ты, черемуха у дома,
Можжевельник у потока,
Вы, все ягодки на поле,
Стебли ягодок и травок
И кусточки, корни елей,
Листья ольх, кора березы!»
Уезжает Илмаринен
Со двора из той Похьёлы.
Дети петь там продолжали,
Так они запели песни:
«Птица черная летела,
Через лес сюда спешила,
Взять здесь уточку сумела,
Нашу ягодку стащила,
Наше яблочко уносит,
Нашу рыбочку увозит;
Мало денег заплатила,
Серебром ее сманила.
Кто к воде теперь сведет нас?
Кто напоит нас у речки?
Так останутся здесь ведра,
На гвозде так коромысло,
Пол здесь будет неметеный
И нечищенные доски,
Непомытая посуда,
Грязные ушки у кружек».
Сам кователь Илмаринен
Вдаль спешит с своей супругой.
Заскрипели сильно сани
По прибрежью Сариолы,
У медового залива,
По хребту горы песчаной;
Полетел песок и камень,
И стучат дорогой сани
И железные колечки[1]
И подпорки из березы;
Затрещал из ивы узел
И черемушная дужка,
Завизжали там оглобли,
Кольца громко забренчали;
Так стремился конь хороший,
Конь рысистый белолобый.

Скачет день, другой он скачет,
Скачет так еще и третий.
Держит муж рукою вожжи,
А другою руку девы,
Ногу держит он наружу,
А под войлоком другую.
Конь бежит дорогой скоро,
Путь все больше сокращает,
Приближается к жилищу,
К Илмаринену дому.
Наконец, на третьи сутки,
Как уж солнце шло к закату,
Кузнеца жилище видно,
Илмаринена дом близко:
Сажа мчится полосами,
Дым густой выходит тучей,
Из избы идет веселый,
К облакам идет обильно.

Руна двадцать пятая

Пиршество у Илмаринена

Уж давненько поджидали,
Поджидали и глядели:
Что не едут поезжане
К Илмаринену в жилище?
Загноился глаз старухи,
Как она в окно глядела;
Слабнут юные колени
Тех, что ждали при воротах;
Дети ноги ознобили,
За стеною дома стоя;
Разорвали люди обувь,
С шумом бегая по брегу.
Наконец, однажды утром,
Как-то рано в день прекрасный,
Услыхали шум из лесу:
Застучали громко сани.
Локка,[1] добрая хозяйка,
Дочь прекрасная Калевы,[2]
Говорит слова такие:
«Это, верно, сани сына.
Наконец-то из Похьёлы
Едет он с своей супругой.
Приезжай в страну родную,
Ты въезжай на двор отцовский,
Здесь к избе, отца наследству,
Что когда-то строил предок!»
Подъезжает Илмаринен,
Сам кузнец, к родному дому.
К той избе, отца наследству,
Что еще построил предок.
Звучно рябчики щебечут
На дуге его, на новой,
Кличут весело кукушки
Впереди перед санями,
Белка скачет, веселяся,
По оглобле, что из клену.
Локка, добрая хозяйка,
Дочь прекрасная Калевы,

Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Новолунья ждет хозяин,
Солнца ждут младые люди,
Дети — ягод на поляне,
А вода — смоленой лодки.
Я ждала не новолунья,
Солнца я не ожидала,
А ждала я только сына,
Сына с юною супругой.
Утром, вечером смотрела,
Думая, куда он делся:
Иль растит он там малютку, [3]
Иль он тощую там кормит,
Что сюда итти не хочет.
Ведь всегда ж он похвалялся,
Что вернется в дом обратно
Прежде, чем и след простынет.
По утрам я все смотрела,
В голове весь день держала:
Уж не едут ли там сани,
Не стучат ли по дороге,
Не въезжают ли на дворик,
Мчатся ль к малому жилищу?
Был бы конь там из соломы
И из двух дощечек сани,
Я б дощечки похвалила,
Назвала бы их санями,
Если милого доставят,
Привезут сыночка к дому.
Так все время ожидала,
Целый день я так смотрела,
Головой своей нагнувшись,
Так что волосы все сбились
И глаза уж шире стали.
Я ждала, придет ли милый,
Он приедет ли на дворик
Быстро к тесному жилищу.
Наконец-то он приехал,
Наконец назад вернулся;
Рядом с ним прекрасный облик,
Рядом красненькие щечки.
Женишок, мой милый братец!
Распрягай скорее серку,
Отведи свою лошадку
На привычные ей травы,
На овес, на самый свежий,
Нам же дай свои поклоны,
Поклонись и прочим людям,
Поклонись ты всем в деревне.
А как кончишь ты поклоны,
Расскажи, что пережил ты:
Был ли ты без приключений,
Был ли ты здоров в дороге,
Как ты к теще направлялся,
Как ты шел в жилище тестя?
Не войной ли добыл деву,
Не ломал ли ты ворота,
Ты не взял ли замка силой?
Не обрушивши ли стены,
Чрез порог вошел ты к теще,
На скамейку сел у тестя?
Но я вижу без расспросов,
Не выпытывая, вижу:
Был свеженек он в дороге,
Был в пути своем доволен,
Как добычу, взял гусенка;
Поломал в войне ворота
И сломал из досок крепость,
Сокрушил из липы стены,
Как он к теще направлялся,
Как он шел в жилище тестя.
Взял он утку под защиту,
Взял он курочку в объятья;
Дева чистая с ним рядом
И блестит ему под пару.
Кто принес сюда неправду,
Распустил дурные вести,
Что жених ни с чем явился,
Что напрасно конь пробегал?
Не ни с чем жених явился,
Не напрасно конь пробегал:
Было что ему доставить,
Должен был трясти он гривой
И покрыт он даже потом,
И облит обильной пеной —
То цыпленочка привез он,
К нам цветущую доставил.
Из саней, красотка, выйди,
Слезь-ка, добрая, с сиденья,
Пусть тебя не поднимают,
Не несут тебя оттуда,
Кто по юности не может,
Кто по гордости не хочет!
Поднимись же ты с сиденья,
Из задка саней ты выйди

На прекрасную дорогу,
Стань на бурую здесь землю,
Что уравнивали свиньи,
Поросята утоптали,
Ровной сделали ягнята,
Подметали кони гривой.
Ты пойдешь шажком гусенка,
Мелким уточкиным шагом,
Двором этим подметенным,
По полянам этим ровным,
По двору твоей свекрови,
Где твой свекор поживает,
На места, где брат работал,
На зеленый луг сестрицы;
На порог ступи ногою,
Стань в сенях ногою на пол,
Стань в сенях, всегда прохладных,
И потом войди в покои
И под притолоку эту,
Под прославленную крышу.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Дала знать златая крыша,
Что под ней ты скоро будешь;
Костяной пол напророчил,
Что ты скоро здесь пройдешься;
Были рады все окошки,
Что сидеть под ними будешь.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Все трещала ручка двери
О руке твоей в колечках,
И порог склонялся ниже
Пред подолом умной девы,
Отворялись двери сами,
Отворяльщицу все ждали.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Вся изба вертелась наша
И ждала твоей уборки,
Пол в сенях был беспокоен —
Твоего он ждал метенья,
И трещали здесь овины,
Твоей чистки ожидая.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Двор вокруг все озирался —
Ждал, что ты сберешь лучинки;
Наклонялися амбары —
Твоего прихода ждали,
И погнулися шесточки —
Все для платьев молодицы.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Много улица скорбела,
Что по ней ты не гуляешь;
Ожидал тебя наш дворик,
Чтобы ты за ним смотрела;
Ожидал тебя и хлевик
Для прекрасного утенка.
И в истекшие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
Ожидала той корова,
Кто ей выдаст связку корма;
Ржал о той нам жеребенок,
Кто ему даст утром сена;
И о той ягненок блеял,
Кто побольше даст кусочков.
И в истекшие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
У окон сидели старцы,
Дети бегали по взморью,
Были женщины у стенок,
У сенных дверей все парни —
Ждали юную хозяйку,
Выжидали все невесту.
Славься двор, и что в тебе есть.
Вы, герои в этом доме,
Ты, овин, и что в тебе есть,
Ты с своими там гостями,
Славьтесь, сени и что в вас есть,
Кровля, ты с твоим народом,
Ты, изба, и что в тебе есть,
Дети, вы в избе дощатой,
Ты, король, ты, ясный месяц,
Славьтесь, свадебные гости!
Прежде здесь и не бывало
Никогда, ни в день вчерашний,
Поезжан таких, как эти,
Столь прекрасного народа.
Женишок, мой милый братец,
Развяжи ты красный узел
И сними платки из шелку,
Покажи твою куницу,
Что ты пять годов все сватал,
Восемь лет смотрел с любовью.

Уж желанную ль привел ты?
Ты желал ли взять кукушку,
Взять там белую с землицы,
Взять там свежую из моря?
Но я вижу без вопросов,
Не рассматривая, знаю:
Ты привел красу-кукушку,
Утку синюю привез ты,
Зеленейший взял отросток
От зеленого кусточка,
Ветку взял, что всех свежее,
Из черемухи ты выбрал».
На полу сидел ребенок,
И сказал ребенок с полу:
«Что с собой ты, братец, тащишь?
Красоту ли пней смолистых,
Стройность ли дегтярной бочки
Вышиною с мотовило?
Видишь ты, жених мой бедный:
Ты всю жизнь в надежде прожил,
Что получишь деву в сотню,
Даже в тысячу ценою.
Получил девицу в сотню,
Даже в тысячу ценою,
Как ворону на болоте,
Как сороку на заборе,
Птичье пугало на поле,
Птицу черную из пыли.
Лето прошлое без дела
Провела девица эта
И чулок не навязала
И перчаток не связала;
Так ни с чем сюда явилась,
Без даров явилась к свекру;
В ее ящике, знать, мыши,
Длинноухие в шкатулке!»
Локка, добрая хозяйка,
Дочь прекрасная Калевы,
Слышит странные те басни,
Говорит слова такие:
«Злой ребенок, что сказал ты!
Говорил ведь ты бесчестно:
О другой пусть так помыслят,
Пусть другую и позорят,
А не эту нашу деву,
Не девицу в этом доме.
Ты сказал довольно дурно,
Эти речи, верно, молвил
В ночь родившийся теленок
Иль щеночек однодневный.
Женихова дева — прелесть,
Лучше всех в своей округе,
Точно спелая брусничка
И на горке земляничка,
Как кукушечка на ветке,
Точно птичка на рябине,
Точно пташка на березе,
Белошеечка на клене.
Никогда в земле немецкой
Иль эстонской не получишь
Столь прекрасной юной девы,
Столь прелестного утенка,
Красоты такой во взоре,
Этой важности в сложеньи,
Белизны руки, столь нежной,
И изгиба тонкой шеи.
Не ни с чем пришла девица:
Принесла с собою шубы,
Принесла с собою платьев,
Полотна у ней довольно.
Эта юная девица
Много пряла веретенцем
И работала катушкой,
Много пальцами трудилась.
Платья с блеском глянцовитым
Припасла она зимою,
А весною их белила,
Теплым летом их сушила;
Простыни ее так тонки,
Пухлы мягкие подушки,
Развеваются платочки,
Покрывала у ней блещут.
Ах, ты, женушка-красотка,
С свежим личиком прекрасным!
Дома славилась всегда ты
У отца хорошей дочкой:
Будь прославленной теперь ты
Здесь при муже нам невесткой!
Никогда не знай заботы
И в печали не вдавайся;
Ты пришла ведь не в болото,
Не на край пришла оврага —
Ты пришла с земли богатой
На землю еще богаче;
Ты была, где много пива —
Здесь его гораздо больше.

Дева, добрая красотка,
Вот о чем тебя спрошу я:
Ты, придя сюда, видала ль
Там снопов большие скирды,
Ржи запасы целой грудой?
Это все — при этом доме:
Хорошо пахал супруг твой,
Так пахал он и посеял.
Дева, милая красотка,
Вот что я тебе промолвлю:
Ты умела в дом приехать,
Так умей в нем оставаться;
Тут для женушки удобно,
Для невестки здесь прекрасно:
На руках твоих все масло,
Молоко к твоим услугам.
Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Широки здесь доски в бане
И длинны в избе скамейки;
Здесь хозяин — что отец твой,
Точно мать твоя — хозяйка,
Сыновья их — точно братцы,
Как сестра твоя — их дочка.
Коль придет тебе желанье,
Коль почувствуешь охоту
Съесть опять отцовской рыбы
Или братниной дичины,
Не у деверя проси их,
Не проси ты их у свекра.
А проси их у супруга,
Что сюда тебя доставил.
Не найдется в этом лесе
Ни один четвероногий,
Нет такой воздушной птицы,
Нет с двумя крылами пташки,
Ни одной в воде нет рыбы
Из прекраснейших стад рыбьих,
Чтоб не мог поймать супруг твой,
Чтоб твой муж не мог доставить.
Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Жернов ей вертеть не нужно
И не нужно ставить ступку:
Здесь вода пшеницу мелет
И для ржи поток стремится,
Здесь поток посуду моет,
Очищает пена моря.

Вот красотка-деревенька,
Вот клочок земли прекрасной:
Луг — внизу, а выше — поле,
Посредине их — деревня,
Под деревней — берег моря,
А у берега — водица,
Где поплавать любят утки,
Любят водяные птицы».
Тут прибывших накормили,
Накормили, напоили,
Дали мяса им кусками
И прекраснейшего хлеба,
Дали ячного им пива,
Дали браги из пшеницы.
Было много что покушать,
Что покушать, что и выпить;
Было все на красных блюдах,
На лотках, весьма красивых;
Пироги там разломили,
Части масла разделили,
На куски сигов ломали
И лососок разрезали
Драгоценными ножами
С золотыми лезвиями.
Без конца лилося пиво,
Мед, не купленный на деньги,
Через кран бежало пиво,
Чрез отверстье мед струился,
Чтоб смочить тем пивом губы.
Оживить тем медом мысли.
Кто же должен спеть там песню.
Кто певцом явиться должен?
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Пенье тотчас начинает,
Принимается за песни,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Золотые други-братья!
Вы, богатые словами,
Вы, речистые, родные!
Вы послушайте, что молвлю:
Редко гуси станут рядом
И сестра с сестрой напротив,
Редко рядом станут братья,
Дети матери единой,
Здесь в пределах несчастливых,
В бедных северных пространствах.

Приступать ли нам уж к пенью,
Начинать ли пенье песен?
Петь один певец лишь может,
Куковать — одна кукушка,
Ткать — одна тканья богиня,
Божество лазури — красить.
Ведь поют лапландцев дети,
Те, обутые травою,
Мяса лосьего поевши,
Мяса грубого оленя —
Отчего же мне не петь бы
И не петь бы нашим детям
За едой, обильной рожью,
После кушанья мучного?
Ведь поют лапландцев дети,
Те, обутые травою,
Выпив ковшичек водицы,
Пожевав коры сосновой —
Отчего же мне не петь бы
И не петь бы нашим детям
От ячменного напитка,
От проваренного пива?
Ведь поют лапландцев дети,
Те, обутые травою,
У огня на саже лежа,
На углях очажных черных —
Отчего же мне не петь бы
И не петь бы нашим детям
Под стропилами здесь сидя,
Под прославленною кровлей?
Хорошо здесь быть мужчинам,
Быть и женщинам приятно,
Здесь, у бочек, полных пивом,
У больших боченков меда,
Здесь, вблизи сигов в проливах,
При больших лососьих тонях,
Где всегда бывает пища
И питье не иссякает.
Хорошо здесь жить мужчинам,
Жить и женщинам приятно,
Без хлопот брать можно пищу,
Не горюя жить здесь можно,
Смело досыта питаться,
Без заботы веселиться
До тех пор, как жив хозяин
И пока жива хозяйка.
Так кого ж сперва мне славить?
Не хозяина ль сначала,
А потом уже хозяйку?
Все того сначала славят,
Кто построил дом в болоте,
Из лесов его доставил,
Кто принес стволов еловых,
Кто принес высоких сосен,
Их поставил в лучшем месте,
Сколотил их так искусно,
Что семье большой дом вышел,
Превосходное строенье;
Стены из лесу доставил,
Бревна снес с горы высокой,
Из густых кустов стропила,
Доски с ягодной поляны,
Снял бересту он с березок,
Мох из зыбкого болота.
Осторожно дом построен
И стоит на месте прочно;
Сто мужей над ним трудились,
Были тысяча на крыше,
Как отделывали избу,
Как сколачивали доски.
Потерял хозяин дома,
Как отделывал он избу,
Потерял волос он много,
В бурю в шуме непогоды;
Оставлял хозяин часто
По камням свои перчатки
И свою на ветках шапку,
Погружал чулки в болото.
Часто добрый наш хозяин
Поднимался ранним утром,
Поднимался раньше прочих
И, неслышимый деревней,
Оставлял шалаш дорожный
И огонь там разведенный,
Промывал глаза росою
И причесывался веткой.
Так-то добрый наш хозяин
И набрал друзей в покои:
И сидят певцы на лавках,
У окон народ любезный,
На полу все говорливый;
Там шумят за отгородкой,
По стенам стоят толпою
И проходят у заборов,
По двору толпою ходят,
По земле везде гуляют.

Я хозяина прославил —
Славлю добрую хозяйку,
Что сготовила нам пищу
Стол заставила посудой.
Напекла нам толстых хлебов
И крутой сварила каши,
Все своими лишь руками,
Все десятком легких пальцев.
И взошли прекрасно хлебы.
Всех гостей она кормила
И свининой в изобилье,
И с сметаной пирогами.
Лезвия ножей погнулись,
У ножей скривились стержни
Над лососьими кусками
И над щучьей головою.
Часто добрая хозяйка
Хлопотливо поднималась,
Петухи еще не пели,
И сын курицы не кликал,
Чтоб устроить все на свадьбу,
Чтоб исполнить всю работу,
Чтобы дрожжи приготовить
И сварить побольше пива.
Так-то добрая хозяйка
Осмотрительно сварила
Превосходного нам пива,
Нам здесь льет напиток сладкий;
Из семян он плодоносных,
Солод в нем из сладких зерен.
И она не деревяжкой,
Не мешала зерен палкой,
Но вертела все рукою,
Все мешала лишь руками,
Все мешала в чистой бане,
На досках, метенных чисто.
Эта добрая хозяйка
Осмотрительно глядела,
Чтоб зерно не прорастало,
Не пропах землею солод,
И ходила часто в баню,
Проходила даже в полночь,
Там волков не опасаясь,
Не боясь зверей из леса.
Вот прославил я хозяйку,
Так теперь прославлю свата.
Кто же был назначен сватом,
Кто указывал дорогу?
Сват в деревне самый лучший —
Он в нее приводит счастье.
Хорошо наш сват оделся:
В сюртуке он чужеземном,
На руках сюртук в обтяжку
И сидит везде прекрасно.
Хорошо наш сват оделся:
И кафтан на нем в обтяжку,
По песку он полы тащит,
По полям подол волочит.
Хороша рубашка свата,
Чуть виднеется украдкой,
Точно дочь луны соткала,
Всюду оловом украсив.
Хорошо наш сват оделся:
Шерстяной на чреслах пояс,
Что сработала дочь солнца,
Дивно пальцами соткала,
Как огня еще не знали
И огонь не появлялся.
Хорошо наш сват оделся:
На ногах чулки из шелку,
На чулках из шелку банты,
Изукрашены подвязки,
Словно золотом прошиты,
Серебром они покрыты.
Хорошо наш сват оделся:
Башмаки на нем от немцев,
Точно лебеди на речках,
Как на бережке лысухи,
Точно гуси меж кусточков,
Точно птицы в перелете.
Хорошо наш сват оделся:
Головы — златые кудри,
Борода в златых косичках,
Голова у свата в шлеме,
Поднялся тот шлем до тучи,
И прошел по верху леса;
За него заплатишь сотню,
Марок тысячу заплатишь.
Вот прославил я и свата.
Буду славить я подружку.
И откуда та подружка,
Где счастливая нашлася?
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
Там, за Таникой, за замком,[5]
Там, за крепостию новой.

Не оттуда та подружка
И нисколько не оттуда —
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
При водах Двины[6] нашлася,
При больших широких бухтах.
Не оттуда та подружка
И нисколько не оттуда:
На земле росла брусника,
На поляне земляника,
Травка славная на поле,
Золотой цветочек в роще —
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася.
Нежный ротик у подружки —
Как челнок Суоми ткацкий;
Глазки смотрят дружелюбно,
Точно звездочки на небе;
Далеко блестят височки,
Точно лунный свет на море.
Убрана подружка славно:
Шея с цепью золотою,
Голова с златою лентой,
В золотых браслетах руки,
В золотых колечках пальцы,
А в ушах златые серьги,
На висках златые петли,
На бровях златой же жемчуг.
Думал я, что светит месяц,
Как блеснули там застежки;
Думал я, что светит солнце,
Как блеснул рубашки ворот;
Думал я, что парус веет,
Как платок ее завеял.
Вот прославил я подружку,
Посмотрю теперь гостей я:
Хороша ль толпа пришедших,
Крепки ль старые здесь люди,
Резвы ль люди молодые,
Вся ль компания красива?
Посмотрел здесь всех гостей я,
Словно знал их я и раньше:
Никогда здесь не бывала
И появится не скоро
Здесь толпа такого вида
И гурьба, что так прекрасна,
Люди старые так крепки,
Молодые люди резвы.
Вся толпа сидит тут в белом,
Точно лес, где выпал иней,
Сверху — точно зорька утром,
Снизу — словно час рассвета.
Серебра гостям не мало,
Золота довольно было:
На полях карманы денег,
А на улицах так сумки
Для гостей здесь приглашенных,
К большей славе здесь сидящих».
Старый, верный Вейнемейнен,
Пенья сильная опора,
Закачался скоро в санках
И домой к себе поехал.
Пел он песни непрерывно,
Пел искусно свои песни.
Спел он песню, спел другую;
Третью песню как запел он —
Зазвенел о камень полоз
И повис на пне брусочек,
Разломались старца сани,
Зазвенел о камень полоз,
Пополам брусок сломался,
Отвалился бок от бока.
Молвил старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Нет ли в здешней молодежи,
В возрастающем народе,
Или между стариками,
В исчезающем народе,
Кто б пошел в Туони царство,
Кто б пошел в жилище Маны,
Мне достал бурав у Маны,
Взял буравчик у Туони,
Чтоб мне вновь устроить сани,
Сделать новое сиденье?»
Что сказали молодые,
То и старые сказали:
«Между здешней молодежью
Или между стариками
В этом племени великом
Нет столь храброго героя,
Кто б пошел в Туони царство,
Кто б пошел в жилище Маны
И бурав достал у Маны,
Взял бурав в жилье Туони,
Чтобы вновь устроить сани,
Сделать новое сиденье».

Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Вновь пошел в Туони царство
И пришел в жилище Маны:
Взял бурав он у Туони,
Взял его из дома Маны.
Начал пенье Вейнемейнен:
Роща синяя явилась,
В роще ровные дубочки
Вместе с стройною рябиной;
Он из них построил сани
И согнул себе полозья,
Выбирает на брусочки,
На дугу берет деревьев.
Так привел в порядок сани,
Сани новые устроил;
Запрягает жеребенка,
Впряг гнедого пред санями,
Сам потом садится в сани,
Опустился на сиденье.
Без кнута бежит лошадка,
Так, не битая, стремится
Ко двору, где корм привычный,
Где вполне он сохранился.
И приехал Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
К своим собственным воротам,
На свой собственный порожек.

Руна двадцать шестая

Вторая поездка Лемминкейнена в Похьелу

Ахти жил у мыса Каўко,
Там на острове при бухте.
Он распахивал там поле,
Бороздил свои поляны.
Было тонко ухо Ахти,
Слух имел он очень острый.
От деревни шум он слышит,
Слышит топот по прибрежью,
По льду гладкому стук слышит,
Слышит стук саней в поляне.
Мысль в уме его возникла,
В голову его запала:
Свадьбу празднуют в Похьёле,
Там народ пирует тайно.[1]
И поник он головою,
Кудри черные упали,
Кровь со злости опустил он
С бледных щек своих пониже,
Бороздить тотчас оставил,
Перестал пахать средь поля,
Поднялся с земли на лошадь
И поехал прямо к дому,
Прямо к матери любимой,
И приблизился к старухе.
И, придя, сказал он старой,
Так, пришедши, он промолвил:
«Мать, ты, милая старушка!
Дай поесть мне поскорее,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы голод утолил я;
Затопи мне также баню,
Приготовь скорей купанье,
Где б я мог омыть все тело
И предстать в красе героя».
Лемминкейнена мать тотчас
Пищу быстро собирает,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы жажду утолил он,

А затем готовит баню,
Сыну делает купанье.
И веселый Лемминкейнен
Съел поспешно эту пищу,
Поспешил потом он в баню
И отправился купаться;
Там-то вымылся тот зяблик,
Чистил тело подорожник,
Голова, как лен, белела
И блестела ярко шея.
Он пришел с купанья в избу,
Говорит слова такие:
«Мать, ты, милая старушка!
Ты пойди в чулан на гору,
Вынь прекрасную рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтоб в него я мог одеться,
Возложить его на тело».
Мать спросила его прежде,
Начала расспрос хозяйка:
«Ты куда идешь, сыночек,
На охоту ли за рысью,
Или взять ты хочешь лося,
Иль стрелять ты будешь белок?»
Отвечает Лемминкейнен:
«Дорогая, мать родная!
Не хочу итти за рысью,
И стрелять не буду белок;
Я иду на пир Похьёлы,
На ту тайную пирушку.
Дай получше мне рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтоб надеть его на свадьбу
И носить там на пирушке!»
Мать сыночку запрещает
И жена не позволяет,
Обе дочери творенья,
Три рожденные природой:
Пусть не едет Лемминкейнен,
Пусть нейдет на пир Похьёлы.
Так мать сыну говорила,
Так дитяти та старуха:
«Не ходи, сыночек милый,
Мой сыночек, милый Каўко,
Не ходи на пир Похьёлы,
На большую ту пирушку:
Ведь тебя туда не звали
И совсем не приглашали».

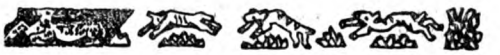
Но веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Лишь плохой идет по зову —
Молодец идет без зова;
У меня есть приглашенье
И всегда есть понужденье:
Меч мой с огненным железом,
Мой клинок, что мечет искры».
Лемминкейнена мать все же
Удержать при доме хочет:
«Не ходи ты, мой сыночек,
Не ходи на пир Похьёлы;
Ведь на улицах там ужас,
Чудеса ведь на дороге:
Трижды смерть грозит там мужу,
Трижды там грозит погибель».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Смерть повсюду видит старый,
И везде ему погибель.
Муж нигде не побоится
И не будет так опаслив.
Но пусть будет, как кто хочет:
Ты скажи-ка, дай послушать,
Что за первая погибель,
И последняя какая?»
Лемминкейнену мать молвит,
Отвечает так старуха:
«Я скажу тебе по правде,
А не так, как ты желаешь.
Вот, где первая погибель,
Из погибелей всех прежде.
Мало ты пройдешь отсюда,
День один всего проедешь,
Встретишь огненную реку
На пути среди дороги;
В ней кипит огнем пучина,
И горит скала в пучине;
На скале той холм сверкает,
На холме орел пылает,
Ночью он все зубы точит,
Днем навастривает когти
На чужих, коль кто подходит,
На людей, кто будет близко».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Пусть от этого мрут бабы,
Но не это смерть героям.

Знаю я на это средство
И сумею обойтися.
Чародейством я устрою
Из ольхи с конем героя,
Чтоб со мною ехал рядом,
Впереди меня скакал бы.
Сам же я тотчас же уткой
Быстро в волны погружуся
Под орлиными когтями,
Под когтями этой птицы.
Дорогая, мать родная!
Ты скажи вторую гибель».
Лемминкейнену мать молвит:
«Вот тебе вторая гибель:
Ты проедешься немного
И в теченье дня второго
Ров ты огненный увидишь.
Он лежит среди дороги,
Протянувшись и к востоку,
И на запад бесконечно.
Полон ров горячих камней,
Глыб он полон раскаленных;
Там уж сотни появлялись,
Там уж тысячи погибли.
Были сотни те с мечами,
Эти тысячи с конями».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Не от этого смерть мужу,
Не от этого герою.
Знаю вещь одну на это,
И исход себе найду я:
Превращу я снег в героя,
Изо льда устрою мужа,
Погоню его я в пламя
И вгоню в средину жара,
В ту пылающую баню;
С медным веником пойдет он;
Сам скользну я стороною,
Проскочу я через пламя;
Борода не обожжется,
Не сгорят нисколько кудри.
Дорогая мать родная!
Ты скажи мне третью гибель».
Лемминкейнену мать молвит:
«Вот какая третья гибель:
Как еще ты часть проедешь,
День еще в пути пробудешь,
Будешь в самом узком месте,
У ворот самой Похьёлы —
Там блуждает волк во мраке,
В темноте медведь там бродит
У ворот Похьёлы темной,
Там на самом узком месте.
Там поедены уж сотни,
Сгибли тысячи героев.
Отчего ж тебя не съесть бы,
С беззащитным не покончить?»
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Можно там сожрать ягненка,
Разорвать его на части,
А не мужа, хоть плохого,
Иль хоть слабого героя;
А на мне застежка мужа,
Чтоб успешно мог избегнуть
Я той пасти злого волка
И чудовища Унтамо.[2]
Знаю, как пойти мне к волку,
Знаю средство на медведя:
Колдовством узду на волка,
На медведя цепь надену,
Рассеку его я сечкой,
Раскрошу я на кусочки
И тогда пойду свободно
И свою дорогу кончу».
Лемминкейнену мать молвит:
«Не конец еще и это:
Это ты найдешь в дороге.
Чудеса в пути большие,
Три тех ужаса найдешь ты,
Три погибели для мужа.
Но когда туда достигнешь,
Чудеса найдешь похуже.
Лишь пройдешь еще немного,
Подойдешь к двору Похьёлы —
Частокол там из железа,
Там вокруг из стали стены,
От земли идут до неба,
И к земле идут от неба,
И стоят, как колья, копья,
Оплетенные змеями;
Вместо прутьев там гадюки,
Ящерицы вместо связок,
И играют там хвостами
Да шипят все головами,

Воздух сипло оглашают,
Держат головы наружу.
На земле простерлись змеи,
Растянулися гадюки,
Вверх подняв язык шипящий,
А хвосты внизу качают.
Но одна, что всех страшнее,
Залегла у входа прямо.
Подлинней она, чем балка,
Будет и бревна потолще,
Языком шипит высоко,
Пасть раскрыла, угрожая
Не кому-нибудь другому,
Одному тебе, несчастный».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Так пусть дети умирают,
Но не это смерть героя.
Колдовством огонь уйму я,
Утомить сумею пламя,
Змей сгоню я чародейством,
Отгоню гадюк оттуда.
Пропахал же ведь я прежде
Поле, полное змеями,
И с гадюками поляну; [3]
С непокрытыми руками
Змей держал я просто пальцем
И рукой держал гадюку;
Змей десятки убивал я
И гадюк до сотни черных;
Кровь змеиная осталась,
Жир гадюки здесь на пальцах.
Пропаду не так-то скоро,
Никогда я не ввалюся,
Как кусочек, в зев змеиный,
На прокорм гадюки злобной.
Сам давить дрянных я буду,
Растопчу я этих скверных,
Загоню я змей, колдуя,
Прогоню гадюк с дороги;
Я пройду чрез двор Похьёлы
И войду в избу свободно».
Лемминкейнену мать молвит:
«Не ходи ты, мой сыночек,
Не ходи в избу Похьёлы,
В то жилище Сариолы!
Там герои все с оружьем,
Опоясаны мечами,
От питья хмельного шумны
И озлоблены от пьянства:
Заколдуют там бедняжку
На концах мечей огнистых.
Посильней тебя убиты,
Похрабрей от чар погибли».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Ведь уж я и прежде пожил
В этих избах Сариолы;
Не со мной лапландцу сладить,
Не побьет меня турьянец —
Сам лапландцев заколдую,
Сам побью я там турьянцев,
Расколю в куски их плечи,
Продырявлю подбородки,
Распорю рубашки ворот,
Грудь разрежу на кусочки».
Лемминкейнену мать молвит:
«О несчастный мой сыночек!
Ты все думаешь, как прежде,
И все хвастаешься прежним.
Ты, конечно, долго пробыл
В этих избах Сариолы.
Весь ты был в дремотных волнах,
В волнах, травами покрытых,
Побывал в пучине темной,
Там упал с теченьем книзу.
Ты измерил реку Маны,
Тот поток Туони черной.
Был бы там и посегодня
Ты без матери несчастной.
Ты послушай, что скажу я.
Ты пойдешь в Похьёлу, к избам,
Там всё колья на пригорке,
Огорожен двор столбами
И по черепу на каждом.
Лишь один пока не занят,
Для того, чтобы на этом
Голова твоя седела».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Пусть глупцы на это смотрят
И бездельники боятся
Лет пяти, шести в сраженьях,
Даже лет семи военных;
Но герои не боятся
И нисколько не страшатся.

Дай военную рубашку,
Принеси вооруженье,
Подниму я меч отцовский,
Посмотрю клинок я старца;
Долго он лежал холодный,
Долго был он в темном месте,
Много плакал постоянно,
Тосковал, без дела лежа».
Взял военную рубашку,
Взял все старое оружье,
Взял клинок отцовский, верный,
Взял он старцеву секиру,
Острием ударил об пол,
В потолок концом ударил
И качнул клинок рукою,
Как черемушную ветку
Иль растущий можжевельник.
И промолвил Лемминкейнен:
«Ну, найдется ль кто в Похьёле,
На пространстве Сариолы,
Кто б свой меч померил с этим,
Посмотрел бы на клинок мой?»
Со стены он лук снимает,
Лук с гвоздя снимает крепкий,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Назову того героем
И того признаю мужем,
Кто мой лук согнуть сумеет,
Тетиву на нем натянет
Там в жилищах Сариолы,
Там в строениях Похьёлы».
Вот веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Взял военную рубашку;
Он надел вооруженье
И потом рабу промолвил,
Говорит слова такие:
«Ты, мой купленный служитель,
Мне доставшийся за деньги!
Снаряди скорее лошадь,
Снаряди коня для битвы,
Чтоб я мог на пир поехать,
К стае Лемпо на пирушку».
И, послушный приказанью,
Раб пошел на двор поспешно —
Он ретивую запряг там,
Красно-пламенную лошадь
И, пришедши, так промолвил:
«Я исполнил приказанье
И лошадку приготовил;
Конь стоит уже в запряжке».
Лемминкейнену уж время
И в дорогу отправляться.
Так одна рука велела,
Но противилась другая;
Пальцы сильные стремились
В путь пуститься поскорее;
И пошел, как думал раньше,
Вышел смело, без боязни.
Сыну мать совет давала,
Так дитяти та старуха
У дверей, у самой печки,
У сиденья говорила:
«Мой единственный сыночек,
Ты, дитя, моя опора!
Поспешаешь на пирушку
И придешь, куда ты хочешь.
Пей ты кружку вполовину,
Пей ты чашку до средины,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже:
В чашке черви копошатся,
Там на дне сосуда змеи!»
И еще сказала сыну,
Дала сыну наставленье
На последней части поля,
На околице в воротах:
«Поспешаешь на пирушку
И придешь, куда ты хочешь.
Ты сиди на пол-сиденьи
И ступай ты там в пол-шага,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже.
Только так ты будешь мужем,
Будешь истинным героем,
Чтоб пройти тебе толпою,
Чтоб пройти под говор шумный
Чрез толпу героев сильных,
Через множество бесстрашных».
Поспешает Лемминкейнен,
Чтобы сесть скорее в сани;
Он коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плеткой,
И летит оттуда лошадь,
Шумно вдаль несет героя.

Лишь немного он отъехал,
Лишь часочек он проехал,
Чернышей увидел стаю:
Поднялася стая кверху,
Отлетели быстро птицы
Перед лошадью ретивой.
Перьев несколько осталось
Из их крыльев на дороге.
Поднял перья Лемминкейнен
И в карман себе запрятал.
Он не знал, что статься может,
Что случится на дороге:
Все ведь может пригодиться,
При нужде всему есть место.
Чуть подальше он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Конь зафыркал средь дороги,
Испугался вислоухий.
Сам веселый Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли,
Поднялся повыше в санках
И, вперед нагнувшись, смотрит:
Вот, как мать и говорила,
Как старуха утверждала,
Перед ним река пылает,
Пред конем среди дороги
Водопад горит в потоке,
Средь него скала пылает,
На скале пылает холмик,
А на нем орел горящий
Изрыгает пламя горлом;
Так и бьет огонь из глотки,
Пышут огненные перья,
Мечут огненные искры.
Увидал вдали он Каўко,
Лемминкейнену промолвил:
«Ты куда стремишься, Каўко,
Держишь путь свой, Лемминкейнен?»
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Еду я на пир Похьёлы,
К добрым людям на пирушку.
Повернись, орел, немного,
Отойди чуть-чуть с дороги,
Дай ты путнику дорогу,
Лемминкейнену тем боле;
Пусть он тронется сторонкой,
Пусть он краешком проедет».
Так орел ему ответил,
Крикнул огненною глоткой:
«Дам я путнику дорогу,
Лемминкейнену тем боле;
Пусть пройдет моею глоткой,
Пусть по горлу погуляет;
Вот куда тебе дорога,
Ты туда итти и должен;
Долгий пир там приглашенным,
Бесконечное безделье».
Мало думал Лемминкейнен,
Озаботился не очень:
Он в карман поспешно лезет,
В кошельке своем он ищет,
Вынул найденные перья
И поспешно их в комочки
Трет обеими руками;
Между пальцами потер их —
Глухарей возникло стадо,
Стая рябчиков явилась;
Он орлу их в глотку бросил,
В пасть ему, как корм, направил,
Кинул в огненное горло,
В зубы огненной той птицы;
Так отправился он дальше,
В первый день освободился.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной;
Конь бежит оттуда прямо,
Скачет дальше жеребенок.
Вот немного он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Снова лошадь испугалась
И заржала, стала снова.
Поднялся он на сиденьи
И, вперед нагнувшись, смотрит.
Вот, как мать и говорила,
Как старуха утверждала,
Перед ним пылает пропасть,
И как раз среди дороги
Широко лежит к востоку,
Без конца идет на запад,
Вся полна горящих камней,
Глыб огромных раскаленных.
Мало думал Лемминкейнен,
Обратился к Укко с просьбой:
«Укко, ты мой бог всевышний,
Дорогой отец небесный!



Ты от севера дай тучу,
Дай от запада другую,
Третью ты пошли с востока,
Также с северо-востока,
И ударь ты их краями,
Пустоту меж них наполни;
Пусть пойдет здесь снег саженный,
Вышиной с копье героя
На горящие каменья,
На пылающие глыбы».
Укко, этот бог всевышний,
Укко, тот отец небесный,
Дал от севера тут тучу,
Дал от запада другую,
Третью тучу дал с востока,
Также с северо-востока,
Их ударил друг о друга,
Пустоту меж них наполнил,
Посылает снег с дубину,
В вышину копья снег сеет
На горящие каменья,
На пылающие глыбы:
Озерцо из снега вышло,
А на нем бушуют волны.
Чародейством Лемминкейнен
Ледяной там мост устроил
Через озеро со снегом
С одного конца к другому.
На второй день он уходит
От опасности свободным.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной;
Быстро едет конь оттуда,
Мчится дальше по дороге.
Милю едет и другую,
Едет так еще немного,
Стал внезапно конь недвижим,
Точно вкопанный, на месте.
Тут веселый Лемминкейнен
Соскочил с саней и смотрит:
Волк стоит как раз при входе,
Там медведь стоит в проходе,
В самом въезде в Сариолу
И как раз в конце проезда.
И веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Тут в карман рукою лезет,
Ищет быстро в том мешечке,
Вынимает шерсть овечью,
Быстро трет ее в комочки,
Трет обеими руками,
Растирает между пальцев.
Только раз он в руки дует,
И овец из рук пускает,
Стадо целое ягняток,
Много козликов веселых.
Тотчас волк к стадам стремится,
Их поймать медведь тот хочет —
А веселый Лемминкейнен
Скачет дальше по дороге.
Лишь немного поотъехал,
Прибыл он на двор Похьёлы
Из железа там ограда
И забор из стали сделан.
Тот забор в земле сто сажен,
Сажен тысячу до неба;
Копья были там столбами,
Змеи в них переплелися,
Вкруг гадюки обернулись;
Там и ящерицы были,
И хвосты у них висели,
С свистом головы шипели,
Черепа вверху качались,
А хвосты мотались снизу.
Тут веселый Лемминкейнен
Призадумываться начал.
«Это — как мне мать сказала,
Как старушка мне твердила.
Здесь забор стоит высокий,
От земли идет до неба;
Глубоко ползут гадюки,
А забор еще поглубже;
Высоко летают птицы,
А забор еще повыше».
Все же вышел Лемминкейнен
Из беды и затрудненья:
Тотчас вынул нож из ножен,
Вынул страшное железо,
Колет яростно ограду,
Разломал ее в кусочки,
Расколол забор железный,
Ту змеиную ограду;
Пять жердей ее ломает,
Семь шестов ее высоких;
Сам потом поехал дальше,
К воротам жилищ Похьёлы.

На пути змея лежала,
Поперек дороги самой;
Подлинней она, чем балка,
Всякой притолки потолще;
Сотню глаз змея имела,
И жал тысячу гадюка;
Шириной глаза с решета,
А язык с копье длиною,
Как зубцы у грабель — зубы,
Шириной спина в семь лодок.
Не посмел тут Лемминкейнен
Проезжать прямой дорогой
Мимо той змеи стоглазой,
Мимо тысячеязычной.
И промолвил Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Ты, змея, что под землею,
Черный ты червяк Туони,
Ты, что ползаешь в колосьях
И в корнях растений Лемпо,
Извиваешься по дерну
И ползешь в корнях деревьев!
Кто же выслал из колосьев,
Кто тебя послал из кочек,
Чтобы здесь могла ты ползать,
По дороге извиваться?
Кто твой зев высоко поднял,
Кто тебе дал приказанье,
Чтоб ты голову вздымала,
Шею высоко держала?
Это мать твоя, отец твой,
Иль, быть может, брат старейший,
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?
Зев закрой, главой поникни
И язык сокрой свой легкий,
Свейся клубом совершенно,
Там в один клубок свернися.
Ты оставь мне пол-дороги,
Пропусти скитальца дальше
Иль уйди совсем с дороги,
Уходи ты, злая, в вереск,
Удались в сухой кустарник,
Удались, во мху сокройся,
Уходи, как клок от шерсти
И как стружка от осины.
Головой в траву уткнися,
Устреми ее на холмик;
В торфе лишь твое жилище
И убежище под дерном;
Если голову поднимешь,
Разобьет ее там Укко
Закаленною стрелою,
Тем железным страшным градом».
Так промолвил Лемминкейнен.
Не послушалась гадюка,
Все шипит ужасным жалом,
Высоко сипит, поднявшись,
Угрожает страшным зевом
Голове Каўкомиэли.
И промолвил Лемминкейнен
Слово древности глубокой,
Что он слышал от старухи,
Что от матери узнал он.
Так промолвил Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Если ж то тебе не страшно,
И отсюда не уйдешь ты,
Так своей болезнью вспухнешь
И раздуешься от боли;
Ты растрескаешься, злая,
На три части ты, дрянная,
Если мать твою найду я,
Отыщу твою старуху.
Знаю я начало толстой,
Знаю изверга рожденье:
Мать твоя ведь — Сюэетер,
Мать твоя — из глуби моря.
Мать твоя плевала в воду
И слюну пускала в волны.
Укачал слюну ту ветер,
Убаюкало теченье.
Шесть годов она качалась,
Все семь лет она носилась
На хребте блестящем моря,
На вздымающихся волнах.
Там вода слюну тянула,
Ей давало гибкость солнце,
И потом прибой отбросил,
Волны к берегу погнали.
Вот три дочери творенья
Вышли к берегу морскому,
К краю шумного теченья,
И слюну там увидали;
Так они сказали слово:
«Из слюны что может выйти,

Если ей творец даст душу
И глаза он ей дарует?»
Услыхал творец те речи,
Говорит слова такие:
«Только дрянь из дряни выйдет,
Из дурных отбросков злое,
Если я вложу в них душу,
Если им глаза дарую».
Услыхал слова те Хиси.
Он готов к дурному делу;
Приступил он сам к созданью,
Даровал слюне он душу,
Той, что скверная бросала,
Что выплевывала злая.
Из слюны змея явилась,
Вышла черная гадюка.
Из чего ей жизнь досталась?
Из углей, из груды Хиси.
Из чего явилось сердце?
Мать дала свое ей сердце.
Из чего мозги гадюки?
Из морской кипучей пены.
Чувства изверга откуда?
Из пучины водопада.
Голова дрянной откуда?
Из зерна боба явилась.
Из чего глаза гадюки?
Из зерна льняного Лемпо.
Уши изверга откуда?
Из листов березы Лемпо.
Из чего же рот явился?
Он — из пряжки Сюэтер.
Из чего язык ехидны?
Дал копье ей Кейтолайнен.[4]
Что такое зуб гадюки?
Ячменя Туони усик.
Что такое десны злобной?
Десны девы бога смерти.
А спина змеи ужасной?
То — печной ухват у Хиси.
Хвост откуда появился?
Из косы нечистой силы.
Из чего гадюки чрево?
То бог смерти дал свой пояс.
Вот твое происхожденье,
Вот, змея, твоя украса,
Ты, подземная ползунья.
Цветом ты, как цвет Туони,
Цвет земли и цвет пустыни,
Точно цвет воздушной тучи.
Ты уйди скорей с дороги
Перед едущим героем,
Дай мне, путнику, дорогу.
Лемминкейнена пусти ты,
Едет он на пир Похьёлы,
На прекрасную пирушку».
Вот свивается гадюка,
Та стоглазая сползает,
Лезет толстая гадюка,
По другой ползет дороге;
Мог пройти свободно путник,
Лемминкейнен мог проехать.
Едет он на пир Похьёлы,
На ту тайную пирушку.

Руна двадцать седьмая

Лемминкейнен в Похьёле и его бегство

Проведен теперь мой Каўко,
Житель острова, мой Ахти,
Мимо пасти смерти страшной,
Мимо глотки злого Калмы,
Проведен на двор Похьёлы
На то тайное собранье.
Должен я теперь поведать,
Продолжать рассказ я должен,
Как веселый Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли,
Появился в Сариоле,
В тех строениях Похьёлы,
Как на пир пришел без просьбы,
На пирушку без призыва.
Вот веселый Лемминкейнен,
Удалец, цветущий жизнью,
Подойдя, приходит в избу.
Посреди избы проходит —
Пол из липы покачнулся,
И гудит изба из елей.
Тут веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Ну, здорово, вот и я здесь!
Здравствуй тот, кто сам так скажет
Слышь, Похьёлы ты хозяин,
На твоем дворе найдется ль
Ячменя на корм лошадке,
Да пивка бы мне здесь выпить?»
Сам хозяин Сариолы
На углу стола сидел там,
Отвечает так оттуда,
Молвит он слова такие:
«На дворе моем нашлось бы
Твоему коню местечко,
Я тебе не отказал бы,
Если б ты вошел, как должно,
У дверей бы дал я место,
У порога предоставил —

Там, где наш котел поставлен,
Возле трех крюков котельных».
Обозлился Лемминкейнен,
Кудри черные откинул,
Как котел, черны те кудри;
Говорит слова такие:
«Пусть придет сюда сам Лемпо,
У дверей у этих станет,
Замарается здесь сажей,
В черных пятнах здесь побудет!
Никогда отец мой прежде,
Никогда мой милый старец
Не стоял на этом месте,
Под шестком у самой двери.
На скамье имел он место,
Для коня имел он стойло,
Для людей избу имел он,
Для своих перчаток угол,
Гвоздь, где обувь мог он вешать,
Для мечей имел он стены.
Отчего же мне нет места,
Как отцу бывало прежде?»
Он прошел в избу подальше,
У конца стола садится,
На краю скамейки длинной,
На конце скамьи сосновой,
И сосновая скамейка
Книзу сильно опустилась.
И промолвил Лемминкейнен:
«Видно, я пришел некстати,
Что мне пива не приносят,
Мне, сидящему как гость здесь?»
Ильпотар,[1] сама хозяйка,
Так в ответ сказала слово:
«О ты, юный Лемминкейнен!
Ты, по мне, не смотришь гостем.
Головы моей ты ищешь,
Раскроить виски мне хочешь.
В ячмене пока здесь пиво,
А ячмень пока лишь солод,
Не замешана пшеница,
Мясо вовсе не готово.
Что б тебе вчера приехать,
Иль приехал бы хоть завтра?»
Больше злится Лемминкейнен,
Так что рот перекосился,
Волоса все набок сбились.
Говорит слова такие:
«Так уж кушанье поели,
Уж окончили пирушку,
Поделили вы все пиво,
Мед весь выпили до капли,
Унесли уже все кружки
И убрали все кувшины?
Ну, ты, мрачных стран хозяйка,
Длиннозубая в Похьёле!
Уж устроила ты свадьбу,
По-собачьи созывала!
Испекла большие хлебы,
Наварила много пива,
По шести местам сзывала
И гонцов взяла ты девять;
Позвала убогих, бедных,
Позвала навоз, отбросы.
Позвала людей дряннейших,
Всех поденщиков в лохмотьях,
Позвала народ ты всякий —
Лишь меня не пригласила.
Как могло со мной случиться,
Что я сам ячмень просыпал?
Все его несли ковшами,
Все умеренно сливали,
Я ж его большою массой
Четверть целую просыпал,
Собственный ячмень хороший,
Из зерна, что я посеял.
Но не будет гостем Ахти,
Гостем с именем хорошим,
Коль ему не будет пива
И котла пред ним не будет,
И в котле не сварят пищи,
Хоть свинины двадцать фунтов,
Не дадут ни есть, ни выпить
При конце моей поездки».
Ильпотар, хозяйка дома,
Говорит слова такие:
«Эй, ты, девочка-малютка,
Ты, моя слуга, рабыня!
Принеси в котле съестного,
Поднеси ты гостю пива».
Эта малая девчонка,
Что посуду быстро мыла,
Что все ложки вытирала,
Что ковши все вымывала,
Принесла в котле съестного,
Рыбьи головы да кости

Да завялый стебель репы
Да сухую корку хлеба;
Принесла и в кружке пива,
Пива жидкого, дрянного,
Чтобы выпил Лемминкейнен,
Чтобы жажду утолил он.
Говорит слова такие:
«Если муж ты настоящий.
Выпьешь ты все это пиво,
Весь до дна кувшин осушишь».
Тут веселый Лемминкейнен
Посмотрел на дно той кружки,
А на дне лежат там змеи,
Посреди плывут гадюки,
Черви ползают по краю,
Видны ящерицы в пиве.
И промолвил Лемминкейнен,
Обозлясь, Каўкомиэли:
«Кто кувшин дал этот гостю,
Пусть уйдет в Туони царство
Раньше, чем взойдет здесь месяц,
Раньше, чем зайдет здесь солнце».
И затем сказал он слово:
«Пиво, ты, дрянной напиток!
Набралось теперь ты сраму
И таким ты гадким стало.
Это пиво все ж я выпью,
Но всю дрянь на землю брошу,
Безыменным брошу пальцем,
Левым пальцем побросаю».
Опустил в карман он руку
И крючок оттуда вынул,
Опустил его он в кружку,
В пиво он крючок забросил;
На крючок попались змеи,
На тот крюк гадюки злые;
Сотню вытащил лягушек,
Черви тысячей попались.
Побросал он их на землю,
Покидал все это на пол,
Вынимает острый ножик,
Из ножей железо злое;
Змеям головы отрезал,
Разрубил гадюкам шеи,
Темный мед охотно выпил,
С удовольствием все пиво.
Говорит слова такие:
«Я, должно быть, гость случайный,
Что не подали мне пива,
Чтобы было пить приятно,
Мне не подали побольше,
Не дали в большом сосуде,
Не зарезали барана
И быка мне не убили,
Не внесли вола мне в избу,
Двухкопытного в жилище».
Сам хозяин Сариолы
Говорит слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Если здесь тебя не звали?»
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Гость хорош по приглашенью,
А непрошенный гость лучше;
Слушай ты, сын похьёланца,
Сам хозяин Сариолы:
Дай за деньги пива выпить,
За наличные продай мне».
Тут хозяин Сариолы
Разбесился, стал свирепым,
Обозлился, рассердился,
Колдовством прудочек сделал
На полу пред самым Каўко.
Говорит слова такие:
«Вот река, пей сколько хочешь,
Похлебай воды из пруда».
Мало думал Лемминкейнен,
Говорит слова такие:
«Не теленок я у бабы,
Я совсем не бык хвостатый,
Чтобы пить речную воду,
Чтоб лакать ее из лужи».
Сам он начал чародейство,
Приступил к волшебным песням:
На полу быка он сделал,
С золотыми бык рогами;
Бык тот выхлебал всю лужу,
Без остатка выпил воду.
Долговязый сын Похьёлы
Сделал волка чародейством,
На полу избы он сделал,
Чтоб тому быку погибнуть.
Но веселый Лемминкейнен
Сделал беленького зайца,
Чтобы по полу он прыгал
Перед пастью злого волка.

Долговязый сын Похьёлы
Сделал жадную собаку,
Чтоб она убила зайца,
Чтоб косого растерзала.
Но веселый Лемминкейнен
Сделал белку на шесточке,
Чтобы прыгала по балкам,
Возбуждала лай собаки.
Долговязый сын Похьёлы
Сделал желтую куницу:
Погнала куница белку
И поймала на шесточке.
Но веселый Лемминкейнен
Сделал бурую лисицу,
Чтоб она куницу съела,
Чтоб красивую убила.
Долговязый сын Похьёлы
Сделал курицу тотчас же,
Чтобы по полу летала
Перед пастью той лисицы.
Но веселый Лемминкейнен
Сделал ястреба с когтями,
Заклинаньем его сделал,
Чтобы курицу убил он.
Тут хозяин Сариолы
Говорит слова такие:
«Не поправится пирушка,
Коль гостей мы не убавим.
Уходи ты, чужеземец,
Убирайся-ка с пирушки!
Прочь отсюда ты, сын Хиси,
От мужей иди подальше,
В дом к себе ты, тварь дрянная,
Убегай к себе ты, злобный!»
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Так никто ведь не позволит,
Даже муж, который хуже,
Чтоб его сгоняли с места,
Чтоб с сиденья прогоняли».
Тут хозяин Сариолы
Со стены клинок хватает,
Как огонь, клинок сверкает.
Говорит слова такие:
«Ахти, ты, островитянин.
Молодец Каукомиэли!
Ну, померимся мечами,
На клинки посмотрим наши:
Мой ли меч получше будет,
Или твой, Каукомиэли?»
Отвечает Лемминкейнен:
«Мой клинок не очень годен;
Черепами он иззубрен,
На костях почти поломан,
Но пусть будет, кто как хочет.
Если так зовешь ты в гости,
Так померимся, посмотрим,
Чей-то меч получше будет.
Мой отец, бывало, прежде
Храбро мерился мечами —
В сыне род не изменился,
И в дитяти он не хуже».
Меч свой огненный он вынул
Из ножен, покрытых шерстью;
Оба мерили, смотрели
На длину мечей обоих;
Оказался чуть длиннее
Меч хозяина Похьёлы;
Он длиннее на край ногтя,
На сустав последний пальца.
И сказал островитянин,
Молодец Каукомиэли:
«Меч твой больше оказался,
И удар твой первый будет».
Нападать хозяин начал,
Сыплет яростно удары,
Хочет он попасть — не может,
Метит в голову он Каукo,
Полосует по шесткам он,
Попадает в связку балок,
Изломал в куски шестки все,
Исщепал у балок связки.
И сказал островитянин,
Молодец Каукомиэли:
«В чем шестки здесь согрешили,
В чем здесь балки провинились,
Что ты бьешь мечом шесточки,
Разбиваешь балки в щепки?
Ты послушай, сын Похьёлы,
Слушай, северный хозяин:
Трудно здесь в избе сражаться,
Здесь нам женщины мешают.
Лишь избу мы будем пачкать,
Обольем полы мы кровью;
Выйдем лучше мы наружу,
Будем мы сражаться в поле.

На поляне будем биться.
На дворе ведь кровь красивей,
На открытом месте лучше,
На снегу еще прекрасней».
Вот они на двор выходят,
Там нашли коровью шкуру,
На дворе же растянули
И на шкуру стали оба.
Говорит островитянин:
«Ты послушай, сын Похьёлы!
Твой клинок ведь подлиннее,
Меч твой много пострашнее;
Так воспользуйся им раньше,
Чем простишься ты со светом,
Чем ты шею потеряешь.
Бей смелее, сын Похьёлы!»
И ударил сын Похьёлы,
Раз ударил и другой раз,
Третий раз еще ударил,
Но не мог попасть он верно,
Оцарапать тело Ахти
Иль содрать кусочек кожи.
Говорит островитянин,
Молодец Каўкомиэли:
«Ну, теперь я попытаюсь,
Уж давно черед за мною».
Но хозяин Сариолы
Уж не слушает слов Ахти,
Ударяет беспрерывно,
Целит в Каўко, но напрасно.
Бьет уж пламя из железа,
Из клинка огонь искрится,
Из меча в руках у Ахти
Блеск от искр струится дальше,
Изливается на шею
Сыну сумрачной Похьёлы.
Молвит юный Лемминкейнен:
«О хозяин Сариолы!
Как твоя сияет шея,
Точно утренняя зорька!»
Бросил взоры похьёланец,
Посмотрел тут муж Похьёлы,
Красноту он видеть хочет,
Смотрит собственную шею.
Тут ударил Лемминкейнен,
Быстро он клинком ударил
И попал мечом он в мужа,
Бьет оружием железным.
И одним ударом сильным
С плеч он голову снимает,
Как со стержня режут репу,
Как со стебля режут колос.
Голова к земле упала,
На дворе упал там череп,
Как сраженная стрелою
С ветки падает тетерка.
Сто столбов там возвышались,
На дворе там много тысяч,
Сотни там голов на кольях,
И один лишь был не занят.
Взял веселый Лемминкейнен
Эту голову, приподнял,
Насадил он этот череп
На конец столба пустого.
Ахти, тот островитянин,
Молодец Каўкомиэли,
Возвратился снова в избу,
Говорит слова такие:
«Принеси воды, девчонка,
Чтобы с рук я мог очистить
Кровь хозяина дрянного,
Кровь из раны злого мужа».
Злится старая Похьёлы,
Обозлилась, разбесилась.
Создала людей с мечами,
Все мужей вооруженных;
Сто мужей с мечами вышли,
Вышла тысяча с оружьем
Лемминкейнену на шею,
Каўкомиэли на гибель.
И тогда настало время,
Наступил день отступленья;
Наконец, уж стало трудно,
Стало вовсе невозможно
Лемминкейнену младому
Оставаться в Сариоле,
В той Похьёле вечно мрачной,
На пиру без приглашенья.

Руна двадцать восьмая

Мать советует Лемминкейнену скрыться за морем

Ахти, тот островитянин,
Тот веселый Лемминкейнен,
Собирается поспешно
И стремительно уехал
Из Похьёлы вечно мрачной,
Из туманной Сариолы.
Из избы бежит, как буря,
Ко двору, как дым, стремится,
Чтоб спастися от несчастья,
Чтоб избегнуть злодеянья.
И когда на двор он вышел,
Двор осматривает всюду
И коня повсюду ищет,
Но нигде коня не видит —
Камень лишь лежит на поле,
Только ива на поляне.
Кто бы мог его наставить,
Кто бы дал совет хороший,
Чтоб главы он не лишился,
Чтоб волос не потерял он,
Чтоб они не разлетелись
По двору Похьёлы мрачной?
Шум уж слышен из деревни,
Слышен гул во всех жилищах,
Уж глаза сверкают в окнах,
Блеск по всей деревне виден.
Должен был тут Лемминкейнен
Ахти, тот островитянин,
Перейти в другое тело
И в другом явиться виде.
Полетел орлом на воздух,
Долететь до неба хочет, —
Обжигает щеки солнце
И палит височки месяц.
И взмолился Лемминкейнен,
Он, веселый, молит Укко:
«Укко, бог, добром обильный,
Ты, благой мудрец на небе,

Наклоняешь тучи с громом,
Облачка все направляешь!
Облачка мне в небе сделай
И сокрой меня в туманах,
Чтобы я под их защитой
Мог на родину вернуться,
К милой матери поближе,
К ней, моей седой старушке».
Он летит по небу дальше,
Вдруг назад он оглянулся,
Видит: мчится серый ястреб,
И глаза его пылают,
Точно очи похьёланца,
Что хозяин был в Похьёле.
Так промолвил серый ястреб:
«Эй, ты, Каўко мой веселый!
Не забыл ты нашу битву,
Наше в поле состязанье?»
Отвечал островитянин,
Молодец Каўкомиэли:
«Ты, красивый ястреб-птица!
Поверни полет свой к дому
И, когда туда прибудешь,
В вечно мрачную Похьёлу,
Расскажи там всем, как трудно
Взять орла и съесть на небе».
Он спешит прямой дорогой
К дому матери любимой;
На лице его забота,
В сердце много огорченья.
Вышла мать ему навстречу
Там, где шел он по дорожке,
Вдоль забора проходил где.
Прежде мать его спросила:
«Ты, что всех сынов моложе,
Всех детей моих сильнее!
Отчего такой ты мрачный
Возвратился из Похьёлы?
Ты обижен, что ли, кружкой
На пиру в Похьёле мрачной?
Если ты обижен кружкой,
Ты возьми получше кружку,
Что в войне достал отец твой,
Что принес он из сраженья».
Отвечает Лемминкейнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы я обижен кружкой,
Я хозяина б обидел,
Проучил бы сто героев,
Всю бы тысячу обидел».
Лемминкейнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный?
Или конь твой опозорен,
На бегу ты осрамился?
Если конь твой опозорен,
Должен ты купить получше
На отцовское богатство,
На большие средства старца».
Отвечает Лемминкейнен:
«Мать родная, дорогая!
Был бы конь мой опозорен,
На бегу б я осрамился,
Я хозяина б обидел,
Ездоков бы опозорил,
Этих сильных с их конями,
С лошадьми героев этих».
Лемминкейнену мать молвит:
«Отчего ж такой ты мрачный
И с таким печальным сердцем
Возвратился из Похьёлы?
Иль там женщины смеялись
И девицы над тобою?
Если женщины смеялись
И девицы насмехались,
Осмеять самих их можно,
Отплатить им всем насмешкой».
Отвечает Лемминкейнен:
«Мать родная, дорогая!
Если б женщины смеялись
Иль девицы надо мною,
Я хозяина б обидел,
Всех девиц я осмеял бы,
Насмеялся бы над сотней
И над тысячею женщин».
Но на это мать сказала:
«Что ж с тобой, сыночек, было?
Иль случилось что дорогой,
Как ты ехал на Похьёлу?
Или много ты покушал,
Ты покушал или выпил?
Или сны дурные видел
На местах твоих ночлегов?»
Но веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Пусть обдумывают бабы,
Что им ночью темной снится.

Знаю сны мои ночные,
Сновидения дневные.
Мать, старушка дорогая!
Наложи в мешок припасов,
Положи муки мне в сумку,
Положи в мешочек соли;
Должен сын твой ехать дальше,
Из страны своей уехать,
Бросить милое жилище,
Двор чудесный свой покинуть.
На меня мечи уж точат
И навастривают копья».
Быстро мать его спросила:
«Что так скоро ты уходишь?
Отчего мечи уж точат
И навастривают копья?»
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Вот на что мечи уж точат
И навастривают копья
Мне, несчастному, на гибель.
На мою главу готовят:
Вышел спор у нас и битва
Посреди двора Похьёлы,
И убил я похьёланца,
Там, хозяина Похьёлы.
Вот идет войной Похьёла,
Север весь толпою дикой,
На усталого идет он,
Я один, а их там много».
Вот что мать ему сказала,
Сыну молвила старуха:
«Я тебе ведь говорила,
Я тебя предупреждала,
Я тебе ведь запрещала
Отправляться в Сариолу.
Ты ведь мог здесь оставаться
Жить у матери в жилище,
Под защитою старушки,
На дворе твоей любимой —
И война бы не возникла,
Без борьбы бы обошлося.
Но куда ж ты, мой сыночек,
Ты куда спешишь, несчастный,
Чтоб спастись от страшной мести,
Чтоб избегнуть злодеянья,
Чтоб главы твоей не сняли,
Чтобы шеи не рассекли,
Чтоб волос не повредили,
Не развеяли по ветру?»
Отвечает Лемминкейнен:
«Я еще не знаю места,
Где б убежище найти мне
И спастись от мести страшной.
Мать родная, дорогая!
Ты куда велишь бежать мне?»
Лемминкейнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Где укрыть тебя не знаю,
И куда тебя отправить.
Хоть сосной на горке стань ты,
Можжевельником на поле,
Все ж и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Часто сосенку на горке
Расщепляют на лучину,
Также часто можжевельник
Облупляют для подпорок.
Коль березкою в долине
Иль ольхою будешь в роще,
То и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Ведь березу, что в долине,
Часто режут на поленья,
А ольху в зеленой роще
Часто рубят, жгут под пашню.
Если ягодой нагорной,
Будешь ягодой лесною,
Земляничкою в отчизне
Иль в чужих краях черникой,
То и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Там сорвут тебя девицы
В оловянных украшеньях.
Станешь щукой в синем море
Иль сигом в реке глубокой,
То и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Молодец, что ловит рыбу,
Там закинет в воду сети
И тебя поймает в сети,
Иль поймает старец в невод.
Если в лес пущу я волком
Иль медведем в дебри леса,
То и там беда настигнет,
Там найдет тебя несчастье:

Руна двадцать восьмая

Молодец, покрытый сажей,
Там копье свое наточит,
Чтоб охотиться на волка,
Чтоб убить того медведя».
Но веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Сам места дурные знаю,
Те места, что хуже прочих,
Те, где смерть меня настигнет,
Где судьба отыщет злая.
Мать, ты жизнь мне даровала,
Молоком дитя питала!
Ты куда велишь бежать мне,
Мне куда бежать, укрыться?
Уж у рта стоит погибель,
К бороде идет несчастье —
Головы лишусь я завтра,
И несчастье совершится».
Лемминкейнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Назову тебе, пожалуй,
Подходящее местечко,
Где укроется виновный,
Избежит беды преступный.
Знаю я клочок землицы,
Очень малое местечко,
Где нет битв и нет раздоров;
Меч туда и не заходит.
Поклянись мне вечной клятвой,
Клятвой истинной и страшной,
Что пройдет шесть лет и десять,
А в сраженье не пойдеш ты,
Хоть и золота захочешь,
Серебра ты пожелаешь».
Отвечает Лемминкейнен:
«Я клянуся страшной клятвой,
Что ни в первое я лето
И затем ни во второе
Не отправлюсь на сраженье,
В место, где мечи сверкают.
У меня плечо все в ранах,
На груди остались язвы
От тех радостей военных,
От последних состязаний
На полях обширных битвы,
На местах, где мужи бьются».
Лемминкейнену мать молвит.
Говорит слова такие:
«Так возьми челнок отцовский
И иди, чтоб там укрыться.
Проплыви морей ты девять;
Пол десятого проедешь —
Прямо к острову приедешь,
На утес, средь вод стоящий.
Раньше там же и отец твой
Укрывался и спасался,
Как все лето воевали,
Целый год все битвы были;
Прожил он, беды не зная,
Прожил там прекрасно время.
Год, другой ты там скрывайся,
Приезжай домой на третий,
К дорогой избе отцовской,
На родительское поле».

Руна двадцать девятая

Лемминкейнен живет на острове

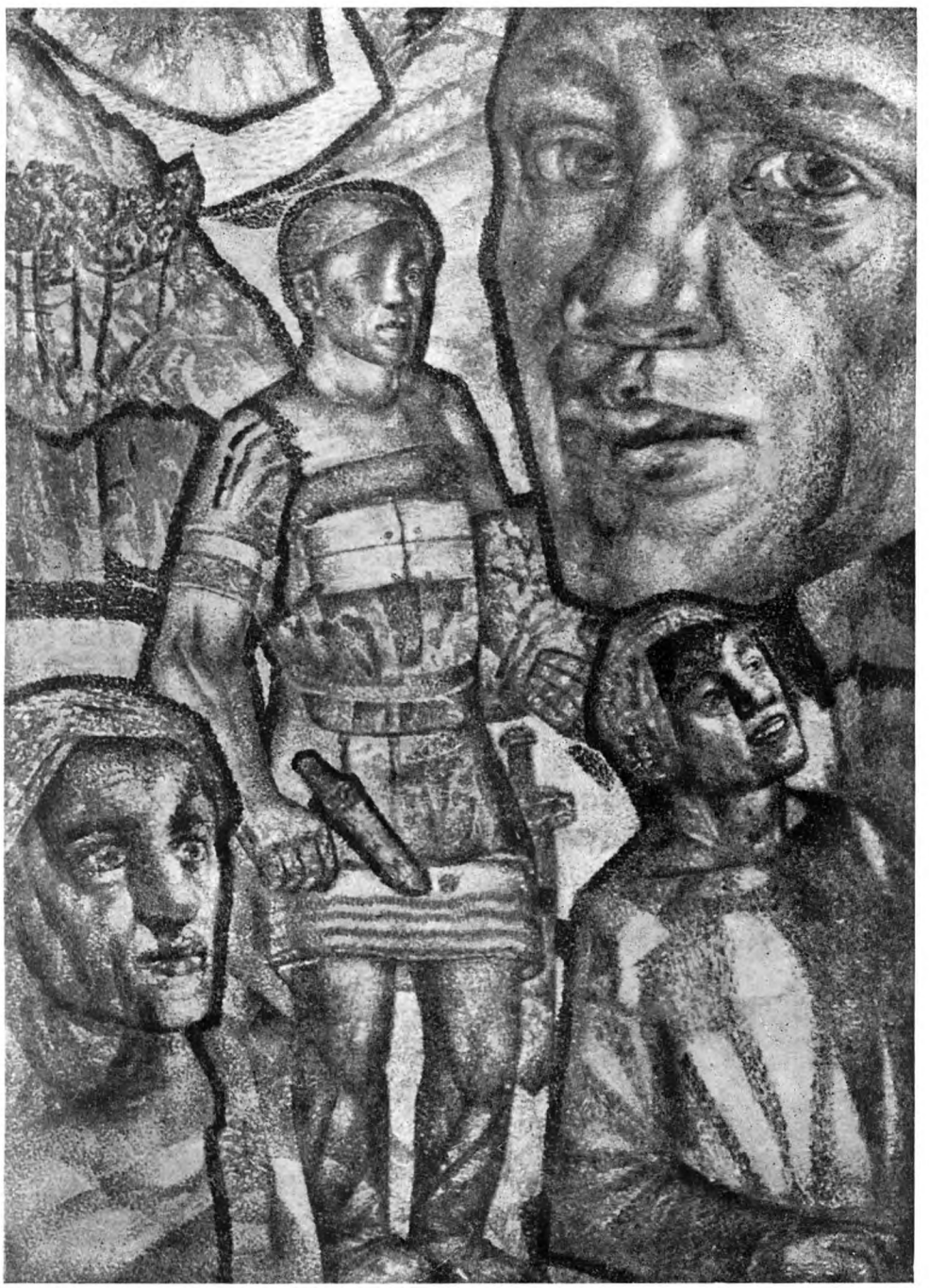
Вот веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Взял в мешок себе запасов,
Масла летнего в лукошко.
На год маслом он запасся,
На другой берет свинины
И идет он укрываться;
Он идет туда поспешно,
Говорит слова такие:
«Ухожу теперь отсюда,
Ухожу я на три лета,
На пять лет страну оставлю.
Станут жрать страну здесь змеи,
Рыси в роще поселятся,
Лоси будут жить на поле,
На поляне будут гуси.
Ты прощай, о мать родная!
Коль придет народ Похьёлы,
Из страны туманной стая,
И меня искать здесь будут,
Ты скажи, что прочь ушел я,
Что отсюда удалился,
Ту сработавши подсеку,
Где теперь снимают жатву».
Он спустил челнок на воду,
На теченье свою лодку,
С тех катков, обитых сталью,
С тех валов, богатых медью.
Натянул на мачте парус,
Полотно свое на рее,
На корме в челне уселся,
Сел он там, чтоб править лодкой,
Сам вперед он наклонился,
У кормы весло он держит.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты повей в мой парус, ветер,
Ты гони весь остов лодки,

Пусть ладья сильней стремится,
Пусть идет челнок сосновый
На тот остров неизвестный,
На тот мыс, что без названья».
Раскачали лодку ветры,
Погнало теченье моря
По хребту воды блестящей,
По открытому теченью;
Там два месяца качает
Да качает еще третий.
На мыске девицы были,
На мыске при синем море
Во все стороны смотрели,
Взоры к морю обращали:
Та ждала, что брат подъедет,
Та отца ждала родного,
Жениха себе иная
Всего больше поджидала.
Увидали в море Каўко,
Прежде судно увидали:
Лодка облаком казалась
Между небом и водою.
И подумали девицы,
Девы острова сказали:
«Что-то чуждое на море,
Что-то странное на волнах.
Если ты корабль из наших,
Если с острова ты лодка,
Поверни домой сейчас же,
Прямо к острову на пристань,
Чтобы новости с чужбины
И известья мы узнали,
Что народ приморский: мира
Иль войны теперь желает?»
Гонит лодку ветер дальше
И качают сильно волны,
Гонит лодку Лемминкейнен,
Мчит кораблик на утесы,
Гонит быстро на мысочек,
К брегу острова крутого.
И, придя туда, спросил он,
Появившись, так промолвил:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы вытащить мне лодку,
На сухом поставить месте?»
Девы острова сказали,
Так девицы отвечали:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где втащить ты можешь лодку,
На сухом поставить месте.
Здесь катки тебе готовы,
Полон пристанями берег,
Будь с тобой хоть сотня лодок,
Хоть бы тысячу привел ты».
Тут веселый Лемминкейнен
Лодку вытащил на землю,
На катки челнок поставил,
Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой
От большого шума битвы,
От игры мечей звенящих?»
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой.
Есть на острове и замки,
И дворов прекрасных много.
Пусть хоть сто мужей приходят,
Пусть хоть тысяча героев».
Тут веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Часть березового леса
Иль другой земли кусочек,
Где б леса я повалить мог,
Приготовить землю к пашне?»
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Нет на острове местечка,
Нет земли в полянах этих
Даже в кадку шириною,
В ширину спины не будет,
Где бы лес мог порубить ты,
Приготовить землю к пашне.
Земли все здесь поделили,
Все размерены поляны,
Лес по жребию весь роздан,
Все луга уж у хозяев».

Так спросил их Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Есть на острове местечко,
Есть пространство на полянах,
Где бы мог пропеть я песни,
Мог начать надолго пенье?
На устах слова уж тают,
Уж из десен вырастают».
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
«Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где пропеть ты можешь песни
И начать искусно пенье,
Где играть ты можешь в роще
И плясать ты можешь в поле».
И веселый Лемминкейнен
Тотчас начал свои песни:
На дворе рябин наделал,
На поляночке дубочков,
На дубах большие ветви,
Жолудей на ветках сделал,
А на них златые кольца,
А на кольцах по кукушке.
Как начнет кукушка кликать,
Выйдет золото из клюва,
А с боков все медь стекает,
Серебро сбегает книзу,
На холмочки золотые,
На серебряные горки.
Пел и дальше Лемминкейнен,
Пел и делал заклинанья:
Обращал песок он в жемчуг,
Камни делал с чудным блеском,
А деревья с красным цветом
И цветочки золотые.
Пел все дальше Лемминкейнен:
На дворе колодец сделал
С золотой прекрасной крышкой,
А на крышке сделал ковшик,
Чтобы юноши здесь пили,
Чтоб глаза девицы мыли.
Сделал он пруды в полянах,
На прудах же — синих уток,
Златощеких, сребroглавых,
Пальцы медные у уток.
Девы острова дивились,
Те девицы изумлялись
Лемминкейнена напевам,
Всем заклятиям героя.
И сказал им Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Я прекрасно спел бы песню,
Я прекрасно б начал пенье,
Если б был я где под крышей,
На конце стола сидел бы.
Коль избы здесь не найдется,
Если на пол я не стану,
Все мои заклятья в рощу,
Песни в лес я побросаю».
Девы острова сказали,
Так надумали девицы:
«Для жилья найдутся избы
И дворы, где жить удобно,
Чтобы с холода взять песню,
Взять слова твои снаружи».
Начал пенье Лемминкейнен:
Как вошел в избу, тотчас же
Сделал кружки чародейством,
По краям стола расставил;
Эти кружки с пивом были,
Кувшины с питьем медовым,
Блюда полные до верху,
Чашки в уровень с краями;
Много было в кружках пива,
В кувшинах довольно меду.
Был большой запас там масла,
Много было там свинины,
Чтоб поел сам Лемминкейнен,
Чтоб был сыт Каукомиэли.
Лемминкейнен очень важен:
Он иначе есть не может,
Как чтоб в золоте был ножик
И с серебряною ручкой.
Взял серебряную ручку,
Золотой клинок напел ей,
Ел он, сколько захотелось,
С удовольствием пил пиво.
И прошел тут Лемминкейнен
Все деревни по порядку
Девам острова на радость,
Им, кудрявым, на отраду.
Головой лишь повернется,
Поцелуй ему навстречу,
Лишь куда протянет руку,
А ее уж и хватают.

Отправлялся на ночевки,
К девам тайно пробирался.
Деревень там было много
И дворов с десяток в каждой,
На дворах же этих в каждом
Дочерей десяток было;
И хотя б одна осталась
Из девиц прекрасных этих,
Чтоб он с ней не развлекался,
Руки ей не утомил бы.
Сотня вдов ему досталась,
Целой тысячей невесты,
Двух в десятке не осталось,
Не осталось трех из сотни
Там девиц не обольщенных
И тех вдов не увлеченных.
Жизнь проводит он в веселье,
На том острове три лета,
В деревнях больших живет он
Девам острова на радость,
Многим вдовам на отраду.
Так живет Каукомиэли,
Не порадовал одну лишь,
Только старую девицу,
Что жила в селе десятом,
На конце большого мыса.
Он уж думал о дороге,
Как на родину вернуться,
Вдруг пришла старуха-дева,
Говорит слова такие:
«Каукo, миленький красавчик!
Если ты меня забудешь,
То желаю, чтоб в дороге
Челн твой на утес наехал».
Не вставал он темной ночью,
До петушьей переклички,
Не ходил на радость с девой,
На забаву с той девицей.
Наконец, однажды поздно,
Как-то вечером решил он
Встать до месяца златого,
До петушьей переклички.
Даже раньше он поднялся,
До назначенного часа,
И решил пройти немедля
Все деревни по порядку
И притти на радость деве,
На отраду той старухе.

Он один проходит ночью
Чрез деревни по порядку
На конец большого мыса,
В ту десятую деревню;
Проходя деревню, видит:
На дворах везде три дома,
А в домах он там увидел
В каждом доме три героя.
Из героев этих каждый
Меч оттачивает острый
И топор свой навостряет
Лемминкейнену на гибель.
Тут веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«День чело свое поднимет
И взойдет сияя солнце
Для несчастнейшего мужа,
Злополучному на шею!
Разве Лемпо уж героя
Защитит своей рубашкой,
Иль своим плащом покроет,
Иль в свою запрячет шапку
Против ста мужей враждебных,
Против тысячи напавших».
Так он деву и не обнял,
Так и страсть свою оставил.
Повернул к своей он лодке,
К челноку пошел несчастный,
А челнок уж стал золою,
В пыль сухую превратился.
Видит он: несчастье близко,
Предстоят ему дни бедствий.
Хочет он челнок устроить,
Лодку новую построить,
Но деревьев нет для стройки,
Нет досок, чтоб сделать лодку,
Видит дерева кусочки,
Вовсе малые дощечки,
Пять кусочков от катушки,
Шесть осколков веретена.
Он из них челнок устроил,
Лодку новую сготовил,
Все своим искусством сделал,
Мудростью своей устроил.
Он в один удар пол-лодки,
А в другой и всю достроил,
В третий раз еще ударил,—
Лодка новая готова.



Он толкнул ее на волны,
Свой челнок спускает в воду,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Как пузырь, плыви по волнам,
Как цветочек, по теченью!
Дай три перышка, орел, мне,
Три, орел, и два дай, ворон,
Для устойчивости лодки,
На плохой челнок брусками».
Он на дно садится в лодку,
В задней части поместился,
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась.
Уж не смел теперь он ночью,
Днем не смел он оставаться
Девам острова на радость,
Где кудрявые плясали.
И промолвил Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Должен молодец проститься,
Бросить здешние жилища,
Бросить радости девичьи,
Пляски девушек прекрасных.
При моем теперь прощаньи,
При моем отсель отъезде
Здесь не радуются девы,
Не играют молодые;
Здесь полны печали избы
И дворы полны несчастья».
Девы острова горюют,
На мыске девицы плачут:
«Что ты едешь, Лемминкейнен,
Отчего, герой, уходишь?
Иль здесь много дев стыдливых,
Или женщин тебе мало?»
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли:
«Нет, здесь девы не стыдливы,
Женщин вовсе мне не мало:
Сотню женщин мог бы брать я,
Дев хоть тысячу имел бы.
Оттого я, Лемминкейнен,
Оттого, герой, я еду,
Что меня желанье мучит,
Как бы родину увидеть,
У себя брать землянику,
На своей горе малину,
Дев на собственном мысочке,
Кур иметь в своем жилище».
И поехал Лемминкейнен
На кораблике по морю.
Прилетел к той лодке ветер,
Волны вышли гнать кораблик
По спине синевшей моря,
По открытому теченью.
А по бережку, бедняжки,
На камнях стояли девы:
Девы острова горюют,
Плачут девы золотые.
До тех пор горюют девы,
До тех пор девицы плачут,
Как виднеется там мачта
И железные колечки.
Они плачут не о мачте,
Не о кольцах из железа,
А о мужс что у мачты,
Паруса что направляет.
Плакал тоже Лемминкейнен,
Он печалился от горя,
Как еще был виден остров
И едва виднелись горы.
Не об острове он плакал,
Не оплакивал он горы —
Дев на острове жалел он,
Он жалел гусынь нагорных.
Проезжает Лемминкейнен
По волнам на синем море,
Едет день, другой день едет,
Но на третий день внезапно
Загудел вдруг сильный ветер,
Зашумел прибрежный воздух:
Буря с острова неслася,
Ветры резкие с востока
Разорвали бок у лодки,
Челнока изгиб расшибли.
И свалился Лемминкейнен,
Он упал руками в воду;
Быстро пальцами гребет он
И ногой в волнах он правит.
Дни он плавает и ночи,
Изо всей гребет он силы.
Вдруг на западе увидел,
Словно облачко нависло;
Облачко землею стало
И мысочком обратилось.

Стал на землю, в дом он входит;
Там печет хозяйка хлебы,
Ее дочки тесто месят.
«О ты, добрая хозяйка!
Если б знала ты мой голод
И мою беду узнала,
Ты в чулан бы поспешила,
Ты пошла б в подвал за пивом,
Принесла б кувшинчик пива,
Принесла б кусок свинины;
Ты изжарила б свинину
И помазала бы маслом,
Чтоб насытился усталый,
Чтоб герой здесь пива выпил.
Плавал я и дни и ночи
По волнам широким моря;
Охраняли меня ветры
А ласкали волны моря».
Вышла добрая хозяйка
В кладовую на пригорке
И взяла в чулане масла,
Принесла кусок свинины
И изжарила свинину,
Чтоб насытился голодный;
Принесла кувшинчик пива,
Чтобы выпил утомленный.
Лодку новую подводит,
Челночок вполне готовый,
Чтоб он мог оттуда ехать
На места свои родные.
Вот приехал Лемминкейнен
На места свои родные,
Видит землю, видит берег,
Острова, проливы видит,
Видит пристань, как и прежде,
Видит все места жилые,
Видит ели на пригорке,
По холмам все те же сосны,
Но избы своей не видит:
Не стоят уж больше стены.
Где изба была когда-то,
Там черемушная роща,
Сосны выросли, где двор был,
У колодца можжевельник.
И промолвил Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Я играл вот в этой роще,
По каменьям этим прыгал,
По траве я здесь катался,
Здесь валялся я по пашне.
Кто же снес избу отсюда,
Кто сломал здесь нашу кровлю?
Сожжено мое жилище,
Разнесли весь пепел ветры».
Горько плачет Лемминкейнен,
Плачет день, другой день плачет.
Не оплакивает избу,
Плачет он не о жилище,
Но о милых в том жилище,
Дорогих, в избе той бывших.
Видит он: орел слетает,
Птица в воздухе стремится;
Повернулся и спросил он:
«Ты, орел, большая птица!
Ты не можешь ли поведать,
Где же мать моя осталась,
Что меня в себе носила
И любя меня питала?»
Ничего орел не ведал,
Птица глупая не знала;
Знала только: все скончались,
Знает только: все погибли,
Всех меч острый уничтожил
И убила всех секира.
И промолвил Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Мать, ведь ты меня носила,
Дорогая, ты питала!
Ты мертва, моя родная,
Нет тебя, мать дорогая,
Прахом стало твое тело,
На главе растут уж ели,
Можжевельник там, где пятки,
Ивы выросли на пальцах.
Вот мне глупому награда,
Вот несчастному возмездье,
Вот за то, что меч я мерил,
Что понес мое оружье
Ко двору Похьёлы мрачной,
За черту земли туманной.
Род мой весь погиб за это,
Мать моя лежит убитой».
Он кругом повсюду смотрит,
Видит след едва заметный:
Вот трава прижата следом,
Злаки сильно попримяты.

Он пошел, дорогу ищет,
Смотрит в этом направленьи:
В лес следы идут тропинкой,
Направляются дорожкой.
Он версту идет, другую
И еще прошел немного.
Посреди тенистой чащи
Видит: хижинка ютится
Там между двух скал в ущельи,
В середине меж трех елей,
А в избушке мать он видит,
Седовласую старушку.
Очень рад был Лемминкейнен,
Молодец был рад всем сердцем.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Мать любимая, родная,
Ты жива еще, старушка!
Я уж думал, ты скончалась,
Думал я, что ты убита,
Что мечом тебя сразили,
Что копьем тебя пронзили;
Я уж выплакал все очи,
До стыда наплакал щеки».
Лемминкейнену мать молвит:
«Я жива еще, как видишь.
Я должна была спасаться
Здесь во мраке этой чащи.
Шел войной народ Похьёлы,
И пришла толпа сражаться,
Все тебя они, бедняжку,
Злополучного искали,
Превратили дом наш в золу,
Весь наш двор опустошили».
И сказал ей Лемминкейнен:
«Мать родная, дорогая!
Ты забудь теперь про горе,
Прогони свои печали.
Я избу тебе поставлю,
Вновь построю я получше,
И пойду тогда в Похьёлу,
Уничтожу племя Лемпо».
Лемминкейнену мать молвит,
Говорит слова такие:
«Долго, сын, ты оставался,
Долго, Каўко, там ты пожил,
В отдаленных этих странах,
У чужих дверей скитался,
На мысочке безыменном,
Там на острове далеком».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли:
«Хорошо мне жить там было
И играть весьма приятно:
Там краснеются деревья,
Там поляны голубые,
Там серебряные сосны,
Золотистые цветочки;
Там из меду были горы,
Из яиц куриных скалы;
Мед стекал по веткам елей,
Молоко текло из сосен,
Из плетней лилося масло,
По жердям стекало пиво.
Хорошо мне жить там было,
Оставаться там приятно;
Только плохо мне пришлося,
Проживать там неудобно:
Стали там за дев бояться,
Будто жещины все эти
От меня терпели что-то,
Будто ночью я ходил к ним.
От девиц я только бегал,
Дочерей лишь я боялся:
Вот, как волк свиней боится
Иль как кур боится ястреб».

Руна тридцатая

Лемминкейнен снова отправляется воевать в Похьёлу

Раз веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Вышел самым ранним утром,
Только зорька занималась,
Стал на лодочную пристань,
Корабельную стоянку.
Лодка с крючьями стонала,
Так челнок дощатый плакал:
«Должен я лежать, несчастный,
Должен, жалкий, только сохнуть:
На войну не едет Ахти,
Шесть лет, десять лет не хочет
Серебра искать войною
Или к золоту стремиться».
Тут веселый Лемминкейнен
Бросил в лодку рукавицей,
Опушенною перчаткой,
Говорит слова такие:
«Ты, сосновый, не заботься,
С превосходными боками!
На войну еще пойдешь ты,
Ты поедешь на сраженье,
Полон будешь ты гребцами,
Прежде чем минует завтра».
Ахти к матери подходит,
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, о мать родная,
Не горюй, моя старушка,
Если я уйду отсюда
И пойду на место битвы.
Мне на ум пришло внезапно,
Мысль мозгами овладела —
Истребить народ Похьёлы,
Отомстить негодным людям».
Мать сдержать его хотела,
Говорит ему старушка:
«Не ходи, сыночек милый,
Не сражайся ты в Похьёле:

Смерть тебя постигнуть может,
Скоро можешь ты погибнуть».
Мало думал Лемминкейнен,
Он туда итти решился,
Там разрушить все поклялся,
Говорит слова такие:
«Где найти бы мне другого,
Где с мечом найти бы мужа,
Чтоб был помощью мне в битве,
Был бы сильному подмогой?
Хорошо знаком мне Кура,
Крепко предан мне Тиэра,[1]
Вот его возьму я лучше;
Он с мечом пойдет за мною
И поможет мне в сраженьи,
Будет сильному подмогой».
Он прошел через деревню,
Ко двору пошел Тиэры
И, придя туда, промолвил,
Так сказал он, появившись:
«Друг любезный мой Тиэра,
Мой любезный, дорогой мой!
Помнишь ты былое время,
Как мы оба вместе жили,
Сообща с тобой ходили
На поля больших сражений?
Деревень прошли мы много,
Десять изб в деревне было,
В этих избах все герои,
По десятку было в каждой;
Из героев не осталось,
Из мужей сильнейших этих,
Чтоб кого мы не убили,
Чтоб кого не поразили».
У окна отец Тиэры
Вырезал древки для копий;
У чулана на пороге
Мать сбивала масло в кадке;
У ворот трудились братья,
Там сколачивали сани;
У мосточка были сестры,
Мыли теплые платочки.
От окна отец промолвил,
Мать с порога у чулана,
От ворот сказали братья,
Сестры молвили с мосточка:
«Биться некогда Тиэре,
Воевать копьем не время:
Заключил Тиэра сделку,
По рукам уже ударил;
Он ведь только что женился,
Взял недавно он хозяйку
И грудей еще не тронул,
Не прижал ее он к груди».
На печи лежал Тиэра,
На краю лежал тот Кура;
Наверху обул он ногу,
На скамье обул другую,
У ворот надел он пояс;
Застегнулся уж снаружи,
И копье схватил Тиэра.
То копье не из великих,
Также не из очень малых,
Так оно — длиной из средних:
На конце стоит лошадка,
По древку бежит жеребчик,
А на ручке воют волки,
На кольце рычат медведи.
Вот копьем он потрясает,
Потрясает и качает,
На сажень древко бросает
В пашню с глинистою почвой,
В твердый луг копье вонзает,
В землю ровную, без кочек.
И потом копье он бросил
Близ копья Каўкомиэли
И поспешно устремился,
Как товарищ Ахти в битве.
Ахти, тот островитянин,
Оттолкнул челнок свой в воду,
Как змею между колосьев,
Как живучую гадюку,
И поехали на север,
Едут на море Похьёлы.
Тут хозяйка Сариолы
Вызвала мороз ужасный
На морскую зыбь Похьёлы,
На открытое теченье;
Говорит слова такие
И такие наставленья:
«Ты, морозец, мой сыночек,
Мной воспитанный малютка!
Ты иди, куда пошлю я
И куда тебя отправлю.
Заморозь ты лодку Ахти,
Челночок Каўкомиэли

На хребте блестящем моря,
По открытому теченью.
Пусть замерзнет сам хозяин,
В море мерзнет тот веселый,
Чтоб оттуда он не вышел
Никогда, пока живешь ты,
Коль сама я не избавлю,
Коль ему не дам свободы».
Сын дрянного поколенья,
Юный, с нравами дурными,
Стал мороз морозить море,
Стал он связывать теченье;
А пока он шел до цели,
По земле пока влачился,
Взял всю зелень у деревьев,
У травы побрал все семя.
А когда туда пришел он,
К берегам морским Похьёлы,
К бесконечному прибрежью,
То сначала заморозил
Ночью бухты и озера,
Сделал твердым берег моря —
Моря самого не тронул,
Не связал еще теченья.
На хребте морском был зяблик,
На волнах там трясогузка:
Когти зяблика не мерзли,
Голова не цепенела.
Но второю ночью начал
Он все дальше простираться
И совсем уж стал бесстыдным,
Вырос с дерзостью ужасной;
Все сполна он стал морозить,
Холодить с ужасной силой:
Лед он сделал выше лося,
Набросал на сажень снегу,
Заморозил лодку Ахти,
На волнах челнок у Каўко.
Самого хотел он Ахти
В этих льдинах заморозить:
На руках уж тронул пальцы,
До ножных стал добираться.
Рассердился Лемминкейнен,
Рассердился, обозлился,
Он в огонь мороз толкает
И теснит его к горнилу.
Он схватил мороз руками,
Кулаками держит злого,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Сын ты северного ветра,
Сын зимы, мороз ты злобный!
Не зноби ручных мне пальцев,
Ног моих ты не касайся
И ушей моих не трогай,
Головы не смей касаться!
Есть и так тебе работа,
Можешь многое морозить,
Ты оставь людскую кожу,
Тело матерью рожденных:
Ты морозь болота, землю
И холодные каменья,
На воде морозь ты ивы,
Пусть расколются осины,
Облупи кору с березы,
Раздирай большие сосны,
Но не тронь людскую кожу,
Волоса женой рожденных.
Если этого все мало,
Ты морозь еще другое:
Раскаленные каменья
И горячие утесы,
Скалы, полные железом,
Горы дикие со сталью;
Пусть Вуокса цепенеет,
Остановится Иматра,
Ты заткни пучине глотку,
Укроти ее свирепость.
Иль сказать твое начало,
Объявить происхожденье?
Знаю я твое начало,
Верно знаю, как ты вырос.
Родился на ивах холод,
Сам мороз пошел с березы,
Возле дома в Сариоле,
У избы страны туманной,
От отца, что был злодеем,
И от матери бесстыдной.
Кто ж вспоил мороз на ивах.
Кто же придал злому силы?
Мать его была без груди,
Молока совсем не знала.
Там его вспоили змеи,
Там гадюки насыщали.
Не свежо их вымя было,
Без концов у змей сосочки.

Там мороз качала буря,
Ветер северный баюкал
На дурной воде меж ветел,
На источниках болотных.
Был воспитан мальчик плохо,
Приобрел дурные нравы.
Не имел еще названья
Тот испорченный ребенок.
Наконец уж дали имя:
Стал Морозом называться.
Жил затем он по заборам,
По кустарникам таскался,
Летом плавал он в потоках,
По верхам болот широких,
По зимам шумел он в елях,
Бушевал в сосновых рощах
Иль гудел в лесах, в березах
Иль неистовствовал в ольхах.
Мерзнут травы и деревья,
Выровнял мороз поляны,
Покусал листы с деревьев,
Снял у вереска цветочки,
Покусал кору у сосен,
Пощипал у елок корку.
Ты велик уж что-то слишком,
Чересчур высоко вырос.
Ты меня морозить хочешь,
Чтоб мои распухли уши,
Хочешь ты отнять мне ноги
И концы похитить пальцев?
Перестань меня морозить,
Перестань знобить столь сильно:
Я огонь в чулки засуну,
В башмаки большое пламя,
Наложу углей по складкам,
Под ремни напрячу жару,
И мороз меня не схватит,
Холод тронуть побоится.
Прогоню тебя далеко,
К дальним северным пределам;
И когда туда прибудешь,
Как ты родины достигнешь,
Застуди котлы немедля,
В очаге печном все угли,
Руки женщин в вязком тесте,
На груди у жен младенцев,
Молоко у всех овечек,
Жеребенка в кобылице.
Если ж этого все мало,
Прогоню тебя отсюда
В кучу угольев у Хиси,
На печной очаг у Лемпо.
Ты в огонь туда проникни
И садись на наковальню,
Чтоб кузнец тебя помял там
Молотком и колотилом,
Молотком чтоб бил сильнее,
Раздробил бы колотилом.
Если ж этого все мало
И ты слушаться не хочешь,
Знаю я другое место,
Подходящее местечко:
Поведу твой рот я к лету,
Твой язык в его дом теплый,
Чтоб всю жизнь ты там остался.
Никогда б назад не вышел,
Если я не дам свободы,
Сам не выпущу оттуда».
Вот сын северного ветра,
Тот мороз беду заметил;
Сам уж милости он просит,
Говорит слова такие:
«Так давай мы сговоримся
Не вредить один другому
Никогда, ни в кое время
И пока сияет месяц.
Коль услышишь, что морожу,
Что веду себя я дурно,
Ты в огонь меня направишь
И толкнешь в большое пламя,
Меж кузнечными углями
К Илмаринену в горнило,
Отведешь мой рот ты к лету,
Мой язык в его дом теплый,
Чтоб всю жизнь я там остался,
Никогда б назад не вышел».
Так веселый Лемминкейнен
Лодку там во льду оставил,
Свой челнок военный в льдинах,
Сам пошел дорогой смело,
И идет за ним Тиэра,
Вслед за другом, за веселым.
По льду ровному ступает
И идет по глади Ахти.
День идет так и другой день,
Наконец, уже на третий,

Показался мыс Голодный;
Там дрянная деревушка.
В крепость мыса входит Ахти,
Говорит слова такие:
«Есть, конечно, мясо в замке,
На дворе найдется рыба
Для героев утомленных,
Для мужей, ослабших сильно?»
Не нашлося в замке мяса,
На дворе на этом рыбы.
И промолвил Лемминкейнен,
Молодец Каӯкомиэли:
«Пусть огонь пожжет здесь замок,
Пусть снесет его водою».
И пошел оттуда дальше,
По пустым местам идет он,
Где совсем жилья не видно,
По дорогам неизвестным.
Собирает Лемминкейнен,
Молодец Каӯкомиэли,
Мягкий пух по всем каменьям
И волокна по утесам;
Он связал чулки поспешно,
Рукавицы быстро сделал,
Чтоб мороза не бояться,
Ни неистовства злой стужи.
Он пошел искать дорогу
И изведать направленье:
Путь прямой тянулся к лесу,
В лес дорога направлялась.
И промолвил Лемминкейнен,
Молодец Каӯкомиэли:
«О Тиэра мой любезный,
Плохо нам с тобой пришлося!
Дни и месяцы блуждая,
Вечно странствовать мы будем».
Тут Тиэра так ответил
И такие речи молвил:
«Месть нам бедным угрожает
И погибель нам несчастным;
Для войны сюда пришли мы,
В вечно мрачную Похьёлу,
Чтобы жизнь свою оставить,
Навсегда самим погибнуть
На местах, совсем негодных,
На дорогах неизвестных.
Никогда мы не узнаем,
Не узнаем и не скажем,
По какой идем дороге,
По какой пошли тропинке,
Чтоб погибнуть здесь у леса,
Умереть здесь на равнинах,
Здесь, где ворон лишь родится
И живут в полях вороны.
Смело вороны потащут,
Понесут здесь злые птицы,
Тело наше расхватают,
Жадно выпьют кровь вороны,
Клювы вороны запустят
Смело в трупы нас, несчастных,
Понесут на камни кости,
На скалистые утесы.
Мать, бедняжка, знать не будет,
Мать несчастная, родная,
Где ее осталось тело
И где кровь ее сбегает: [2]
На равнинах ли болотных
Иль в сражении жестоком,
На хребте ль большого моря,
По обширному теченью,
На горе ль, где много сосен,
По дороте ли к кусточкам.
Ничего мать не узнает
О несчастнейшем сыночке:
Будет думать, что он умер,
Будет мыслить, что погиб он.
Мать тогда заплачет горько,
Причитать начнет старушка:
«Там теперь мой сын, бедняжка,
Там любимец мой несчастный:
Сеет он посев Туони,
Боронует поле Калмы.
Милый сын теперь навеки,
Навсегда дал отдых луку,
Полный отдых дал оружью,
И оружие засохнет,
Птицы могут откормиться,
В рощах рябчики жить могут,
Без боязни жить медведи,
На полях пастись олени».
Отвечает Лемминкейнен,
Молодец Каӯкомиэли:
«Мать несчастная, родная,
Ты меня в себе носила!
Кур ты выходила много,
Лебедей большую стаю;

Вдруг их всех развеял ветер,
Лемпо был — их всех рассыпал,
Ту сюда, туда другую
И загнал куда-то третью.
Помню я былое время,
Помню дни, что были лучше:
Выступал цветком я дома,
Точно ягодка, ходил я.
Кто на нас, бывало, взглянет,
Удивится, как растем мы.
Но совсем иначе стало
В это бедственное время:
Знаем мы теперь лишь ветер,
Видим мы теперь лишь солнце,
Но его скрывают тучи,
Дождь собою закрывает.
Но все это мне не страшно,
А моя о том забота:
Хорошо ль живут девицы,
Как прекрасные играют,
И как женщины смеются,
Как невесты распевают,
И не плачут ли от горя,
Не страдают ли от скорби?
Нет пока здесь чародейства
Против нас и нет заклятий,
Чтоб мы умерли в дороге,
Чтоб в пути мы здесь погибли,
Чтобы юные свалились
И столь бодрые пропали.
Коль чаруют чародеи,
Колдуны коль здесь колдуют,
Пусть их чары обратятся
На жилища их родные;
Пусть колдуют друг на друга,
На детей наводят чары,
Род свой быстро умерщвляют
И родных уничтожают.

Никогда отец мой прежде,
Этот старец седовласый,
Колдунам не поклонялся
И не чтил сынов лапландских.
Так говаривал отец мой,
Так и я теперь промолвлю:
«Защити, творец могучий,
Огради, о бог прекрасный,
От мужских коварных мыслей
И от замыслов злых женщин,
От злой речи бородатых,
От злой речи безбородых,
Будь мне вечною защитой,
Будь надежною охраной,
Чтоб дитя не заблудилось,
Чтоб сын матери не сбился
На пути творца благого,
На дороге, богом данной!»
Тотчас сделал Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Из забот коней рысистых,
Вороных коней из скорби,
А узду из дней печальных
И седло из тайных бедствий:
На спине коня уселся,
На лошадке этой пегой,
Едет он тяжелым шагом,
Рядом едет с ним Тиэра.
Он с трудом по взморью едет,
По песку едва плетется,
Едет к матери любезной,
К ней туда, к седой старушке.
Я теперь бросаю Кауко,
Долго петь о нем не буду;
Я отправил в путь Тиэру,
Пусть на родину он едет;
Сам же пенье поверну я,
Поведу другой тропою.

Руна тридцать первая

Рождение и воспитание Куллерво

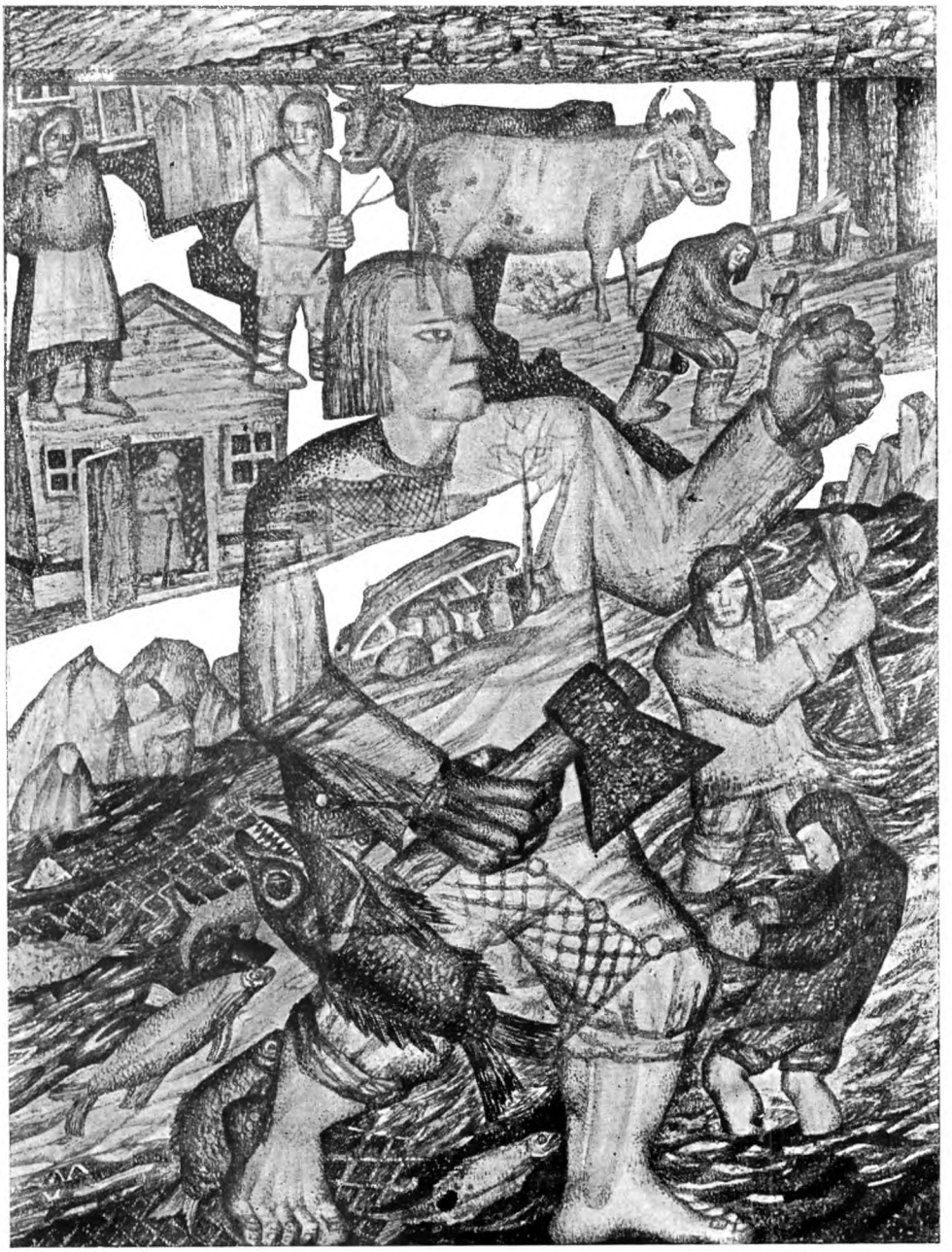
Воспитала мать цыпляток,
Лебедей большую стаю,
Привела цыплят к насести,
Лебедей в реку пустила.
Прилетел орел, спугнул их,
Прилетел, рассеял ястреб,
Разогнал крылатый деток:
Одного унес в Карьялу,[1]
А в Россию взял другого,
Дома третьего оставил.
Тот, кого он взял в Россию,
Вырос там и стал торговцем.
Унесенный им в Карьялу
Вырос с именем Калерво,[2]
А оставленный им дома
Был по имени Унтамо.[3]
Он принес отцу несчастье,
Сердцу матери печали.
Ставит сети Унтамойнен[4]
Там, где тони у Калерво.
Калервойнен[5] видит сети,
В свой мешок берет всю рыбу,
Но зломыслящий Унтамо
Обозлился, рассердился,
В бой свои пускает пальцы
И в борьбу пускает руки
За остатки этой рыбы,
За окунью эту мелочь.
Оба бились и боролись,
Не могли побить друг друга:
Сильно бьет один другого,
Получая сам-удары.
Наконец, уже в другой раз,
На второй день иль на третий,
Свой овес Калерво сеет
За жилищем у Унтамо.
Вот овца Унтамо дерзко
Тот овес Калерво съела,

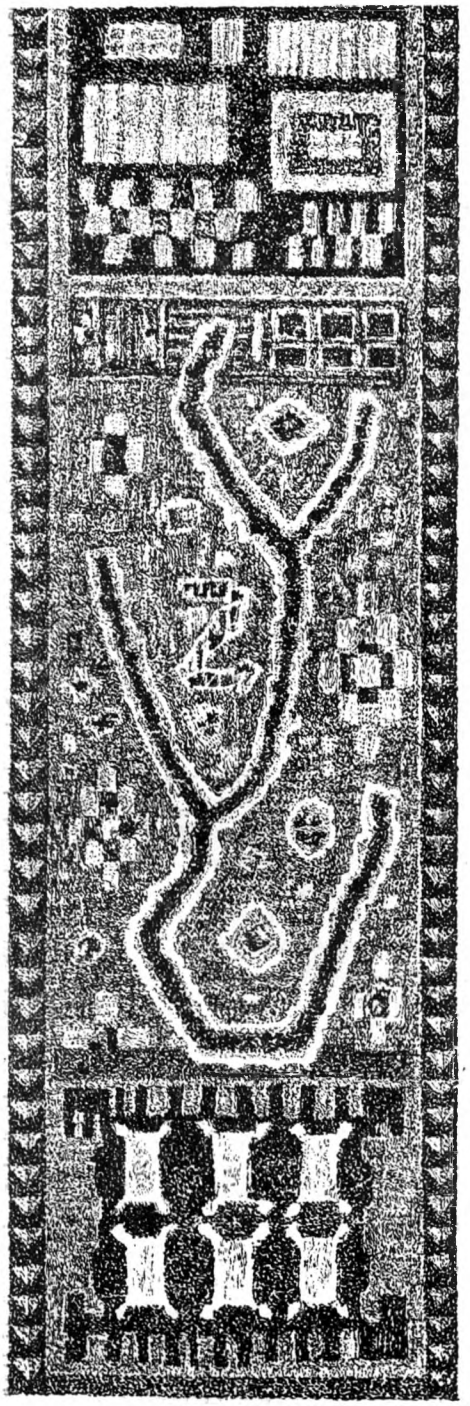
Но свирепый пес Калерво
Разорвал овцу Унтамо.
Унтамойнен угрожает
Своему Калерво брату,
Что убьет весь род Калерво,
Всех от мала до велика,
Уничтожит всех домашних
И пожжет у них жилища.
Он мужей снабдил мечами,
Храбрецам дает оружье,
Молодым на пояс копья, [6]
Топоры дает красавцам,
И пошел он, чтоб сражаться
Против собственного брата.
Вот невесточка Калерво
У окна как раз сидела;
И в окно она взглянула,
Говорит слова такие:
«Дым, должно быть, там поднялся
Или темная, что ль, туча
На краю вон той поляны,
На конце дороги новой».
То не туча поднималась,
То не дым густой стелился:
Храбрецы Унтамо вышли,
Шли к Калерво на сраженье.
Вот пришли с мечами мужи,
Храбрецы пришли Унтамо,
Всех убили у Калерво,
Все его большое племя,
И дотла весь двор спалили,
Весь с землей его сравняли.
Лишь одна Калерво дева [7]
Там спаслась с плодом во чреве.
Увела толпа Унтамо
И ее домой с собою,
Чтоб мела она там избы,
Пол почище подметала.
Мало времени проходит —
Родился малютка-мальчик
От той матери несчастной.
Как назвать того малютку?
Называет мать: Куллерво, [8]
А Унтамо прозвал: Воин.
Положили тут малютку,
Без отца того ребенка,
Чтоб качался в колыбели,
Чтобы двигался он в люльке.
Вот качается он в люльке,
Волосами повевает.
День качается, другой день,
Но когда настал уж третий,
Вдруг толкнул ногами мальчик,
Взад, вперед толкнул ногами,
С силой сбросил свой свивальник
И ползет на одеяло:
Поломал из липы люльку,
Разорвал свои пеленки.
Обещает выйти мужем
И, казалось, будет бравым.
Ожидает Унтамола, [9]
Что, когда войдет он в возраст
И получит смысл и силу,
Будет мужем, как и надо,
Будет стоить сотни сильных
Или тысячи, пожалуй.
Два, три месяца растет он,
Но уже на третий месяц,
Бывши ростом по колено,
Так раздумывать он начал:
«Если б вырос я побольше,
Получил бы в теле силу,
За отца я отомстил бы
И за скорбь моей родимой».
Услыхал ту речь Унтамо,
Сам сказал слова такие:
«В нем семье моей погибель,
В нем растет второй Калерво».
Размышлять тут стали мужи,
Стали женщины тут думать:
Как бы мальчика запрятать,
Как бы вовсе уничтожить?
Вот его сажают в бочку,
Вот запрятали в боченок,
Отнесли ребенка в воду,
Опустили на теченье.
Посмотреть потом приходят,
Как прошло уже три ночи:
Погрузился ль мальчик в воду,
Не погиб ли он в боченке?
Но в воде не утонул он,
Не погиб в своем боченке.
Из боченка мальчик выполз,
На хребте волны уселся,
Удочку из меди держит,
Палку с шелковою леской;

Ловит мальчик в море рыбу,
Измеряет в море воду:
В море там воды немного,
Разве будет на две ложки,
Если ж все совсем измерить,
Будет несколько на третью.
Унтамойнен рассуждает:
«Как бы справиться с ребенком?
Как навлечь ему несчастье,
Чтобы смерть его настигла?»
Вот рабам своим велит он
Взять березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Чтобы сжечь на них ребенка,
Чтоб Куллерво уничтожить.
Вот собрали, наложили
Там березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Тысячу саней бересты,
Ясеня сто сажен полных.
Был огонь в поленья брошен
И по куче разошелся;
В кучу бросили ребенка,
В самый жар туда, в середку.
День там жгут его, другой день,
Жгут его еще и третий.
Вот пришли туда и видят:
До колен сидит он в пепле,
До локтей зарылся в золу,
Кочергу руками держит,
Увеличивает пламя,
Разгребает ею угли;
Волоска не потерял он,
Ни одной не сжег кудряшки.
Рассердился Унтамойнен:
«Что же делать мне с ребенком,
Чтобы умер ненавистный,
Чтобы смерть его постигла?»
И на дерево повесил,
Притянул ребенка к дубу.
Вот проходит уж три ночи,
Столько ж дней проходит также.
Размышляет Унтамойнен:
«Посмотреть пойти бы время,
Не погиб ли уж Куллерво,
Там не умер ли на дубе?»
И раба он посылает.
Так ответ слуга приносит:
«Не погиб и здесь Куллерво,
Там на дереве не умер:
На коре рисунки режет,
У него в ручонках гвоздик;
Все деревья там в рисунках,
Весь тот дуб кругом изрезан;
Он мужей с мечами сделал,
По бокам приделал копья».
Ничего не может сделать
С этим мальчиком Унтамо:
Как бы смерть ни приготовил,
Как бы гибель ни измыслил,
Все не гибнет этот мальчик,
Нет погибели на злого.
Наконец, уж утомился,
Погубить его желая:
Он воспитывать решился,
Как свое дитя, Куллерво.
Унтамойнен так промолвил,
Говорил слова такие:
«Поведешь себя пристойно,
Будешь жить, как подобает —
Так останься в здешнем доме
И работай, как служитель.
Будешь ты иметь и плату,
По заслугам ты получишь:
Поясок себе на тело
Или по уху удары».
И еще подрос Куллерво,
На четверть еще повыше.
Вот послал его Унтамо,
Чтобы он имел занятье;
Дал ему ребенка няньчить,
Дал ребенка ростом с палец:
«Ты смотри за ним прилежно,
Дай поесть и сам ешь вместе,
Постирай в реке пеленки,
Вымой платьице ребенка».
Няньчит день, другой — ломает
Ему ручки, колет глазки,
А на третий день больного
Доконал совсем ребенка,
Побросал пеленки в реку,
Сжег дитяти колыбельку.
Размышляет Унтамойнен:
«Вижу, что не будет годен

За детьми ходить Куллерво
И качать ребенка с пальц.
И на что он только годен,
И к чему его приставить?
Подсечет лесочек разве?»
Посылает в лес на рубку.
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Вот тогда я стану мужем,
Как топор дадут мне в руки,
Буду лучше я, чем прежде,
Посмотреть приятно будет:
Пятерых мужчин сильнее,
Шестерых я крепче буду».
К кузнецу пошел к горнилу,
Говорит слова такие:
«Ты, кузнец, послушай, братец:
Скуй получше мне топорик,
Как герою, мне секиру,
Мне железную по силам;
В лес иду я на подсечку,
Там хочу рубить березы».
И кузнец, что нужно, сделал;
Он топор сковал поспешно,
И топор по мужу вышел,
По работнику железо.
Сын Калерво, тот Куллерво,
Свой топор железный точит,
Целый день топор готовит,
К ночи занят топорищем.
В лес затем итти собрался
Старые рубить деревья,
Строевого ищет лесу
И деревьев самых крепких.
Топором деревья рубит,
Лезвием их рубит гладким,
Крепкий ствол одним ударом,
А похуже — в пол-удара.
Пять деревьев повалил он,
Восемь там стволов огромных,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Пусть работает здесь Лемпо,
Пусть разрубит Хиси балки».
Топором по пню ударил,
Поднял шум большой по лесу,
Засвистал по лесу громко,
Говорит слова такие:
«Пусть настолько лес валится,
Лягут стройные березы,
Сколько голос мой здесь слышен,
Сколько свист мой здесь хватает!
Пусть ни веточка не выйдет,
Ни один не выйдет стебель,
Никогда, ни в кое время,
И пока сияет месяц,
Там, где рубит сын Калерво,
Где молодчик новь расчистил.
Если землю здесь засеют,
Выйдут новые посевы,
Выйдут всходы молодые,
Всходы станут стебелиться, —
Пусть они не колосятся,
Никогда не выйдут в колос».
Унтамойнен, муж отважный,
Посмотреть тогда приходит,
Как подсек тот лес Куллерво,
Как срубил работник новый:
Не годилась та работа,
Не годится и подсечка.
Размышляет Унтамойнен:
«И на это не годится!
Бревна лучшие испортил,
Строевые все деревья.
Для чего он только годен,
Что я дам ему работать?
Заплетет плетень, быть может?»
Заплести плетень велит он.
И Куллерво, сын Калерво,
Заплетать плетень собрался:
Взял стволы большие сосен
И, как колья, их поставил,
Ели целые лесные
Для плетня жердями ставил,
А для этих кольев связки
Из рябин огромных сделал
И плетень сплошной устроил,
Без ворот его оставил.
Говорит слова такие:
И такие речи молвит:
«Кто летать не может птицей
И на двух подняться крыльях,
Тот сюда войти не может
Чрез сплошной плетень Куллерво».
Вышел из дому Унтамо,
Посмотреть сюда приходит,

Как заплел плетень Куллерво,
Раб его, в войне добытый.
Вот плетень сплошной он видит:
Без прорубок, без отверстий
На земле плетень поставлен
И до облака поднялся.
Говорит слова такие:
«И на это не годится!
Он плетень сплошной мне сделал,
Без ворот его он вывел,
От земли довел до неба,
К облакам его он поднял:
Чрез плетень нельзя пройти мне,
Нет отверстия для входа.
Для чего он только годен,
Для какой такой работы?
Разве пусть мне рожь молотит?»
Молотить его заставил.
И Куллерво, сын Калерво,
Молотить рожь начинает:
В пыль он зерна обращает
И в мякину всю солому.
Вот приходит сам хозяин,
Посмотреть туда приходит,
Как молотит сын Калерво,
Бьет цепом по ржи Куллерво:
Рожь летит там тонкой пылью,
А солома вся трухою.
Рассердился Унтамойнен:
«Никуда слуга не годен!
Что ни дам ему работать,
Всю работу он испортит.
Отвести ль его в Россию
Иль продать его в Карьялу,
Илмаринену на кузню,
Чтоб там молотом махал он?»
Продал он Калерво сына.
И купил его в Карьяле
Сам кователь Илмаринен,
Тот кузнечный славный мастер.
Цену дал кузнец какую?
Цену дал кузнец большую:
Два котла он отдал старых,
Три куска железных крючьев,
Кос пяток он дал негодных,
Шесть мотык плохих, ненужных
За негодного парнишку,
За слугу весьма плохого.





Руна тридцать вторая

Куллерво служит пастухом

Вот Куллерво, сын Калерво,
Юноша в чулочках синих,
В золотых прекрасных кудрях,
В башмаках красивой кожи,
К кузнецу пришел в жилище;
У хозяина он просит
Тотчас на вечер работы,
У хозяйки же на утро:
«Мне назвать работу нужно,
Указать мою работу:
Что я должен здесь работать
И какое делать дело?»
Илмаринена хозяйка
Размышлять об этом стала:
Что раб должен бы работать,
Делать купленный служитель.
Пастухом его послала,
Сторожить стада велела.
Насмех сделала хозяйка,
Кузнечиха для обиды:
Пастуху готовит хлебец,
Хлеб печет довольно толстый,
Верх пшеничный, низ овсяный,
И кладет в середку камень.
Мажет хлеб негодным маслом.
Мажет жиром корку хлеба
И слуге тот хлеб вручила,
Пастуху на пропитанье.
Так сама слугу учила,
Говорит слова такие:
«Этот хлеб ты ешь не раньше,
Чем ты стадо в лес загонишь».
Илмаринена хозяйка
Выпускает свое стадо,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«В лес коров я выпускаю,
Я тоню молочных в поле,

По осинам прямороги́х,
По березам кривороги́х,
Чтобы жиру набира́лись,
Чтобы салом запаса́лись
На лесных полянах чистых,
Посреди широких рощиц,
Средь березников высоких,
Средь осин, расту́щих туго́,
В золотых лесах еловых
И в серебряных дубравах.
Ты спаси их, добрый боже,
Защити, творец могучий,
Огради их от несчастья
И спаси от всяких бедствий,
Чтоб беда их не постигла,
Чтоб им не было позора.
Как ты дома охранял их,
Защища́л их за оградой,
Так храни их на свободе,
Защищай их вне ограды,
Чтоб стада лишь поправля́лись,
У хозя́йки скот удался —
Добрым людям на отраду,
А злым людям на досаду.
Пастухи, быть может, плохи
И пастушки не годятся —
Пастухом ты иву сделай
И ольху коровам стражем,
А защитником рябину;
Пусть черемуха их гонит
Раньше, чем хозя́йка выйдет
И пойдет искать прислуга.
Сторожить не будет ива,
За скотом ходить рябина,
Гнать ольха коров не станет,
Гнать черемуха их к дому —
Так пошли кого получше,
Дочерей пошли творенья,
Чтоб мой скот они хранили
И все стадо защища́ли:
У тебя девиц ведь много,
Сотни их тебе послушны,
Что живут в странах воздушных,
Дочки чудные творенья.
Лета дочь, ты, что всех лучше,
Ты, дочь юга, мать творенья,
Ты, дочь елочек, хозя́йка,
Можжевельника дочь, прелесть,
Дочь рябины, ты, малютка,
Дочка Тапио Теллерво,
Миэликки, ты, старушка,
Туликки, лесная дева,
Вы мои стада храните,
Вы за ними уж смотрите,
Вы об них заботьтесь летом,
Как весь лес зазеленеет,
Зашумит листва деревьев,
Заколы́шутся былинки.
Лета дочь, ты, что всех лучше,
Ты, дочь юга, мать творенья!
Разверни край платья мягкий,
Разложи передник белый
И покрой мое им стадо,
Защити моих малюток,
Чтоб злой ветер их не тронул,
Чтобы дождь не повредил им.
Охрани их от несчастья,
Загради тропинки бедствий,
Эти зыбкие болота,
Эти бурные потоки,
Воду, полную движенья,
И глубокую пучину,
Чтоб им не было несчастья,
Чтоб они не повредились,
Увязив копыта в топи,
Погрузившись в потоки,
Против дивной божьей воли,
Всемогущего решенья.
Ты подай рожок пастуший
С высоты небес высоких,
Тот рожок медовый с неба,
Тот рожок со сладким звуком;
Ты подуй в рожок сильнее,
Затруби в рожок звучащий
И пошли цветов на горы,
И укрась травой поляны,
Разукрась получше рощи,
Оживи лесные чащи,
Мед пошли во все болота,
Ты разлей в потоках сладость.
Дай стадам побольше корму,
Напитай моих рогатых,
Накорми медовой пищей,
Напои питьем медовым.
Золотого дай им сена,
Трав с серебряной верхушкой,

Дай им сладостных потоков,
Дай источников бурливых,
Дай шумящих водопадов,
Дай им рек, текущих бурно,
Дай холмов, покрытых златом,
Серебристых дай лесочков.
Ты ключи златые вырой
На лугу, с боков обоих,
Где стада могли б напиться,
Чтобы мед струился сладкий
В пышном вымени коровок,
И в грудях их отягченных
Чтоб сосцы их расширялись,
Молоко текло рекою,
Чтоб лилось оно ручьями,
Чтобы пенилось потоком,
Чтоб трубой бежало шумной,
Чтобы шло кипящим током,
Чтоб всегда оно стремилось,
Через край всегда бежало,
Избегая всяких бедствий,
Не боясь чародеев,
Чтоб не шло оно в Маналу,
Не погиб бы дар прекрасный.
Много есть на свете злобных,
Молоко гонящих к Мане,[1]
Что дары коров бросают,
Их даянье истребляют.
Но не много есть хороших:
Молоко берут у Маны,
Простоквашу из запасов,
Свежее берут на поле.
Не ходила мать, бывало,
На деревню за советом,
За умом к кому другому —
Молоко брала у Маны,
Простоквашу из запасов,
Свежее брала на поле.
Молоко брала далеко,
И оно прекрасно было:
Шло оно из Туонелы,
Из земли шло, из Маналы,
Приходило потихоньку,
В темноте являлось ночью,
Чтоб не слышали дурные,
Чтоб негодные не знали,
Не вредила б ему зависть,
Не губила его злоба.

Так, бывало, мать промолвит,
И сама скажу я так же:
Дар коров куда уходит,
Молоко куда стекает?
Лишь к чужим оно уходит,
На дворах оно в деревне:
На поляне у блудницы,
Там, в руках у непотребной.
Иль, попавши на деревья,
Там в лесу оно пропало,
Расползлось широко в роще,
Излилося на поляны?
Не должно итти в Маналу
Молоко, ни к посторонним,
Попадать в полу блудницы,
Быть в руках у непотребной,
Иль остаться на деревьях,
Пропадать в лесу зеленом,
Расползтись широко в роще
Иль излиться на поляны.
Молоко ведь дома нужно
И всегда в употребленьи:
Дома ждет его хозяйка,
А в руках ее подойник.
Лета дочь, ты, что всех лучше,
Ты, дочь юга, мать творенья!
Покорми ты Сюэтикки,
Попои ты Юотикки,
Молока ты дай Хермикки,
Молока дай Туорикки,
Не забудь ты и Майрикки,
Посвежее дай Омене,[2]
Из верхушек трав прекрасных,
Трав, обильно орошенных,
С мать-сырой земли подай ты
И с медвяного лужочка,
С дерна, сластью облитого,
С почвы, ягодой обильной,
Дай чрез дев цветов в дубраве,
Дай чрез дев травы в поляне,
Через облачную деву,
Через деву высей неба.
Пусть молочное их вымя
Постоянно будет тучным,
Так чтоб их доила даже
Слабосильная служанка.
Выйди из долины, дева,
Из ручья ты поднимися,

О ты, кроткая девица
С телом стройным и прекрасным!
Ты возьми воды в потоке,
Чтоб стада мои омылись,
Чтоб стада получше вышли,
Чтоб хозяйкин скот удался
Раньше, чем придет хозяйка,
Чем увидит их пастушка,
Та неловкая хозяйка,
Неумелая пастушка.
Миэликки, ты, старушка,
Милосердная мать стада!
Ты пошли рабынь повыше,
Ты пошли служанок лучших,
Чтоб смотрели за стадами,
За скотом чтоб наблюдали
Непрестанно этим летом,
Что творец дал на тепло нам,
Что дарует нам всевышний,
Что дает нам милосердый.
Дочка Тапио, Теллерво,
Ты, роскошная дочь леса,
В мягком платье с нежным краем,
С златокудрыми власами,
Ты, что стадо защищаешь!
Сохрани стада хозяйки
Среди ласковой Метсолы,
Среди бдящей Тапиолы!
Охраняй стада получше,
Прилагай заботы больше!
Охраняй рукой прекрасной,
Пальцами чеши и гладь их,
Пусть их шерсть блестит, как рысья,
Пусть блестит, как рыбьи перья,
Пусть блестит, как шерсть тюленя,
Словно шерсть овечки дикой.
Как стемнеет, свечереет,
Сумрак вечера настанет,
Проведи стада мне к дому,
Подведи к очам хозяйки,
Чтоб вода была на спинах
И молочные озера.[3]
А домой уйдет лишь солнце,
Птичка к ночи защебечет,
Ты стадам тогда промолви,
Ты скажи им, криворогим:
«Ну, домой вы, рогоносцы,
Молоко домой несите!
Хорошо вам будет дома,
На земле вам спать там мягко;
По лесам блуждать вам страшно,
Топать шумно по прибрежью.
А как вы домой придете,
Разведет огонь хозяйка
На траве, богатой медом,
На земле, где много ягод».
Ты, сын Тапио, Нюрикки,
Ты, сын леса в синей куртке!
Ты поставь стволов еловых
И с верхушкой стройной сосен,
Постели в грязи мосточки,
По местечкам неудобным,
По трясинам, жидким топям,
По трясущимся болотам;
Проведи ты криворогих,
Погони ты двухкопытных
К облакам густого дыма
Без вреда и без блужданья,
Чтоб не вязли по болотам,
Чтобы в грязи не утопли.
Коль не слушается стадо
И не будет дома ночью,
Ты тогда, рябины дева,
Можжевельника девица,
Срежь березовую розгу,
Прут березовый в кусточке,
Хлыст рябиновый в лесочке,
Можжевеловую плетку
За черемушной горою,
Замком Тапио зеленым,
Ко двору гони ты стадо,
Как топить начнут там баню,
Скот домашний прямо к дому,
Скот лесной гони в Метсолу.
Отсо,[4] яблочко лесное,
Ты медовую гнешь лапу!
Мы с тобою сговоримся,
Заключим мы мир с тобою
На все время нашей жизни,
На те дни, что проживем мы:
Не губи ты двухкопытных,
Скот молочный ты не трогай
Во все время, долгим летом,
Что творец дал на тепло нам.
Коль услышишь колокольчик
И призыв рожка узнаешь,

Ты ложись тогда на дерне,
Ты улягся на лужайке
И уткни в былинки уши,
Головой уткнися в кочки
Иль беги оттуда в чащу,
В кучу моха удалися;
Убегай в места другие,
Убегай к другим холмочкам,
Чтоб бубенчиков не слышать,
Ни пастушьих разговоров.
Слушай, Отсо мой любезный,
Ты, краса с медовой лапой!
Я тебе не запрещаю
Там хвостом махать у стада;
Языком не смей лишь трогать,
Ртом не смей хватать противным,
Разрывать мой скот зубами
И душить своею лапой.
Обходи кругом лужайку,
Ту молочную поляну,
От бубенчиков же бегай
И страшись рогов пастушьих.
Если стадо на поляне,
Должен ты бежать к болоту;
Если стадо на болоте,
Должен ты бежать в дубраву;
На горе пасется стадо,
Ты останься у подошвы;
Ходит стадо под горою,
Ты ходи там по вершине;
Если в поле выйдет стадо,
Удаляйся ты в лесочек;
Ходит стадо по лесочку,
Уходи оттуда в поле.
Ты стремись златой кукушкой,
Голубочком серебристым;
Как сижок, ходи сторонкой,
Точно рыбка водяная;
Ты катись клубочком шерсти,
Как льняной клубочек легкий;
В волоса попрячь ты когти,
Зубы спрячь поглубже в десны,
Чтобы стадо не пугалось,
Скот бы малый не страшился.
Ты оставь все стадо в мире,
Двухкопытных тех в покое.
Пусть они блуждают мирно,
Пусть в порядке выступают
По полям и по болотам,
По лесным полянам тихим;
Только ты их там не трогай,
Не хватай своею лапой.
Вспомни, как ты прежде клялся
При потоке у Туони,
При шумящем водопаде,
Пред всевышнего коленом;
Там тебе ведь разрешили
Трижды в лето приближаться
К колокольчикам звенящим,
К месту, где звучит бубенчик.
Но тебе не разрешали,
Позволенья не давали
Продолжать дурное дело,
Постоянно им заняться.
Если злость уж одолеет,
Если страсть к зубам приступит,
Обрати на лес ты злобу,
Страсть свою на зелень елок:
Те грызи стволы гнилые,
Ствол прогнивший у березы,
К водяным пойди растеньям
И к холмам, где много ягод.
Если ты поесть захочешь,
Пожелаешь напитаться,
То питайся ты грибами,
В муравейнике поройся,
Ешь коренья красных стеблей,
Мед кусочками в Метсоле,
Но не ешь мою скотину,
Что питается травою.
И когда кадушка с медом
Зашипит, забродит бурно,
На холмах, покрытых златом,
На пригорках серебристых,
Там ты, алчный, напитайся,
Там ты, жаждущий, напейся;
Той еде конца не будет,
Тот напиток не исчезнет.
Так с тобой мы сговоримся,
Вечный мир с тобой устроим,
Чтобы жили мы в довольстве,
Славно жили во все лето;
Земли — общие обоим,
Но запас у нас — различный.
Если битвы пожелаешь,
Воевать со мной захочешь,

Воевать зимой мы будем,
На снегу сражаться станем;
А когда вернется лето,
Стают речки и болота,
Ты подальше будь оттуда,
Где стада златые слышны.
Если ж ты сюда вернешься,
Подойдешь ты к этим рощам,
На тебя мы устремимся.
Коль мужей не будет дома,
Много женщин есть искусных
Да при доме есть хозяйка,
Что тебе пути испортит,
Даст несчастье на дороге,
Чтобы ты вреда не делал,
Не принес стадам погибель
Против божьей вышней воли,
Против божьего решенья.
Укко, ты мой бог высокий!
Слышишь, я прошу о важном:
Зачаруй моих коровок,
Преврати мое все стадо,
Милых всех моих в деревья,
Дорогих моих в каменья,
Коль чудовище пройдет там,
Эта глыба будет близко.
Если б я была медведем
И жила с медовой лапой,
Никогда б я не вертелась
Под ногами старой бабы.
Есть еще места другие,
Есть подальше загородки,
Где лентяй таскаться может
И прохаживаться праздный.
Наколи, пойди ты, лапы,
Чтоб сошло все мясо с икор
Средь синеющего леса,
В лоне чудного лесочка.
Ты иди по кочкам поля,
По песку, веселый, бегай.
Есть готовая дорога,
Чтоб тебе итти по взморью
К дальним севера пределам,
На лапландские пространства;
Там тебе прожить приятно,
Хорошо там оставаться:
Башмаков не нужно летом,
Ни носок не нужно в осень
По верхам трясин обширных,
По широким днам болотным.
Если ж ты пройти не можешь,
Не найдешь туда дороги,
Так спеши другой дорогой,
Ты беги скорей тропою
Прямо в рощи Туонелы
Иль беги в поляны Калмы:
Там найдешь себе болота,
Бор найдешь там для прогулок;
Там и Кирьё, там и Карьё, [5]
И других коров там много
В крепких путах из железа,
В десяти цепях на шеях;
Наживают жир худые,
Набирают мяса кости.
Будьте добры, лес и роща,
Благосклонна будь, дубрава!
Успокой мой скот рогатый,
Дай покой ты двухкопытным
Во все время долгим летом,
Что творец дал на тепло нам.
Куйппана, [6] ты, царь дубравы,
Ты, добряк седобородый!
Псов своих держи покрепче,
Брехунов своих отважных,
Вставь в ноздрю им по грибочку
И по жолудю в другую,
Не почуяли бы носом,
Не пронюхали бы стада.
Завяжи глаза им шелком,
Завяжи повязкой уши,
Чтоб не видеть им ходящих,
Чтоб шагов их не услышать.
Если ж этого им мало,
Если слушаться не станут,
Ты гони детей оттуда,
Прогони семью подальше;
Пусть уходят из дубравы,
Пусть бегут отсель, с прибрежья,
С луговинок нешироких
И с полей весьма обширных!
Спрячь собак своих в пещерах,
Брехунов свяжи проворных
Золотистыми цепями,
Серебристыми ремнями,
Чтоб не сделали злодейства
Иль бесстыдного поступка.

Если ж этого все мало,
Если слушаться не станут —
Золотой мой царь, ты, Укко,
Ты, серебряный защитник!
Ты услышь слова златые
И мои от сердца речи!
Дай рябиновые узы
На тупые эти морды;
Коль не сдержат эти узы,
Ты отлей из меди узы;
Если ж медь годна не будет,
Выкуй узы из железа;
Коль железо разорвется,
Коль оно годно не будет,
Ты продень златую палку
Чрез костлявые их морды;
Ты концы закуй покрепче,
Ты стучи по ним сильнее,
Чтоб не двигалися щеки,
Зубы чтоб не раскрывались
До тех пор, пока концы те
Сталью острой не разрежут
Или их ножом не тронут,
Топором их не разрубят».
Илмаринена супруга,
Эта умная хозяйка,
Погнала коров из хлева,
Скот на пастбище пустила,
Пастуха ж пустила сзади,
Чтобы раб тот гнал скотину.

Руна тридцать третья

Месть Куллерво хозяйке

Вот Куллерво, сын Калерво,
Положил еду в котомку
И погнал коров болотом,
Сам пошел за ними лугом;
На ходу он так промолвил,
Говорил слова такие:
«Ах, несчастный я мальчишка,
Я — мальчишка самый жалкий!
И куда теперь попал я?
Лишь на праздную дорогу,
Сторожить хвосты бычачьи,
За телятами тащиться,
По болотам лишь влачиться,
Обходить места глухие».
На траве он там уселся,
Сел, где солнышко пригрело,
Стал слагать он песнопенья,
Так запел свои он песни:
«Дай тепла мне, божье солнце;
Колесо господне, света
Дай мне, пастуху бедняжке,
Кузнецу стада пасу я;
Кузнецу же не свети ты,
Не свети ты и хозяйке!
Хорошо живет хозяйка,
Хлеб печет себе пшеничный,
Пироги себе готовит,
Их намазывает маслом.
А пастух берет хлеб черствый
И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает,
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой,
Воду черпает берестой,
Пьет ее из-под кореньев.
Солнце, скройся ты, пшеничка,
Исчезай ты, божье время,

Уходи за сосны, солнце,
Ты, пшеничка, за лесочек,
Поспеши за можжевельник,
За ольховые верхушки.
Пастуха домой сведи ты,
На хлеба, где много масла,
Чтобы хлеб жевал он свежий,
В пирогах бы ел середку».
Илмаринена хозяйка
Между тем, пока Куллерво,
Пастушонок, пел и кликал,
Уж давно весь хлеб поела,
По ломтям поела свежий,
Съела пирогов середку;
Кашицу себе сварила,
А Куллерво — щей холодных,
Где весь жир собака съела,
Где уж черная слизала,
Сыто пестрая поела,
Вдоволь серая наелась.
Из леска запела птичка,
Из куста певец-малютка:
«Уж рабу поесть бы время,
Сироте бы пообедать».
И Куллерво, сын Калерво,
Посмотрел на тень от солнца,
Говорит слова такие:
«Да, уж время и поесть бы,
За обед пора приняться,
Поискать запас дорожный».
Отогнал коров на отдых,
Чтоб соснули на лужайке,
Сам на кочке он уселся,
На траве зеленой, свежей,
Со спины он снял котомку,
Вынул хлебец из котомки,
Повернул вокруг и смотрит,
Говорит слова такие:
«Часто хлеб хорош снаружи
И гладка снаружи корка,
А внутри с корой сосновой
Да под ней еще мякина».
Из ножен он вынул ножик,
Чтобы хлеб себе разрезать,
И уперся ножик в камень,
Лезвием в голыш претвердый.
У ножа конец сломался,
На куски клинок распался.
Вот Куллерво, сын Калерво,
Увидал, что ножик сломан,
Увидавши, начал плакать,
Говорит слова такие:
«Этот ножик был мне дорог.
Он был ножик мой любимый,
От отца он мне достался,
Он был собственностью старца.
Вот сломал его о камень,
О голыш он разломался,
Здесь о хлеб дрянной хозяйки,
Хлеб, печенный злою бабой.
Как отмщу за осмеянье,
За насмешку злую бабы,
Отомщу за хлеб негодный,
Испеченный злобной тварью?»
С ветки каркает ворóна,
Вóрон каркает и кличет:
«Бедный, золотая пряжка,
Сын единственный Калерво!
Отчего ты так печален,
Что ты в грустном настроенье?
Ты возьми из лесу ветку,
Сук березовый из дола,
Загони коров в болото,
Грязноногих на трясину:
Медведям дай половину,
А волкам большим другую.
Собери волков по лесу,
Медведей большое стадо,
Оберни волков в телушек,
Медведей твоих в коровок
И на двор гони, как стадо,
Точно пестрый скот, гони их,
Отплати за смех хозяйке,
За насмешку скверной бабе».
Тут Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Подожди, блудница Хиси!
О ноже отца я плачу,
Ты сама побольше будешь
О своих коровах плакать».
Отломил он прут в лесочке,
Можжевеловую ветку,
И погнал коров в болото,
Всех быков в тальник он гонит,
Медведям дал половину
И волкам большим другую;

Из волков коров наделал,
Медведей скотом он сделал,
Обратил волков в телушек,
Медведей своих в коровок.
Солнце за полдень уж стало,
Уж идет оно на вечер,
На верхушки сосен сходит;
Уж пора доить подходит.
И Куллерво, сын Калерво,
Тот пастух несчастный в злобе
Медведей домой уж гонит,
Ко двору волков подводит
И свое он стадо учит,
Говорит слова такие:
«Рвите вы хозяйке бедра,
Прокусите вы ей икры,
Как она на вас посмотрит,
Как доить она нагнется».
Из коровьей кости трубку,
Из бычачьей рог он сделал —
Рог из кости Туомикки,
Из бедра же Кирьё[1] дудку.
Заиграл тогда на дудке,
Затрубил в свой рог пастуший
На горе близ дома трижды,
При конце прогона шесть раз.
Илмаринена хозяйка,
Кузнеца жена красотка,
Из коровьей кости трубку,
Масла летнего желает;
Слышит: ходят по болоту,
Слышит шум с песчаной почвы.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Будь прославлен, боже вышний!
Рог звучит, подходит стадо.
Где взял раб рожок пастуший,
Из чего он сделал дудку?
Отчего трубит так громко,
Отчего так сильно дует?
Он в ушах дерет мне пленку,
В голове трещит от шума».
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Раб нашел рожок в болоте,
Вынес дудку из трясины.
Стадо все уж на прогоне,
Уж коровы в загородке:
Разведи огонь дымящий
И коров доить отправься».
Илмаринена хозяйка
Позвала доить старуху:
«Мать, пойди-ка подои их,
Позаботься о скотине!
Мне самой нельзя, пожалуй:
Замесить мне надо тесто».
Но Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Ведь хорошая хозяйка,
Женщина с рассудком добрым,
Подоит сама коровок,
За скотом сама присмотрит».
Илмаринена хозяйка
Тут сама огонь разводит
И коров доить приходит.
Стадо разом осмотрела,
Скот рогатый оглядела,
Говорит слова такие:
«Хорошо по виду стадо,
Цвет скота совсем хороший,
Шерсть у стада — точно рысья,
Точно шерсть лесной овечки,
Вымя толсто и припухло
И сосочки пополнели».
Тут коров доить нагнулась,
Молоко сбирать присела,
Потянула раз, другой раз,
В третий раз уж попыталась —
Быстро волк ее кусает,
Сам медведь рвать начинает,
Волк хватает пастью икры,
Сам медведь кусает пятки,
Прокусили мясо в икрах,
У бедра сломали кости.
Так Куллерво, сын Калерво,
Отомстил насмешку бабы.
Илмаринена хозяйка,
Эта гордая, тут плачет,
Говорит слова такие:
«Злой пастух, что ты наделал?
Медведей пригнал ты к дому
И волков на двор обширный».
Но Куллерво, сын Калерво,
Ей на это отвечает:
«Как пастух, я сделал дурно,
Ты же дурно, как хозяйка:

Запекла ты в хлебе камень,
Голыша кусок в запасе;
Я ножом уперся в камень,
О голыш сломал я ножик;
От отца он мне достался,
Рода нашего железо».
И хозяйка так сказала:
«О пастух, пастух мой милый!
Измени свои ты мысли
И возьми назад заклятье:
Ты избавь от волчьей пасти,
От медвежьих лап хозяйку.
Дам тебе рубашек лучших,
Дорогие шаровары,
Хлеб пшеничный с свежим маслом,
Молока дам посвежее;
Год ты будешь без работы,
На другой кормиться даром.
Коль меня ты не избавишь
И не дашь сейчас свободы,
То умру я злою смертью,
Обращусь в сырую землю».
Но Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Умирать, так умирай уж,
Погибай ты поскорее!
Под землей тебе найдется
Место славное у Калмы:
Там сильнейшие в покое,
Там могучие в дремоте».
И сказала тут хозяйка:
«Укко, ты, мой бог высокий!
Натяни свой лук великий,
Приготовь свое оружье,
Приложи стрелу из меди
К огневому луку сверху;
Цельсь огненной стрелою,
Что из самой твердой меди.
Пусть пройдет стрела подмышки,
Через мясо на лопатке;
Повали Калерво сына,
Пусть падет дрянной на землю
От стрелы с стальной головкой,
От оружия из меди».
Но Куллерво, сын Калерво,
Сам сказал слова такие:
«Укко, ты мой бог всевышний!
Не меня рази стрелою —
Илмаринена хозяйку,
Что всех женщин в мире хуже,
Здесь пока она на месте,
Не ушла пока отсюда».
Илмаринена хозяйка,
Кузнеца жена, упала
Мертвою на этом месте,
Как с котла спадает сажа;
У избы своей свалилась,
На дворе упала тесном.
Так та женщина скончалась,
Так красавица погибла;
А ее так долго ждали:
Ведь шесть лет ее искали
Илмаринену на радость,
Кузнецу тому на славу.

Руна тридцать четвертая

Куллерво находит своих родителей

Вот Куллерво, сын Калерво,
Юноша в чулочках синих,
В золотых прекрасных кудрях,
В башмаках красивой кожи,
Кузнеца собрался бросить,
Илмаринена оставить,
Раньше чем кузнец узнает,
Что жена его скончалась:
Будет он весьма озлоблен,
Станет биться он с Куллерво.
Он, играя, шел оттуда,
Веселясь, от дома Илмы,[1]
По лесам трубил веселый,
Он играл по новой пашне,
Потрясал болота, земли,
И ответ земля давала
На игру Калерво сына,
На Куллерво злые клики.
Стало в кузнице уж слышно;
Там кузнец работу бросил,
На дорогу вышел слушать,
Посмотреть на двор выходит,
Что там из лесу за звуки,
На песках кто в рог играет.
Тут он истину увидел,
Увидал, что там случилось;
Видит он: жена скончалась,
Там красавица упала;
На дворе она лежала,
Там на травушку свалилась.
И кузнец стоял недвижим,
Тяжело ему на сердце;
Он провел всю ночь, рыдая,
Слезы горькие он пролил:
Мысль его чернее дегтя,
Не белее угля сердце.
Куллерво идет все дальше,
Он блуждает, как попало.

День идет он частым лесом,
По земле деревьев Хиси,
А как к ночи уж стемнело,
На земле он там уселся.
На земле сидит сиротка.
Так покинутый размыслил:
«Кто меня, бедняжку, создал?
Кто родил меня на свете,
Чтоб по месяцам блуждал я
Здесь под воздухом пространным?
Кто на родину стремится,
Кто идет в свое жилище,
Мне же родина — лес темный,
На песках — мое жилище;
Очагом мне служит ветер,
Дождик баней мне бывает.
Никогда ты, бог мой добрый,
Никогда на этом свете
Не твори дитя несчастным,
Чтоб дитя сироткой было,
Без отца родного жило
И без матери осталось,
Как меня ты создал, боже,
Сотворил меня, бедняжку,
Точно чайку в синем море,
Точно птицу на утесе.
Солнце ласточке сияет,
Воробью оно блистает,
Веселит воздушных птичек;
Только мне оно не светит,
Никогда не светит солнце,
Никогда мне нет веселья.
Кто родил меня, не знаю,
Кто носил меня во чреве;
Или утка при дороге
Принесла меня в болото
И покинула на взморье.
Там в расщелине утеса?
Потерял отца я в детстве,
В раннем детстве мать родную;
И отец и мать уж мертвы,
Весь погиб наш род великий.
Башмаки из льда мне дали
Да чулочки снеговые
И пустили в гололедку
На качающийся мостик,
Чтоб свалился я в болото,
Чтоб упал в гнилую воду.
Никогда в теченье жизни
Не хочу лежать в болоте,
Как качающийся мостик,
Как мостки в трясине зыбкой,
Не хочу упасть в болото:
Две руки ведь я имею,
Все пять пальцев я сгибаю
И ногтей имею десять».
Вот ему на ум приходит,
И в мозгах засела дума
Ко двору итти Унтамо,
Отомстить отцовы раны,
Слезы матери родимой
И свое несчастье злое.
Говорит слова такие:
«Подожди же, Унтамойнен,
Моего губитель рода!
Я приду с тобою биться,
Разорю твое жилище
И сожгу твой двор широкий».
Вот идет лесная баба,
В синем платье там старуха,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты куда идешь, Куллерво,
Что тебе на мысли вспало?»
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«А вот мне на мысли вспало
И в мозгах засела дума
Отправляться на чужбину,
К Унтамойнену в деревню,
Отомстить отца погибель,
Смерть отца, родимой слезы,
Разорить его жилище,
Обратить жилище в пепел».
Так промолвила старуха,
Говорит слова такие:
«Не избито ваше племя,
Не погиб еще Калерво:
Твой отец живет покамест,
Мать твоя еще здорова».
«Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Где отец мой проживает,
Мать моя живет родная?»
«Там отец твой проживает,[2]
Там и мать твоя родная:

На землях живут лапландских,
Где пруды богаты рыбой».
«Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Как могу туда достигнуть,
Как найти туда дорогу?»
«Хорошо дойти ты можешь
И совсем пути не зная:
Ты пройди сначала лесом,
По реке иди прибрежьем;
День пройдешь ты и другой день,
Так и третий день пройдешь ты;
Поверни затем на север,
Встретишь гору на дороге,
Ты иди ее подошвой,
Обогни налево гору
И придешь к реке оттуда.
Вправо будет эта речка;
Ты по берегу отправься,
К трем тогда придешь порогам,
На конце косы ты будешь,
На довольно длинном мысе.
Там ты хижину увидишь,
На мыске рыбачью хату:
В ней живет отец доселе
И живет твоя родная,
Две твоих живут сестрицы,
Две прекраснейшие девы».
Тут Куллерво, сын Калерво,
Собрался итти в дорогу.
День идет он и другой день,
Так еще идет и третий;
Повернул тогда на север,
Гору встретил на дороге,
Он пошел ее подошвой,
От горы пошел налево,
Подошел тогда к потоку,
По реке пошел прибрежьем,
Левым берегом потока,
Подошел он к трем порогам;
На конец косы приходит,
К краю самому подходит;
Там он хижину увидел,
На мыске рыбачью хату.
Он вошел в избушку эту.
Не узнали там Куллерво:
«С моря прибыл ты откуда,
Из какого ты семейства?»
«Сына вы не узнаете?
Я — дитя родное ваше.
Ведь меня Унтамо мужи
Увели от вас когда-то:
Был в пядень отца я ростом,
Был не выше веретена».
Прежде мать ему сказала,
Так промолвила старушка:
«О мой бедный сын, мой милый,
Бедный, золотая пряжка!
Ты живой сюда явился,
Ты прошел чрез эти страны!
Как по мертвом я рыдала,
По тебе лила я слезы.
У меня два сына было,
Две прекраснейшие дочки;
И из них исчезли двое,
Старших двое вовсе сгибли:
На войне погиб сыночек,
Дочка без вести пропала.
Вот сыночек возвратился,
Дочь еще не появлялась».
И Куллерво, сын Калерво,
Так спросил свою родную:
«Но куда ж она попала,
Где сестра моя погибла?»
Мать ему сказала слово
И такие молвит речи:
«Вот куда она попала,
Где сестра твоя погибла:
В лес за ягодой ходила,
Под горою за малиной;
Там-то курочка исчезла,
Птичка сгибла смертью тяжкой,
Там-то без вести пропала,
Как погибла — неизвестно.
Кто по дочери тоскует?
Ведь никто, как мать родная:
Мать ее всех больше ищет,
Ищет мать и к ней стремится.
Так пошла и я, бедняжка,
Отыскать хотела дочку:
Как медведь, я мчалась лесом,
Точно выдра, мчалась рощей,
День искала и другой день,
Третий день еще искала,
И когда прошел день третий,
Как неделя миновала,

На горе вверху я стала,
На холме весьма высоком,
Там звала свою я дочку,
Там ушедшую искала:
Где ты, дочка дорогая?
Воротись домой скорее!
Так звала свою я дочку,
О пропавшей горевала.
Мне в ответ сказали горы,
Так ответили дубравы:
«Не зови свою ты дочку,
Не зови ее так громко:
Не вернется твоя дочка,
Не придет твоя родная.
Никогда она не сможет
Быть у матери в жилище,
Быть у пристани отцовской,
Под отцовскою защитой».

Руна тридцать пятая

Куллерво губит свою сестру

Вот Куллерво, сын Калерво,
Юноша в чулочках синих,
С той поры там поживает,
Под родительскою кровлей.
Он не сделался умнее,
Не имел рассудка мужа,
Ибо дурно был воспитан,
Глупо в люльке был укачан;
Воспитатель был неумный,
И укачиватель глупый.
Начал юноша работать,
Брал он разную работу.
Рыб ловить он снарядился,
Расставлять снаряд для ловли,
Говорил слова такие,
Так с веслом в руках промолвил:
«Из всех сил тянуть мне невод
И грести со всею силой?
Иль тянуть мне осторожно
И грести, насколько нужно?»
И сказал ему хозяин,
Говорил слова такие:
«Если ты потянешь сильно,
Будешь грести ты молодецки —
Ты разбить не можешь лодки,
Ей уключин не сломаешь».
Сын Калерво, тот Куллерво,
Стал грести, как только может,
Приналег он молодецки
И сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку.
Посмотреть Калерво вышел.
Говорит слова такие:
«Ты грести совсем не можешь,
Ты сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку.

Ты поди гнать рыбу в невод,
Может, в этом ты получше».
Сын Калерво, тот Куллерво,
Собрался гнать рыбу в невод,
Гонит рыбу, молвит речи,
Говорит слова такие:
«Со всего ль плеча работать,
Гнать ли рыбу со всей силой?
Иль работать осторожно,
Рыбу гнать, насколько нужно?»
И сказал тащивший невод:
«Что ж была бы за работа,
Коль не гнать со всею силой,
Не работать молодецки?»
И Куллерво, сын Калерво,
Со всего плеча тут гонит,
Гонит рыбу молодецки,
Воду в кашу превращает,
Растрепал весь невод в паклю,
Рыбу сделал просто слизью.
Посмотреть Калерво вышел,
Говорит слова такие:
«Не годишься ты гнать рыбу:
Растрепал ты невод в паклю,
Поплавки разбил в кусочки,
Разорвал в куски все сети.
Ты пойди плати-ка подать,
Поземельные налоги.
Ты в дороге, может, лучше,
На пути умнее будешь».
И Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках,
В золотых прекрасных кудрях,
В башмаках красивой кожи,
Уплатить поехал подать,
Поземельные налоги.
Уплатил, как нужно, подать,
Отдал зерна все, как надо,
И в своих санях уселся,
На сиденьи занял место
И домой оттуда едет,
Сам на родину стремится.
С шумом сани заскользили
И в дороге измеряли
Вейнемейнена поляны,
Прежде паханное поле.
Едет девушка навстречу
В золотых кудрях, на лыжах,
На полянах старца Вейне,
Прежде паханных полянах.
И Куллерво, сын Калерво,
На санях остановился,
Говорить девице начал,
Говорит и приглашает:
«Ты войди, девица, в сани,
Отдохни на этом мехе».
На бегу девица молвит,
Проскользнувши, отвечает:
«Смерть к тебе пусть в сани сядет
И болезнь на этом мехе!»
И Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках,
Тут коня кнутом ударил,
Бил коня жемчужной плетью;
Быстро мчится конь дорогой,
И скрипят дорогой сани.
С сильным шумом он понесся,
Спешно едет по дороге,
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.
Вот девица повстречалась,
В башмаках идет хороших
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.
И Куллерво, сын Калерво,
Удержал коня поспешно,
Рот сложил, как мог, красивей,
Молвил вежливо девице:
«Ты садись, красотка, в сани,
Красота страны, со мною».
Отвечала ему с бранью
В башмаках хороших дева:
«Пусть Туони сядет в сани,
Маналайнен там с тобою!»
И Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках,
Тут коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плетью:
Быстро мчится конь дорогой,
И скрипят дорогой сани,
С шумом едет он дорогой
И в дороге измеряет
Гладь песчаную Похьёлы,
Те лапландские пределы.
Вот девица повстречалась
В оловянных украшеньях

На песчанике Похьёлы,
На полях больших лапландских.
И Куллерво, сын Калерво,
Удержал коня вожжами,
Рот сложил, как мог, красивей,
Молвил вежливо девице:
«Ты садись, девица, в сани,
Здесь, под полостью, красотка;
В санках яблочков поешь ты,
Погрызешь моих орешков!»
Так ответила девица
В оловянных украшеньях:
«Я плюю тебе на сани,
На сиденье негодяя!
Под твоей покрышкой холод,
Мне в санях твоих противно».
Тут Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках,
Подхватил девицу в сани,
Притащил туда к сиденью,
На меху сажает в санках,
Тащит вниз ее под полость.
Зло промолвила девица
В оловянных украшеньях:
«Отпусти меня с сиденья,
Из руки твоей малютку,
Чтоб мне слов дурных не слушать,
Не слыхать бы просьбы злого;
Иль я санки разломаю,
Выбью длинные брусочки,
На куски сломаю сани,
Разобью бока их в щепки».
Но Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках,
Тут открыл сундук с деньгами,
Стукнул пестренькою крышкой,
Серебро он показал ей,
Расстелил платки цветные,
С золотой каймой чулочки,
Серебром покрытый пояс.
Манит золото девицу,
Ей платок меняет мысли,
Серебро несет ей гибель,
Портит золото ей думы.
И Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках
Тут ласкать девицу начал,
Обольщает ее лестью,
Держит вожжи он рукою,
А другою грудь девицы.
Утомляет он девицу
В оловянных украшеньях
Там под полостью расшитой,
На мехах прекрасных, пестрых.
Вот уж бог послал и утро,
День уж следующий выслал,
И спросила так девица,
Говорит слова такие:
«Из какой семьи ты, смелый,
Из какого рода будешь?
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный?»
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Я — несчастный сын Калерво,
Сын Калерво неразумный,
Глупый, ни к чему негодный.
Ты, скажи, откуда родом,
Ты какой семьи, красотка?
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный?»
Так ответила девица,
Говорит слова такие:
«Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Дочь несчастная Калерво,
Неразумная я дева,
Я негодная девица.
Как была еще ребенком
В доме матери любимой,
В лес по ягоды пошла я,
Там у горки, за малиной,
Я сбирала землянику,
У холма брала малину,
Собирала день, заснула,
Собирала день, другой день.
Наконец уже на третий
Не нашла домой дороги;
Дальше в лес вела дорога,
В чащу все вели тропинки.
Там я плакала, сидела,
День проплакала, другой день.

Наконец уже на третий
Я взошла повыше в гору,
На горе высокой стала,
Там звала я и кричала.
Отвечал мне лес зеленый,
Мне в ответ холмы звучали:
«Дева глупая, не кликай,
Не кричи так безрассудно,
Твоего не слышно крика
Он до дома не доходит!»
Третий день я шла, четвертый,
Пятый день, шестой блуждала,
Умереть я покушалась
И погибели искала,
Но никак не умирала,
Не могла никак погибнуть.
Если б умерла, бедняжка,
Если б, слабая, погибла,
На другой бы год, быть может,
Иль на третье, может, лето
Зеленела бы я травкой,
Зацвела бы я цветочком,
Вышла б ягодкой на землю,
Вышла б красною брусничкой,
Этих ужасов не знала б,
Не узнала бы позора».
И едва она сказала,
Только вымолвила слово,
Как с саней вдруг соскочила,
Быстро бросилася в реку,
Прямо в пену водопада,
В эту огненную бездну.
Там нашла себе кончину,
Обрела себе погибель,
Там покой, в стране Туони,
Мир во влаге тех потоков.
Тут Куллерво, сын Калерво,
Из саней поспешно вышел,
Начинает горько плакать,
Очень громко причитает:
«О, как я несчастен в жизни,
Как судьба моя ужасна!
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!
Горе батюшке родному,
Горе матушке-старушке!
Вы к чему меня вскормили
И зачем на свет пустили?
Мне б гораздо лучше было
Не расти и не рождаться,
Не рождаться в этом мире,
На земле не появляться.
Смерть неправо поступила
И болезнь не то творила,
Что меня не умертвила,
Как я прожил две лишь ночки».
Он хомут ножом разрезал,
Режет он ремни из кожи
И на лошадь он садится,
На крестец у белолобой;
Он спешит, дорогой скачет;
Лишь немного проезжает,
Ко двору отца приехал,
На поляну он домчался.
На дворе там мать стояла.
«Мать родная, дорогая!
Если б ты меня, родная,
Только я на свет родился,
В дымной бане положила,
Двери крепко затворила,
Там бы в дыме задушила,
На вторую б ночь убила,
С одеялом и с пеленкой
Ты меня бы утопила,
Люльку бросила бы в печку,
На огне ее сожгла бы!
На деревне бы спросили:
«Отчего в избе нет люльки,
Заперта так крепко баня?»
Ты тогда бы им сказала:
«На огне сожгла я люльку,
В печку бросила качалку;
В бане зерна прорастают,
Я из них готовлю солод».
Прежде мать его спросила,
Седовласая старушка:
«Что с тобой, мой сын, случилось,
Что за чудо ты расскажешь?
Ты как будто из Туони,
Будто вышел из Маналы?»
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Точно, что случилось чудо,
Совершилось злодеянье:
Я сестру мою родную,
Дочь родимой, обесчестил.

Как я выплатил всю подать,
Деньги все, как надо, отдал,
Повстречалась мне девица,
И ласкал я эту деву:
То была моя сестрица,
То — дитя моей родимой.
Уж нашла она кончину,
Обрела себе погибель
В страшной глуби водопада,
В той клокочущей пучине.
Не могу сообразить я,
Не могу никак постигнуть,
Где найду себе кончину,
Где я смерть найду, несчастный:
В пасти ль воющего волка,
В зеве ль страшного медведя,
У кита ль в огромном чреве
Иль в зубах огромной щуки?»
Мать на это отвечает:
«Не ищи, сыночек, смерти
В пасти воющего волка,
В зеве страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки.
Велика страна Суоми,
Широки пределы Саво,[1]
Где преступный скрыться может.
Чтоб оплакать злодеянье.
На шесть лет укрыться можно,
Даже на девять лет сряду;
Время мир ему дарует,
Скорбь ему утишат годы».
Но Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Не пойду я укрываться,
От стыда бежать не буду,
А пойду я к пасти смерти,
Я пойду к воротам Калмы,
На поля больших сражений,
Где храбрейшие воюют.
На ногах еще Унтамо,
Не погиб, не умер изверг.
Раны батюшки отмщу я,
Слезы матушки родимой,
Все страдания припомню,
Что я сам на свете вынес».

Руна тридцать шестая

Смерть Куллерво

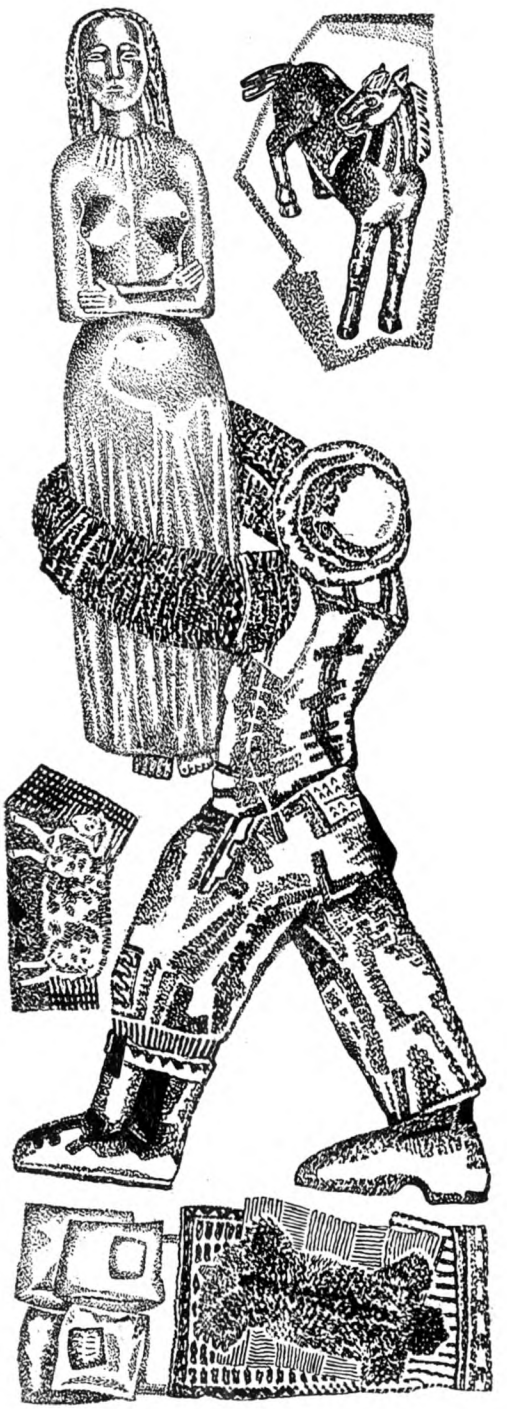
Вот Куллерво, сын Калерво,
Юноша в чулочках синих,
Собрался итти войною,
Снарядился для сраженья,
Наточил клинок блестящий,
Навострил у пики кончик.
Мать ему тогда сказала:
«Не ходи, сыночек милый,
Не ходи туда войною,
Где мечей железных много!
Кто воюет без причины,
Сгоряча вступает в битву,
Тот и жизнь в войне теряет,
Тот в сраженьи погибает,
От меча тот смерть находит,
От железа тот кончину.
На козе ль ты едешь в битву,
На козле ль сражаться едешь,
Та коза побита будет,
Упадет козел немедля,
На собаке ты вернешься,
На лягушке дома будешь».
Но Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Не паду я на болоте,
На песках не повалюся,
Там, где во́рона жилище,
Где воро̀ны ищут пищу.
Я паду на поле битвы,
Упаду в сраженьи храбрых.
Хорошо погибнуть в битве,
Умереть под звон оружья;
На войне скончаться славно:
Молодец кончает скоро,
Он отходит, не болея,
Не худея, свет бросает».
Мать ему сказала слово:
«Если ты умрешь в сраженьи.

Кто отцу защитой будет,
Кто останется при старом?»
Но Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Пусть умрет он на прогоне,
На дворе пусть жизнь окончит».
«Кто ж при матери защитой,
Кто останется при старой?»
«На снопе пусть погибает,
Задохнется в грязном хлеве».
«Кто ж останется при брате,
Чтоб помочь ему в несчастьи?»
«Пусть в лесу он затомится,
Пусть он свалится на поле».
«При сестре твоей кто будет
Утешать ее в несчастьи?»
«У колодца пусть погибнет
Иль умрет, стирая платье».
Тут Куллерво, сын Калерво,
Поспешил уйти из дома
И отцу сказал он слово:
«Ты прощай, отец мой добрый!
Ты поплачешь ли о сыне,
Как услышишь, что я умер,
В нашем роде уж не числюсь,
Из семьи навеки сгинул?»
И отец промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер;
Приживу другого сына,
Чтобы был тебя получше
И гораздо поумнее».
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать.
Как услышу, что ты умер;
Сам себе отца устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Борода — сухие стебли,
Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».
Так потом промолвил брату:
«Ты прощай, мой милый братец!
Ты заплачешь ли о брате.
Как услышишь, что я умер,
В нашем роде уж не числюсь,
Из семьи навеки сгинул?»
Брат ему промолвил слово:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер;
Я себе добуду брата:
Будет он тебя получше,
Вдвое будет поумнее».
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;
Я себе устрою брата:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие стебли,
Ноги — ивовые сучья,
Мясо — сгнившие деревья».
Он сестре потом промолвил:
«Ты прощай, моя сестрица!
Ты заплачешь ли о брате,
Как услышишь, что я умер,
В нашем роде уж не числюсь,
Из семьи навеки сгинул?»
Так промолвила сестрица:
«О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер;
Отыщу другого брата:
Будет он тебя получше
И гораздо поумнее».
И Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Да и я не стану плакать,
О твоей узнавши смерти;
Я себе сестру устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса — сухие травы,
Из цветов болотных — уши,
Из кленовых сучьев — тело».
Тут он матери промолвил:
«Мать родная, дорогая,
Ты в себе меня носила,
Ты ребенка воспитала!
Ты заплачешь ли о сыне,
Как услышишь, что я умер,
В нашем роде уж не числюсь,
Из семьи навеки сгинул?»
Мать ему сказала слово
И такие молвит речи:

«Ты не знаешь мыслей старой,
Сердца матери, бедняжки!
Горько, горько я заплачу,
Как умрешь ты, мой сыночек,
Из числа людей исчезнешь,
В нашем роде уж не будешь.
Я залью избу слезами,
На полу потоки будут,
Я на улицах поплачу,
Я от слез согнуся в хлеве,
Снег от слез обледенится,
Лед землею талой станет,
Порастет земля травою,
А трава от слез повянет.
Если плакать я устану,
Утомлюся я от воплей,
На глазах у всех рыдая,
В бане тихо я поплачу,
Так что лавки все и доски
Поплывут в потоках слезных».
И Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках,
На войну пошел, играя,
Шел он с кликами на битву,
Он трубил, идя болотом,
По лесу он громко топал,
По лугам шумел он громко,
С громом шел он по полянам.
По следам дошло известье,
До ушей достигла новость:
«Твой отец уже скончался,
Отошел навеки старый;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят».
Но Куллерво, сын Калерво,
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончался, так скончался;
Дома там найдется мерин,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы».
И трубит, идя болотом,
И гудит, идя пожогом.
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Братец твой недавно умер,
Сын родителей скончался;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершего хоронят».
Но Куллерво, сын Калерво,
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончался, так скончался;
Жеребец найдется дома,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы».
И гудит, идя болотом,
И трубит в свой рог по лесу.
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Умерла твоя сестрица,
Дочь родителей скончалась;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят».
Но Куллерво, сын Калерво,
Дал в ответ слова такие:
«Коль скончалась, так скончалась;
Дома есть у нас кобыла,
Чтоб свезти ее в могилу,
Опустить в жилище Калмы».
По жнивам идет, ликуя,
И гудит, идя лугами.
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
«Мать твоя уже скончалась,
Эта добрая старушка;
Приходи домой — посмотришь,
Как умершую хоронят».
Тут Куллерво, сын Калерво,
Говорит слова такие:
«Горе бедному мне сыну!
Мать моя уже скончалась,
Что готовила постель мне,
Одеяло украшала,
Что работала катушкой,
Что вертела веретенцем!
Я же не был при кончине,
Не видал души исхода.
Может, с холоду скончалась,
Или с голоду погибла!
В доме мертвую обмойте,
Мойте самым лучшим мылом,
В шелк умершую оденьте,
Полотном ее прикройте,
Отвезите так в могилу,
Опустите в лоно Калмы,
Отвезите с скорбным пеньем,
Опустите с горьким воплем.

Не могу я возвратиться:
Не наказан мной Унтамо,
Не погиб противник злобный,
Не сражен еще преступный».
Он идет, шумя, на битву,
С торжеством в страну Унтамо,
Говорит слова такие:
«Укко, ты, мой бог всевышний!
Ты пошли мне меч получше,
Дай ты мне клинок прекрасный,
Чтоб он мог с толпой бороться.
Устоял бы против сотни».
Меч нашел себе по мысли,
Взял клинок из самых лучших.
Он толпы мечом сражает,
Истребляет род Унтамо,
Обращает избы в пепел;
Только пыль одна осталась,
Лишь остались в печке камни
Да рябина у забора. [1]
И Куллерво, сын Калерво,
Повернул в страну родную,
Шел к отцовскому жилищу,
На поля родного старца;
Но пустой нашел избушку,
И вошел он, как в пустыню:
Ни обнять никто не вышел,
Ни руки никто не подал.
Протянул он руку к углям:
В печке уголья остыли;
Потому-то и узнал он,
Что уж мать его скончалась.
Приложил он к печке руку:
Холодны у печки камни;
Потому-то и узнал он,
Что отец его скончался.
Пол тогда окинул взглядом:
Не в порядке пол в избушке;
Потому-то и узнал он,
Что сестра его скончалась.
Он пошел затем на пристань:
На катках не видно лодок;
Потому-то и узнал он,
Что и брат его скончался.
Начинает горько плакать,
Говорит слова такие:
«Мать, ты, добрая, родная!
Что оставила ты сыну?
Но ты, мать, меня не слышишь:
На глазах твоих стою я,
На бровях твоих горюю
И на темени тоскую!» [2]
Мать во гробе пробудилась,
Из могилы отвечала:
«Черный пес тебе остался,
Чтоб ходил ты с ним по лесу.
Ты возьми его с собою,
По лесам ты с ним отправься
По ту сторону дубравы,
К дочерям лесным приблизься,
К синим девам, к их подворью,
На конце лесного замка;
Там поищешь пропитанья,
Там попросишь подаянья».
И Куллерво, сын Калерво,
В лес отправился с собакой,
Шел далеко по дороге
И прошел чрез чащу леса;
Там прошел еще немного,
Очень малое пространство,
И пришел к тому лесочку,
На ужасное то место,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Плачет там и луг прекрасный,
Плачет жалобно и роща,
Травки юные горюют,
На песках цветы тоскуют,
Что он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Не взошла трава младая,
На песках цветы не вышли,
Не росли на этом месте,
Там, на месте преступленья,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
И Куллерво, сын Калерво,
Меч вытаскивает острый,
Повернул кругом железо;
У меча тогда спросил он.
Хочет знать его желанье:
Не захочет ли оружье
Мясо грешное разрезать
И напиться злобной крови?
Понял меч его желанье.
Он учуял мысли мужа,

Отвечал слова такие:
«Отчего же не желать мне
Мясо грешное разрезать
И напиться злобной крови,
Если режу я безгрешных,
Пью я кровь у неповинных?»
Тут Куллерво, сын Калерво,
В синих юноша чулочках,
Рукояткой меч втыкает,
Глубоко вонзает в землю,
Острие на грудь направил,
Сам на меч он повалился,
Поспешил навстречу смерти
И нашел свою кончину.
Так скончался этот юный,
Так погиб Куллерво храбрый,
Такова кончина мужа,
Смерть несчастного героя.
Слышит старый Вейнемейнен
О кончине той известье
И такие речи молвит,
Говорит слова такие:
«Не давай, народ грядущий,
Ты детей на воспитанье
Людям глупым, безрассудным,
Не давай чужим в качалку.
Если дурно няньчат деток
И качают безрассудно,
То дитя не выйдет умным,
Не получит смысла мужа,
Как состарится с годами
И окрепнет мощным телом».



Руна тридцать седьмая

Илмаринен выковывает себе жену из золота и серебра

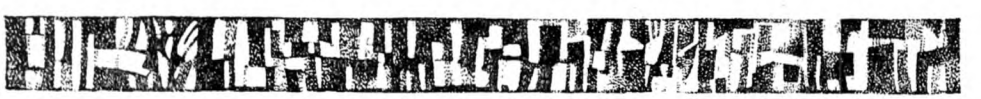
Каждый вечер Илмаринен
О своей супруге плачет,
Все без сна проводит ночи,
Днем не ест, а только плачет,
Ранним утром причитает,
День начнется, он вздыхает,
Ибо нет его супруги,
Умерла его красотка!
Он рукою не качает
Молот с медной рукояткой,
Не слыхать его кованья,
Не слыхать уж целый месяц.
Так промолвил Илмаринен:
«Горе молодцу-бедняге!
Как мне быть теперь, не знаю.
Сплю ль я ночью иль сижу я,
Ночью тяжко мне, нет мыслей,
И от горя слабнут силы.
Вечерами мне так скучно,
Тяжело бывает утром,
Ночь еще бывает хуже,
Еще горше, как проснуся.
Я не жду, как прежде, ночи,
Мне не жаль вставать поутру:
День ли, ночь ли — все равно мне,
Я печалюсь по прекрасной,
Я тоскую все по милой,
Я грущу по чернокудрой.
Часто я в ночное время,
Как лежу я на перине,
В полночь вижу сновиденья;
Тщетно я рукой хватаю,
Тщетно ощупью скольжу я
В обе стороны рукою».
Без жены жил Илмаринен,
Горевал он без супруги.
Два, три месяца проплакал,
Но, когда настал четвертый,

Взял он золота из моря,
Серебра в морских теченьях,
Сгромоздил дрова он в кучу,
Тридцать раз за ними ездил,
Пережег дрова на угли,
Наложил углей в горнило.
Взял он собранное злато,
Серебра он взял обломок
В рост осеннего ягненка
Или зимнего зайчонка.
Бросил золото, чтоб плавить,
Серебро в горнило бросил,
Раздувать мехи поставил
Слуг, работников поденных.
Раздувают сильно слуги,
И мехи они качают;
Руки их без рукавичек,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Илмаринен
Поворачивает угли,
Чтоб из золота фигуру,
Из сребра невесту сделать.
Слуги плохо раздувают
И мехи качают слабо.
Сам кователь Илмаринен
Раздувать мехи подходит:
Раз качнул, качнул другой раз
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки:
Что выходит из горинла,
Что в огне там происходит?
Вот овца из печки вышла,
Побежала из горнила:
Шерсть из золота, из меди,
Шерсть серебряная также,
Чтобы все довольны были —
Илмаринен недоволен.
И промолвил Илмаринен:
«Это волку только нужно:
Я жены лишь ждал из злата,
Из сребра себе супруги».
И кователь Илмаринен
Вновь овцу в огонь кидает,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Снова слуг к мехам он ставит,
Слуг, работников поденных.
Раздувают сильно слуги,
И мехи они качают;
Руки их без рукавичек,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Илмаринен
Поворачивает угли,
Чтоб из золота фигуру,
Из сребра невесту сделать.
Слуги плохо раздувают,
И мехи качают слабо;
Сам кователь Илмаринен
Раздувать мехи подходит:
Раз качнул, качнул другой раз
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки:
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Из огня бежит жеребчик,
И к мехам он подбегает,
Златогривый, сребролавый,
А копытца все из меди,
Чтобы все довольны были —
Илмаринен недоволен.
И промолвил Илмаринен:
«Это волку только нужно:
Я жены лишь ждал из злата,
Из сребра себе супруги».
И кидает Илмаринен
Вновь жеребчика в горнило,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Снова слуг к мехам он ставит,
Слуг, работников поденных.
Раздувают сильно слуги,
И мехи они качают;
Руки их без рукавичек,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Илмаринен
Поворачивает угли,
Чтоб из золота фигуру,
Из сребра невесту сделать.
Слуги плохо раздувают,
И мехи качают слабо;
Сам кователь Илмаринен
Раздувать мехи подходит:
Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,

Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки:
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Из горнила вышла дева
С золотыми волосами
И с серебряной головкой,
С превосходным чудным станом,
Так что прочим стало страшно —
Ильмаринену не страшно.
Стал трудиться Ильмаринен,
Сам кузнец над той фигурой;
Он ковал, не спавши, ночью,
Днем ковал без остановки,
Ноги сделал этой деве,
Ноги сделал ей и руки;
Но нога итти не может,
И рука не обнимает.
Он кует девице уши,
Но они не могут слышать;
Он уста искусно сделал
И глаза ей, как живые,
Но уста без слов остались
И глаза без блеска чувства.
И промолвил Ильмаринен:
«Хороша была бы дева,
Если б речью обладала,
Дух и голос бы имела».
И повлек красотку-деву
На пуховую перину,
На покойные подушки,
На постель свою из шелка.
Вот кователь Ильмаринен
Истопил, напарил баню,
Приготовил в бане мыло
И связал ветвистый веник
Да воды принес три кадки,
Чтобы зяблица купалась,
Подорожничек омылся
От нагара золотого.
Вдоволь сам кузнец помылся,
С удовольствием купался;
Лег он рядом с этой девой
На пуховую перину,
На стальной своей кровати,
На подставках из железа.
Взял кователь Ильмаринен,
Взял он первою же ночью
Одеял число большое,
Да принес платков он кучу,
Два иль три медвежьих меха,
Одеял пять-шесть суконных,
Чтобы спать с своей супругой,
С золотой фигурой рядом.
С одного теплее бока,
Где покрыли одеяла,
Но с другого, где девица,
Где лежит та золотая,
Только холод проникает,
Лишь мороз проходит страшный;
Этот бок уж леденеет,
Уж твердеет, точно камень.
И промолвил Ильмаринен:
«Негодна мне эта дева;
Отвезу ее в Вейнеле,
Вейнемейнену в подарок:
Пусть ему подругой будет,
Сядет курочкой любезной».
Он отвез в Вейнеле деву
И, придя туда, промолвил,
Говорил слова такие:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Вот возьми красотку-деву,
Эту видную девицу:
Рот ее широк не будет,
Не надуты будут щеки».
Старый, верный Вейнемейнен
Увидал фигуру эту,
Бросил взор на это злато,
Говорит слова такие:
«Ты зачем привез мне это,
Это чудище златое?»
Отвечает Ильмаринен:
«Чтоб тебе же было лучше:
Я привез тебе супругу,
Эту курочку в подарок».
Молвил старый Вейнемейнен:
«О кузнец, мой милый братец!
Брось в огонь ты эту деву
И накуй вещей различных
Иль свези ее в Россию,
Эту статую, иль к немцам,
Чтобы там на ней женились,
Чтоб богатые дрались.
Неприлично в нашем роде,
Самому мне точно так же,

Взять невесту золотую
Иль серебряную выбрать».
Запретил тут Вейнемейнен,
Не велел Сувантолайнен,
Поколениям грядущим,
Возрастающему роду,
Перед золотом склоняться,
Серебру уступку делать.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

«Дети бедные, смотрите,
Вы, растущие герои,
Если только в состояньи
Вы понять мои советы:
Берегитесь в вашей жизни,
И пока сияет месяц,
Сватать деву золотую,
Из сребра себе невесту:
Блеск у золота холодный,
Серебро морозом душит».



Руна тридцать восьмая

Илмаринен похищает себе жену в Похьёле

Вот бросает Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Золотое изваянье,
Из сребра свою невесту.
На коня надел он сбрую
И запряг перед санями,
Сам на сани он садится,
Поместился на сиденьи.
Он отправиться решился
И намеренье имел он
Снова свататься в Похьёле
За вторую дочь Похьёлы.
Вот он первый день проехал,
И второй затем проехал,
Наконец, уже на третий,
Въехал он на двор Похьёлы.
Лоўхи, севера хозяйка,
На дворе сама стояла.
Говорить тут начинает,
Начала свои расспросы:
Хорошо ль ее дитяти,
Хорошо ль живется дочке
С мужем в доме у свекрови
Как хозяйке и невестке?
И кователь Илмаринен
Головой поник печально,
Шапка на сторону сбилась.
Сам сказал слова такие:
«И не спрашивай ты, теща,
И не делай ты расспросов,
Хорошо ль живется дочке,
Хорошо ль живет родная!
Смерть ее уже схватила
И конец ее был скорый;
В землю ягодку зарыли
И в песочек положили,
Чернокудрую под стебли,
Серебристую под травы.

Вот за дочерью второю
Я пришел, за младшей девой.
Ты отдай мне деву, теща,
Отпусти вторую дочку
В дом моей супруги первой,
На скамью сестрицы милой».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Плохо прежде поступила,
Дурно сделала я прежде,
Что дитя тебе вручила,
Отдала тебе ту дочку,
Чтобы юная скончалась,
Чтобы свежая погибла,
Точно в пасти злого волка,
В глотке страшного медведя.
Не отдам тебе вторую,
За тебя я дочь не выдам,
Чтоб с тебя смывала сажу,
Очищала бы от гари.
Я скорее брошу дочку,
Это детище родное,
В водопад, шумящий бурно,
В беспокойную пучину,
В страшный зев налима Маны,
В зубы щуки Туонелы».
Тут кователь Илмаринен
Рот скривил, поник главою,
Волоса все набок сбились,
Головой махнул курчавой
И в избу прошел поспешно,
Сам прошел под кровлю быстро,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Ты пойди ко мне, девица,
На скамью своей сестрицы,
В дом моей супруги первой,
Чтобы быть моей женою,
Чтобы печь мне хлебы с медом,
Чтоб варить получше пиво».
На полу запел ребенок,
Он запел и так промолвил:
«Уходи, ты, в замке — лишний,
Уходи от нашей двери!
Повредил ты раньше замку,
Причинил ты замку горе,
Как пришел сюда впервые,
У дверей здесь появился.
Дева, милая сестрица!
Вот жених, но будь разумна:
Не смотри ему на ноги,
Но смотри на рта устройство;
У него ведь десны волка,
Зубы лютого медведя;
Он запрятал лисьи когти,
Когти острые, медвежьи;
Нож его лишь крови жаждет,
Хочет в тело погружаться,
Им он головы срезает,
Им негодный режет спины».
И промолвила девица,
Илмаринену сказала:
«За тебя не выйду замуж,
За такого негодяя!
Ты убил свою супругу,
Погубил мою сестрицу,
И меня убить ты можешь,
Там меня лишишь ты жизни.
Ведь заслуживает дева,
Чтобы муж ее был лучше
И имел бы рост хороший,
Чтоб поехать в лучших санках,
Ехать к лучшему жилищу
И к строению побольше,
А не к кузнице с углями,
Не к огню дрянного мужа».
Рассердился Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Рот скривил, поник главою,
Волоса все набок сбились;
Подбежал, схватил девицу,
Обхватил ее руками,
Из избы стремится бурно,
Подбежал к саням поспешно,
Посадил девицу в сани,
Просто бросил на сиденье,
Собрался оттуда ехать,
Отправляется оттуда
И рукою держит вожжи,
А другою грудь девицы.
Горько плачет та девица,
Заливается слезами.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Я иду к болотной клюкве,
На прибрежную осоку,

Там я, курочка, погибну,
Там умру я, птичка, с горя.
О, кователь Ильмаринен!
Если ты меня не пустишь,
Разобью я эти сани,
Расщеплю их по кусочкам,
Их коленями сломаю,
Разобью я их ногами».
Тут кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«Так кузнец устроил сани,
Что бока их из железа,
Чтобы их не повредила
Этим топаньем красотка».
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
От стыда ломает пальцы
И сжимает больно руки,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Если ты меня не пустишь,
Обращусь тогда я в рыбу
И сигом уйду под волны,
Чтоб тебя, злодей, не видеть».
Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой пущусь я щукой».
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
От стыда ломает пальцы
И сжимает больно руки,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Если ты меня не пустишь,
Убегу я в лес зеленый
Горностаем на утесы,
Чтоб тебя, злодей, не видеть».
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой пущусь я выдрой».
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшеньях,
От стыда ломает пальцы
И сжимает больно руки,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Если ты меня не пустишь,
То я жаворонком стану,
От тебя я спрячусь в туче,
Чтоб тебя, злодей, не видеть».
Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
«От меня ты не спасешься:
За тобой орлом помчуся».
Лишь отъехали немного,
Небольшую часть дороги,
Начинает лошадь фыркать,
Вислоухая пугаться.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой».
Отвечает Ильмаринен:
«Заяц здесь бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!
Было б мне гораздо лучше,
Лучше, если б мне пришлося
Побежать за этим зайцем
И уйти за косолапым,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волоса у зайца лучше,
Рот у зайца покрасивей».
Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Едет шумно по дороге;
Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой».
Отвечает Ильмаринен:
«Здесь лисица пробежала».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, девице бедной!
Мне жилось бы много лучше,
Лучше, если б мне пришлося

Ехать в саночках лисицы,
На сиденьи этой быстрой,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волоса лисицы лучше,
Рот лисицы покрасивей».
Сам кователь Илмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге;
Но немного лишь отъехал,
Очень громко конь зафыркал,
Вислоухий испугался.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой».
Отвечает Илмаринен:
«Это волк бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
«Горе мне, несчастной деве,
Мне жилось бы много лучше,
Мне жилося бы счастливей.
Если бы пришлось мне, бедной,
Побежать за этим волком,
Устремиться вслед за серым,
Что всегда лишь в землю смотрит,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волоса у волка лучше,
Рот у волка покрасивей».
Сам кователь Илмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
С шумом улицею едет,
Едет в новую деревню.
Здесь, усталый от дороги,
Он уснул тотчас же крепко,
А жена с другим смеялась
Над своим уснувшим мужем.
Как кователь Илмаринен
Поутру тогда проснулся,
Рот скривил, главу понурил,
Волоса все набок сбились;
И промолвил Илмаринен,
Вымолвил такое слово:
«Не приняться ль мне за пенье,
Не заклять ли мне невесту,
Обратить в лесного зверя
Или в зверя водяного?
Если в лес ее пущу я,
То весь лес перепугаю;
Коль пущу ее я в воду,
Убегут оттуда рыбы.
Я возьму клинок мой острый
И мечом я с ней покончу».
Чует меч его решенье,
Узнает клинок желанье,
Говорит слова такие,
Так противится герою:
«Не на то ведь я устроен,
Не на то сработан славно,
Чтоб губить бессильных женщин,
Чтоб лишать бессильных жизни».
Вот кователь Илмаринен
Начал сильные заклятья,
Громко начал заклинанья,
Гневно начал изреченья:
Обратил жену он в птицу,
Превратил злодейку в чайку,
Чтоб скакала по утесам,
Чтоб пищала по скалистым,
Чтоб вертелась по прибрежью
И носилась в непогоду.
Тут кователь Илмаринен
Быстро вновь уселся в сани,
Шумно мчится по дороге,
Головой поник печально,
Едет к родине обратно,
На знакомые поляны.
Старый, верный Вейнемейнен
На пути его встречает,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Брат, кователь Илмаринен!
Отчего ты так печален,
Чем ты огорчен так сильно,
Что и шлем твой набок сбился?
Ты вернулся из Похьёлы?
Как живет теперь Похьёла?»
Отвечает Илмаринен:
«Отчего ж не жить Похьёле?
Сампо мелет неустанно,
Мелет день для пропитанья,
А другой день для продажи,
Третий мелет для запаса.

Говорю я справедливо,
Повторяю это снова:
Отчего не жить Похьёле,
Если Сампо есть в Похьёле?
Там ведь пашни, там посевы,
Неизменные там блага».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Брат, кователь Илмаринен!
Где ж супругу ты оставил,
Знаменитую девицу,
Что один ты возвратился,
Без жены назад приехал?»
Отвечает Илмаринен,
Говорит слова такие:
«Обратил в морскую чайку
Я жену свою дрянную,
И теперь на море чайкой
Она кличет постоянно
И шумит там по утесам,
Оглашает криком скалы».

Руна тридцать девятая

Герои едут в Похьёлу за Сампо

Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«О кователь Илмаринен!
Не пойдем ли мы в Похьёлу,
Чтоб добыть оттуда Сампо,
Крышку пеструю увидеть?»
И кователь Илмаринен
Говорит слова такие:
«Невозможно взять нам Сампо,
Крышку пеструю похитить
Из Похьёлы вечно мрачной,
Из туманной Сариолы:
Унесли в Похьёле Сампо,
Крышку пеструю убрали,
В гору каменную скрыли,
В гору медную Похьёлы,
За девять замков тяжелых,
И пошли от Сампо корни
В глубину на девять сажен;
И один проходит в землю,
На берег другой проходит,
Третий в гору, что при доме».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Брат, кузнец ты мой любезный!
Мы пойдем с тобой в Похьёлу,
Чтоб добыть оттуда Сампо:
Мы корабль большой построим,
Чтоб на нем поставить Сампо,
Крышку пеструю похитить,
Взять в скале Похьёлы мрачной,
В той горе, где много меди,
Взять за девятью замками».
Отвечает Илмаринен:
«Путь по суше безопасней;
Лемпо морем пусть поедет,
Смерть пусть тащится по волнам;
Там нагнать нас может ветер,
Может буря опрокинуть,

Там грести придется пальцам,
Направлять локтям придется».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Путь по суше безопасней,
Безопасней, но не легче,
Он извилистей и дальше.
Хорошо по морю в лодке,
В челноке приятно плавать,
По равнинам вод стремиться,
Ехать прямо по теченью.
Ветры лодочку качают,
Волны двигают кораблик,
Ветер западный качает,
Южный ветер подгоняет.
Но пусть будет, как кто хочет:
Ты не хочешь ехать морем,
Так поедем мы по суше,
Мы поедем по прибрежью.
Только ты клинок мне выкуй,
Огневой мне меч устрой ты,
Чтоб собак я им рассеял,
Разогнал народ Похьёлы;
Ибо я иду брать Сампо
Из деревни той холодной,
Из Похьёлы вечно мрачной,
Из туманной Сариолы».
Тут кузнец тот, Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
На огонь железо бросил,
Бросил сталь на кучу углей,
Бросил золота пригоршню,
Серебра пригоршню тоже,
Раздувать мехи заставил
Слуг, работников поденных.
Раздувают сильно слуги,
Те поденщики качают:
Точно тесто, сталь размякла,
Точно кашица, железо,
Как вода, сребро блистает,
Как волна, струится злато.
И нагнулся Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Посмотрел на дно горнила,
На края горящей печки:
Там клинок образовался
С золотою рукояткой.
Смесь из пламени он вынул,
Положил металл прекрасный
Из горна на наковальню,
Чтоб стучал веселый молот.
Сделал меч, какой хотелось,
И клинок был самый лучший;
Меч он золотом украсил,
Серебром отделал славным.
Старый, верный Вейнемейнен
Посмотреть туда приходит;
Огневой клинок берет он,
Взял его рукою правой,
Поворачивает быстро,
Смотрит пристально и долго,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«А придется ль меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу?»
И пришелся меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу:
На конце сияет месяц,
Посредине светит солнце,
В рукоятке блещут звезды,
В нижней части ржет жеребчик,
Наверху кричит котенок,
На ножнах собачка лает.
Там и сям мечом он рубит
По железному утесу,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Лезвием я этим мог бы
Горы твердые разрезать,
Раздробить в куски утесы,
Расколоть на части скалы».
Сам кователь Илмаринен
Говорит слова такие:
«Чем же я могу, несчастный,
Чем, отважный, защищаться,
Опоясаться, закрыться
От всех бед морей и суши?
Не в броню ли мне одеться,
Взять железную рубашку
Да стальной на чресла пояс?
Всякий муж в броне сильнее,
Богатырь в железе лучше,
Крепче в поясе из стали».
Вот пришла пора уехать,
Час приблизился отъезда,
Должен ехать Вейнемейнен,
С ним кователь Илмаринен;

И пошли искать лошадку,
С колосистой гривой лошадь;
Повода у них на чреслах,
На плечах у них вся сбруя.
Вот высматривают лошадь,
Морду лошади средь леса,
Смотрят пристально по чаще,
По лесной опушке темной.
Наконец нашли в дубраве
Желтогривую лошадку.
Старый, верный Вейнемейнен,
С ним кователь Илмаринен
На коня ремни надели,
Повод лошади на морду
И стуча дорогой едут,
Оба едут по прибрежью;
Услыхали вопль на взморье,
Крики с пристани несутся.
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Это девушка там плачет,
Это курочка рыдает.
Не подъехать ли поближе,
Посмотреть, что там такое?»
Сам подъехал он поближе
Посмотреть, что там такое:
То не девушка там плачет,
То не курочка рыдает:
Это лодочка там плачет,
То челнок вопит печально.
Молвил старый Вейнемейнен,
Стоя сбоку этой лодки:
«Что ты плачешь, челн дощатый,
Ты, с уключинами лодка?
Иль груба твоя работа,
Тяжелы крюки для весел?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«В море выйти лодка хочет
С тех катков, смолой покрытых,
Точно в мужнино жилище
Хочет девушка из дома.
Вот я плачу, челн несчастный,
Лодка бедная, горюю,
Чтоб меня столкнули в воду,
Чтоб меня спустили в море.
Мне, как строили, сказали,
Как сколачивали, пели:
Быть мне лодкою военной,
Быть корабликом для битвы,
Чтоб возить на дне богатство,
Чтоб с сокровищами плавать.
На войне еще я не был,
За добычею не ездил.
А другие лодки, хуже,
Ездят все-таки на битву,
На веселое сраженье,
Трижды в лето выезжают,
Возвращаются с деньгами
И на дне везут богатство.
Я ж, построенный прекрасно
Из досок, из целой сотни,
Здесь лежу на этих щепках,
На катках, смолой покрытых.
На том месте, где построен,
Где сработан топорами;
Земляные только черви
Подо мной живут покойно
Да противнейшие птицы
На моей гнездятся мачте,
Да лягушки из лесочка
На бока мои садятся.
Вдвое было бы мне лучше,
Вдвое лучше, даже втрое
На горе расти сосною
Или елью на песочке:
Белка прыгала б по веткам,
А под ветками собака».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Ты не плачь, челнок дощатый,
Ты, с уключинами лодка!
На войну пойдешь ты скоро,
Ты поедешь на сраженье.
Создана ли хорошо ты,
Создана ли ты искусно?
Боком можешь ли ты ехать,
Стороною по теченью,
Чтоб не брать тебя рукою,
Кулаком тебя не трогать
И плечом тебя не двигать,
Не тащить тебя руками?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит,
Челны, братья дорогие,

По воде бежать не могут,
Не умеют плыть по волнам,
Коль их в воду не столкнули,
Не погнали их на волны,
Коль не тронули руками,
Коль не сдвинули их с места».
Молвил старый Вейнемейнен:
«Коль столкну тебя я в воду,
Побежишь ли ты без весел,
Чтоб не трогалися весла,
Руль тебе не помогал бы,
В паруса не дули б ветры?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Мой обширный род не ходит
И никто из нас не едет,
Коль грести не будут пальцы,
Если весла не помогут,
Если руль служить не будет,
Не подуют в парус ветры».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Побежишь ли ты при гребле,
Если весла будут двигать,
Если руль тебя погонит,
В паруса подуют ветры?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Весь обширный род мой ходит,
Челны, братья дорогие,
Если руки держат весла,
Если весла помогают,
Руль подвижный подгоняет,
Если дуют в парус ветры».
Оставляет Вейнемейнен
На песках свою лошадку,
Привязал к суку за повод,
К деревцу за недоуздок
И столкнул челнок на волны,
Пеньем гонит лодку в воду,
Так у лодки вопрошает,
Говорит слова такие:
«Челн, изогнутый прекрасно,
Ты, с уключинами лодка!
Так же ль ты пойдешь прекрасно,
Как ты выглядишь, дощатый?»
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
«Я могу ходить прекрасно,
Поместить на дне могу я
Сто мужей, держащих весла,
Или тысячу без дела».
Начал старый Вейнемейнен
Напевать тихонько песни:
На одном боку той лодки
Молодцы-красавцы сели;
В кулаках их много силы;
На ногах у них сапожки;
На другом боку той лодки
Сели девушки в колечках,
В оловянных украшеньях,
В поясках блестящей меди.
Пел и дальше Вейнемейнен:
Занял все скамьи мужами;
Там на дне уселись старцы,
Что всю жизнь свою сидели;
Посадил их потеснее,
Молодежь расселась раньше.
Сам он сел в конце той лодки,
У кормы, что из березы,
Свой кораблик направляет,
Говорит слова такие:
«Ты беги, мой челн, по волнам,
По пространству без деревьев,
Ты беги, как пузыречек,
Как цветочек, по теченью».
Молодцов грести заставил,
А девиц сидеть без дела:
Молодцы гребут прилежно,
Но пути не убывает.
Он девиц грести заставил,
Молодцов сидеть без дела:
И гребут девицы сильно,
Но пути не убывает.
Стариков грести заставил,
Молодых сидеть без дела:
Старики гребут усердно,
Но пути не убывает.
Наконец, уж Илмаринен
Сам грести туда уселся;
Побежал челнок дощатый,
И дорога убывает.
Лишь звучат удары весел,
Визг уключин раздается.
Он гребет с ужасным шумом,
И качаются скамейки,

Стонут весла из рябины,
Ручки рябчиками свищут,
Лопасть чернышом бормочет,
Носом челн звучит, как лебедь,
А кормой кричит, как ворон,
И уключины гогочут.
Сам же старый Вейнемейнен
Лодку с плеском направляет,
На корме на красной сидя,
У руля там помещаясь.
Вдруг мысочек показался,
На мысочке — деревушка.
На мысочке жил здесь Ахти,
На мыске у бухты Каўко.
Плачет он, что нету рыбы,
Нехватает ему хлеба,
Что мала его избушка,
Что житье плуту плохое.
Он бока устроил лодке,
Челноку он дно приделал
На голодном этом мысе,
У несчастной деревушки.
Слух у Ахти превосходный,
А глаза того получше:
Осмотрел он север, запад,
Повернул на солнце взоры,
Видит радугу далеко,
А еще подальше — тучу.
Но не радугу он видит
И не тучу дождевую:
Это лодка проезжает,
Это челн дощатый едет
На хребте прозрачном моря,
По открытому теченью;
У руля сидит отважный,
Сильный муж сидит на веслах.
Молвит юный Лемминкейнен,
Говорит слова такие:
«Этой лодки я не знаю,
Не могу узнать никак я
Челнока такой постройки,
Что стремится из Суоми;[1]
Весла воду бьют с востока,
Руль направился на запад».
Громким голосом он кличет,
Крик его раздался всюду;
Он кричит с конца мысочка,
Через воду громко кличет:
«Это чья на море лодка,
Чей кораблик здесь на волнах?»
Молодцы сказали с лодки,
Так девицы отвечали:
«Что за муж ты в этой роще,
Что за храбрый в этой чаще,
Коль не знаешь нашей лодки,
Этой лодки из Вейнеле,
И не знаешь рулевого,
У весла того героя?»
Отвечает Лемминкейнен:
«Рулевого-то я знаю,
И гребца я знаю тоже:
Старый, верный Вейнемейнен
У руля сидит и правит,
А гребец сам Илмаринен.
Вы куда плывете, мужи,
Направляетесь, герои?»
Молвит старый Вейнемейнен:
«Едем прямо мы на север,
Против сильного теченья,
По волнам, покрытым пеной.
Мы себе добудем Сампо,
Крышку пеструю посмотрим
В каменной скале Похьёлы,
В недрах медного утеса».
И промолвил Лемминкейнен:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Ты меня возьми как мужа
И как третьего героя,
Ибо ты идешь взять Сампо,
Крышку пеструю похитить.
Окажусь еще я мужем,
Буду я еще полезен,
Если драться будет нужно,
Если битвы час настанет;
Дам рукам я приказанье,
Поучу еще я плечи».
Старый, верный Вейнемейнен
Взял с собой в дорогу мужа,
Молодца с собою в лодку,
И веселый Лемминкейнен
Входит в лодку торопливо,
Поспешает легким шагом
И несет бруски с собою
Вейнемейнену для лодки.
Молвит старый Вейнемейнен:
«Есть уж дерево здесь в лодке,

Есть в челне моем брусочки,
Все устроено, как надо;
Ты зачем принес брусочки,
Бревна нам сюда на лодку?»
Отвечает Лемминкейнен:
«Не чрез помощь тонет лодка.
Тонет не чрез осторожность,
В море северном уж часто
Бури брали брусья лодок,
Ветры мачты отрывали».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Для того в военной лодке
Выгиб сделан из железа
И обит он сверху сталью,
Чтобы ветры не вредили,
Бури лодку не разбили».

Руна сороковая

Вейнемейнен делает кантеле

Старый, верный Вейнемейнен
Направляет лодку дальше,
От конца большого мыса,
От несчастной деревушки.
По волнам он правит с пеньем,
Полный радости, по морю.
Смотрят с берега девицы,
Смотрят, слушают и молвят:
«Что за клики там на море,
Что за песни на теченьи?
Эти клики лучше прежних,
Пенье лучше, чем бывало».
Направляет Вейнемейнен
В первый день по речкам лодку,
Во второй все по болотам,
В третий правит по порогам.
Вспоминает Лемминкейнен,
Как он прежде слышал речи
Возле огненных потоков,
У святой речной пучины.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, порог, не пенься бурно,
Ты, вода, не колыхайся!
Дева рек, девица пены,
Сядь на камнях средь пучины,
На скале среди шипенья;
Захвати ты волны в руки,
Ты нажми прибой руками,
В кулаках сожми ты пену,
Не пускай на грудь нам брызги
И на головы шипенье.
Ты, старуха, в глуби моря,
Что средь пены обитаешь!
Ты всплыви наверх, на волны,
Поднимись над пеной грудью,
Ты свяжи покрепче пену,
Стереги получше волны,

Чтобы тот от них не сгинул,
Кто безгрешен и невинен.
Вы, среди реки каменья,
Опененные утесы!
Вы чело нагните ваше
И главы спустите книзу
На дороге лодки красной,
На пути ладьи смоленой.
Если этого все мало —
Киви-Киммо, ты, сын Каммо! [1]
Буравом ты щель проделай
Проколи ты здесь отверстье
Чрез утес среди потока,
Через злой подводный камень,
Чтобы лодка не засела,
Пробежала невредимо.
Если этого все мало —
Ты, хозяин вод текущих!
Обрати ты в мох каменья,
А челнок в дыханье щуки,
Как пойдет он через волны,
Через горы водяные.
О ты, дева водопада,
Ты в реке живешь, девица!
Ты скрути помягче нитку,
Из льняных спряди початков,
Протяни чрез воду нитку,
Чрез потоки голубую,
Чтоб по ней мой челн стремился,
Осмоленным дном проехал,
Чтоб неопытные даже
Здесь по ней нашли дорогу.
Мелатар, [2] жена благая,
Руль возьми свой благосклонно,
Чем ты лодку направляешь
В очарованных потоках
Мимо злобного жилища,
Мимо окон чародеев.
Если этого все мало, —
Укко, ты мой бог небесный!
Проведи мечом ты лодку,
Ты направь клинком блестящим,
Чтоб бежал челнок дощатый,
Чтоб спешил челнок сосновый!»
Старый, верный Вейнемейнен
Правит дальше через волны,
Меж подводными скалами,
Через пену с диким ревом.
Там челнок не зацепился,
Лодка мудрого не стала.
Но когда она уж вышла
На открытое теченье,
Вдруг свой бег остановила;
Быстрый челн вперед не мчится,
На одном застрявши месте,
Он подвинуться не может.
Сам кователь Илмаринен,
С ним веселый Лемминкейнен
Весла в море упирают,
Жердь еловую в теченье,
Напрягают все усилья,
Чтобы дать свободу лодке —
Лодка сдвинуться не хочет,
Не отходит челн дощатый.
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Ты, веселый Лемминкейнен,
Посмотри туда, нагнися:
Что такое держит лодку,
Что наш челн остановило
В распростершихся потоках,
В глубинах вполне спокойных?
Что там: пень какой иль камень
Иль препятствие иное?»
Сам веселый Лемминкейнен
Посмотреть туда нагнулся,
Смотрит вниз под лодку быстро,
Говорит слова такие:
«Не на пне сидит наш челн здесь,
Не на пне и не на камне:
На плече сидит он щуки,
На бедре морской собаки».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Все в воде возможно встретить:
Есть там пни и есть там щуки.
На спине сидим у щуки,
На бедре морской собаки;
Полезай мечом ты в воду
И разрежь на части рыбу».
Тут веселый Лемминкейнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Из-за пояса меч вынул,
Острый меч, что кости рубит,
И клинком полез он в воду,
Да свалился с края лодки,

С борта в воду повалился
И гребет руками в море.
Илмаринен быстро тащит
Тотчас за волосы мужа,
Из потоков его поднял,
Говорит слова такие:
«Все поделались мужами,
Бородатыми все стали!
И таких, пожалуй, сотня,
Даже тысяча найдется».
Взял кователь с подпояски
Из ножен свое железо,
Чтоб покончить с этой рыбой;
Ударяет вниз под лодку;
Но клинок в куски разбился,
Щука же того не чует.
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Вы в пол-мужа не годитесь,
В вас героя нет и трети;
Если надобность есть в муже,
Если разум мужа нужен,
Тут ума и нехватает,
Исчезает ваш рассудок».
Сам клинок свой вынимает,
Тащит острое железо;
Он клинок вонзает в волны,
С края лодки в глубь вонзает,
В спину той огромной щуки,
В ребра той морской собаки.
Меч однако там остался
И застрял у рыбы в теле.
Старый, верный Вейнемейнен
Рыбу вытащил наружу,
Из воды он щуку поднял,
Взял морскую ту собаку;
На куски распалась щука
И на части развалилась:
Рыбий хвост на дно свалился,
Голова свалилась в лодку.
Снова мог челнок проехать,
Лодка сдвинулася с места.
Старый, верный Вейнемейнен
Повернул челнок к утесу,
Лодку к берегу он гонит.
Повернулся он и видит
Щучью голову в обломках,
Говорит слова такие:
«Кто из юных здесь постарше?
Распластал бы мне он щуку,
Разделил на части рыбу,
Щучью голову разрезал».
Отвечали с лодки мужи,
С борта женщины сказали:
«У ловца прекрасней руки
И святее его пальцы».
Старый, верный Вейнемейнен
Из ножен свой ножик вынул,
Сталь холодную взял сбоку,
Чтоб разрезать эту щуку,
Распластать на части рыбу,
Сам сказал слова такие:
«Кто из дев здесь всех моложе?
Пусть нам сварит эту щуку,
Чтобы вышла нам на завтрак,
На прекрасную пирушку».
И взялись варить девицы,
Десять дев на спор взялися,
И сварили эту щуку
Для закуски, для обеда;
На скале остались кости,
Рыбьи кости на утесе.
Старый, верный Вейнемейнен
Посмотрел на эти кости;
Он со всех сторон их смотрит,
Говорит слова такие:
«Что б могло отсюда выйти,
Из зубов огромной щуки
И из челюстей широких,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу?»
И промолвил Илмаринен:
«Ничего из бесполезных
Рыбьих косточек не выйдет,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Из костей однакож может
Выйти кантеле,[3] пожалуй,
Если б мастер здесь нашелся,
Чтоб их сделать инструментом».
Но там мастер не нашелся,
Чтобы сделать рыбьи кости

Музыкальным инструментом.
Начал старый Вейнемейнен
Сам вязать те рыбьи кости,
Сам он мастером явился,
Инструмент он сам устроил,
Вещь на вечную отраду.
Короб кантеле откуда?
Он из челюсти той щуки.
Штифтики его откуда?
Из зубов огромной рыбы.
Струны кантеле откуда?
Из волос коня, что мчится
По равнинам дальним Хиси,
По полям далеким Лемпо.
Гусли сделаны уж были,
Кантеле давно готово,
Гусли те из щучьей кости,
Кантеле из рыбьих перьев.
Собрался холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
С ними девочки-малютки
И старухи и девицы,
Также женщины лет средних,
Чтобы кантеле увидеть,
Посмотреть на эти гусли.
Старый, верный Вейнемейнен
Дал и юным, дал и старым,
Людям средних лет дозволил,
Чтобы пальцами играли
На том кантеле из щуки,
На тех гуслях рыбьей кости.
Старики и молодые,
Люди средних лет играли:
У младых ломались пальцы,
Старых головы тряслися,
Но веселье не настало,
И игра не выходила.
И промолвил Лемминкейнен:
«Полоумные вы дети,
Тупоумные девчонки,
Вы — народ совсем негодный!
Вы играть не в состояньи
И извлечь искусно звуки;
Гусли эти мне подайте,
Мне вы кантеле несите,
Мне поставьте на колени,
Здесь под кончиками пальцев».
Вот веселый Лемминкейнен
Держит кантеле руками,
Ставит гусли пред собою
И под пальцами их держит.
Вот он кантеле потрогал,
Так и сяк переставляет,
Не звучат однако гусли,
Не дают они отрады.
Молвит старый Вейнемейнен:
«Ни средь тех, кто помоложе,
Средь растущего народа,
Ни средь старцев не найдется,
Кто б на этом инструменте
Мог сыграть и дать отраду.
Не найдутся ли в Похьёле,
Кто б сыграл на этих гуслях
И извлек из них отраду,
Коль пошлю я их в Похьёлу?»
Отослал в Похьёлу гусли,
Отослал их в Сариолу.
Там и юноши играли,
Там и девушки играли,
И замужние играли,
И женатые мужчины;
Даже старая хозяйка
Поворачивала гусли,
Крепко пальцами хватала,
Мяла кончиками пальцев.
Поиграли все в Похьёле,
Люди возрастов различных:
Незаметно там веселья,
Не была игра приятна.
Струны все перевернулись.
Жалко волосы стонали,
Звуки жестки выходили,
Дурно кантеле звучало.
Спал слепой, в углу свернувшись,
Там лежал на печке старый.
Вот на печке он проснулся,
Пробудился на лежанке,
Забурчал, на печке сидя,
Заворчал, в углу оставшись:
«Перестаньте вы играть там,
Прекратите шум несносный!
Вы мне голову разбили
И в ушах продули щели,
Через волосы проникли,
Сон надолго мой отбили.

Если кантеле Суоми
Не приносит нам отрады,
Не дает дремоты сладкой,
Сна приятно не наводит,
Так его вы бросьте в воду,
В глубину морей забросьте
Иль назад его снесите,
Положите эти гусли
На руки, что их создали,
У настроивших их пальцев».

Тотчас струны отвечали,
Кантеле в ответ сказало:
«Не хочу итти я в воду,
Погрузиться в глубь морскую;
Пусть на мне играет мастер
Сам своей рукой искусной».
Отнесли тихонько гусли,
Осторожно положили
На создавшие их руки
И творцу их на колени.

Руна сорок первая

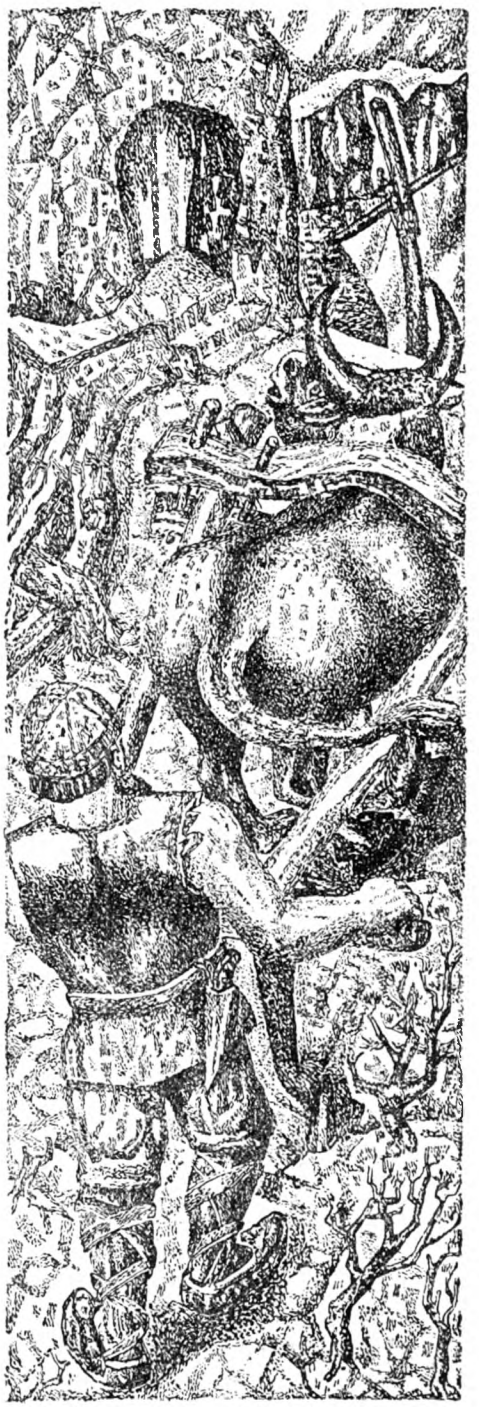
Вейнемейнен играет на кантеле

Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Тут привел в порядок пальцы,
Помочил больших два пальца,
На скалу отрады вышел,
Сел на камень песнопенья,
На сребристом возвышеньи,
На холмочке золотистом.
Пальцами берет он тусли,
Ставит выгиб на колени,
Держит кантеле руками,
Говорит слова такие:
«Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышал раньше
Этих звуков вечных песен,
Как звучат прекрасно гусли».
Начал старый Вейнемейнен
Издавать искусно звуки
На тех гуслях рыбьей кости,
На том кантеле из щуки;
Пальцы быстро поднялися,
Высоко большой поднялся.
Шло веселье за веселием,
Клик за кликом раздавался;
Та игра была игрою,
Пенье было по напевам;
Звук издали рыбьи кости,
Дали тон те щучьи зубы;
Струны звук давали мощный,
Волоса коня — тон светлый.
Вот играет Вейнемейнен —
И в лесу не оставалось
Никого из тех, что ходят,
Тех, что могут бегать, прыгать,
Чтоб не шел туда послушать
И, ликуя, восторгаться.
Векши весело цеплялись,
С ветки прытали на ветку;

Подбежали горностаи,
Возле изгороди сели;
Лось запрыгал на поляне,
Даже радовались рыси.
Волк проснулся на болоте;
На песчанике поднялся
Сам медведь в сосновых чащах,
Средь густых зеленых елей.
Волк бежит широким полем,
По песку медведь несется
И садится у забора;
У калитки он уселся,
Повалил забор на камни,
На песок свалил калитку;
На сосну тогда влезает,
Он вскарабкался на елку,
Чтобы ту игру послушать
И, ликуя, восторгаться.
Бодрый старец Тапиолы,
Царь лесных пространств широких,
С ним весь Тапио народец,
Все, и девушки, и парни,
Влезли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.
И сама хозяйка леса,
Эта бодрая старуха,
Вышла в синеньких чулочках,
Подвязав их красным бантом,
На нарост березы села,
На изгиб ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтоб услышать эти звуки.
Все воздушные летуньи,
Все с двумя крылами птицы,
Запорхали, прилетели,
Прилетели и уселись
Слушать радостные звуки
И, ликуя, восторгаться.
Вот орел услышал дома
Звуки дивные Суоми;
Он птенцов в гнезде оставил,
Сам, собравшись, улетает,
Чтоб игру героя слушать,
Вейнемейнена напевы.
С высоты орел спустился,
Из-за туч спустился ястреб,
Из потоков вышли утки,
Вышли лебеди из топей,
Даже зяблики-малютки,
Что так весело щебечут,
Сотни чижичков слетелись,
С ними жаворонки вместе
Тысячей вверху шумели,
На плечах возились старца.
Так играл отец почтенный,
Восхищал всех Вейнемейнен.
Даже дочери творенья,
Девы воздуха явились
И, ликуя, восторгались,
Слыша кантеле звучанье;
И одна в небесном своде
Там на радуге уселась,
А на облаке другая,
На краю сияя красном.
Дева, месяца красотка,
И красавица, дочь солнца,
Берда ручками держали
И работали станками,
Золотую ткань все ткали,
Ткань с серебряною ниткой,
На краю той красной тучки,
На краю большого свода.
Но как только услыхали
Звуки гусель превосходных,
Берда выпали из ручек,
Ускользнул челнок из пальцев,
Порвалась златая нитка,
Порвался шнурок сребристый.
И в воде не оставалось
Никого из тех, кто носит
Шесть для плавания перьев,
Не осталось рыбьей стаи,
Чтоб не шла туда послушать
И, ликуя, восторгаться.
Собрались, приплывши, щуки,
Не спеша, собаки моря;
Собрались от рифов семги,
Из глубин сиги приплыли,
Выплыл окунь красноглазый,
Корюшки приплыли стаей,
Вместе все в камыш уткнулись,
Стали в ряд, чтобы послушать
Вейнемейнена напевы,
На игру полюбоваться.
Ахто, этот царь потоков,
С травяной бородою старец,

Выплыл тоже на поверхность,
На цветке морском он выплыл.
Слышит дивные те звуки,
Говорит слова такие:
«Не слыхал я в своей жизни
Ничего, чтоб так звучало,
Как играет Вейнемейнен,
Как поет здесь песнопевец».
Дочки уточки у моря,
Тростниковые сестрицы,
На морском прибрежьи сидя,
Волоса свои чесали,
Локоны свои ровняли
Гребнем, золотом богатым,
Серебром обитой щеткой.
Услыхали эти звуки —
Соскользнула щетка в воду,
Быстро в волны повалилась;
Так волос не расчесали,
Разве только вполовину.
Наконец, воды хозяйка,
Вся покрытая травою,
Поднялась из глуби моря,
Выплывает осторожно,
Проползла в тростник прибрежный
И на риф облокотилась,
Чтоб послушать эти звуки,
Вейнемейнена напевы.
Звуки дивно раздавались,
И игра была чудесна:
Задремала вод хозяйка,
Вниз лицом она заснула
На спине скалы высокой,
На краю большого камня.
Старый, верный Вейнемейнен
День играет и другой день.
Не осталося героя,
Никого из этих храбрых,
Не осталось там ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто б от той игры не плакал,
Чье не тронулось бы сердце.
Плачут юные и старцы,
Плачут люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачут также и девицы,
Плачут девочки-малютки:
Так чудесны эти звуки,
Так играет дивно старец.
Плачет старый Вейнемейнен.
Слезы катятся обильно,
Из очей сбегают капли,
Те жемчужины стекают;
Покрупнее они клюквы
И горошины потолще,
Покрупней яйца рябушки,
Головы касатки больше.
Из очей водица каплет,
Сильно каплями сбегает
И на челюсти стремится,
По щекам стекает книзу,
А со щек бежит прекрасных
На широкий подбородок,
С подбородка же стремится
По груди высокой старца,
А с груди высокой старца
На крепчайшие колени,
А с колен крепчайших этих
На подъем ноги высокой,
А с ноги высокой старца
Уж на землю под ногами;
Через пять катится курток,
Шесть златистых подпоясок,
Да чрез семь кафтанов синих,
Через восемь верхних платьев.
Так роняет Вейнемейнен
Водяные капли, старый,
На морское побережье,
А с морского побережья
В глубину воды блестящей,
На чернеющую тину.
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Нет ли здесь меж молодежью,
Между юными толпами,
В этом племени обширном
Из сынов кто не найдется ль,
Кто б собрал мне эти слезы
Из глубоких вод блестящих».
Отвечали молодые,
Так ему сказали старцы:
«Нет здесь между молодежью,
Между юными толпами,
В этом племени обширном,
Из сынов здесь никого нет,

Кто б собрал тебе те слезы
Из глубоких вод блестящих».
Молвил старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Кто мои достанет слезы,
Водяные вынет капли
Из глубоких вод блестящих,
Дам тому из перьев платье».
Подошел, закаркав, ворон.
Молвит старый Вейнемейнен:
«Принеси мне, ворон, слезы
Из глубоких вод блестящих:
Дам тебе из перьев платье».
Не достал в воде слез ворон.
Утка синяя то слышит,
Утка синяя подходит.
Молвил старый Вейнемейнен:
«Утка синяя, ты часто
В глубину уходишь с клювом,
Любишь свежую водицу —
Собери, пойди, мне слезы
Из глубоких вод блестящих;
Будет славная награда:
Дам тебе из перьев платье».
Собирать уходит утка
Эти слезы старца Вейне
Из глубоких вод блестящих.
Там на черном, темном иле
Собрала по морю слезы,
Принесла их в руки Вейне.
Слезы вид другой имели
И прекрасно изменились:
Заблестели жемчугами,
Голубым сверкали блеском,
Чтоб царю служить украсой.
Вечной мощному утехой.



Руна сорок вторая

Похищение Сампо

Старый, верный Вейнемейнен
С ним кователь Илмаринен,
В третьих с ними Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
По морю спокойно едут,
По равнине вод открытых,
В ту холодную деревню,
В вечно мрачную Похьёлу,
Где герои пропадают
И мужи где погибают.
Кто ж гребет у них на лодке?
Первый был там Илмаринен,
Он гребет на этой лодке,
Он гребет веслом передним,
А второй был Лемминкейнен,
Он гребет веслом последним.
Старый, верный Вейнемейнен
На корме к рулю садится,
Направляет челн по морю,
Направляет чрез потоки,
Через пенистые волны,
По теченью с бурной пеной,
Правит к пристани Похьёлы,
К перекатам, уж знакомым.
Вот туда они подходят,
Путь окончивши далекий,
И челнок на сушу тащат,
Уставляют челн смоленый
На катках, обитых сталью,
На катках, богатых медью.
Челн поставив, входят в избу,
Быстро внутрь избы проходят.
И хозяйка Сариолы
Расспросила у прибывших:
«Что поведаете, мужи,
Что расскажете, герои?»
Старый, верный Вейнемейнен
Дал в ответ слова такие:

«Речь героев здесь о Сампо,
Речь мужей о пестрой крышке:
Поделить пришли мы Сампо,
Крышку пеструю увидеть».
Но хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
«Меж тремя не делят белку
И не делят куропатку.
Хорошо стучать здесь Сампо
И шуметь здесь пестрой крышке
Посреди скалы Похьёлы,
В недрах медного утеса.
Этим счастьем я довольна,
Обладательница Сампо».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Если ты делить не хочешь,
Чтоб мы взяли половину,
Мы тогда возьмем все Сампо,
Унесем насильно в лодку».
Лоўхи, севера хозяйка,
Очень сильно обозлилась,
Созвала народ Похьёлы,
Молодых людей с мечами,
Всех героев с их оружьем
Вейнемейнену на гибель.
Старый, верный Вейнемейнен
Тотчас к кантеле подходит
И играть на нем садится.
Начал он играть прекрасно:
Все заслушалися люди,
Удивлялись этим звукам,
Стали веселы все мужи,
На устах смех у всех женщин,
Влажны очи у героев,
На коленях все ребята.
Весь народ ослабил старец:
Все, уставши, повалились,
И, кто слушал, задремали,
Кто дивился, все упали.
Спали юноши и старцы,
Как играл там Вейнемейнен.
Тотчас мудрый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
В свой карман полез поспешно,
Ищет в кожаном мешочке,
Вынул стрелы сна оттуда:
На глаза навел дремоту,
Крепко запер всем ресницы,
На замок он запер взоры
Утомленному народу,
Погруженным в сон героям.
Он навел на них сон крепкий,
Чтоб они проспали долго,
Эти жители Похьёлы,
Весь народ со всей деревни.
Он пошел тогда взять Сампо,
Крышку пеструю увидеть
Посреди скалы Похьёлы,
В недрах медного утеса,
Где замков висело девять,
Если ж счесть засов, так десять.
Начал старый Вейнемейнен
Тихим голосом напевы
Возле медного утеса,
Пред скалистым этим замком:
Покачнулись там ворота,
И крюки их затрещали.
Вот помазал Илмаринен,
Мажут вместе с ним другие
Жиром те замки у входа,
Салом те крюки дверные,
Чтобы дверь не заскрипела,
Чтоб крюки не завизжали.
Повернул замок он пальцем,
Поднял он засов рукою,
Без труда замки он отпер
И легко открыл ворота.
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«О веселый Лемминкейнен,
Ты друзей моих всех выше!
Ты пойди: возьмешь там Сампо,
Крышку пеструю захватишь».
И веселый Лемминкейнен,
Молодец Каўкомиэли,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без одобренья,
Устремился взять там Сампо,
Крышку пеструю в утесе,
И, идя туда, промолвил,
На ходу он похвалился:
«Есть теперь во мне мужчина,
Богатырь здесь в сыне Укко;
Я собью в утесе Сампо,
Крышку пеструю сверну я

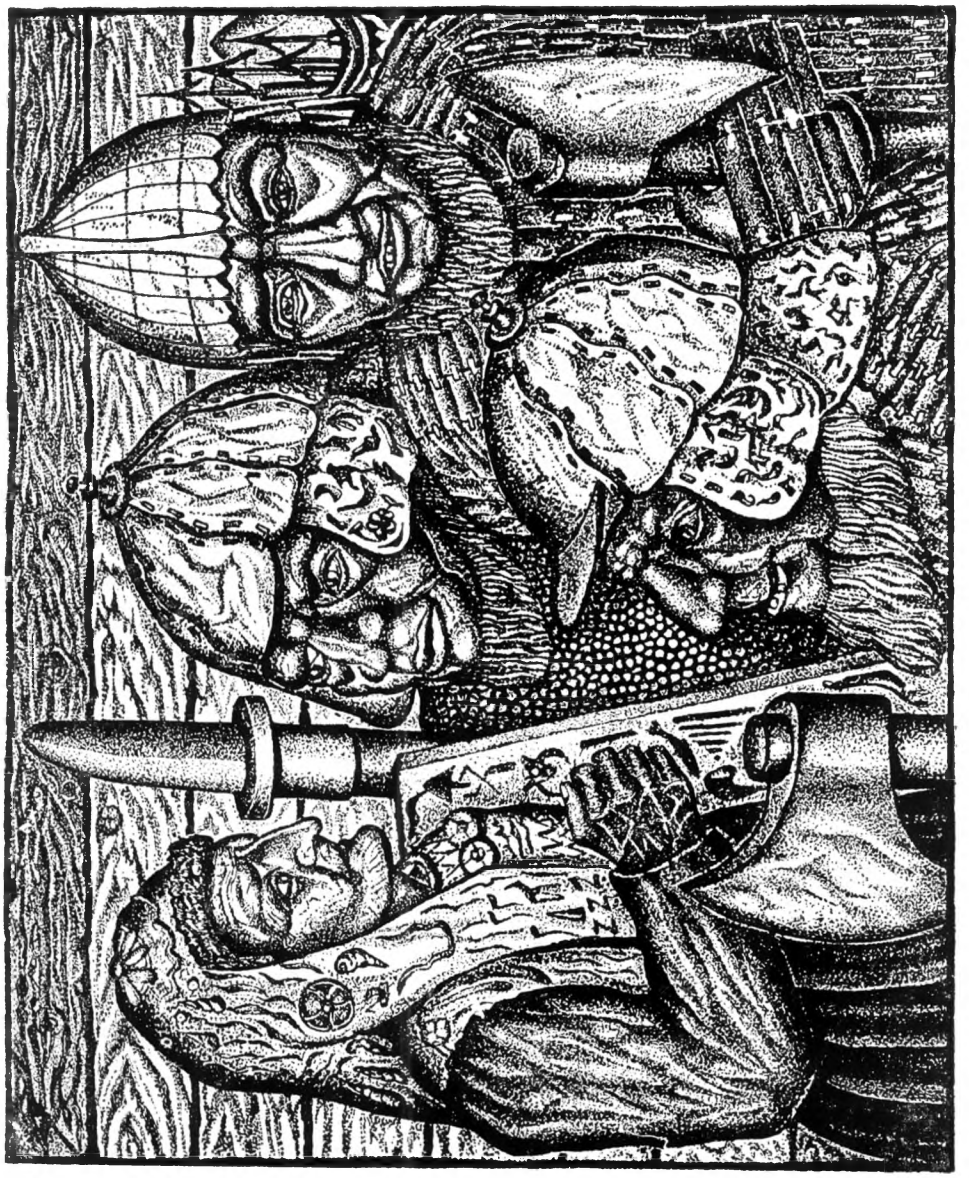
Только правою ногою,
Голько пяткою я двину».
Вот сбивает Лемминкейнен,
И сбивает он, и вертит,
Ухватил руками Сампо
И упер колено в землю, —
Но не сдвинулося Сампо,
Крышка пестрая не сбилась:
Сампо корни запустило
В глубину на девять сажен.
Бык в Похьёле был хороший,
Был он рослый, очень сильный,
С очень крепкими боками
И с хорошим сухожильем;
Каждый рог его был в сажень,
В полторы сажени морда.
Взял быка с полей зеленых,
Взял он плуг с окрайны поля,
Корни выпахал у Сампо,
Корешки у пестрой крышки,
И подвинулося Сампо,
Крышка пестрая качнулась.
Взял тут старый Вейнемейнен,
С ним кователь Илмаринен,
В третьих с ними Лемминкейнен,
Взяли так большое Сампо
Посреди скалы Похьёлы,
В недрах медного утеса,
Отнесли его на лодку,
В корабле его укрыли.
Наконец-то Сампо в лодке,
В лодке пестрая та крышка.
Мужи челн толкают в море,
На течение дощатый.
С шумом в воду челн спустился,
На течение боками.
И спросил тут Илмаринен,
Говорит слова такие:
«Но куда свезем мы Сампо
И куда его мы денем,
Чтоб оно подальше было
От Похьёлы, полной злостью?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Вот куда свезем мы Сампо,
Крышку пеструю оттащим:
На туманный мыс далекий,
На покрытый мглою остров,
Где оно в покое полном
Навсегда остаться может.
Там ведь есть еще местечко,
Там клочок земли остался
Невредимый и спокойный
И мечом не посещенный».
Едет старый Вейнемейнен
От границ Похьёлы мрачной,
Едет он с покойным духом,
Едет к родине веселый,
Говорит слова такие:
«Отвернись, челн, от Похьёлы;
Повернись к родному месту,
А к чужбине стань спиною.
Ветер, ты качай кораблик;
Ты, вода, мне двигай лодку,
Окажи ты веслам помощь,
Легкость дай лопаткам весел
На равнинах вод широких,
По открытому теченью!
Коль у лодки весла малы,
Коль гребцы здесь малосильны,
Невелик на лодке кормчий,
Если дети правят лодкой —
Дай твои нам весла, Ахто,
Ты, хозяин, дай и лодку,
Весла новые получше,
Дай и руль, вполне пригодный,
Сам тогда садись у весел,
Сам иди, чтоб двинуть лодку;
Пусть челнок бежит скорее,
Пусть уключины скрипят все
Средь прибоя волн шумящих,
Средь воды, покрытой пеной».
Гонит старый Вейнемейнен
Свой челнок прекрасный дальше.
Сам кователь Илмаринен
И веселый Лемминкейнен
Там гребут на этой лодке,
Там гребут и поспешают
На водах прозрачных, чистых,
На равнинах вод открытых.
И промолвил Лемминкейнен:
«Сколько я ни греб, бывало —
Заняты гребцы водою,
А певцы искусным пеньем.
А сегодня я не слышу
Ничего у нас такого:

Нету песен в нашей лодке,
Нету пения на волнах».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Петь не следует на море,
Начинать в потоках пенье:
Лишь покой приносит пенье,
Помешают песни гребле.
Свет дневной златой исчезнет,
Темнота нас здесь застанет
На равнинах вод широких,
По открытому теченью».
Тут веселый Лемминкейнен
Говорит слова такие:
«Ведь и так уходит время,
Исчезает день прекрасный,
Быстро ночь сюда стремится
И спешит вечерний сумрак.
Пенье повредить не может,
Песни нам не будут вредны».
Едет старый Вейнемейнен
По волнам на синем море,
Правит день, другой день правит,
Наконец, уже на третий,
Встал веселый Лемминкейнен,
Говорит слова такие:
«Отчего же, Вейнемейнен,
Лучший муж, ты петь не хочешь?
Получил же ты ведь Сампо
И домой уже стремишься».
Старый, верный Вейнемейнен
Так разумно отвечает:
«Слишком рано петь бы было,
Торжеству еще не время;
Лишь тогда запеть пристойно,
Торжеству тогда лишь время,
Как свои увидишь двери,
Заскрипят свои ворота».
Молвил юный Лемминкейнен:
«Если бы сидел я кормчим,
Из всех сил тогда запел бы,
Всею глоткой зашумел бы,
Даже вовсе не умея,
Напевая очень дурно.
Ты начать не хочешь пенье,
Сам я к пенью приготовлюсь».
Тут веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Рот сложил, как было надо,
И налаживает звуки;
Начинает сам он пенье,
Жалкий шум он поднимает:
Пел он голосом осипшим,
Напевал он горлом грубым.
Так веселый Лемминкейнен
Зашумел, Каукомиэли,
Борода и рот трясутся,
Подбородок закачался,
Далеко несется пенье,
По волнам оно несется,
До шестой дошло деревни,
За семью морями слышно.
На пеньке журавль уселся,
На сыром холме зеленом;
В пальцах он считает кости,
Поднимает кверху ноги;
Он ужасно испугался
Лемминкейненова пенья.
Поднял крик журавль, услышав,
Испугался, страшно крикнул,
Полетел тотчас оттуда,
Быстро мчится он в Похьёлу.
Прилетев туда, на север,
На болоте он остался,
Крикнул голосом противным,
Из всей силы закричал он,
Разбудил народ Похьёлы,
Пробудил людей противных.
Встала севера хозяйка,
От дремоты пробудилась,
В хлев пошла стада проведать
И к амбару побежала,
Осмотрела в хлеве стадо,
Перечла зерно в амбаре:
Не потеряны коровы
И зерно не уменьшилось.
Тут к скале она подходит,
К двери медного утеса
И, придя туда, так молвит:
«Горе, горе мне несчастной!
Здесь была рука чужая,
Все поломаны замочки
И открыта дверь твердыни,
Все крюки совсем разбиты:
Неужель исчезло Сампо
И похищено насильем?»

42. Похищение

Уж похищено то Сампо,
Крышка пестрая исчезла
Из большой скалы Похьёлы,
Там из медного утеса,
Где замков висело девять
И где был засов десятый.
Лоўхи, севера хозяйка,
Очень сильно рассердилась,
Видит: власть ее исчезла
И исчезла также слава.
Удутар [1] она так просит:
«Дева мглы, тумана дочка!
Ты просей туман сквозь сито,
Ниспошли ты мглу густую,
С неба дай сгущенный воздух,
Ты пусти пары густые
На хребет морей блестящих,
По открытому теченью,
Чтоб остался Вейнемейнен,
Чтоб застрял Сувантолайнен!
Если ж этого все мало —
Ику-Турсо, ты, сын Старца! [2]
Подними главу из моря,
Подними из волн макушку,
Побросай мужей Калевы,
Утопи друзей потоков,
Пусть те злобные герои
В глубине валов погибнут;
Принеси в Похьёлу Сампо,
Захватив его с той лодки.
Если ж этого все мало —
Укко, ты, мой бог высокий,
Золотой мой царь воздушный,
Мой серебряный владыка!
Сделай бурю, непогоду,
Силу воздуха ты вышли,
Подними волненье, ветер
Против этой лодки в море,
Чтоб остался Вейнемейнен,
Чтоб застрял Сувантолайнен».
Надышала ночь тумана,
Нагустила мглу на волны,
Застлала туманом воздух,
Чтобы старый Вейнемейнен
Простоял под ряд три ночи
Посреди морей широких,
Никуда не мог бы выйти,
Никуда не мог отъехать.

Простояв под ряд три ночи
Посреди морских потоков,
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Даже муж совсем негодный.
Из героев самый слабый,
Не потонет средь тумана,
Не погибнет в испареньях».
Он клинком прорезал воду,
Он мечом ударил море:
Мед с клинка его струится,
Сладкий мед с меча сбегает,
Испаренья всходят к небу,
Поднимаются туманы;
Скоро воды стали чисты,
Прояснились все потоки,
Протянулись дальше воды,
И кругом все стало видно.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Шум послышался ужасный
На воде, у самой лодки;
Пена брызжет сильно кверху,
Вейнемейнену на лодку.
Тут кователь Илмаринен
Очень сильно испугался,
Кровь из щек его уходит,
Вниз с лица его сбежала,
С головою он накрылся
И с обоими ушами,
Закрывает обе щеки,
А еще плотнее очи.
Тотчас старый Вейнемейнен
Посмотрел на море с лодки,
Бросил в сторону он взоры.
Видит маленькое чудо:
Ику-Турсо, тот сын Старца.
Поднялся у бока лодки
Головой своей из моря,
Из воды своей макушкой.
Старый, верный Вейнемейнен
Турсо за уши хватает,
Поднял за уши повыше
И спросил его сурово,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся



Пред очами человека,
Пред лицом сынов Калевы?»
Ику-Турсо, тот сын Старца,
Не обрадовался очень
И не очень испугался,
Но совсем ответа не дал.
Старый, верный Вейнемейнен
Во второй раз вопрошает,
В третий раз он молвит строго:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся?»
Ику-Турсо, тот сын Старца,
Отвечал при третьем разе,
Дал в ответ слова такие:
«Я затем из моря вышел,
Я затем из вод поднялся,
Что намеренье имел я
Уничтожить род Калевы,
Отнести на север Сампо.
Коль меня отпустишь в воду,
Жизнь мне жалкую оставишь,
Не явлюсь уже в другой раз
Пред очами человека».
Тотчас старый Вейнемейнен
Отпустил его обратно,
Говорит слова такие:
«Ику-Турсо, ты, сын Старца!
Выходить не смей из моря,
Никогда не поднимайся
Пред очами человека,
От сегодня и до века».
Никогда теперь не смеет
Выходить из моря Турсо
Пред очами человека,
Никогда, пока нам месяц,
Солнце, свет дневной и воздух
Радость светлую даруют.
Правит старый Вейнемейнен
Лодкой по морю все дальше.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье —
Посылает Укко с неба,
Сам он, воздуха властитель,
Сильный ветер им навстречу
И бушующие бури.
Ветры сильные подули,
Бури страшно загудели,
Ветер с запада бушует,
С юго-запада он режет,
Напирает он с востока,
Воет с севера-востока,
Дикий крик несет с норд-веста,
Страшно с севера ревет он.
Он сорвал с деревьев листья,
Оторвал у сосен иглы,
Оборвал с лугов цветочки,
Оборвал у злаков стебли
И погнал пески земные
На поверхность вод блестящих.
Сильно дули эти ветры,
Захлестали лодку волны,
Унесли те щучьи гусли,
Это кантеле из кости,
На веселье всем у Ахто,
Всем живущим у Велламо.
Ахто видит их на волнах,
Дети Ахто на потоках,
Взяли гусли дорогие,
Унесли с собою в воду.
Плачет старый Вейнемейнен.
На глазах его водица.
Сам слова такие молвит:
«Вот исчезло, что я сделал,
Сгибла вся души отрада,
Утонула радость старца!
Никогда теперь уж больше,
Никогда, пока живу я,
Не придет из зуба щуки,
Из костей моя утеха».
Сам кователь Илмаринен
Очень сильно испугался,
Говорит слова такие:
«Горе мне, что я поехал,
Что я вышел в это море,
На открытое теченье,
На колеблющихся бревнах,
На ветвях, дрожащих сильно!
Волоса мои знавали
Ветры и большие бури;
Борода моя видала
Злые дни в пространствах водных:
Но видал я редко бурю,
Чтоб была подобна этой:
Страшны бурные потоки,
Эти пенистые волны.

Хоть бы ветер уж помог мне,
Пощадили волны моря».
Старый, верный Вейнемейнен
Тут высказывает мненье:
«В лодке плакать не годится,
Горевать в челне не должно:
Плач в несчастьи не поможет
И печаль в годину бедствий».
И затем промолвил слово,
Говорит такие речи:
«Удержи сынов ты, море,
Чад своих, волна морская,
Вниз спусти ты, Ахто, волны,
Ты, Велламо, свой народец,
Чтоб он мой челнок не трогал
И не брызгал в ребра лодки.
Поднимись на небо, ветер,
Уходи туда на тучи,
В те места, где ты родился,
Где живут твои родные;
Не вали дощатой лодки,
Не верти мой челн сосновый —
Ты вали в лесу деревья,
Нагибай на высях ели».
Тут веселый Лемминкейнен,
Молодец Каукомиэли,
Говорит слова такие:
«Прилетай, орел турьянец,
Принеси мне тройку перьев,
Принеси мне пару, ворон,
Для защиты подки малой,
Для боков ее негодных».
На края бруски набил он,
Боковые сделал доски,
Он бока другие сделал,
Вышиной их сделал в сажень,
Чтоб чрез них большие волны
Не могли хлестать внутрь лодки.
Хорошо челнок устроен,
Хорошо поправлен сбоку,
Чтоб его качать мог ветер,
Чтоб могли бросать и волны,
Если он средь пены моря
По валам пойдет высоким.

Руна сорок третья

Битва

Лоўхи, севера хозяйка,
Созвала народ Похьёлы,
Раздала тугие луки,
Собрала мужей с мечами.
Снарядила челн Похьёлы,
Убрала челнок военный.
На челнок мужей сажает,
Снаряжает их на битву,
Как птенцов выводит утка
И ведет детей в порядке;
В челноке расселись мужи,
Разместилися герои,
Сотня воинов отборных
С длинными мечами сбоку,
Тысяча бойцов отборных
С луками в руках искусных.
Утверждает мачту в лодке,
Ставит парусные стеньги,
Парус к мачте прикрепляет,
Полотно на эти стеньги:
Точно облако спустилось
Иль нависла туча в небе;
Собралась оттуда ехать
И с поспешностию едет
Отбивать обратно Сампо,
Брать его из лодки Вейне.
Старый, верный Вейнемейнен
Правит лодкой в синем море,
Говорит слова такие,
На корме там стоя, молвит:
«О ты, сын веселый Лемпи,
Ты друзей моих всех лучше!
Ты взойди наверх, на мачту,
Влезь на парусные стеньги,
Посмотри вперед на воздух,
Посмотри назад на небо:
Ясны ль воздуха границы,
Вовсе ль ясны или мутны?»

Влез веселый Лемминкейнен,
Молодец, здоровый, ловкий,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без одобренья,
Влез на верх высокой мачты,
Влез на парусные стеньги,
На восток, на запад смотрит,
Смотрит к северу и к югу,
Смотрит к берегу Похьёлы,
Говорит слова такие:
«Впереди нас воздух ясен,
Но за нами небо мутно;
Мчится с севера к нам тучка,
Облачко идет с заката».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Ты сказал несправедливо!
Это вовсе там не тучка
И не облако несется:
Это — лодка с парусами.
Посмотри-ка ты получше».
Смотрит пристально второй раз,
Говорит слова такие:
«Там вдали как будто остров,
С юга будто остров в море;
Сокола там на осинах,
Глухари там на березах».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Ты сказал несправедливо;
Соколов там не бывало,
Глухарей там вовсе нету:
Это — юноши с Похьёлы,
В третий раз взгляни получше».
Сам веселый Лемминкейнен
В третий раз прилежно смотрит,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Лодка с севера подходит,
Сотней весел бьет по морю,
Сто мужей сидят у весел,
Тысячи сидят без дела».
Тут-то старый Вейнемейнен
Наконец узнал всю правду.
Говорит слова такие:
«Налегай-ка, Илмаринен,
Ты, веселый Лемминкейнен,
Вы, все люди, здесь гребите,
Чтоб умчалась дальше лодка,
Чтоб челнок ушел подальше».
Вот гребет сам Илмаринен
И веселый Лемминкейнен,
И гребут все люди с ними.
Ходит руль еловый с треском
И уключины с шипеньем,
И затрясся челн сосновый,
Нос его визжит тюленем,
А корма шумит порогом,
Вся вода полна волнами,
Пена движется клубами.
Из всех сил гребут герои,
Со старанием все мужи:
Все же путь не уменьшился,
Не ушел челнок дощатый,
От той лодки с парусами,
От того челна Похьёлы.
Видит старый Вейнемейнен,
Что теперь беда приходит,
Что грозит ему несчастье.
Он подумал и размыслил:
Как же быть и что же делать?
Говорит слова такие:
«У меня исход найдется,
Знаю маленькое чудо».
Он полез в мешочек с трутом,
Он полез туда поспешно,
Взял в мешке кремня кусочек,
Взял он там немного трута,
Бросил тот кусочек в воду,
Чрез плечо налево бросил,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Из кремня скала пусть выйдет,
Выйдет здесь утес подводный.
И на нем корабль Похьёлы
С ста крюками пусть погибнет
Средь морских прибоев диких,
Среди волн морских громадных».
И подводный камень вырос,
Под водой утес поднялся;
Он в длину идет к востоку,
В ширину идет на север.
Вот бежит Похьёлы лодка,
По волнам бежит на веслах,
На скалу там наезжает,
На подводный этот камень;
Раскололся челн дощатый,
Челн стореберный расселся,

Мачта в воду повалилась,
Паруса упали в волны,
Их отнес далеко воздух,
Подхватил их резкий ветер.
Лоўхи, севера хозяйка,
Тут вошла с ногами в воду,
Хочет сдвинуть лодку с места,
Приподнять свой челн повыше,
Но поднять его не может
И не может лодку сдвинуть:
Ребра все переломились,
Все крюки совсем распались.
Долго думала, гадала,
Говорит слова такие:
«Кто совет подать мне может,
Кто помочь мне в состояньи?»
Изменяет быстро тело
И другое принимает.
Старых кос пяток приносит,
Шесть мотык, давно ненужных,
Их себе взяла на пальцы,
Точно когти, их надела,
Половину лодки к телу
Привязала, к нижней части,
И борта она, как крылья,
Руль, как хвост. она надела;
Сто мужей на крылья сели,
Хвост же тысячу их принял;
Сели сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.
Распустила Лоўхи крылья,
Поднялась орлом на воздух,
В высоте крылами машет
Вейнемейнену на гибель,
В облаках крылом цепляет,
По воде другое тащит.
Мать воды, краса, сказала,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Поверни глаза на солнце,
Обрати на запад взоры,
Посмотри назад немножко».
Тотчас старый Вейнемейнен
Повернул глаза на солнце,
Обратил на запад взоры,
Посмотрел назад немного:
Видит скверную старуху;
Птица страшная стремится,
До плечей она, как ястреб,
Выше ж на орла похожа.
Вейнемейнена достигла,
К самой мачте подлетела,
Уцепилась уж за стеньги,
На верхушке мачты села,
Уж грозит паденьем лодке,
Уж корабль склонила набок.
Прибегает Ильмаринен
Ко всевышнему с мольбою,
Так творца усердно просит,
Говорит слова такие:
«Защити, творец всесильный,
Огради, о бог прекрасный,
От погибели здесь сына,
Чадо матери от смерти,
Защити свое творенье,
Охрани свое созданье!
Укко, бог, повсюду славный,
Укко, сам отец небесный!
Дай мне огненную шубу,
Дай горящую рубашку,
Чтоб я бился под защитой,
Под охраною сражался,
Чтоб глава моя не пала,
Волоса не повредились
В играх светлого железа,
При игре мечей свирепых».
Молвит старый Вейнемейнен.
Говорит слова такие:
«О ты, севера хозяйка!
Хочешь, мы разделим Сампо
На краю земли туманной,
Там, на острове тенистом?»
Молвит севера хозяйка:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Не хочу делить я Сампо,
Не хочу с тобой, несчастный!»
А сама хватает Сампо
С корабля сынов Калевы.
Тут веселый Лемминкейнен
Из-за пояса меч тащит,
Тащит острое железо
С бока левого поспешно,
По когтям орла ударил,
По когтям ударил сильно.
Бьет веселый Лемминкейнен,
Бьет мечом и молвит слово:

«Ну, валитесь вниз, герои,
Все мечи и вы, все мужи,
Сто мужей, что там на крыльях,
По десятку там на когте».
Молвит севера хозяйка,
Говорит с вершины мачты:
«О веселый Лемминкейнен,
Бедный Каўко, ты молодчик!
Обманул ты мать родную,
Ты налгал своей старухе,
Лгал ей, что лет шесть, лет десять
Не пойдешь ни с кем сражаться,
Коль захочешь даже злата,
Серебра ты пожелаешь».
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Думал, что настало время,
Наступил уж час удобный;
Тащит руль из глуби моря,
Руль дубовый из потоков,
Им чудовище ударил,
Отрубил орлу он когти,
И все когти обломались,
Только маленький остался.
Молодцы упали с крыльев,
Мужи все свалились в волны,
С крыльев сотня повалилась,
С тела тысяча упала;
Сам орел с ужасным шумом
На края свалился лодки,
Точно с дерева тетерка,
Точно белка с ветки ели;
Ухватился он за Сампо,
Тащит пальцем безыменным,
Тащит Сампо прямо в воду,
Крышку пеструю роняет
Прямо с края красной лодки
В глуби синие потоков.
Так разбилось в море Сампо,
Крышка пестрая сломалась.
Потонули те обломки,
Те куски большие Сампо,
В глубине потоков синих,
В темной тине дна морского;
Там от них в воде богатство
И сокровища у Ахто.
Никогда, ни в кое время,
И пока сияет месяц,
Не погибнет вод богатство
И сокровище у Ахто.
Полегли куски другие,
Те обломки, что поменьше,
На хребте воды обширном,
На волнах морских широких,
Чтоб морской качал их ветер,
Колыхало б их теченье.
И качал их в море ветер,
Колыхало их волненье
На хребте воды обширном,
На волнах морских широких;
Их на берег гонит ветер,
Их к земле несет теченье.
Старый, верный Вейнемейнен
Видит волны от прибоя,
Видит, как на берег моря,
На прибрежье волны гонят
И влекут обломки Сампо,
Те осколки пестрой крышки.
Он обрадовался очень,
Говорит слова такие:
«Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало:
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья,
И блеск месяца отсюда,
Благодетельный свет солнца
На больших полях Суоми,
В дорогой моей отчизне».
Лоўхи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«У меня еще исход есть,
У меня еще есть средство
Против пашни и посевов,
Против пастбищ и растений,
Против месяца сиянья,
Против солнечного блеска.
Унесу в утес я месяц,
Я в горе запрячу солнце,
Я морозом заморожу,
Застужу я сильной стужей,
Что ты вспашешь и посеешь,
Все посевы и запасы.
Я направлю град железный,
Набросаю град из стали
На твои большие пашни,
На прекраснейшее поле.

Погоню с песков медведя,
Длиннозубого из чащи;
Пусть жеребчиков терзает,
Пусть кобыл он разрывает,
Пусть стада твои пожрет он,
Пусть коров твоих погубит.
Изведу народ твой мором
И все племя уничтожу,
Чтоб, пока сияет месяц,
О нем не было и слуху».
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Мне лапландские все чары,
Мне турьянские не страшны.
Бог один в погоде властен,
Он ключи судьбы имеет;
Не чудовищу иметь их,
Не врагу держать на пальцах.
Если я творцу доверюсь,
На благого понадеюсь,
Он червей с посевов сгонит,
Сгонит он злодеев с жатвы,
Чтоб не портили посевов,
Не губили бы растений,
Чтоб стеблей не истребляли,
Ни от семени побегов.
О ты, севера хозяйка!
Ты сажай в скалу несчастье,
В гору прячь ты только злобу,
Заключай страданье в камни,
А не лунный свет прекрасный
И не солнышко златое.
Ты морозь своим морозом,
Ты студи своею стужей
То, что ты сама посеешь,
Семена, что ты рассыплешь;
Шли туда свой град железный,
Эти градины стальные,
Где твои же пашут плуги,
На поля твоей Похьёлы!
Ты гони с песков медведя,
Из дубравы злую кошку,
Косолапого из леса,
Длиннозубого из рощи
Лишь на выгон Сариолы,
Где стада Похьёлы ходят!»
Лоухи, севера хозяйка,
Говорит слова такие:
«Власть моя теперь погибла
И могущество ослабло,
Мощь моя в глубоком море,
Сампо в глубине потоков».
Тут домой уходит с плачем,
С горькой скорбию в Похьёлу;
Не взяла с собой от Сампо
Ничего, что было б ценно,
Но взяла с собой немножко
Безыменным только пальцем,
Принесла в Похьёлу крышку,
Ручку Сампо в Сариолу.
Оттого в Похьёле бедность,
У лапландцев мало хлеба.
Старый, верный Вейнемейнен
Вышел сам тогда на берег,
Там нашел куски от Сампо,
Щепочки от пестрой крышки,
Там на берегу у моря,
На песчаном мягком месте.
Посадил осколки Сампо,
Щепочки от пестрой крышки
На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке,
Чтоб росли и умножались,
Чтоб могли преобразиться
В ячмени для варки пива,
В рожь прекрасную для хлеба.
Молвит старый Вейнемейнен
Сам потом слова такие:
«Боже, дай, пошли, создатель,
Чтоб мы счастьем наслаждались,
Жизнь бы прожили счастливо
И чтоб с честию скончались
На земле Суоми милой,
Здесь, в Карелии прекрасной!»
Защити, благой создатель,
Огради, о боже добрый,
От мужей со злою мыслью
И от женщин с злою думой,
Укроти земных злых духов,
Водяные злые силы!
Будь сынам твоим защитой,
Будь для чад твоих помощник,
Будь в ночи для них опорой
Днем же будь для них охраной!
Пусть не светит дурно солнце.
Не сияет дурно месяц,

Не подуют злые ветры,
Не закаплет вредный дождик,
Холода не будут вредны
Или злая непогода!
Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость
Вкруг того, чем я владею,
С двух сторон родного края,
От земли простри до неба,
От небес простри на землю,
Чтоб служил он мне жилищем
И защитой и охраной,
Чтоб злодей нас не коснулся,
Враг плодов бы не похитил,
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц!»

Руна сорок четвертая

Вейнемейнен делает новое кантеле

Старый, верный Вейнемейнен
Так в уме своем размыслил:
«Хорошо б теперь поехать,
Хорошо б повеселиться
Мне в моем жилище новом,
На дворе моем прекрасном.
Но уж кантеле сокрылось,
Уж ушла моя утеха
В те места, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги,
На утеху водяному
Да живущим у Велламо.
Мне она его не выдаст,
Не отдаст обратно Ахто.
О кователь Илмаринен!
Ты вчера ковал, работал,
Ты покуй еще сегодня,
Поработай ты денечек,
Скуй мне грабли из железа,
Сделай грабли попрочнее,
Зубы крепкие на грабли,
Зубы с длинной рукоятью,
Чтоб я мог сгребать в потоках,
Чтоб сгребал я волны в кучу,
Чтоб тростник собрал я вместе
По всему прибрежью моря
И нашел бы в море гусли,
Взял бы кантеле обратно
Из тех мест, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги».
И кузнец тот Илмаринен,
Вековечный тот кователь,
Сделал грабли из железа
С рукояткою из меди,
По сто сажен в каждом зубе,
Ручку ж впятеро длиннее.
Принял старый Вейнемейнен
Эти грабли из железа

И прошел весьма немного,
Путь прошел весьма короткий
По каткам, обитым сталью,
По каткам, где много меди.
Два челна там находились,
Две совсем готовых лодки
На катках, покрытых дегтем,
На катках, где много меди.
И один челнок был новый,
А другой челнок был старый.
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал он новой лодке:
«Ты сойди на воду, лодка,
Побеги, челнок, на волны,
Чтоб тебя рукой не трогать,
И большим не трогать пальцем».
Тотчас лодка вышла в море,
Там спустилась на теченье.
Старый, верный Вейнемейнен
На конце уселся лодки
И пошел он чистить море,
Подметать его теченье.
Смел цветочки водяные,
Смел он сор весь у прибрежья,
Тростника кусочки даже,
Водяных растений крохи.
Омут каждый очищает,
Рифы граблями он гладит,
Но нигде найти не может
Свои гусли щучьей кости:
Навсегда его утеха,
Его кантеле пропало.
Старый, верный Вейнемейнен
Тут домой пошел обратно,
Головой поник печально,
Шлем же на сторону сбился;
Еще раз он молвил слово:
«Никогда уж не найду я
Прежних звуков в рыбьей кости,
Утешенья в щучьем зубе».
Вот лесочек он проходит
И идет опушкой рощи;
Слышит: плачет там береза,
Суковатая горюет.
Он подходит к ней поближе,
Близко к дереву подходит,
Задает вопрос березе,
Говорит такие речи:
«Что, краса-береза, плачешь?
Что, зеленая, горюешь?
С белым поясом красотка,
Почему ты так печальна?
Не ведут тебя на битву
И к войне не принуждают».
Молвит дерево разумно,
Так зеленое речь держит:
«Может быть, иные скажут,
Может быть, они промолвят,
Что лишь в радости живу я,
Веселясь, шуршу ветвями.
Я ж, бедняжка, вся в заботах,
Только скорбь — мое веселье,
О себе в часы несчастья
Я печалюсь и жалею.
Плачу я от малосилья
И от бедности горюю.
Я, бездольная бедняжка,
Так несчастна без опоры,
На дрянном на этом месте,
Я на выгоне стою здесь.
Столько счастья и блаженства
У других есть в той надежде,
Что вернется радость лета,
Время теплое наступит.
Я же, слабая береза,
Я должна терпеть, бедняжка,
Чтоб кору мне разрезали,
Эти ветки обрубали.
Часто к бедненькой березе,
К стволику березы нежной
Дети краткою весною
Шумною толпой приходят,
Острым ножиком здесь режут,
Сок мой сладкий добывают.
Злой пастух в теченье лета
Белый пояс мой снимает,
Ножны он плетет и чашки
И коробочки для ягод.
У меня, березы нежной,
У меня, березы белой,
Вкруг ствола сидят девицы,
Вкруг ствола сидят красотки,
Зелень сверху обрезают,
Вяжут веники из веток.
Часто к дереву подходят,
Часто нежную березу

При подсечке подсекают,
На поленья расщепляют.
Ведь уж трижды в это лето,
В это тепленькое время,
У ствола здесь были мужи,
Топоры свои точили
На меня с верхушкой бедной,
Чтоб я с жизнию рассталась.
Вот мое веселье летом,
Вся моя тогда утеха;
И зимою мне не лучше,
Время снега не приятней.
Уж всегда кручина злая,
Скорбь лицо мое изменит,
Книзу голову наклонит,
И мои бледнеют щеки,
Лишь, бывало, только вспомню
День мой черный, время злое.
Боль тогда приносят ветры,
Иней — горькие заботы,
Вихрь уносит зелень шубы,
Иней — всю мою одежду,
И тогда-то я, бедняжка,
Я, несчастная береза,
Остаюсь здесь неодетой
И стою я обнаженной
И дрожу я в лютой стуже,
На морозе я горюю».
Молвит старый Вейнемейнен:
«Ты не плачь, моя береза,
Не горюй, в зеленых листьях,
С белым поясом, не плачься!
Жребий твой вполне счастливый,
Жизнь твоя вполне отрадна,
Ты от радости заплачешь,
Зазвучишь от наслажденья.
Сделал старый Вейнемейнен
Из березы этой гусли.
Целый летний день работал,
Целый долгий день трудился,
В день он кантеле устроил,
К вечеру его закончил
На мысочке средь тумана,
Там на мглистом островочке.
Короб кантеле он режет,
На утеху ящик этот,
Короб делает он прочный,
Весь в прожилках этот ящик.

Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Кончен кантеле здесь выгиб,
Всем на радость этот ящик.
Где же гвоздиков достану,
Где возьму колков хороших?»
На дороге дуб поднялся,
На дворе высоко вырос.
Ветви ровные все были,
Друг на дружку походили
На ветвях же тех могучих
Жолуди росли обильно,
И на них златые кольца,
А на кольцах по кукушке.
И кукушка куковала;
Пять тонов там раздавалось,
И текло из клюва злато,
Серебро текло обильно
На златистые пригорки,
На сребристые высоты.
Там для кантеле гвоздочки,
Там он взял колки для гусель.
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Есть для кантеле гвоздочки,
Есть колки для новых гусель;
Все же кантеле неполно,
Струн пяти в нем нехватает.
Где возьму я эти струны,
Где я звучные достану?»
Он идет искать те струны
И проходит вдоль лесочка.
Там в лесу сидит девица.
Дева там сидит в долине.
Эта девушка не плачет
И не очень веселится:
Про себя запела песню,
Чтоб исчез скорее вечер,
И надеется, что милый
К ней появится тотчас же.
Старый, верный Вейнемейнен
Без сапог бежит поспешно,
Без чулок туда стремится,
И, когда туда достиг он,
Он волос у девы просит,
Говорит слова такие:
«Дай волос своих, девица,
Дай кудрей твоих нежнейших,

Чтоб они пошли на струны,
Были вечною утехой».
И дала волос девица,
Подала волос мягчайших,
Подала пять шелковистых
Шесть и семь ему достала.
Струны кантеле явились,
Вечно сеющие радость.
Было кантеле готово.
Сел тут старый Вейнемейнен
На седалище из камня,
На скамейку возле двери.
В руки кантеле берет он,
Взял к себе свою отраду,
Повернул он выгиб к небу,
А головку на колени
И привел в порядок струны,
Он настроил их, как надо.
Вот настроил эти струны,
Стало кантеле в порядке.
Взял он гусли на колени,
Там их наискось поставил;
По струнам бегут все ногти,
Все пять пальцев пробегают,
По струнам звучат с весельем,
Перепрыгивают быстро.
Начал старый Вейнемейнен;
Он на кантеле играет,
Водит пальцами он нежно,
Мягко струны задевает.
Зазвучала тут береза,
Деревцо тут зазвенело,
Вспело золото кукушки,
Нежно вспел девичий волос.
Вот персты играют старца,
Струны гусель зазвучали:
Скачут горы, рвутся камни,
Даже скалы задрожали,
Рифы треснули морские,
Хрящ на волнах закачался;
Сосны с радости плясали,
Ели прыгали в равнине.
И все жены Калевалы
Тут работу побросали;
Как поток, они бежали,
Как река, туда стремились.
Молодицы шли со смехом,
Шли веселые хозяйки,
Чтоб игру его послушать
И, ликуя, восторгаться.
Все мужчины, что там были,
Все стояли, снявши шапки,
И что ни было там женщин,
Все у щек держали руки;
Очи девушек в слезинках,
Парни стали на колени,
Звукам кантеле внимали,
Звону чудному дивились.
Как одни уста, все люди,
Как один язык, сказали:
«Прежде вовсе не бывало
Здесь игры, столь вдохновенной,
Никогда, ни в кои веки,
С тех пор, как сияет месяц».
Далеко игра несется,
Через шесть идет селений:
Никого там не осталось,
Кто б не шел игру послушать,
Ту игру с одушевленьем,
Это кантеле звучанье.
Все животные лесные,
Подобравши когти, сели,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
И воздушные летуньи
Разместились все на ветках;
Всех видов морские рыбы,
Все плывут к прибрежью ближе;
Из земли выходят черви
И ползут в пыли песчаной,
Извиваются, чтоб слушать
Ту игру с одушевленьем,
Гуслей вечную утеху,
Вейнемейнена искусство.
Старый, верный Вейнемейнен
Удивительно играет,
Издает он чудно звуки.
День играл он и другой день,
Он играл, не прекращая,
С самой утренней закуски,
Подпоясанный все так же,
В той же самой все рубашке.
Он в своем играл жилище,
В собственном сосновом доме:
И звучала кровля дома,
Потрясался пол в жилище,

Потолок пел, пели двери,
Восклицали все окошки,
И качались камни печи,
И все притолки звучали.
Он пошел еловым лесом,
Он побрел сосновой рощей —
Ели все нагнулись низко,
И к земле пригнулись сосны;
Шишки их свалились с веток,
Иглы их к корням упали.
И идет ли он чрез рощи,
Приближается ль к кусточкам —
Рощи весело играют
И кустарники ликуют,
Все цветы с любовью смотрят,
Нагибаются побеги.

Руна сорок пятая

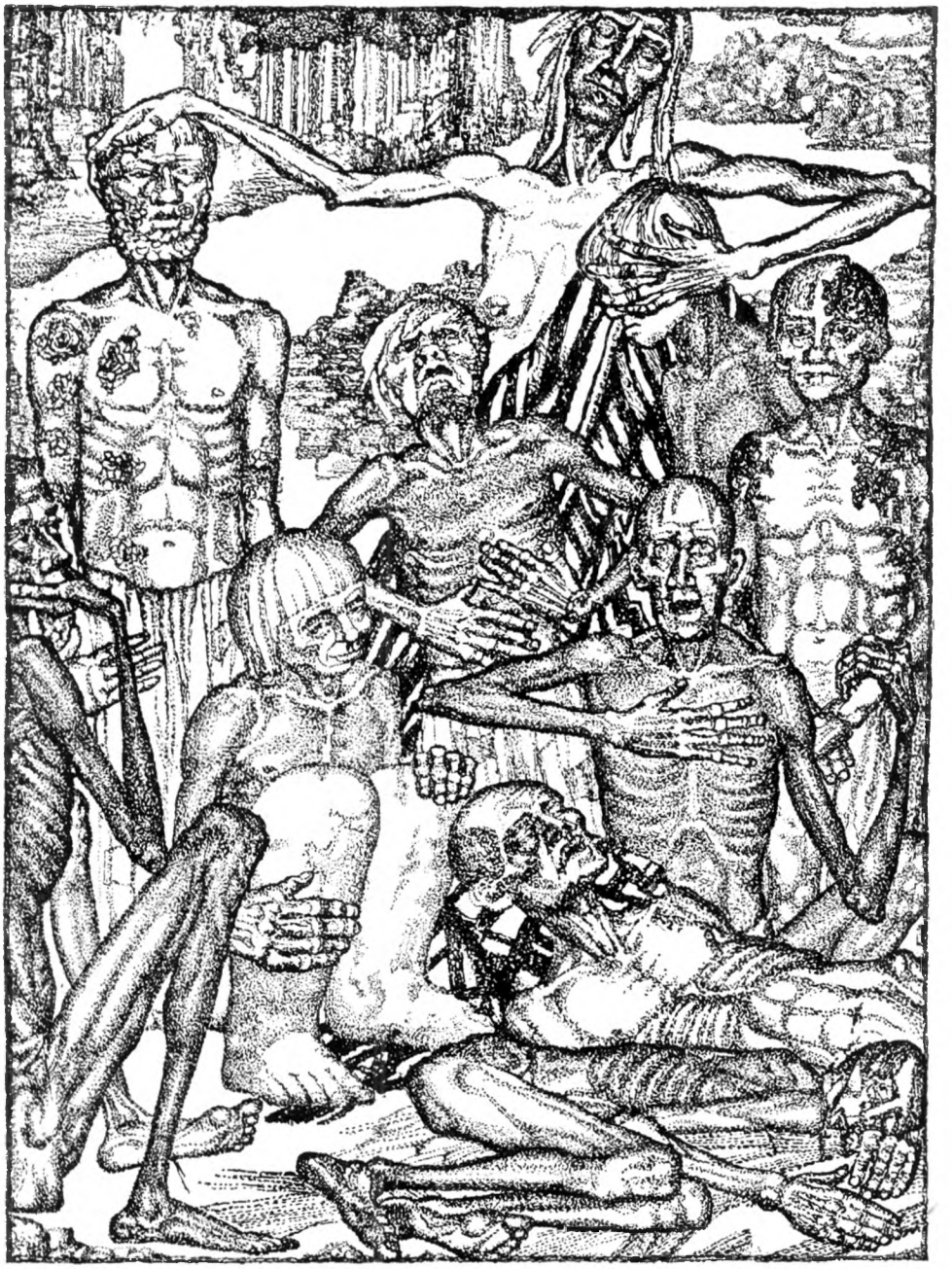
Лоўхи посылает на Калевалу болезни

Лоўхи, севера хозяйка,
Услыхала раз известье,
Что Вейнеле процветает,
Преуспела Калевала
Через те обломки Сампо,
Чрез кусочки пестрой крышки.
Позавидовала сильно,
Постоянно размышляла:
Смерть какую приготовить
И наслать какую гибель
Обитателям Вейнеле,
Тем героям Калевалы.
Обратилась с просьбой к Укко,
Умоляет бога грома:
«Укко! ты, мой бог небесный!
Погуби народ Калевы,
Погуби железным градом,
Со стальным концом стрелами!
Иль сгуби ты их болезнью,
Чтоб погиб народ противный,
На дворе погибли б мужи,
В хлеве женщины б погибли!»
Вот слепая дочь Туони,
Ловиатар,[1] злая баба,
Гаже всех рожденных Маной,
Всех рожденных им противней,
Бедствий всех была источник,
Целой тысячи пороков,
Все лицо ее так черно,
Кожа вся дрянного цвета.
Дева черная Туони,
Та слепая Улаппалы,[2]
На тропе постель постлала,
Ложе в месте неудобном,
И легла она на ветре,
Улеглась под непогодой,
На сквозном ветру холодном,
На ветру холодном, раннем.

Подняла ужасный вихорь;
От востока зашумел он,
Плод надул он глупой деве
И наполнил ей все чрево
На полянах без деревьев,
На лугах, травы лишенных.
И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью,
Два, три месяца носила
И четвертый месяц, пятый
И седьмой, восьмой носила
И девятый также месяц,
А по счету старых женщин,
Пол десятого носила.
Как истек девятый месяц,
На десятом уж, в начале,
Чрево сделалося твердым,
Мучит деву сильной болью —
Плод однако не выходит,
Не спешит он появиться.
С места тут она уходит,
На другом ложится месте,
И пошла родить блудница,
Непотребная, от ветра,
Меж двух скал в средине самой.
Где пять гор сошлись в ущелье —
Но дитя все не выходит,
Плод не хочет появиться.
Для родов вновь ищет места,
Облегчить утробу хочет
Около болот зыбучих,
У источников ревущих —
Все же места не находит,
Где б оставить бремя чрева.
Вот детей родить желает,
Хочет выпустить то бремя
В пену бурного теченья,
В страшные водовороты,
В ту пучину трех порогов,
К девяти крутым стремнинам —
Но дитя не показалось,
Не выходит бремя чрева.
Стала скверная тут плакать;
Страшно чудище ревело,
И куда итти — не знала,
И куда бы ей деваться,
Чтоб свободным сделать чрево,
Чтоб детей родить скорее.

С облаков сказал всевышний,
Так создатель молвил с неба:
«На прибрежьи, у болота,
Есть изба с тремя углами,
Там, в Похьёле вечно мрачной,
В той туманной Сариоле.
Ты туда родить отправься,
Там оставишь бремя чрева,
Там тебя уж ожидают,
Там детей твоих желают».
Дева черная Туони,
Маны скверная девица,
Подошла к избе Похьёлы,
Прямо к бане Сариолы,
Чтоб детей родить скорее,
Чтобы выпустить потомков.
Лоўхи, севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
Повела ее там в баню,
Тайно в банное строенье,
Чтоб деревня не узнала,
Не слыхала б ни словечка.
Натопила Лоўхи баню,
Приготовила все быстро:
Двери вымазала пивом,
Брагою задвижку в бане,
Чтобы дверь не заскрипела,
Не звучала бы задвижка.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Дева старая творенья,
С золотым красотка блеском,
Ты старейшая из женщин,
Матерей ты всех древнее!
По колени стань ты в море,
По пояс войди в потоки,
У ерша слюну возьми ты,
Собери ты слизь налима
И помажь ты меж костями,
Намочи бока ей слизью
И избавь жену от болей,
От родильных мук девицу,
От мучений, слишком сильных,
От жестокой боли чрева.
Если ж этого все мало —
Укко, ты, мой бог небесный!
Ты сойди сюда скорее,
Поспешай, к тебе взываю!

Здесь есть женщина в страданьях,
Есть девица с болью чрева,
Здесь она, средь дыма бани,
В этой бане деревенской.
Ты возьми рукою правой
В золотой оправе палку,
Устрани ты все претрады,
Сокруши столбы у входа,
И замок творца открой ты,
Поломай там все задвижки,
Чтоб пролез большой и малый,
Чтоб прошел и слабосильный».
Выпускает та дрянная,
Дочь безглазая Туони,
Полноту своей утробы.
Злых детей своих сложила
Под узорным покрывалом,
Под хорошей занавеской.
Родила сынов всех девять
В продолженье летней ночи,
В продолженье топки бани,
Там пока она купалась;
Родила их силой чрева
Из наполненного брюха.
Сыновьям дала названья,
Назвала она рожденных
Именами по деяньям,
По тому, что каждый делал.
И один сын вышел раной,
Колотьем другой родился,
Ломотой был назван третий,
А четвертый был сухоткой,
Пятый родился водянкой,
Был коростою шестой сын,
Сын седьмой — гниющей язвой.
А восьмой — заразой чумной.
Без названья был девятый,
Что рожден был позже прочих;
Мать его тотчас же гонит
Заклинателем на воду,
Чтоб заклял он побережье
И везде посеял зависть.
Лоухи, севера хозяйка,
Всех их вместе созывает
На мысочек средь тумана,
На тенистый островочек,
Посылает этих злобных,
Беспримерные болезни,
Против жителей Вейнеле,
Чтоб погиб весь род Калевы.
Заболел народ Вейнеле,
И лежат сыны Калевы
Там в болезнях беспримерных
И дотоле неизвестных,
Так что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.
Вышел старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Чтоб их головы избавить,
Чтоб спасти боляших души.
Он идет с Туони биться
И с болезнями сражаться.
Натревает жарко баню,
Накаляет в бане камни
Лишь чистейшими дровами.
Их в речной воде набравши;
Воду он принес покрывши,
Внес он веники сохранно,
Парит веники для бани,
Густолистые смягчает.
Сделал в бане жар медовый,
Теплоту он там устроил
На каменьях раскаленных,
На кусках каменьев жгучих.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«В банный жар явися, боже,
В теплоту, отец небесный,
Чтобы нам подать здоровье,
Чтоб спокойствие вернуть нам.
Ты затри здесь злые искры,
Погаси ты гарь здесь злую,
Уничтожь чрезмерность жара,
Жар дурной отсюда вышли,
Чтоб детей твоих не сжег он,
Не убил твоих творений.
Вот я прыскаю водою
На горячие каменья:
Пусть вода здесь станет медом,
Пусть стекает сладким соком,
Потечет рекой медовой,
Станет озером медвяным
На каменьях этой печи,
Посреди промшенной бани.
Пусть невинные не гибнут,
Пусть не гибнут без болезни,



Что пошлет на них создатель,
И без смерти, данной богом;
Кто ж губить нас, правых, будет,
Пусть от слов своих погибнет,
Пусть главу он потеряет
От своих же злобных мыслей.
Если я не муж столь сильный,
Не такой герой я мощный,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти от тяжких бедствий —
Мужем явится сам Укко,
Тот, кто тучи направляет,
В облаках кто восседает,
Облачка по небу водит.
Укко, ты, мой бог всевышний,
Ты, на тучах высочайший!
Снизойди сюда скорее,
Поспешай, к тебе взываю!
Отыми мученья эти,
Прогони ты эту хворость,
Отошли несчастье злое,
Уничтожь болезни эти!
Меч мне огненный даруй ты,
Огневой клинок пошли мне,
Чтоб сразил я этих злобных
И прогнал бы этих скверных:
На стезю ветров — болезни,
В поле дальнее — все муки.
Я туда сгоню болезни,
Я туда пошлю мученья:
В погреба внутри утесов,
В груды, полные железом,
Чтобы камням дать болезни,
Отягчить мученьем скалы.
Не заплачут скалы, камни
От болезней и мучений,
Если их и много мучить,
Если их терзать безмерно.
Дочь Туони, дева болей!
Ты живешь в горе болезней
При теченьи трех потоков,
При разделе трех течений,
Ты вращаешь камни болей,
Ты вертишь скалу болезней!
Уведи, приди, болезни
К пасти камня голубого,
Иль сведи ты их на море,
Погрузи в морские глуби,
Где ни ветер не подует,
Ни луч солнца не заблещет.
Если ж этого все мало —
Ты, хозяйка, дева болей,
Дева ран, украса женщин!
Ты приди, явись скорее,
Чтоб создать нам здесь здоровье,
Даровать успокоенье.
Отними у болей силу,
Ты заставь исчезнуть муку,
Чтоб больной заснул спокойно
И не знал заботы слабый,
Чтобы чувства сохранил он
И чтоб на ноги встал хворый.
Заключи в боченок боли,
В медный ящик все мученья,
Чтоб могла ты взять болезни,
Унести от нас мученья
На главу утеса болей,
В глубину горы болезней.
Там свари болезни эти
В самом малом котелочке,
Что никак не больше пальца
И куда войдет лишь ноготь.
Посреди горы есть камень,
Посреди его отверстье:
Просверлил бурав отверстье,
Чрез него прошло железо;
Побросай туда болезни,
Брось туда все злые муки;
Ты сдави там диких тварей,
Ты сожми там все несчастья,
Чтоб в ночи они не вышли,
Чтобы днем не появлялись».
Мажет старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Мажет все места больные,
Где болезни те засели,
Девятью из лучших мазей,
Восемью из средств волшебных.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Укко, ты, мой бог всевышний,
Древний муж, живущий в небе!
Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера ты вышли,
Тучу с запада направь ты,
Вышли мед, пошли водицу,

Чтоб смягчить болезни эти,
Успокоить здесь мученья.
Что смогу один я сделать,
Если бог мне не поможет?
Ты, творец, дать должен помощь,
Ты помочь, всевышний, должен,
Чтоб я видел то, что нужно,
Чтоб рукой, что нужно, трогал,
Чтоб, что нужно, говорил я
И творил своим дыханьем.
Где моя рука не тронет,
Пусть рука творца коснется;
Где мои персты не тронут,
Пусть персты коснутся божьи;
Ведь персты творца нежнее,
Руки божьи поспособней.
Ты приди, чаруй, создатель,
Изрекать явися, боже,
Посмотреть сойди, могучий!
В ночь пусть эти исцелятся,
Днем найдут себе здоровье;
Головных не дай им болей,
Ты избавь от мук их тело,
Пусть не знают страха в сердце,
Пусть болезней не имеют,
Ни страданий, хоть малейших,
Никогда, пока на небе
Золотой сияет месяц!»
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Так несчастье прогоняет,
Изгоняет все болезни,
Отвращает скорбь людскую,
Лечит тяжкие недуги
И хранит людей от смерти,
От кончины род Калевы.

Руна сорок шестая

Лоўхи посылает на Калевалу медведя

Слышны вести в Сариоле,
Слышны новости в деревне,
Что Вейнеле исцелилось,
Калевала избежала
Наколдованных ей бедствий
И несчастий беспримерных.
Лоўхи, севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
Услыхавши, сильно злится,
Говорит слова такие:
«Знаю я другое средство,
Знаю я пути иные:
Погоню с песков медведя,
Косолапого из леса,
На рогатый скот Вейнеле,
На богатства Калевалы».
Погнала с песков медведя,
С твердой почвы его гонит
На рогатый скот Вейнеле
На поляны Калевалы.
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Брат, кователь Илмаринен!
Выкуй новое копье мне,
Сделай то копье трехгранным,
С рукояткою из меди.
Я хочу убит медведя,
Зверя с мехом драгоценным,
Чтоб кобыл моих не трогал,
Жеребцов моих не жрал бы,
Чтоб мое не портил стадо,
Не губил моих коровок».
И кузнец сковал ту пику;
Не мало копье, не длинно,
То копье размеров средних;
На зубце там волк уселся,
Острие медведь все занял,
Лось бежит по основанью,

Жеребец по рукоятке
И олень сел у головки.
Свежий снег поутру выпал,
Нежный снег устлал дорогу,
Белый снег, как зимний зайчик,
Как осенняя овечка.
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Мне пришло одно желанье
И ведет меня в Метсолу;
Я пойду к девицам леса,
Ко двору девицы синей.
От мужей иду я к лесу,
От героев на работу;
Лес, прими меня как мужа;
Тапио, хозяин леса,
Помоги, пошли мне счастье,
Чтоб красу лесов поймал я!
Миэликки, ты, старушка,
Дочка Тапио, Теллерво,
Привяжи своих собачек,
Удержи ты псов в порядке
На пути, где много веток,
Где навес стоит дубовый.
Отсо, яблочко лесное,
Круглый, с лапою медовой!
Слышишь ты, что я явился,
Что к тебе иду я храбро.
В волоса запрячь ты когти,
Зубы деснами прикрой ты,
Чтоб они мне не грозили,
Чтоб остались без движенья.
Мой возлюбленный, ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Ляг, усни в траве зеленой,
На прекраснейшем утесе,
Чтоб качались сверху сосны,
Над тобой шумели ели.
Там покатывайся, Отсо,
Там вертись с медовой лапой,
Как в гнезде на яйцах рябчик,
Как в гнезде своем гусыня».
Слышит старый Вейнемейнен:
Лает вдруг его собака,
Пес его вдруг сильно брешет
На дворах, где малоглазый,
На местах, где тупомордый;
Молвит он слова такие:
«Думал я: кукушка кличет,
Птичка милая распелась;
Это вовсе не кукушка,
То не та распелась птичка:
То шумит моя собака,
То испытанный зверек мой
У дверей избушки Отсо,
На дворе красавца мужа».
Старый, верный Вейнемейнен
Видит лотово медведя,
Опрокинул его ложе,
Ту постельку золотую,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Да прославится всевышний,
Да восхвалится создатель!
Даровал он мне медведя,
Дал мне золото лесное».
Золотого старец видит,
Говорит слова такие:
«Мой единственный, ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Не сердися ты напрасно —
Я не бил тебя, мой милый,
Сам ты с дерева кривого,
С края ветки сам свалился,
Разорвал свою одежду
О кусты и о деревья:
Скользко осенью бывает,
Дни осенние туманны.
«Ты, кукушечка лесная,
Что потряхиваешь мехом!
Брось холодное жилище
И оставь жилье пустынным,
Дом из веточек березы,
Свой шалаш из сучьев ивы!
Славный, ты пойди со мною,
Тронься, леса украшенье,
В башмаках своих легчайших,
В голубых своих чулочках!
Брось здесь малые пространства,
Эти узкие тропинки,
И пойдем к мужам, героям,
Поспешим к толпе огромной.
Там тебя не примут дурно,
Заживешь ты там не плохо:
Там дают медку покушать
И запить медком сотовым

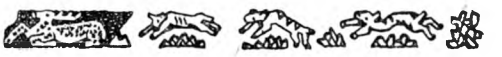
Всем гостям, всем приходящим,
Все бывающим там людям.
Уходи отсюда с места,
Брось гнездо свое дрянное
И иди под балки крыши,
Под прославленную кровлю;
По равнине снежной двинься,
Как цветочек по прудочку,
Через эти ветки шмыгай,
Точно белка по сучочкам».
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
По долам идет, играя,
По пескам он распевает,
Он ступает рядом с гостем,
С гостем в шубе волосатой;
Та игра несется к дому,
Слышно пенье у жилища.
И в избе народ воскликнул,
В доме вся толпа сказала:
«Слышно: шум сюда несется,
Слышны звуки из дубравы,
Пенье клеста из-за сосен
И рожок лесной девицы».
Старый, верный Вейнемейнен
Ко двору пришел сначала;
Все навстречу устремились,
Люди добрые сказали:
«То не золото ль явилось,
Не сребро ль сюда достигло?
Мех ли ценный появился.
Золотая ли монета?
Лакомку ль до меда лес дал,
Рысь ли дал хозяин добрый,
Что приходите вы с песней,
С торжеством на лыжах мчитесь?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Выдру взял и воспеваю,
Божий дар я прославляю;
Оттого я прибыл с песней,
С торжеством на лыжах мчался.
Только здесь совсем не выдра,
Здесь не выдра и не рысь здесь —
Это прибыл знаменитый,
Красота лесов явилась,
Это старый появился,
Сам в кафтане из суконца.
Отворяйте-ка ворота,
Если люб вам чужеземец;
Если ж он вам не по нраву,
Вы ворота затворите».
Так народ ему ответил,
И такие слышны речи:
«Здравствуй, с лапою медовой,
Здравствуй ты, медведь, прибывший
К нам на выметенный дворик,
На украшенное место!
Я всю жизнь надеждой прожил,
С молодых годов все ждал я,
Чтоб рог Тапио раздался,
Дудка леса зазвучала,
Показалось злато леса,
Серебро сюда явилось,
На дворе, в пространстве малом,
На дороге узкой в поле.
Ждал я, словно урожая,
Словно лета, ожидал я;
Так ждет лыжа первопутка,
Сани ждут дороги ровной,
Жениха так ждет девица,
Краснощекая ждет мужа.
У окна сидел я к ночи,
У ворот сидел я утром,
По неделям у калитки,
Ждал по месяцам при въезде,
У овина ждал зимою,
На снегу стоял я твердом,
Я стоял, когда он таял
И земля в комки свалялась,
А комки покрылись пылью,
И та пыль зазеленела.
Утро каждое я думал,
В голове моей держал я:
Где медведь так долго бродит,
Где застрял любимец леса:
Иль в Эстонию ушел он?
Иль Суоми он оставил?»
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Но куда ж вести мне гостя,
Проводить куда златого?
Отвести ль его к овину,
Положить в жилье соломы?»
Так народ ему ответил,
Люди добрые сказали:

«Отведи ты чужестранца,
Проведи златого гостя
Под прославленную кровлю,
К нам в прекрасное жилище;
Там уж кушанье готово,
Там поставлены напитки,
Чисто выметены доски
И протерты половицы;
Там все женщины надели
Что ни есть почище платья,
Головы в убранстве чудном,
Белые на них платочки».
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Отсо, милая пичужка,
Красота с медовой лапой!
Есть земля тебе пройтися,
Есть поля тебе промерить:
Ты пройдись там, золотой мой,
По земле пойди ты, милый,
Ты пойди в чулочках черных,
Ты пойди в штанах суконных
По тропинке для синицы,
Воробьиною дорожкой,
Там, где пять стропил ровнейших,
Там, где шесть крепчайших балок.
Жены бедные, смотрите,
Чтобы стадо не путалось,
Малый скот не разбегался,
Вся скотина не боялась,
Как в избу медведь полезет,
Как пойдет с косматой мордой.
Из сеней долой вы, парни,
От ворот долой, девицы!
Ведь герой в избу вступает,
Ведь краса мужей подходит.
Отсо! яблочко лесное,
Ты, в дубраве ком красивый!
Этих девушек не бойся,
Не страшись прекраснокудрых,
Не путайся ты и женщин,
Этих жен, чулки носящих!
Все вы, женщины в избушке,
Все скорей за загородку,
Коль в избу идут мужчины,
Молодец вступает гордый!»
Молвил старый Вейнемейнен:
«Боже, дай благополучье,
Ниспошли под эти балки,
Под прекрасной этой кровлей!
Но куда ж сведу любимца,
Где мохнатого оставлю?»
Люди старцу отвечали:
«Просим милости, пожалуй!
Пропусти свою пичужку,
Проведи ты золотую
На сосновое сиденье,
На железную скамейку,
Чтоб нам мех его потрогать,
Посмотреть на его шубу.
Отсо! ты не беспокойся,
Не сердись на то нисколько,
Что осмотр начнется меха,
Шубу мы твою посмотрим.
Не погубим эту шубу
И твой мех не отдадим мы
Оборванцу на лохмотья,
Нищему на одежонку».
Тотчас старый Вейнемейнен
Шубу снял с того медведя,
В кладовую ее спрятал,
Положил в котел он мясо,
В золотистую посуду,
На котельное то донце.
На огне котел поставлен,
В печке медная кастрюля,
Вся наполнена, набита
Мяса толстыми кусками
И обсыпанными солью,
Что из дальних мест везется,
Из земли идет немецкой,
С вод морских, что за Двиною;
По соленому проливу
В кораблях она проходит.
Как сварили это мясо,
Как с огня котел убрали,
Понесли тогда добычу
И поставили ту птичку
На сосновый стол огромный
В раззолоченной посуде,
Чтоб хлебнуть медку из кружки,
Получить бы в кружках пиво.
Этот стол был весь сосновый,
Блюда были все из меди,
Все серебряные ложки,
А ножи все золотые;

И все чашки были полны,
Переполнены все блюда
Тем богатым даром леса,
Золотою той добычей.
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Златогрудый дед холмочков,
Ты, хозяин Тапиолы!
Ты, жена, краса Метсолы,
Добрая хозяйка леса!
Сильный Тапио сыночек,
Сильный муж в красивом шлеме,
Дочка Тапио, Теллерво,
Также весь народ Метсолы —
Приходите на пирушку,
К лохмачу на пир, на свадьбу:
Есть запасы, чтоб покушать,
Чтоб покушать здесь и выпить,
И останется довольно,
Чтоб раздать на всю деревню».
Тут народ промолвил слово,
Люди добрые сказали:
«Как медведь на свет родился,
Как он рос с прекрасным мехом?
На соломе ль он родился,
В бане ли медведь воспитан?»
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Он рожден не на соломе,
Не в овине на мякине.
Вот где он, медведь, явился,
Где рожден с медовой лапой:
Возле месяца и солнца
И Медведицы небесной,
Около воздушной девы,
Возле дочери творенья.
Шла по воздуху, по краю,
Посредине неба дева,
На краю какой-то тучки,
Шла по самой грани неба,
Шла она в чулочках синих,
В башмачках гуляла пестрых,
И в руке был ящик с шерстью,
Короб, полный волосами.
Шерсть бросает дева в воду,
Волоса бросает в волны.
Их укачивают ветры,
По воде их движет воздух,
Их качает там теченье,
Гонят их к прибрежью волны,
К мысу сладкому на берег,
Там к медвяному лесочку.
Миэликки, та старушка,
Мудрая жена Метсолы,
На воде клочки сбирает,
Шерсть мягчайшую на волнах.
Быстро шерсть в комок скатала,
Спеленавши, положила
В короб из коры кленовой,
В прехорошенькую люльку,
И цепями золотыми
Прикрепила эту люльку
К веткам, зеленью покрытым,
К сучьям твердым, очень крепким.
Там качался этот милый,
Там баюкали младенца,
Под цветущею сосною,
Под развесистою елью.
Так медведя и взрастила;
Вырос он с прекрасной шерстью
Посреди лесов медовых,
Посреди медовой рощи.
Там медведь прекрасно вырос,
Хорошо он воспитался,
Низконогий, косолапый,
Плоскомордый, тупоносый,
С головой весьма широкой
И с прекрасной, мягкой шубой;
Не явились только зубы
И не выросли лишь когти.
Миэликки, та старушка,
Говорит слова такие:
«Я дала б ему и когти,
Даровала бы и зубы,
Если б он их не на злое,
Не на вред употребил бы».
Дал медведь большую клятву
У колен хозяйки леса,
Перед богом всемогущим,
Пред всезнающим владыкой,
Что он зла не будет делать,
Не свершит дурного дела.
Миэликки, та старушка,
Мудрая жена Метсолы,
Ищет зубы для медведя,
Хочет также когти сделать.

Смотрит плотную рябину,
Смотрит твердый можжевельник,
Смотрит корни попрочнее
И стволы как можно тверже,
Но найти когтей не может
И зубов там не находит.
Там росла сосна в дубраве,
Елка там была на горке,
Серебро — в ветвях сосновых,
Золото — в ветвях у елки.
Их берет она с собою,
Создает медведю когти,
Зубы в челюсти сажает,
Прямо в десны помещает.
Отпускает тут любимца,
Молодца-красавца гонит,
Чтоб бежал он на болота,
Чтобы бегал он по рощам,
Чтоб бродил опушкой леса,
Чтобы прыгал по полянам.
Но итти велит прилично,
Двигаться лишь осторожно,
Жить в веселье постоянном,
Проводить все дни златые
На полях и на болотах,
На полянах, полных жизни,
Башмаков не зная летом
И чулок не зная в осень,
Отдыхая в непогоду,
Укрываясь зимою
Под черемушною крышей,
Возле крепости иглистой,
У корней прекрасной ели,
В можжевеловых объятьях;
Пять на нем ковров из шерсти
И плащей прекрасных восемь.
Там я взял свою добычу,
Там охота удалася».
Так сказали молодые,
Так промолвили и старцы:
«Как же лес таким был добрым
И так милостива роща,
Ласков так хозяин леса,
Тапио так благосклонен,
Что он дал тебе любимца,
Выдал лакомку до меда?
Иль за ним с копьем бежали,
Иль стрелою напугали?»

Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Лес ко мне вполне был добрым,
Очень милостива роща,
Ласков был хозяин леса,
Тапио, хозяин рощи.
Миэликки, та старушка,
Дочка Тапио, Теллерво,
Та красотка, дева леса,
Та малюточка лесная,
Мне дорогу показали
Мне готовили тропинки,
Метки делали дорогой,
Чтобы знал я направленье,
Знаки делали на горках
И зарубки на деревьях
К двери знатного медведя,
К месту, где его берлога.
И когда туда я прибыл,
Подошел к его границам,
Я копьем своим не бросил,
Не стрелял я там из лука:
Сам скользнул он с возвышенья,
Сам упал со скользкой ветви,
Сучья грудь ему порвали,
Ветки брюхо распороли».
И затем сказал он снова,
Сам такие молвил речи:
«Мой возлюбленный ты, Отсо,
Пташка милая, любимчик!
С головы сними одежду,
Своей пастью не кусайся,
Зубы редкие отдай нам,
Предоставь нам твою челюсть
И, смотри, не рассердися,
Коль мы так с тобой поступим,
Что твоя головка треснет,
Заскрежещут сильно зубы.
Вот беру я нос у Отсо,
К прежде взятому в придаток;
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру у Отсо ухо,
К прежде взятому в придаток;
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру я глаз у Отсо,
К прежде взятому в придаток;



Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру я лоб у Отсо,
К прежде взятому в придаток;
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру у Отсо морду,
К прежде взятой в добавленье;
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру язык у Отсо,
К прежде взятому в придаток;
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Назову того я мужем
И почту того героем,
Кто сочтет здесь эти зубы,
Кто весь ряд зубов повынет
Тут из челюсти твердейшей,
Вынет крепкими руками».
Сильного там не нашлося,
Ни один храбрец не вышел.
Сам тогда считает зубы,
Сам ряды их вынимает;
Вынул крепкими руками,
Став коленом на медведя.
Вынул зубы у медведя,
Говорит слова такие:
«Отсо, яблоко лесное,
Круглый шар в лесах зеленых!
Ты пройдись еще немного,
Прошуми еще немножко,
Из гнезда, что очень тесно,
Из жилища, что так низко,
Перейди ты в дом высокий
И в широкие покои.
Выйди, золото, пройдемся,
Шубка милая, отправься
Через те тропы, где свиньи,
Где проходят поросята,
К соснам, ветками богатым;
Выйди к соснам стоветвистым,
На тот холм, покрытый лесом,
На высокую ту гору!
Там побыть тебе не дурно,
Там прожить тебе не плохо,
Где звенит бубенчик громкий,
Раздается колокольчик».

Старый, верный Вейнемейнен
В дом ушел к себе оттуда.
Молодежь тогда сказала,
Так промолвили красавцы:
«Ты куда отнес добычу,
Ты куда свой лов доставил?
Не на льду ль его оставил,
Не в снегу ли закопал ты,
Иль сложил в болотной тине,
Иль зарыл в песках глубоко?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Ни на льду его не бросил,
Ни в снегу не закопал я:
Рвали б там его собаки,
Замарали б скоро птицы.
Не сложил его я в топи,
Не зарыл в песок глубоко:
Там его проели б черви,
Муравьи бы повредили.
Вот куда я снес добычу,
Эту маленькую долю:
К золотой холма вершине,
На вершину горки медной;
Там на дереве повесил,
На сосне, на стоветвистой,
На ветвях ее крепчайших,
На верхушке на широкой,
Человеку на усладу
И прохожему на радость.
Я к востоку пасть направил,
К западу глаза медведя;
Очень кверху их не поднял:
Если б поднял я их кверху,
Повредил бы там их ветер,
Там испортил бы их воздух;
Я к земле их не приблизил:
Если б их к земле приблизить,
Утащили бы их свиньи,
Своротили бы их рылом».
Старый, верный Вейнемейнен
Тут запел прекрасно, сильно,
Чтобы вечер был украшен,
День весельем был закончен.
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Ты свети, ставец с лучиной,
Чтоб при пеньи я мог видеть;

Мой черед начать здесь пенье,
Зазвучат уста с отрадой».
И он пел, играл там долго,
Чтобы вечер был веселым,
И сказал, окончив пенье,
Под конец промолвил слово:
«Дай на будущее время,
Дай нам навсегда, создатель,
Чтобы мы справляли праздник,
Чтобы мы не забывали
Молодцу устроить свадьбу,
Пир мохнатому устроить!
Подавай всегда, всевышний,
Подавай, благой создатель,
Знаки ясные в дороге
И пометки на деревьях
Молодцам геройски храбрым,
Молодецкому народу!
Позволяй всегда, всевышний,
Позволяй, благой создатель,
Слышать звук рогов Метсолы,
Слышать дудочку лесную
На дворе, пространстве малом,
На жилых местечках узких!
Целый день пускай играют,
Вечерком пусть веселятся
На холмах и на полянах,
На землях Суоми милой
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе».

Руна сорок седьмая

Лоўхи похищает солнце и месяц

Старый, верный Вейнемейнен
Все на кантеле играет,
Он поет, играет много,
Радость будит своим пеньем.
Звуки к месяцу проникли
И прошли в окошко солнца.
Из избы тут вышел месяц,
На кривую влез березу,
И из замка вышло солнце,
На сосновой ветке село,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
Лоўхи, севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
Тут же солнышко схватила
И взяла руками месяц,
Унесла с березы месяц
И с сосны стащила солнце,
Унесла домой с собою,
В вечно мрачную Похьёлу.
Прячет дома светлый месяц
В недра пестрого утеса,
Гонит солнце, пусть не светит,
В гору, полную железа.
Говорит слова такие:
«Никогда отсель не выйдет,
Чтоб светить, на волю месяц,
И отсель не выйдет солнце,
Если я не отпущу их,
Коль сама не дам свободы,
С девятью придя конями,
Что одна носила матка».
Только месяц был запрятан.
Только солнце было скрыто
В том утесе Сариолы,
В той скале, железом полной —
Похищает Лоўхи пламя,
Весь огонь из изб Вейнеле,

Без огня чтоб были избы,
Чтоб дома без света были.
Ночь настала без просвета,
Мрак густой и бесконечный;
Ночь сгустилась в Калевале,
Темнота в Вейнеле в избах,
Даже там вверху, на небе,
В тех местах, где жил сам Укко.
Жить без света было трудно,
Без огня и вовсе тяжко.
Встосковалися все люди,
Встосковался даже Укко.
Укко, этот бог небесный,
Этот воздуха создатель,
Начал очень удивляться;
Он подумал, поразмыслил:
Что там с месяцем за чудо,
Что случилося там с солнцем?
Отчего не светит месяц
И свет солнца не блистает?
Стал на край он темной тучи,
На границу неба вышел,
Вышел он в чулочках синих,
В башмачках прекрасных пестрых:
Не найдет ли светлый месяц,
Не увидит ли где солнце?
Но он месяца не видит
И найти не может солнце.
Тотчас старец выбил пламя,
Искру он пустил живую,
Выбил огненным мечом он,
Тем клинком, горящим ярко.
Выбил он огонь ногтями,
Выпустил его из пальцев
В верхней области небесной,
В небе за оградой звездной.
И когда огонь он высек,
Спрятал огненную искру
В шитом золотом мешочке,
В среброкованной шкатулке.
Искру дал качать девице,
Дал ее воздушной деве,
Чтобы вырос новый месяц,
Солнце новое явилось.
На большой уселась туче,
На краю воздушном дева;
Тот огонь она качает,
Убаюкивает пламя
В золотой, прекрасной люльке
На серебряных подставках.
Из сребра подставки гнутся,
И шумит златая люлька;
Небо, тучи затрещали,
Перегнулась крыша неба:
Так огонь качался в люльке,
Так качалось в небе пламя.
Вот огонь качает дева,
Убаюкивает пламя
И огонь перстами гладит,
На руках то пламя няньчит.
Вдруг упал огонь у глупой,
Безрассудной этой девы;
Он упал из рук качавших,
Из перстов, его ласкавших.
Потряслось, расселось небо,
Сферы воздуха раскрылись,
Искра огненная мчится,
Капля красная валится
И скользит чрез крышу неба
И шипит чрез толщу тучи
И небес прошла все девять,
Шесть покрышек этих пестрых.
Молвит старый Вейнемейнен:
«Брат, кователь Илмаринен!
Мы пойдем с тобой, посмотрим,
Мы пойдем и разузнаем:
Там огонь сошел какой-то,
Пламя странное упало
С верхней области небесной
Вниз, на области земные.
То не месяца ль кружочек
Или, может быть, шар солнца?»
И пошли герои оба,
В путь пошли и размышляли,
Как бы им попасть получше,
Как туда пройти прямее,
Где упало это пламя,
Где огонь свалился с неба.
Вот шумит река пред ними,
Вот течет поток огромный,
Он, как озеро, простерся,
Разлился широким морем.
Начал старый Вейнемейнен
Для себя здесь строить лодку,
Мастерить ее в дубраве,
А кователь Илмаринен

Руль еловый к лодке сделал,
Из сосны он сделал весла.
Так была готова скоро
Лодка с веслами, с крюками.
Вейнемейнен эту лодку
Быстро на воду спускает,
По Неве-реке[1] он едет,
По Неве вокруг мысочка.
Илматар, краса-девица,
Та дочь первая творенья,
Появилась им навстречу,
Говорит и молвит слово:
«Из каких мужей вы двое,
Как вас люди называют?»
Молвит старый Вейнемейнен:
«Мы здесь оба — мужи моря:
Я вот — старый Вейнемейнен,
А другой вот — Илмаринен.
Ты скажи, откуда родом,
И твое какое имя?»
Так им женщина сказала:
«Я — старейшая из женщин,
Первая из дев воздушных,
Мать древнейшая на свете,
Пяти жен не ниже честью
И шести невест красою.
Вы куда идете, мужи,
Мужи, храбрые герои?»
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Ведь огонь сошел какой-то,
Пламя к нам сюда явилось:
Без огня мы жили долго,
Все во мраке оставались.
Вот намеренье имеем
Посмотреть, где это пламя,
Что с небес сюда свалилось,
С края облака упало».
Так ответ дала им дева,
Говорит слова такие:
«Тот огонь найти вам нужно
И сыскать необходимо;
Пламя дел уж натворило,
Зла наделало порядком.
Искра пламени примчалась,
Капля красная свалилась
Из полей творца огромных,
Где ее сам Укко выбил,
Чрез небесные равнины,
Чрез воздушные пространства,
Чрез отверстие для дыма,
На сухие те стропила,
В новое жилище Тури
И к Палвойнену в жилище.
Как огонь туда свалился,
В новое жилище Тури,
Начал он дела дурные,
Принялся за преступленья:
Он хватает грудь девицы,
Разрывает груди девы,
Жжет он мальчику колено,
А хозяину бородку.
Мать дитя свое кормила,
Крошку в бедной колыбели;
И туда огонь стремится,
Совершает преступленье:
Жжет дитя он в колыбели,
Груди матери спаляет;
Так ребеночек несчастный
Отошел в жилища Маны,
Ибо создан был для смерти,
Предназначен для кончины;
От огня, от мук ужасных,
В красном пламени погиб он.
Мать имела больше знаний:
Не пошла она в Маналу,
Прогонять огонь умела,
Знала, как изгнать то пламя
Чрез ушко иголки малой,
В топоре через отверстье,
Чрез отверстие в мотыке,
Подле паханого поля».
Старый, верный Вейнемейнен
Быстро деву вопрошает:
«Но куда оттуда делась
Эта огненная искра?
В лес ушла она зеленый
Или в море покатилась?»
Так в ответ она сказала,
Говорит слова такие:
«Побежал огонь оттуда,
Покатилось дальше пламя
И сожгло поля сначала,
Жгло поля и жгло болота,
Наконец упало в воду,
В волны Алуэ[2] скатилось;

Это озеро вскипело,
В нем огнем блистают воды.
По три раза летней ночью,
Девять раз осенней ночью
Это озеро бросалось
Из брегов своих до елей;
Бушевал огонь в нем дико,
Пламя жгло и клокотало
И, кипя, бросало рыбу,
Окуней своих на скалы.
Там обдумывали рыбы,
Окуньки там размышляли:
Как же быть и что же делать?
Рыбы плакали о доме,
Окунь — о своем подворьи,
Ерш — о крепости скалистой.
Вышел окунь-кривошея,
Искру огненную ловит,
Но догнать ее не может.
Вышел синий сиг, погнался,
Ловит огненную искру,
Проглотил он злое пламя.
В берега вступили воды,
Озеро с краев опало,
На привычное местечко
Опустилось летней ночью.
Мало времени проходит —
Проглотивший испугался,
Съевший искру боль почуял;
Тот, пожравший пламя, страждет.
Шумно мечется повсюду,
День плывет он и другой день,
Где лежит сиговый остров,
Где стоят утесы семги,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в водах глубоких,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастного убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара
И от пламени страданья».
Вот пеструшка это слышит,
И сига она глотает.
Мало времени проходит —
Рыбу съевшая боится,
Проглотившая болеет,
Та, пожравшая, страдает.
Шумно мечется повсюду,
День плывет она, другой день,
Где стоят утесы семги,
Где стоят пещеры щуки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в водах глубоких,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара
И от пламени страданья».
Щука серая то слышит,
Проглотила ту пеструшку.
Мало времени проходит —
Рыбу съевшая боится,
Проглотившая болеет,
Та, пожравшая, страдает.
Шумно мечется повсюду,
День плывет она, другой день
Возле скал морской вороны,
Около утесов чайки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
«Не найти в водах глубоких,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара
И от пламени страданья».
Старый, верный Вейнемейнен,
С ним кователь Илмаринен
Можжевельник тотчас режут,
Вяжут сети из мочалы,
Красят ивовой водою,
Ивовой корой скрепляют.
Старый, верный Вейнемейнен
Гонит женщин к этой сети.
Стали женщины у сети,
Сестры сетью потянули
И, гребя, уж едут с нею
Возле кос и островочков,

Возле скал и гротов семги,
У сиговых островочков,
Где камыш стоит, серея,
Где тростник разросся стройно.
Едут дальше, рыбу ловят,
Тянут невод, погружают,
Держат наискось порою,
Наклонивши его тянут —
Не поймали этой рыбы,
Несмотря на все старанье.
Тут вступили в воду братья,
Подошли к той сети мужи,
Сеть и тянут, и толкают,
Невод дергают и тащат,
Возле рифов, по заливам,
Возле твердых скал Калевы —
Но поймать не могут рыбы,
Той, которая нужна им.
Щука серая не вышла
Из воды, из тихой бухты,
Из большой равнины водной:
Слишком петли были крупны.
Стали жаловаться рыбы,
Щука щуке говорила,
Сиг сигу вопросы задал,
Семга спрашивала семгу:
«Или храбрые уж мертвы,
Иль сыны Калевы сгибли,
Те, что сеть из льна вязали,
Невод делали из ниток,
Что баграми рыб пугали,
Палкой длинною стучали?»
Слышит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Нет, не умерли герои,
Не погиб народ Калевы;
Мертв один, а два родятся,
И у них багры получше,
Ловят палкой подлиннее,
Сетью вдвое пострашнее».

Руна сорок восьмая

Вейнемейнен находит огонь, высеченный Укко

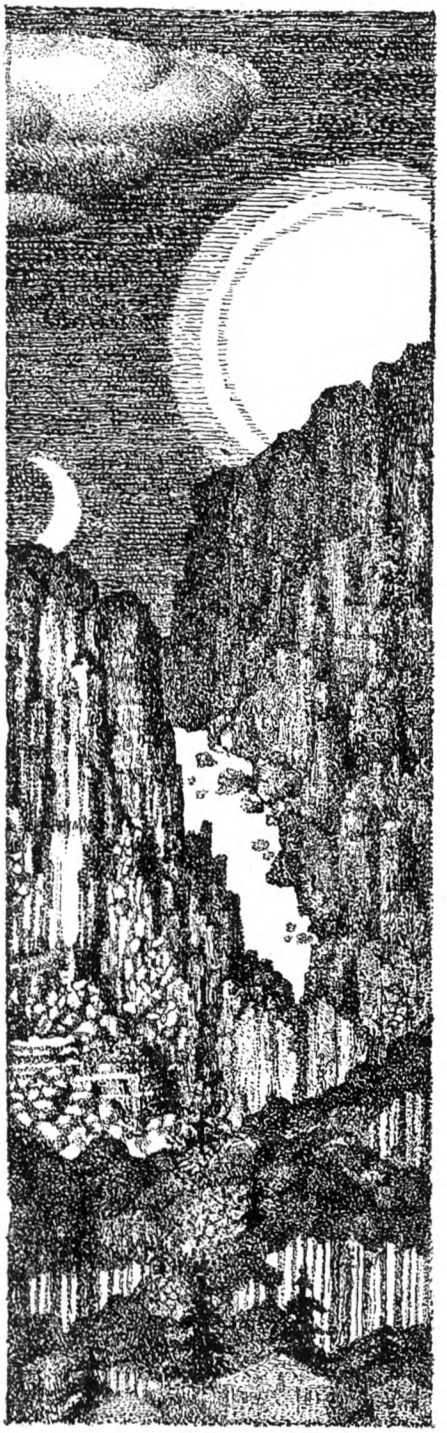
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Стал обдумывать то дело,
Размышлять затем он начал:
Как связать бы сеть льняную,
Сделать невод в сто раз больше?
Наконец, сказал он слово
И такие молвил речи:
«Ведь найдется же, кто вспашет.
Вспашет землю, лен посеет,
Чтоб я невод приготовил,
Сеть стопетельную сделал
И убил бы злую рыбу,
Уничтожил бы дрянную».
Вот нашлось земли немного,
Не сожженное местечко,
По обширному болоту,
Меж двух пней по середине.
Корень был тотчас же вырыт:
Там нашли льняное семя,
Что̀ хранил червяк Туони,
Что̀ берег червяк подземный.
Там золы осталась кучка,
Пепла кучечка сухого
От сожженной как-то лодки,
Уничтоженного судна.
Здесь тот лен и был посеян,
Помещен в сухую золу,
В почву глиняную пашни,
Близко к Алуэ посеян.
Хорошо взошло растенье,
Лен роскошно там поднялся,
Неожиданно он вырос
Лишь в теченье летней ночи.
Ночью был тот лен посеян,
Вымочен при лунном свете,[1]
Был очищен и разобран,
Был обобран и ощипан,

Очень сильно был отрепан,
Очень быстро был очесан.
Отнесен он был для мочки,
Был он вымочен поспешно
И затем поспешно вынут,
Чтоб сушить его скорее.
Принесли его в жилище;
Тут толкли его усердно
И старательно помяли,
Растрепали все волокна.
Расчесали лен поспешно,
Расчесали ранним утром,
Разложили весь по связкам;
После лен на веретена
Намотали летней ночью,
Меж двух дней одною ночью.
Вот прядут тот лен сестрицы,
Нитки делают невестки,
Связывают невод братья,
А отцы веревки вяжут.
Наработались коклюшки,
Петли делали прилежно,
Так что сеть была готова,
Невод изо льна был связан
Лишь в теченье летней ночи,
В половину ее даже.
Наконец-то сеть готова,
Невод изо льна уж связан.
И в длину та сеть сто сажен
И семьсот вокруг по краю.
Прикрепили к сети камни,
Поплавки все привязали.
К сети вышли молодые,
Дома старшие гадали:
Можно ль будет этой сетью
Захватить в воде ту рыбу?
Потянули, потащили,
Погрузили сеть для ловли,
Вдоль воды прилежно тянут,
В ширину воды проходят,
Ловят маленьких все рыбок,
Ловят ершиков несчастных,
Окунечков остроперых
И плотиц, богатых желчью —
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть связали.
Молвит старый Вейнемейнен:
«О кователь Илмаринен!
Сами мы пойдем с тобою,
По воде потянем сети».
И пошли вдвоем герои,
Тянут сеть в воде искусно,
И один край повернули
Прямо к острову на море,
А другою стороною
Повернули на мысочек
И бечевку натянули
Прямо к пристани Вейнеле.
Тянут сеть, вперед толкают,
Тянут, тащат этот невод,
Рыб достаточно поймали,
Окуней большую кучу
И хорошеньких пеструшек
И лещей и разной семги,
Всяких рыб в воде поймали —
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть вязали,
Невод в воду опустили.
К этой сети Вейнемейнен
Привязал еще другую
И края к краям прибавил
В пятьсот сажен шириною,
С бечевою в семьсот сажен,
Говорит слова такие:
«Мы поглубже сеть оттащим,
Понесем ее подальше,
Через воду там потянем
Во второй раз этот невод».
Сеть к потокам потащили,
Отнесли ее на волны,
Тянут дальше через воду
Во второй раз этот невод.
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Вод хозяюшка Велламо,
С тростниковой грудью в волнах,
Старая! Смени рубашку,
Свой кафтан смени поспешно!
Ведь камыш — твоя рубашка,
Пена моря — покрывало;
Их устроила дочь ветра,
Их дала тебе дочь моря.
Я же дам тебе льняную,
Полотняную рубашку;
Дочь луны над ней трудилась,
Соткала ее дочь солнца.

Ахто, ты, глубин хозяин,
Сотни омутов владыка!
Ты возьми в пять сажен палку,
Кол возьми семисаженный,
По всему пройдися морю,
Перерой все дно морское,
В тростниках жезлом поройся,
К нам гони ты рыбьи стаи,
К нам, что тащим этот невод,
Поплавков волочим сотню.
Рыб гони ты из заливов,
Из лососьих ям гони их,
Из большой пучины моря,
Из его бездонной глуби,
Где совсем не светит солнце,
По песку никто не ходит».
Вот из моря человечек,
Богатырь из волн поднялся,
Наверху остановился,
Говорит слова такие:
«Нужно вам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Нужно нам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку».
Малый муж, герой-малютка,
Тут срубил сосну большую,
Взял он длинную из леса,
К ней скалу вверху приделал
И, спросив, промолвил слово:
«Из всей силы гнать мне рыбу,
Со всего плеча работать
Или гнать, насколько нужно?»
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Будешь гнать, насколько нужно,
Так и то довольно будет».
Начал крошка-человечек,
Муж-малютка стал работать,
Гонит он, насколько нужно,
Гонит рыб большие стаи,
Где тащили этот невод,
Поплавков тащили сотню.
У весла сидел кователь.
Старый, верный Вейнемейнен
Заготавливает невод,
Сам он тащит сильно сети.
Молвит старый Вейнемейнен:
«Уж попала рыбья стая,
Где я невод кверху поднял,
Где пустил пониже доски».
Тут уж вытащили невод,
Подняли его повыше,
Чтоб трясти на лодке старца.
Поймана была та рыба,
Для которой сеть вязали,
Заготавливали невод.
Старый, верный Вейнемейнен
Едет к берегу на лодке,
Едет к синему мосточку,
К красной пристани прибрежной.
Груду рыб из лодки вынул,
Взял он кучу рыб костлявых,
Щуку серую там выбрал,
Что давно поймать хотел он.
Молвил старый Вейнемейнен,
Вымолвил слова такие:
«Взять ли рыбу мне рукою,
Без железной рукавицы
И без каменной перчатки
И без варежки из меди?»
Солнца сын услышал это,
Говорит слова такие:
«Распластал бы здесь я щуку,
Взял бы я ее рукою,
Если б был здесь нож побольше,
Острый, прочный нож отцовский».
С неба выпало железо
С черенком тем золотистым,
С лезвием тем серебристым —
Прямо к чреслам сына Солнца.
Солнца сын могучий тотчас
Этот нож берет рукою,
Разрезает тело щуки,
Тело той широкоротой;
Там же, в брюхе серой щуки,
Оказалася пеструшка;
У пеструшки этой в брюхе
Гладкий сиг уже нашелся.
Вот сига он разрезает,
Синий клуб оттуда тащит,
Из кишки сиговой тонкой,
Там из третьего загиба.
Развернул клубочек синий,
А из синего клубочка

Выпал красненький клубочек;
Вскрыл он красненький клубочек,
Изнутри того клубочка
Вынул огненную искру,
Что упала с высей неба,
Что проникла через тучи,
Что с восьми небес упала,
Из девятого пространства.
Вейнемейнен размышляет:
Чем теперь доставить искру
К избам, пламени лишенным,
К обиталищам без света?
Вдруг огонь скользнул мгновенно
Из руки у сына Солнца,
Вейне бороду обжег он,
Кузнеца обжег сильнее,
Опалил бесстыдно щеки,
Опалил ему и руки.
И бежит огонь оттуда,
По волнам озерным мчится,
Можжевельник обжигает,
Опаляет всю равнину,
Поднимается на ели,
Сжег еловые лесочки
И бежит все дальше, дальше,
Уж пол-севера сжигает,
Опалил пределы Саво,
Обе стороны Карьялы.
Старый, верный Вейнемейнен
Сам итти за ним собрался.
Чрез леса он там проходит,
По следам огня стремится;
Наконец его находит
Между двух пеньков у корня:
Был огонь в дупле ольховом,
Там, в изгибе пня гнилого.
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Ты, огонь, созданье божье,
Ты, светящее творенье!
В глубину идешь напрасно,
Вдаль идешь без основанья;
Лучше сделаешь, вернувшись
В избу, в каменную печку;
Там в своих ты ляжешь искрах,
Под свои укрывшись угли,
Чтобы днем ты пригодился
Для березовых поленьев,
Чтоб тебя скрывали на ночь,
В очаге тебя хранили».
Искру огненную взял он
На свой трут, огнем богатый,
На березовую губку,
Положил в котел из меди
И в котле принес ту искру;
Он принес ее в бересте,
На мысок, богатый мглою,
На туманный островочек;
Получили пламя избы,
Получили свет жилища.
Сам кователь Илмаринен
Побежал на берег моря,
Быстро подбежал к утесу,
На скале остановился:
От огня терпел мученья
И от пламени страданья.
Пламя хочет он утишить,
У огня ослабить силу,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Ты, огонь, созданье божье,
Пану, ты, огонь, сын Солнца![2]
Чем разгневан ты так сильно,
Что мои обжег ты щеки,
Что ты бедра опалил мне
И бока обжег ужасно?
Как смогу утишить пламя,
У огня ослабить силу,
Сделаю огонь бессильным,
Пламя сделаю безвредным,
Чтоб меня не жгло сильнее,
Чтоб страдания утихли?
Приходи из Турьи, дочка,
Из Лапландии, девица!
В лед и иней ты обута,
В замороженном ты платьи,
Носишь ледяной котел ты
С ледяной холодной ложкой.
Окропи водой холодной,
Набросай побольше льдинок
На места, где есть обжоги,
Где мне бед огонь наделал.
Если ж этого все мало —
Приходи, о сын Похьёлы,
Ты, Лапландии питомец,
Длинный муж земли туманной!

Вышиною с ель ты будешь,
И с сосну величиною;
У тебя из снега обувь,
Снеговые рукавицы;
Носишь ты из снега шапку,
Снеговой на чреслах пояс.
Снегу ты возьми в Похьёле,
Льду в холодной той деревне.
Много снегу в Сариоле,
Льду в деревне той обилье:
Снега реки, льда озера.
Там застыл морозный воздух,
Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят.
Там и лебеди из снега,
Ледяных там много уток
В снеговом живет потоке,
У порога ледяного.
Лед вези сюда на санках,
На возах доставь ты снегу,
Привези с вершины дикой
И с краев горы твердейшей.
Охлади холодным снегом,
Заморозь ты льдом холодным
Все, что мне огонь наделал,
Все, что здесь спалило пламя.
Если ж этого все мало —
Укко, ты, мой бог высокий,
Укко, ты, что правишь в тучах,
Облака все направляешь!
Вышли тучу от востока,
А от запада другую,
И ударь ты их концами,
Пустоту меж них наполни;
Ты пошли и лед, и иней,
Дай ты мне хорошей мази
На места, что опалились,
Где мне бед огонь наделал».
Так кователь Илмаринен
Пламя грозное утишил,
У огня он отнял силу.
И кузнец стал вновь здоровым,
Получил обратно крепость,
Исцелившись от ожогов.



Руна сорок девятая

Лоўхи дает свободу солнцу и месяцу

Не хотело выйти солнце,
Золотой не вышел месяц
Над жилищами Вейнеле,
Над песчаной Калевалой.
Охватил мороз посевы,
На стада болезнь напала,
Встосковалися все птицы,
Люди чувствовали скуку,
Что свет солнца не сияет,
Что свет месяца не блещет.
Щука ведала свой омут,
Знал орел дороги птичьи,
Корабельный путь знал ветер;
Но не знали только люди,
Утро ль серое вернулось,
Ночь ли темная спустилась.
Совещались молодые,
Старцы также рассуждали,
Как без месяца прожить им,
Как без солнца сохраниться
В областях, несчастьем полных,
В бедных северных пространствах.
Совещались и девицы;
Девочки, полны заботы,
К кузнецу пошли, к горнилу,
Так они ему сказали:
«Поднимись, кузнец, с постели,
Где лежишь у теплой печки,
Нам ты выкуй новый месяц,
Сделай круглое нам солнце!
Плохо, коль не светит месяц,
Тяжело прожить без солнца».
Поднялся кузнец с постели.
Где лежал у теплой печки,
Стал ковать он новый месяц,
Солнце новое стал делать,
Чтоб из золота был месяц
И серебряное солнце.

Вышел старый Вейнемейнен,
У дверей уселся кузни,
Говорит слова такие:
«Ты, кузнец, любимый братец!
Что там в кузнице стучишь ты,
Что колотишь беспрестанно?»
Отвечает Илмаринен,
Говорит слова такие:
«Золотой кую я месяц
И серебряное солнце.
В небесах я их поставлю
Выше, чем шесть пестрых крышек».
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«О кователь Илмаринен!
Ты предпринял труд напрасный:
Месяц золотой — не месяц,
Серебро не будет солнцем».
Сделал месяц Илмаринен,
Также выковал и солнце,
Кверху снес их осторожно,
Высоко он их поставил,
На сосну отнес он месяц,
На вершину ели солнце;
Пот со лба его катился,
С головы струилась влага —
Так трудна была работа,
Так подняться было трудно.
Вот наверх отнес он месяц
И отнес на место солнце,
На сосну повыше месяц,
На верхушку ели солнце —
Но сиять не хочет месяц,
И светить не хочет солнце.
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Надо, видно, кинуть жребий,
По значкам изведать надо:
Где теперь укрылось солнце,
И куда исчез наш месяц?»
Сам он, старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Из ольхи лучинки режет,
Ставит их потом в порядке,
А потом вертеть их начал,
Поворачивать перстами,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«У творца прошу я знака,
Строго требую ответа.
Молви правду, жребий божий,
Ты, значок творца, скажи мне:
Где теперь укрылось солнце,
И куда пропал наш месяц?
Отчего все это время
В небесах мы их не видим?
Ты скажи по правде, жребий,
Не скажи по мысли мужа,
Дай правдивое здесь слово,
Положи завет крепчайший!
Коль меня обманет жребий,
Брошу я его на землю
Иль в огонь его закину,
Пусть значок в огне сгорает».
Жребий вымолвил по правде,
Знак мужей тогда ответил,
Что сокрылось с неба солнце
И пропал с небес тот месяц
Внутрь большой скалы Похьёлы,
В недра медного утеса.
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Если я пойду на север,
По тропе сынов Похьёлы,
Засияет снова месяц,
Заблестит златое солнце».
Он отправился поспешно
В вечно мрачную Похьёлу.
День идет он, и другой день,
Наконец, уже на третий,
Показался вход в Похьёлу,
Видны каменные горы.
Вот кричит он очень громко,
У реки Похьёлы стоя:
«Лодку мне сюда доставьте,
Чтобы реку переплыл я».
Крик его услышан не был,
Лодки старцу не послали.
Наложил деревьев кучу
И сухих еловых веток,
Он зажег их на прибрежьи,
Так что дым большой поднялся,
Пламя к небу восходило,
Дым собой наполнил воздух.
Лоўхи, севера хозяйка,
Подошла сама к окошку.

На пролив, на устье смотрит,
Говорит слова такие:
«Что за пламя там пылает,
В устьи этого пролива?
Для войны, пожалуй, мало,
Для костров рыбачьих много».
Похьёланца сын выходит
Из избы на двор поспешно,
Чтоб увидеть и услышать,
Чтобы ясно все разведать:
«За рекой, на том прибрежьи,
Виден мне герой могучий».
Крикнул старый Вейнемейнен,
Во второй раз молвил громко:
«Ты, сын севера, дай лодку,
Вейнемейнену челнок дай!»
Но сын севера промолвил,
Говорит слова такие:
«Нет незанятых здесь лодок;
Ты вот пальцами греби-ка,
А рука рулем пусть будет,
Чтоб чрез реку плыть в Похьёлу».
Думал старый Вейнемейнен,
Он подумал и размыслил:
«Не сочтут того за мужа,
Кто с пути назад вернется».
И пошел он щукой в воду,
Он сигом пошел в потоки,
Переплыл пролив он скоро,
Перешел пространство быстро,
Сделал шаг, другой шаг сделал,
Вышел на берег песчаный.
Говорят сыны Похьёлы,
Молвит та толпа дрянная:
«Ну, иди во двор Похьёлы».
Он вошел во двор широкий.
Говорят сыны Похьёлы,
Молвила толпа дрянная:
«Ну, иди в избу Похьёлы!»
Он пошел в избу большую
И ступил ногою в сени,
А рукой взял ручку двери,
И тогда он внутрь проходит,
Проникает он под кровлю.
Мед в избе мужчины пили,
Сладкий сок они глотали,
Были все они в оружьи,
Все у пояса с мечами,
На погибель старца Вейне,
Чтоб погиб Сувантолайнен.
Так пришедшего спросили,
Говорят слова такие:
«Что, негодный муж, ты молвишь,
Ты, герой-пловец, расскажешь?»
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Я о месяце скажу вам,
Чудеса скажу о солнце;
Где от нас укрылось солнце
И куда пропал наш месяц?»
Говорят сыны Похьёлы,
Молвит так толпа дрянная:
«Вот куда сбежало солнце,
Солнце с месяцем укрылось:
В грудь пестреющего камня,
В грудь железного утеса;
Не уйти уж им оттуда,
Не уйти, коль не отпустят».
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«Если месяц из утеса,
Солнце из скалы не выйдет,
Так и бой начать мы можем,
На мечах тогда сразиться».
Вынул меч, открыл железо,
Из ножен меч грозный тащит:
На конце сияет месяц,
Солнца блеск на рукоятке,
И конек стоит на спинке,
На головке кот мяучит.
Вот померились мечами,
Лезвия их осмотрели;
Только малую толику
Подлиннее меч у Вейне:
На зерно он подлиннее,
На обхват стебля соломы.
Вот на двор наружу вышли,
На просторную поляну;
Ударяет Вейнемейнен,
Так что искры засверкали.
Раз ударил и другой раз,
Посрубил он, точно репу,
Словно льна посбил головки,
Головы сынов Похьёлы.
Собрался тут Вейнемейнен
Посмотреть на светлый месяц,

Унести с собою солнце
Из груди скалы той пестрой.
Вот проходит он немного,
Небольшое расстоянье,
Видит там зеленый остров,
А на нем растет береза;
У березы этой камень,
И утес стоит у камня;
А дверей в утесе девять,
На дверях же сто задвижек.
Видит трещину в утесе,
В камне узкую полоску,
Меч из ножен вынимает,
Острый меч в скалу вонзает,
Колет он клинком огнистым,
Колет пламенным железом.
И вот камень раскололся,
Быстро натрое распался.
Старый, верный Вейнемейнен
Посмотрел чрез щели камня:
Змеи там хлебают сусло,
Пиво пьют в скале гадюки,
В недрах этого утеса,
Что печеночного цвета.
Молвит старый Вейнемейнен,
Говорит слова такие:
«То-то бедная хозяйка
Мало пива здесь имела:
Здесь хлебают сусло змеи,
Пиво пьют в скале гадюки»
Змеям головы срубает,
Злым гадюкам рубит шеи,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Никогда, ни в кои веки,
От сего дня впредь считая,
Да не пьют гадюки пива,
Не хлебают сусла змеи».
Хочет старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Раскачать руками двери,
Силой слова их задвижки —
Не открыл дверей рукою,
Слов не слушались задвижки.
Молвил старый Вейнемейнен,
Сам сказал слова такие:
«Баба тот, кто безоружен,
Тот без сил, кто без секиры».
Тотчас он домой вернулся,
Головой поник печально,
Что он месяца не добыл,
Что он солнца не доставил.
И промолвил Лемминкейнен:
«О ты, старый Вейнемейнен!
Отчего меня не взял ты
Как товарища в заклятьях?
Я отбил бы все замочки,
Поломал бы я задвижки,
Я сиять пустил бы месяц,
И светить я дал бы солнцу».
Старый, верный Вейнемейнен
Говорит слова такие:
«Не берут слова задвижек,
Не берут замков заклятья;
Кулаком их не подвинешь,
Не своротишь двери локтем».
К кузнецу пошел, к горнилу,
Говорит слова такие:
«О кователь Илмаринен!
Выкуй мне трезубец твердый,
Выкуй дюжину мне копий
Да ключей большую связку,
Чтоб я месяц из утеса,
Из скалы бы взял я солнце».
Тут кователь Илмаринен,
Вечный тот кузнечный мастер,
Сделал все, что нужно было,
И ключей большую связку,
Связку копий ему сделал,
Не больших, не очень малых.
Лоўхи, севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
К бедрам крылья прикрепляет
И по воздуху стремится.
Полетала возле дома,
Улетела и подальше,
Через все Похьёлы море,
К Илмаринена жилищу.
Посмотрел кузнец в окошко:
Уж не буря ль там несется?
То не буря там несется,
Прилетает серый ястреб.
И промолвил Илмаринен,
Говорит слова такие:
«Что тебе здесь нужно, птица,
У окна зачем ты села?»

Так ответила тут птица,
Так промолвил этот ястреб:
«О кователь Илмаринен,
Вечный ты кузнечный мастер!
Ты, по правде, славный мастер,
Ты — кователь настоящий».
Так промолвил Илмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Никакого тут нет чуда,
Что кузнец я настоящий,
Если выковал я небо,
Кровлю воздуха устроил».
И сказала эта птица,
Так промолвил серый ястреб:
«Что куешь ты здесь, кователь,
Не оружие ль какое?»
Так промолвил Илмаринен,
Дал в ответ слова такие:
«Я кую ошейник крепкий
Для старухи той в Похьёле:
Приковать старуху надо
Там у твердого утеса».
Лоўхи, севера хозяйка,
Та беззубая старуха,
Видит: к ней беда подходит,
Ей несчастье угрожает;
И летит, стремясь чрез воздух,
Чтоб спастись в Похьёле дальней.
Из скалы пускает месяц,
Выслала из камня солнце,
А сама свой вид меняет,
Запорхала, прилетела
К Илмаринена жилищу,
Голубком у двери села.
И промолвил Илмаринен,
Сам сказал слова такие:
«Ты зачем сюда явился,
Прилетел к порогу, голубь?»
От дверей ему ответил,
От порога этот голубь:
«Я затем здесь у порога,
Чтоб принесть тебе известье:
Из скалы уж вышел месяц,
Из утеса вышло солнце».
Сам кователь Илмаринен
Посмотреть тогда выходит;
Он подходит к двери кузни,
Смотрит пристально на небо,
Видит: вновь сияет месяц,
Видит: вновь блистает солнце.
К Вейнемейнену идет он,
Говорит слова такие:
«О ты, старый Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель!
Посмотри, пойди, на месяц,
Погляди, пойди, на солнце:
Ведь они уже на небе,
На своих местах привычных».
Старый, верный Вейнемейнен
Сам на двор тогда выходит.
Поднял голову он кверху,
Посмотрел на небо быстро:
Месяц там стоял, как прежде,
И свободно было солнце.
Смотрит старый Вейнемейнен,
Говорить он начинает,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Здравствуй, месяц серебристый!
Вновь ты кажешь лик прекрасный.
Здравствуй, солнце золотое!
Снова всходишь ты, сияя.
Из скалы ушел ты, месяц,
Ты ушло из камня, солнце,
Как кукушка золотая,
Как серебряный голубчик,
На своих местах вы снова,
Прежний путь свой отыскали.
По утрам вставай ты, солнце,
С нынешнего дня вовеки,
Каждый день приветствуй счастьем,
Чтоб росло богатство наше,
Чтоб к нам в руки шла добыча,
К нашим удочкам шло счастье!
Ты ходи благополучно.
На пути своем блаженствуй,
В красоте кончай дорогу,
Отдыхай с отрадой ночью!»

Руна пятидесятая

История Марьятты. Вейнемейнен покидает родную землю

Марьятта,[1] красотка-дочка,
Выросла в отцовском доме.
При отце жила, при знатном,
И при матери любимой.
Пять цепочек износила,
Шесть колец она истерла,
Что с отцовскими ключами
На груди ее блестели.
Пол-порога вовсе стерла
Славно вышитым подолом.
Пол-стропила перетерла
Тонким головным платочком
И пол-притолоки стерла
Рукавом из мягкой ткани,
Протоптала половицы
Башмаков своих подошвой.
Марьятта, красотка-дочка,
Эта девочка-малютка,
Долго все была смиренной
И стыдливость сохраняла.
Рыбой вкусною питалась
И корой сосновой мягкой;
Никогда яиц не ела,
Так как с курицей петух жил;
От овцы не ела мяса,
Коль овца жила с бараном.
Мать доить ее послала,
Но она доить не хочет,
Говорит слова такие:
«Никогда такая дева
Не возьмет коров за вымя,
Что с быками поиграли;
Молока же не бывает
У телят или у телки».
Жеребца отец запрег ей,
Но она на нем не едет;
Брат тогда привел кобылу,
А девица молвит слово:

«Не поеду на кобыле,
С жеребцом она бывала;
Жеребенка запрягите,
Что лишь месяц как родился».
Марьятта, красотка-дочка,
Чистою жила девицей,
Кроткою, прекраснокудрой
И стыдливою красоткой.
Погнала стада на выгон,
За ягнятами выходит.
Вышли на гору ягнята,
На бугор взобрались овцы,
По поляне ходит дева,
Между ольх в лесу играет,
А сребристая кукушка
Кличет, птичка золотая.
Марьятта, красотка-дочка,
Звуки слушая, уселась
На лугу, где много ягод,
На покатости пригорка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Кличь, кукушка золотая,
Пой, серебряная птичка,
Кличь ты, с грудью оловянной,
Молви, ягодка-красотка!
Ты скажи: я долго ль буду
Незамужнею пастушкой
На обширных здесь полянах,
На широкой почве рощи —
Лето, что ли, два ли лета,
Пять лет, что ли, или шесть лет,
Или десять лет, быть может,
Иль теперь конец уж скоро?»
Марьятта, красотка-дочка,
Долго так жила пастушкой;
Не сладка ведь жизнь пастушья,
А особенно девице:
По земле ползут ведь змеи,
В травах ящериц довольно.
Вот не ползают там змеи,
В травах ящериц не видно —
Кличет ягодка с пригорка,
Слово молвит так брусника:
«Ты сорви меня, девица,
Подбери меня, младая,
В оловянных украшеньях,
С подпояскою из меди!
А то съест меня улитка,
Иль червяк проглотит черный.
Уж меня видали сотни,
Тут вот тысячи сидели,
Женщин тысяча, дев сотня
И большой толпою дети;
Но никто меня не тронул,
Не сорвал меня рукою».
Марьятта, красотка-дочка,
По тропе прошла немного,
Чтобы ягодку увидеть,
Чтобы красную снять с стебля,
Взять бы кончиками пальцев,
Взять бы нежными руками.
Видит ягодку на горке;
На полянке та брусника
И похожа на бруснику,
Но стоит она так странно:
Снизу брать — высоко слишком,
С дерева — так слишком низко.
Прутик тут взяла девица,
Сбила ягодку на землю.
Прыгнула с земли брусника
На башмак ее прекрасный,
С башмачка она вскочила
К ней на чистое колено,
С чистого ее колена
На оборку ее платья.
Прыгнула потом на пояс,
С пояска на грудь девицы,
А с груди на подбородок,
С подбородка прямо в губы,
А оттуда в рот скользнула,
На язык там покатилась,
С языка же прямо в горло
И затем прошла в желудок.
Марьятта, красотка-дочка,
От того затяжелела,
Полноту заполучила,
Чрево сделалось тяжелым.
Одевалась без шнурочка
И без пояса ходила,
Удалялась тайно в баню,
В темноте там укрывалась.
Мать раздумывала часто,
Размышляла так старуха:
«Что-то с Марьяттой случилось,
С милой курочкою нашей,

Что шнурка не надевает
И без пояса все ходит,
Все уходит тайно в баню,
Укрывается во мраке?»
И сказал один ребенок,
Он слова такие молвил:
«Видно, с Марьяттой случилось,
С бедною такое горе
Оттого, что очень долго
Прожила со стадом в поле».
И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью
Так семь месяцев и восемь,
Девять месяцев носила,
По расчету старых женщин —
Даже девять с половиной.
Так-то в месяце десятом
Дева вовсе заболела,
Отвердело вовсе чрево
И томило деву мукой.
Просит мать устроить баню:
«Мать моя, ты, дорогая!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Чтобы было мне свободно
Там избавиться от болей».
Мать промолвила ей слово,
Ей ответ дала старуха:
«Ты рожай, блудница Хиси,
У того, с кем ты лежала!
Холостой ли он мужчина,
Молодец ли он женатый?»
Марьятта, красотка-дочка,
Ей в ответ сказала слово:
«Не была я с неженатым,
Ни с женатым я не знялась;
А пошла я на пригорок
И хотела рвать бруснику.
Вижу: будто бы брусника;
На язык ее взяла я,
В горло мне она скользнула,
Проскочила в мой желудок.
Я с того отяжелела,
Полноту я получила».
Так отца о бане просит:
«Дорогой отец, любимый!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку».
Ей отец промолвил слово,
Старый ей тогда ответил:
«Уходи ты прочь, блудница,
Ты, презренная, подальше,
На утес, в жилье медвежье,
К ворчуну в его пещеру.
Там родить, блудница, можешь,
Там погибнешь ты, дрянная».
Марьятта, красотка-дочка,
Слово мудрое сказала:
«Я нисколько не блудница,
Не презренная нисколько:
Но великого героя,
Благородного рожу я.
Ему сильный покорится,
Даже старый, Вейнемейнен».
Дева в страшном затрудненьи:
Как итти, куда стремиться,
Баню где себе отыщет?
Говорит слова такие:
«Пилтти,[2] девочка-малютка,
Ты, всех лучше из служанок!
Попроси в деревне баню,
По домам у речки Сары,[3]
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку.
Ты беги, ты мчись быстрее,
Ибо нужно очень скоро!»
Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
«Но кого просить я буду,
У кого искать подмоги?»
Молвит Марьятта служанке,
Говорит слова такие:
«Ты к Руотусу[4] отправься,
Где впадает речка Сара».
Пилтти, девочка-малютка,
Тем словам ее внимает,
И без просьб она готова,
И скора без приказанья;
Точно пар, она выходит
И, как дым, на двор стремится,
Подбирает свой передник,
Платье верхнее руками,
Побежала скорым шагом
И к Руотусу помчалась.

Тут дрожат от бега горы,
И качаются пригорки,
Шишки с елок повалились,
Камни скачут по болоту.
Вот к Руотусу приходит
И вошла в его жилище.
Он сидит так важно, мерзкий,
Ест и пьет с большою спесью,
За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.
Так сказал он за обедом,
Опершись на стол и гордо:
«Что, негодная, ты скажешь?
Ты откуда прибежала?»
Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
«Я пришла просить о бане,
Баню я ищу у Сары,
Где б покой нашла бедняжка,
Где б была несчастной помощь».
Тут жена его приходит,
Упершись в бока руками,
Переваливаясь, ходит,
Посредине пола стала
И расспросы начинает,
Говорит слова такие:
«Для кого ты баню просишь,
Для кого подмоги ищешь?»
Пилтти, девочка, сказала:
«Я для Марьятты прошу вас!»
И сказала та старуха,
Та Руотуса супруга:
«Нету бани здесь на Саре,
Для чужой у нас нет бани:
Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет.
Если лошадь там надышит,
Вы в пару там и купайтесь».
Пилтти, девочка-малютка,
Поспешила возвратиться,
Из всей силы побежала,
Прибежавши, так сказала:
«Не нашлось в деревне бани,
Не нашлось при речке Саре,
И Руотуса супруга
Говорит слова такие:
«Нету бани здесь на Саре,
Для чужой у нас нет бани:
Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет.
Если лошадь вам надышит,
Вы в пару там и купайтесь».
Так сказала эта злая,
Так она мне отвечала».
Марьятта, малютка-дева,
Начинает горько плакать,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
«Вот должна теперь итти я,
Как поденщица какая,
Как наемная служанка,
На пожженную поляну,
На траву в лесу сосновом —
Не найти другой мне бани».
Вот берет руками платье,
Подбирает край подола
И несет в руках метелку,
Свежий веник мягколистный;
Направляется поспешно,
При жестоких муках чрева,
В темный хлев в лесу сосновом,
В этот дом горы Метсолы.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
«Снизойди, творец, на помощь,
Милосердый, будь защитой
В этом очень трудном деле,
В этот час, весьма тяжелый!
Ты избавь от болей деву
И жену от муки чрева,
Чтоб от болей ей не сгибнуть,
От мучений не скончаться!»
И, когда дошла до места,
Говорит слова такие:
«Надыши, конек мой милый,
Надыши, моя лошадка,
Сделай теплый пар, как в бане,
Теплоты здесь дай побольше,
Чтоб покой нашла бедняжка,
Чтоб была несчастной помощь!»
Надышал конек тот добрый,
Надышал тот жеребенок

На страдающее чрево;
И, когда дышала лошадь,
Стало жарко, точно в бане,
И пары сгустились в капли.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Покупалась там довольно,
В том тепле омыла чрево,
Родила на свет сыночка.
И невинного младенца
К лошади кладет на сено,
В ясли к ней, прекрасногривой.
А затем сынка обмыла
И в пеленки спеленала,
Положила на колени,
На своем укрыла лоне.
Скрыла милого сыночка
И питала дорогого,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый,
На руках своих кормила,
На руках своих качала.
Положила на колени,
На своем укрыла лоне,
Начала головку гладить
И волосики чесала —
Вдруг исчез с колен ребенок,
Вдруг пропал тот мальчик с лона.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Собралась искать ребенка,
Сына милого, родного,
Это яблочко златое,
Этот прутик серебристый.
И под жерновом глядела,
Под полозьями у санок,
И под грохотом искала,
Посмотрела под ушатом,
Меж деревьев, между злаков,
Травы мягкие раздвинув.
Так сыночка ищет долго,
Ищет милого сыночка,
На горах и в роще ищет,
На песках в полянах смотрит,
Смотрит каждый там цветочек,
Разрывает каждый кустик,
Можжевельник рвет с корнями,
У деревьев ломит ветки.

Собралась искать и дальше,
Отправляется поспешно.
Ей звезда идет навстречу,
Пред звездой она склонилась:
«Ты, звезда, созданье божье!
Что ты знаешь о сыночке?
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»
Так звезда ей отвечает:
«Если б знала, не сказала б:
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
Я на холоде блистала,
В темноте бы я мерцала».
Собралась итти подальше,
Отправляется поспешно.
Месяц ей идет навстречу,
Перед месяцем склонилась:
«Месяц, ты, созданье божье!
Что ты знаешь о сыночке?
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»
Говорит в ответ ей месяц:
«Если б знал, так не сказал бы:
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
По ночам ходил я стражем,
А в теченье дня я спал бы».
Собралась итти подальше,
Отправляется поспешно.
Солнце ей идет навстречу,
Солнцу дева поклонилась:
«Солнце, созданное богом!
Что ты знаешь о сыночке?
Где мой маленький остался,
Это яблочко златое?»
Мудро солнце отвечает:
«Знаю я сынка девицы:
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы я по дням прекрасным
В светлом золоте ходило,
Серебром блистало чудным.
Знаю милого малютку,
Твоего сынка, бедняжка.
Вот где твой сынок-малютка,
Это яблочко златое:
Он увяз по пояс в топях,
Он в песке увяз по плечи».

Марьятта, малютка-дева,
Ищет сына по болоту,
Там в болоте и находит
И домой сынка приносит.
Вырос Марьятты сыночек,
Вырос мальчиком прекрасным.
Как назвать его, не знали,
Рос без имени малютка.
Мать звала его цветочком,
А чужие звали праздным.
Окрестить его хотели,
Окропить его водою.
Для крещенья прибыл старец,
Для моленья Вироканнас.[5]
И промолвил старец слово,
Сам сказал такие речи:
«Бедный мальчик заколдован;
Я крестить его не стану,
Прежде чем его осмотрят,
И осмотрят, и одобрят».
Кто же мальчика осмотрит,
Кто осмотрит и одобрит?
Старый, верный Вейнемейнен,
Вековечный заклинатель,
Осмотреть его приходит,
Осмотреть его, одобрить.
Старый, верный Вейнемейнен
Приговор свой изрекает:
«Так как сын в болоте найден
И от ягоды явился,
То он должен быть положен
На лугу, где много ягод,
Или пусть ему в болоте
Разобьют головку палкой».
Полумесячный ребенок,
Двухнедельный так промолвил:
«О ты, старец безрассудный,
Безрассудный старец, слабый!
Приговор изрек ты глупо,
Объяснил законы ложно.
Ты за большие проступки,
За дела глупее этих
Отведен на луг ведь не был,
Где растет так много ягод;
Ты за худшие деянья,
За вины похуже этих
Отведен в болото не был,
Не был отведен на топи;
Головы ты не лишился,
С головою ты остался,
Как пожертвовал когда-то
Своей матери ребенком,
Чтобы жизнь свою спасти им,
Самого себя избавить.[6]
Отведен тогда ты не был,
Да и позже, на болото,
Как ты в молодости давней
Заставлял девиц топиться
В глубине морских потоков.
В черном иле дна морского».[7]
Крестит мальчика тот старец,
Он дитя благословляет,
Чтоб он был король Карьялы,
Все повсюду охранял бы.
Рассердился Вейнемейнен.
Рассердился, устыдился;
Собрался итти оттуда
И идет на берег моря,
Распевая громогласно,
Заклинанья выкликая.
Там в последний раз запел он,
Он пропел свои заклятья,
Пеньем медный челн он сделал,
В медь окованную лодку.
На конце челна уселся,
В море выехал оттуда
И сказал он при отъезде,
Так промолвил на прощанье:
«Вот исчезнет это время,
И настанут дни иные,
И меня здесь пожалеют,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Чтобы гусли снова сделал,
Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу;
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире не бывает».
Едет старый Вейнемейнен,
Едет с парусом шуршащим
На челне, обитом медью,
На богатой медью лодке;
Едет он туда, где вместе
Сходятся земля и небо.
Там пристал с своею лодкой,
С челноком остановился.

Только кантеле оставил,
Радость вечную — народу,
Чудную игру — Суоми,
Своим чадам — свое пенье. [8]

Я уста теперь закрою,
Завяжу язык свой крепко,
Прекращу я эту песню,
Распевать не буду больше.
Отдыхать должны и кони,
Если много пробежали;
И само железо слабнет,
Покосивши летней травки;
Опускаются и воды,
Коль бегут они рекою;
И огонь погаснуть должен,
Коль пылал он долго ночью —
Почему ж напев не должен,
Не должна ослабнуть песня,
Если пелась целый вечер,
С самого заката солнца?
Так, я слышал, говорили,
Очень часто повторяли:
«Водопад, и тот в паденьи
Не всю воду выливает;
Точно так же песнопевец
Не поет своих всех песен.
Лучше вовсе прекратить их
И прервать на середине».
Так бросая, так кончая,
Заключая, оставляя,
Я в клубок мотаю песни,
Их в одну вяжу я связку,
Как запас, в амбар слагаю,
За замок из крепкой кости.
Не уйдут они оттуда
Никогда, ни в кои веки,
Коль замок не будет отперт,
Если кость не отомкнется,
Не разжаты будут зубы,
И язык не повернется.
Что бы было, если б пел я,
Распевал я очень много,
Пел бы я в долине каждой,
Пел бы в каждой синей роще?
Мать моя уже скончалась,
На земле уж нет старушки,
Золотая уж не слышит,
Дорогая уж не внемлет.
Здесь меня лишь сосны слышат,
Ветви ели мне внимают,
Клонятся ко мне березы
Да приветствуют рябины.
Мать меня еще ребенком
Здесь покинула, родная.
Я, как жаворонок, вырос,
На камнях, как дрозд, остался,
Чтобы жаворонком пел я,
Щебетал дроздом в лесочке,
Под надзором у чужой мне
И под мачехиной лаской.
Прогнала она бедняжку,
Нелюбимого ребенка,
К той стене, где дует ветер,
К стенке северной жилища,
Чтоб сгубил жестокий ветер
Беззащитного ребенка.
Я, как жаворонок, вышел,
Я блуждал, бедняжка, птичкой,
Я с трудом едва влачился,
Тихо шел своей дорогой,
И узнал я всякий ветер,
Познакомился я с бурей,
Стал дрожать я на морозе,
Научился плакать в стужу.
Нахожу теперь я многих,
Часто я людей встречаю,
Что меня ругают злобно
И меня словами колют,
Что язык мой проклинают,
Заглушают криком голос.
Говорят, что я трещу лишь,
Что мое не нужно пенье,
Что пою я часто плохо
И не знаю лучших песен.
Люди добрые! прошу вас,
Не сочтите это странным,
Что пою я, как ребенок,
Щебечу я, как малютка!
Не был отдан я в ученье,
У мужей могучих не был,
Слов чужих не приобрел я.
Не принес речей с чужбины.
Ведь другие обучались,
Я ж не мог уйти из дома

И от матушки родимой,
С ней одной я оставался,
Я учился только дома,
Под своей родимой кровлей,
Где пряла моя родная,
Где строгал мой брат родимый.
Я тогда был лишь ребенком,
Был в дырявой рубашонке.
Как бы ни было, я все же
Показал певцам дорогу,
Путь открыл я перед ними,
Отогнул дерев верхушки,
Сбросил ветви, дал тропинку,
Дал я к будущему выход.
Здесь тропиночка открылась
Для певцов, что поспособней,
Для певцов, что поискусней
И что рунами богаче
Меж растущей молодежью,
В восходящем поколенье».

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ «КАЛЕВАЛЫ»*

Руна 1. Вступление. — Дочь воздуха спускается с неба в море и становится матерью вод. От ветра и волн в ее чреве зарождается Вейнемейнен. Утка делает гнездо на ее колене и кладет там яйца. Яйца катятся в море и разбиваются на его дне; из их отдельных частей образуются земля, небо, солнце, луна и звезды. Мать вод творит мысы, заливы, прибрежья, глубины и бездны моря. Вейнемейнен родится от матери вод, долго носится по волнам и, наконец, достигает берега.

Руна 2. Вейнемейнен выходит на берег, где нет деревьев, и велит Сампсе Пеллервойнену сеять деревья. Дуб вначале не выходит из земли; когда же он, наконец, роскошно выходит наружу, то разрастается по всей местности до такой степени, что лучи солнца и луны не могут проникнуть через его ветви. Маленький человечек выходит из моря и рубит дуб, после чего солнце и луна опять начинают светить. Птицы поют на деревьях; деревья, трава, цветы, ягоды растут на земле; только ячмень еще не хочет расти. Вейнемейнен находит несколько ячменных зерен в песке на берегу, рубит лес и оставляет только одну березу для отдыха птиц. Орел в благодарность дает ему огонь. Лес сгорает, и пожог готов. Вейнемейнен сеет ячмень, возносит молитву о том, чтобы он хорошо рос, и надеется на большой урожай.

Руна 3. Песни и мудрость Вейнемейнена делают его знаменитым. Ёўкахайнен состязается с ним в пении. Вейнемейнен его побеждает и заклинаниями погружает в болото. Ёўкахайнен, очутившись в беде, обещает отдать Вейнемейнену свою сестру замуж; Вейнемейнен соглашается и выпускает его из болота. В дурном расположении духа Ёўкахайнен едет домой и рассказывает своей матери, как плохо ему пришлось во время путешествия. Мать радуется, когда узнает, что Вейнемейнен сделается ее зятем, но сестра очень огорчается и начинает плакать.

Руна 4. Вейнемейнен сватается за сестру Ёўкахайнена, встретив ее в лесу. В слезах возвращается девушка домой в сообщает об этом матери. Мать запрещает ей печалиться и требует, чтобы она была веселой и нарядно оделась. Девица все плачет и отказывается итти замуж за старика. В большом горе идет она в лес, торопится к морскому берегу, хочет купаться и падает в море. Мать оплакивает потерю дочери день и ночь.

Руна 5. Вейнемейнен хочет достать сестру Ёўкахайнена из моря. Он ловит на крючок рыбу, хочет разрезать ее на куски, но она уходит в море и объясняет, что она — сестра Ёўкахайнена. Напрасно Вейнемейнен старается словами и сетями снова поймать ее. Огорченный, он идет домой, где его мать советует ему отправиться в Похьёлу и там посвататься за другую.

Руна 6. Ёўкахайнен подстерегает Вейнемейнена, когда тот едет в Похьёлу. Он видит, как тот едет верхом по морю, и стреляет в него, но попадает только в его лошадь. Вейнемейнен падает в воду; сильный ветер гонит его по морским волнам. Ёўкахайнен хвастливо рассказывает матери о своем поступке.

* Изложение содержания каждой руны, здесь помещаемое, сделано Э. Лённротом.

Руна 7. Вейнемейнен много дней плывет в открытом море. Орел находит его там, берет его на свою спину и доставляет его на берег Похьёлы. Лоўхи, хозяйка этой страны, берет героя к себе и принимает очень гостеприимно. Вейнемейнена тянет на родину, но хозяйка Похьёлы не хочет отпускать его: ей хочется сосватать ему свою дочь, если он сможет выковать Сампо. Вейнемейнен обещает, что, как только он вернется на родину, то сейчас же пришлет кузнеца Илмаринена, чтобы тот выковал Сампо. После этого он получает сани и лошадь для возвращения домой.

Руна 8. По дороге Вейнемейнен видит девушку Похьёлы на небе и сватается за нее. Девушка соглашается исполнить его желанье, если он из ее веретена сделает лодку и спустит ее в воду, не прикасаясь к ней. Вейнемейнен начинает делать лодку, но топором разрубает себе колено. Он не может остановить кровь, которая течет очень сильно. Тогда он отправляется отыскивать заклинателя, который бы мог остановить у него кровь, и находит старика, обещающего это сделать.

Руна 9. Вейнемейнен рассказывает старику о происхождении железа. Старик ругает железо и произносит заклинания, чтобы остановить кровь; кровь перестает течь. Старик приказывает сыну приготовить мазь, мажет рану и забинтовывает ее; Вейнемейнен выздоравливает.

Руна 10. Вейнемейнен возвращается домой и требует, чтобы Илмаринен отправился в Похьёлу сватать молодую девушку, на которой может жениться, если выкует Сампо. Илмаринен не желает ехать, но Вейнемейнен хитростью отправляет его в Похьёлу. Илмаринен является в Похьёлу, принят радушно, и ему предлагают выковать Сампо. Илмаринен кует Сампо, которое хозяйка Похьёлы запирает в гранитную гору. Илмаринен требует в вознаграждение девицу; но та говорит, что она еще не может уйти из дому. Илмаринен получает лодку, возвращается домой и рассказывает Вейнемейнену, что Сампо уже готово.

Руна 11. Лемминкейнен собирается итти сватать знатную девицу Сари. Сначала девицы Сари насмехаются над ним, но вскоре изменяют свое отношение к нему. Он не может победить только Кюлликки, ради которой он пришел. Наконец он берет ее силой, бросает в сани и пускается в путь. Кюлликки плачет и упрекает его, что он любит войну. Он обещает ей не ходить на войну, если она даст обещание не принимать участия в деревенских танцах; оба клянутся исполнить свои обещания. Мать Лемминкейнена рада видеть свою невестку.

Руна 12. Кюлликки забывает свою клятву и отправляется в деревню на танцы Лемминкейнен приходит в гнев, сейчас же отказывается от нее и решает отправиться в Похьёлу. Мать всячески старается удержать сына и говорит, что в Похьёле его ждет погибель. Лемминкейнен, который в это время расчесывает волосы, бросает со злобы щетку и говорит, что, когда он будет ранен на чужбине, из этой щетки потечет кровь. Он вооружается, отправляется в путь, приходит в Похьёлу и заклинаниями изгоняет всех мужчин из жилищ; только одного отвратительнаго пастуха он из презрения оставляет нетронутым.

Руна 13. Лемминкейнен сватается за дочь хозяйки Похьёлы. Старуха требует, чтобы сначала он достал лося Хиси. Лемминкейнен смело гонится за лосем, настигает его, но ломает свои лыжи.

Руна 14. Лемминкейнен произносит заклинания и наконец ловит лося. Но от него требуют укротить огнедышащего коня Хиси. Он приводит коня в Похьёлу. Третья задача дается ему такая: убить лебедя на реке бога мертвых Туони. Лемминкейнен приходит к этой реке; там его поджидает презренный им пастух, убивает его и бросает в водные глуби царства мертвых. Сын Туони рубит тело Лемминкейнена на куски.

Руна 15. В это время из щетки, которую Лемминкейнен оставил дома, начинает сочиться кровь, из чего мать заключает, что, наверное, ее сын погиб. Она торопится в Похьёлу и спрашивает у Лоўхи, куда она дела ее сына. Хозяйка Похьёлы

сознается, какое поручение она ему дала, а солнце дает ей точное указание относительно смерти Лемминкейнена. Мать с длинными граблями в руках идет к водопаду Туони, разгребает воду и собирает все части тела своего сына, соединяет их все, а затем с помощью заклинаний и мазей возвращает сына к жизни. Лемминкейнен рассказывает, как он погиб, и отправляется с матерью домой.

Руна 16. Вейнемейнен посылает Сампсу Пеллервойнена поискать дерева для его лодки, делает лодку заклинаниями, но не находит трех слов. Так как он их ниоткуда не может узнать, то он отправляется в царство мертвых. Там его задерживают. Однако он освобождается оттуда заклинаниями и, возвратившись домой, рассказывает об ужасах, которые угрожают там злым людям.

Руна 17. Вейнемейнен идет к Антеро Випунену, чтобы добиться от него нужных слов, и будит его от тяжелого сна под землей. Випунен проглатывает Вейнемейнена, и тот, оказавшись в его чреве, начинает его мучить. Випунен старается при помощи заклинаний отделаться от Вейнемейнена, но тот угрожает, что он не выйдет из чрева до тех пор, пока не узнает от него трех слов, недостающих ему для постройки лодки. Випунен высказывает Вейнемейнену свою мудрость, и тот, наконец, вылезает из чрева, возвращается к своей работе и доканчивает лодку.

Руна 18. Вейнемейнен плывет в своей новой лодке в Похьёлу, чтобы там посвататься за девицу севера. Сестра Илмаринена видит его, получает сведения о цели его путешествия и торопится к брату с известием, что другой тоже стремится к его невесте и что он должен быть настороже. Илмаринен вооружается и тотчас же поспешно едет верхом по прибрежью Похьёлы. Когда Лоухи видит женихов, она советует дочери выбрать Вейнемейнена. Дочь же хочет выйти замуж за Илмаринена, который выковал Сампо, и встречает отказом Вейнемейнена, хотя тот и вошел в жилище первым.

Руна 19. Илмаринен входит в жилище Похьёлы, сватается за дочь Лоухи. Ему дают опасные поручения. Благодаря советам девицы севера он благополучно исполняет все эти поручения. Прежде всего он вспахивает змеиное поле, затем ловит медведя и волка Маналы и страшную щуку из реки царства мертвых. Хозяйка севера соглашается отдать свою дочь за Илмаринена. В дурном настроении возвращается Вейнемейнен домой и не советует старикам свататься за девушек, если есть молодые соперники.

Руна 20. В Похьёле к свадьбе убивают огромнаго быка. Варят пиво и готовят кушанья. Посылают приглашать гостей. Лемминкейнен не приглашен.

Руна 21. Жениха и его спутников принимают в Похьёле. Гостей вдоволь угощают кушаньями и напитками. Вейнемейнен поет и прославляет присутствующих на пиру.

Руна 22. Невеста собирается к отъезду, и ей поют о ее прошлом и будущем. Невеста начинает грустить и плачет. Ее утешают.

Руна 23. Невесте поют наставления, как она должна жить в доме мужа. Одна старая нищая рассказывает, как она жила девушкой, как жила с мужем и как ушла от него.

Руна 24. Жениху поют наставления, как он должен обращаться с женой, и советуют ему не обращаться с ней плохо. Один старый нищий рассказывает, как он образумил свою жену. Невеста огорчена, что она должна покинуть навсегда родные места, и прощается со всеми. Илмаринен сажает невесту в сани, отправляется в путь и вечером на третий день возвращается домой.

Руна 25. Жениха, невесту и провожатых гостеприимно принимают в доме Илмаринена. Присутствующих вдоволь угощают кушаньями и напитками. Вейнемейнен поет и величает хозяина, хозяйку, свата, подружек невесты и остальных провожатых. На обратном пути со свадьбы у Вейнемейнена ломаются сани, которые он поправляет. Затем он едет дальше домой.

Руна 26. Лемминкейнен, рассердившись, что его не пригласили на свадьбу, решается ехать в Похьёлу, не обращая внимания на запрещение матери и на гибель, которая, по ее словам, его там ожидает. Он отправляется в путь и благодаря заклинаниям благополучно проходит через все опасные места.

Руна 27. Лемминкейнен держит себя в Похьёле чрезвычайно заносчиво. Хозяин севера приходит в ярость и, не сумев ничего сделать с Лемминкейненом заклятьями, берется за меч. В поединке Лемминкейнен отрубает голову хозяину севера. Тогда Лоўхи, чтобы отомстить за смерть мужа, посылает против Лемминкейнена своих вооруженных людей.

Руна 28. Лемминкейнен поспешно удаляется из Похьёлы, возвращается домой и спрашивает мать, куда бы он мог спастись от преследующей его толпы похьёланцев. Мать не советует ему итти на север, предлагает ему разные места, где бы он мог скрыться, и, наконец, советует ему отправиться на остров по ту сторону моря, где ее муж мирно прожил год во время великой войны.

Руна 29. Лемминкейнен переплывает через море и благополучно выходит на остров. Там он легкомысленно живет с девушками и женщинами. Наконец, мужчины приходят в ярость и грозят убить его. Поспешно собирается Лемминкейнен и покидает остров. Женщины огорчены его отъездом. На море во время бури судно Лемминкейнена разбивается, сам он спасается вплавь на берег, добывает новую лодку и приплывает к берегу своей родины. Он видит, что сгорели все его строения и разорена вся местность около них, начинает плакать, считая свою мать умершей. Но мать осталась жива и живет в скрытом месте в лесу, где ее с радостью находит Лемминкейнен. Мать рассказывает, как народ Похьёлы пришел и сжег их жилище. Лемминкейнен обещает построить новые, еще лучшие строения, но прежде он должен отомстить Похьёле. Он рассказывает своей матери про роскошную и веселую жизнь, которую он вел на острове, когда скрывался там.

Руна 30. Лемминкейнен со своим боевым товарищем Тиэрой вновь отправляется воевать на север. Хозяйка севера посылает на них страшный мороз, который задерживает на море их лодку и погубил бы обоих героев, если бы Лемминкейнен своими заклятьями и проклятьями не прогнал его. Лемминкейнен с Тиэрой идут по льду и блуждают по глухому лесу, пока, наконец, не возвращаются на родину.

Руна 31. Унтамо начинает войну против своего брата Калерво, убивает его вместе с его народом. Из всего племени остается одна беременная женщина. Он уводит ее к себе, и она родит сына Куллерво. Куллерво еще в колыбели мечтает отомстить Унтамо. Тот пробует на разные лады его убить, но не может этого сделать. Когда Куллерво вырастает, он портит все, что поручает ему Унтамо, и раздраженный Унтамо продает его в рабство Илмаринену.

Руна. 32. Жена Илмаринена назначает Куллерво пастухом своего стада. Из злости она запекает ему в хлеб камень. Затем она посылает свое стадо в поле, напутствуя его молитвами и заклинаниями против медведя.

Руна. 33. Куллерво вечером берет хлеб из сумки, начинает его резать и к огорчению своему ломает отцовский нож, который остался у него как единственное воспоминание о своем роде. Он обдумывает, как бы отомстить хозяйке, гонит стадо в болото, собирает стадо волков и медведей и под видом коров приводит их вечером домой. Когда хозяйка начинает доить их, они ее разрывают на части.

Руна 34. Куллерво уходит от Илмаринена. Печально он скитается по лесу и, наконец, узнает от одной старухи, что его родители и сестры еще живы. По указанию старухи, он находит их на границе Лапландии. Мать рассказывает ему, что уже считала его умершим и что ее старшая дочь по дороге исчезла, отправившись за ягодами.

Руна 35. Куллерво начинает работать у своих родителей, но так как он по непригодности не оказывает никакой помощи, отец посылает его заплатить подать за землю. На возвратном пути Куллерво встречает свою заблудившуюся сестру, которую он не узнает; он заманивает ее к себе в сани и обесчещивает. Когда на другой день они узнают, кто они такие, сестра бросается в реку. Куллерво торопится домой, рассказывает матери об ужасном событии и хочет тоже покончить самоубийством. Мать старается отговорить его от самоубийства и советует ему в каком-нибудь другом месте поискать облегчения в своем горе. Тогда Куллерво задается мыслью отомстить Унтамо.

Руна 36. Куллерво вооружается и покидает родину без сожаления, так как там, кроме его матери, никто не будет горевать после его смерти. Он приходит к жилищам Унтамо, рубит их и предает огню. Затем он возвращается домой, находит дом пустым и не видит там ни одного живого существа, кроме старой собаки. С этой собакой он идет в лес, чтобы настрелять себе дичи. По дороге туда он приходит к месту, где обесчестил свою сестру, и в порыве отчаяния убивает себя мечом.

Руна 37. Долго оплакивает Илмаринен свою жену, а потом выковывает себе новую жену из золота и серебра. Ночью он лежит рядом с золотой женой. Проснувшись поутру, он находит, что та сторона его тела, около которой лежало золотое изображение, стала совсем холодной. Он хочет отдать золотую жену Вейнемейнену, но тот ее не берет и дает ему совет выковать из этой золотой фигуры какие-нибудь другие предметы или отвести ее в другую страну и отдать жениху, ищущему золота.

Руна 38. Илмаринен идет в Похьёлу, чтобы сосватать себе младшую сестру своей покойной жены, но в ответ слышит только ругательства. Он раздражается, похищает девицу и отправляется домой. Дорогой девица ругает Илмаринена, изменяет ему и доводит его до того, что он в гневе превращает ее в чайку. Затем он возвращается домой и рассказывает Вейнемейнену, как беззаботно живет Похьёла, обладая Сампо, и как неудачно вышло его сватовство.

Руна 39. Вейнемейнен приглашает Илмаринена поехать на север, чтобы взять там Сампо; Илмаринен соглашается, и герои отправляются на лодке в путь. Лемминкейнен видит их с берега и, узнав, куда они направляются, предлагает себя в товарищи; его охотно берут с собою.

Руна 40. Путешественники приплывают к водопаду, и там лодка наскакивает на спину большой щуки. Щуку убивают, берут в лодку, варят и режут на куски. Вейнемейнен делает из костей ее головы кантеле. Многие пробуют играть на нем, но не могут.

Руна 41. Вейнемейнен играет на кантеле, и все существа, живущие в воздухе, на земле и в море, спешат к нему, чтобы послушать его игру. Сердца всех так тронуты этой игрой, что слезы показываются у них на глазах; даже из глаз Вейнемейнена падают на землю крупные капли слез и текут в воду, где превращаются в чудные голубоватые жемчужины.

Руна 42. Герои приезжают в Похьёлу. Вейнемейнен объявляет, что они приехали за Сампо и, если не получат его добром, то возьмут силой. Лоухи не хочет отдавать Сампо и поднимает против них вооруженный народ. Вейнемейнен берет кантеле, начинает играть, погружает своей игрой весь народ Похьёлы в сон и тогда идет со своими спутниками, чтобы взять Сампо. Они берут его из каменной горы и кладут в лодку. Затем герои отплывают из Похьёлы. На третий день Лоухи пробуждается от сна и видит, что Сампо похищено. Она посылает густой туман, сильный ветер и другие препятствия, чтобы задержать похитителей, пока не настигнет их. Во время бури кантеле Вейнемейнена падает в море.

Руна 43. Лоухи снаряжает военное судно и направляется за похитителями Сампо. Когда она их настигает, на море завязывается бой между Похьёлой и Калевалой, в котором последняя побеждает. Во время борьбы Сампо падает из лодки в море, где разбивается на куски. Большие куски тонут и образуют морские богат-

ства, мелкие же выброшены волнами на берег. Вейнемейнен последнему обстоятельству очень рад и надеется на благополучие своей родины. Лоўхи грозит уничтожить благоденствие Калевалы, но на эти угрозы Вейнемейнен не обращает внимания. Огорченная потерей своей власти, возвращается Лоўхи домой, куда она приносит от всего Сампо только крышку. Вейнемейнен тщательно собирает обломки Сампо на берегу, оставляет их там, чтобы они росли, и желает полного благополучия этой местности.

Руна 44. Вейнемейнен ищет упавшее в море кантеле, но не может найти. Тогда он делает из березы новое кантеле и играет на нем; все, его окружающее, наслаждается этой игрой.

Руна 45. Лоўхи посылает ужасные болезни на Калевалу. Вейнемейнен исцеляет народ чудодейственными заговорами и средствами.

Руна 46. Лоўхи натравливает медведя на стада Калевалы. Вейнемейнен убивает медведя, и по этому случаю в Калевале устраивается торжественное празднество. Вейнемейнен поет, играет на кангеле и желает Калевале счастливой жизни в дальнейшем.

Руна 47. Месяц и солнце сходят с неба, чтоб послушать пение Вейнемейнена. Лоўхи хватает их и прячет внутри горы, а затем похищает огонь из домов Калевалы. Укко, бог неба и воздуха, досадует на мрак на земле и небе и высекает огонь. Огонь падает на землю, и Вейнемейнен с Илмариненом отправляются его искать. Дочь воздуха сообщает им, что огонь упал в озеро Алуэ и что там его проглотила рыба. Вейнемейнен и Илмаринен стараются поймать эту рыбу мочальною сетью, но безуспешно.

Руна 48. Изготовляют сеть из льняных веревок и тогда вылавливают рыбу, которая проглотила огонь. Огонь находят в брюхе рыбы, но он быстро выскальзывает из рук, обжигает щеки и руки Илмаринена и убегает. Огонь распространяется далеко, истребляет много стран. Наконец его ловят и доставляют в темные жилища Калевалы. Илмаринен оправляется от своих ожогов при помощи заклинаний.

Руна 49. Илмаринен выковывает новый месяц и новое солнце, но не может получить от них света. Вейнемейнен гаданиями по колышкам узнает, что месяц и солнце спрятаны в горе Похьёлы, и идет на север, где истребляет весь народ. Он хочет освободить солнце и месяц, но не может, и возвращается домой, чтоб Илмаринен выковал ему орудия, с помощью которых он мог бы пробить гору. Когда Илмаринен работает над этими орудиями, Лоўхи пугается, что ей придется плохо, и выпускает из горы солнце и месяц. Вейнемейнен снова видит их на небе, приветствует их и желает, чтобы они всегда служили украшением неба и приносили всем странам благополучие.

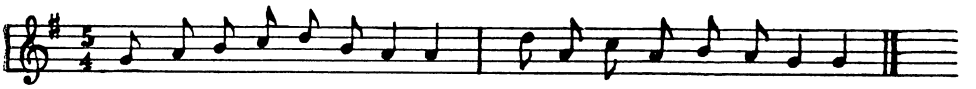
Руна 50. У девушки Марьятты, съевшей брусничную ягоду, от этой ягоды родится ребенок. Младенец пропадает, мать долго его ищет и наконец находит на болоте. Его нужно крестить, но, так как у ребенка нет отца, ждут, пока его не освидетельствуют. Вейнемейнен приходит, чтобы освидетельствовать младенца, и объявляет, что его следует убить, потому что он рожден от брусники. Младенец укоряет Вейнемейнена за несправедливый приговор. Тогда младенца крестят как будущего короля Карьялы. Смущенный Вейнемейнен удаляется и навсегда покидает родную землю. При прощании он поет и в песне высказывает мысль, что в будущем пожалеют о нем. Он уплывает туда, где земля сходится с небом. Кантеле и чудные песни он оставляет на радость жителям родной земли. — Заключение.

ОБРАЗЦЫ НАПЕВОВ РУН

(По финскому изданию Калевалы 1895 г.)

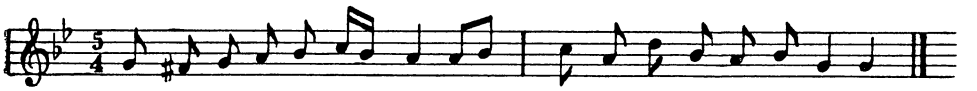
ОБЩИЕ НАПЕВЫ

1



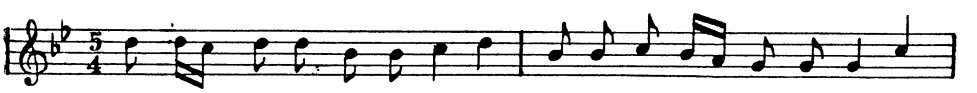
O - - tet - tiin mi-nus-ta ou - to, Var - sin vir - hi vis - kat - ti - hin.

2

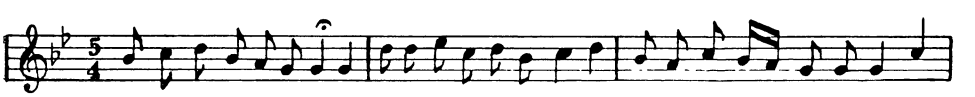


Nyt on mie-les - sä mi - nul - - la Ru - ve - ta ru-non te - ko - hon.

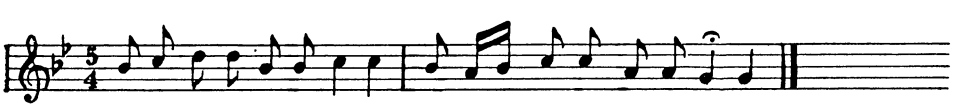
3



Mi - tä sil - loin lau - le - ta - han, Kuin mennään o - - hon o - - vil - le,

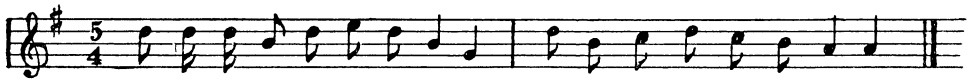


Si - ni - pii-pa-rin pihoille? Vil-la suu-si, vil-la pääsi, Vil-la vii - si hammasta-si.



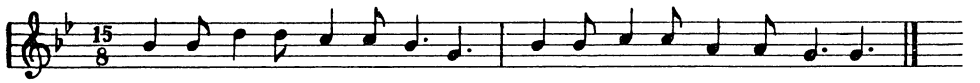
Puihin visko-as vi-ha-si, Ka-ner-voi-hin katke - ra - si.

4



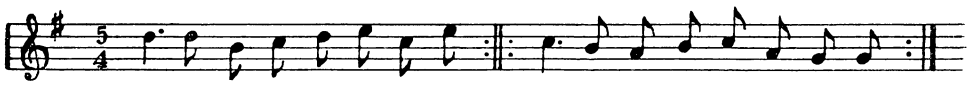
Kan-nap-pa korp-pi huo - li - a - ni, Mu - re - hi - - a mus - ta lin - tu.

5



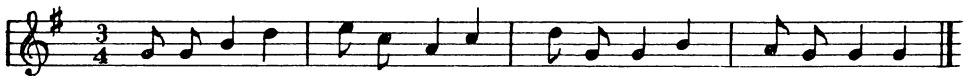
Yks' on van- ha Väi - nä-möi-nen, Toi-nen nuo - ri Jou-ka - hai - nen.

6



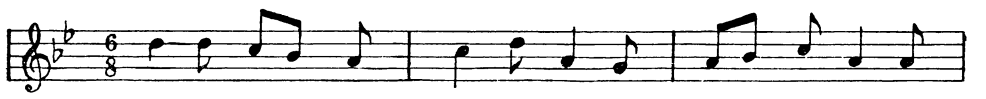
Näin on häi - tä häi-lät - ti - hin :!: Pi - - to - loi - ta pil - lat - ti - hin :!:

7

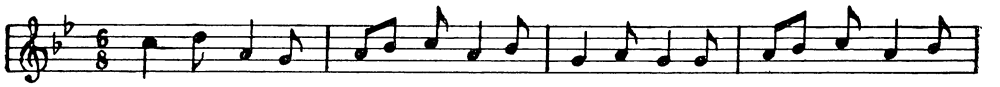


Am-muin jout-se - - - nen jo - el - la, Vir - ras - sa vi - - - - - ri - än lin - nun.

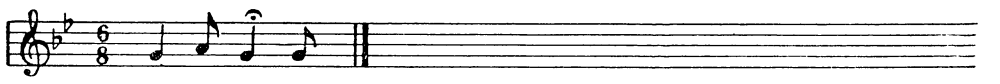
8



Löy-än, löy - än äm - män kät - kön kir - - ja - van ki - -

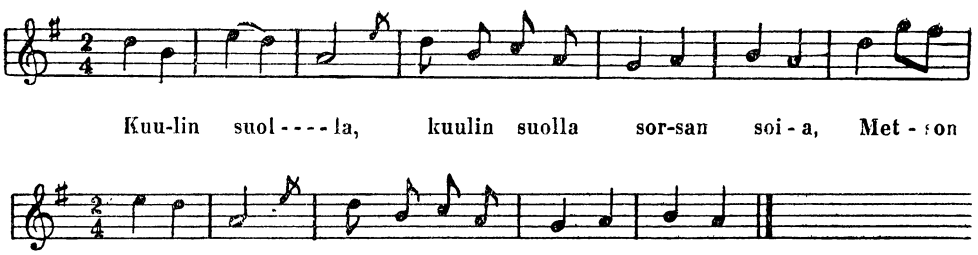


ven ko - los - ta, Ka - - hen kan - to - - - sen vä - lis - tä, kol - men koi - vun

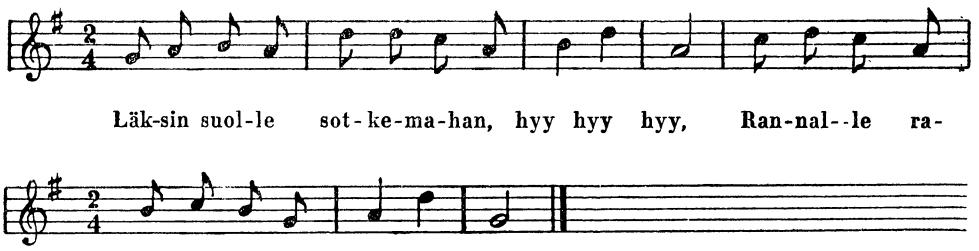


juu - ren al - - ta.

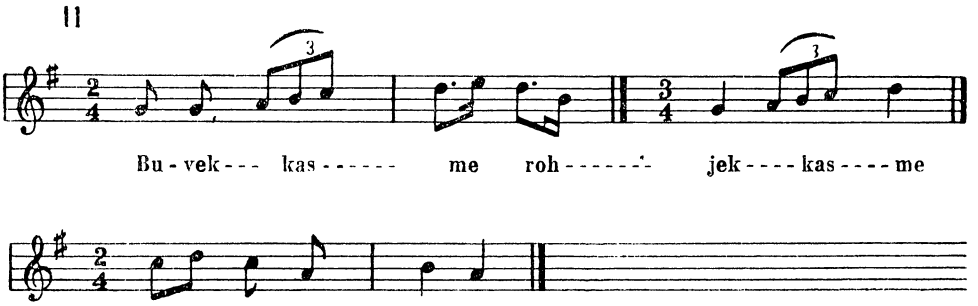
9


Kuu-lin suol - - - - la, kuulin suolla sor-san soi - a, Met - son
vii - as - - - sa, metson vii - as- - - - sa me - - no - - ta.

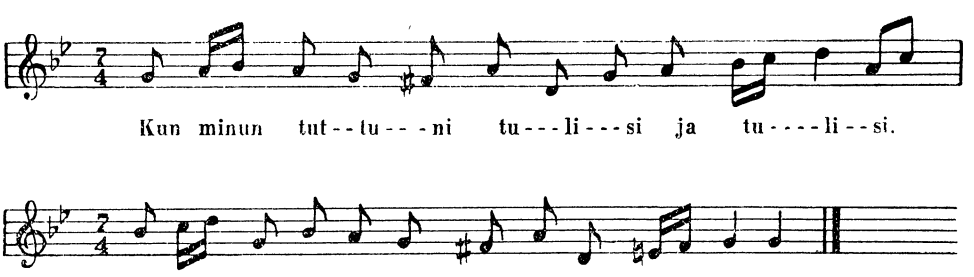
10

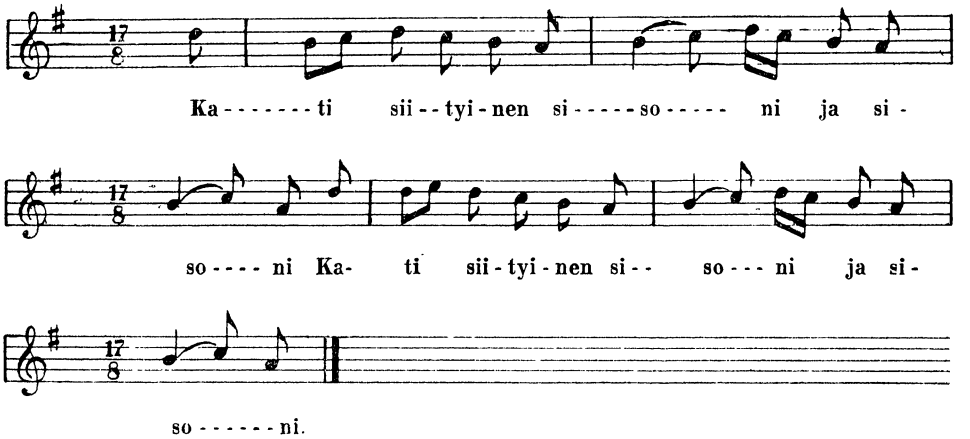

Läk-sin suol-le sot - ke-ma-han, hyy hyy hyy, Ran-nal--le ra-
put - ta-ma-han, hyy hyy hyy.

11

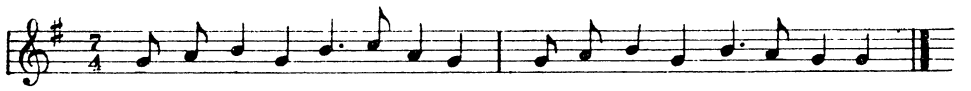

Bu - vek - - - kas - - - - - - me roh - - - - - - jek - - - - kas - - - - me
kau - - - - niis - - - sa jou - koss'.

12

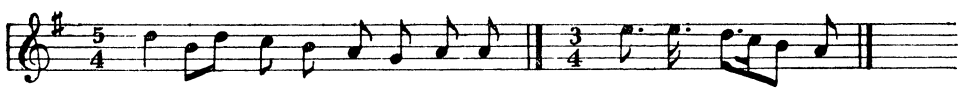

Kun minun tut - - tu - - - ni tu - - - li - - - si ja tu - - - - li - - si.
Ar - ma - - - ha - ni as - te - - - - lei - - si as - - - - te - - - lei - - si.


Ka - - - - - - - ti sii - - tyi - nen si - - - - - so - - - - - ni ja si -
so - - - - ni Ka - ti sii - tyi - nen si - - so - - - ni ja si -
so - - - - - - ni.

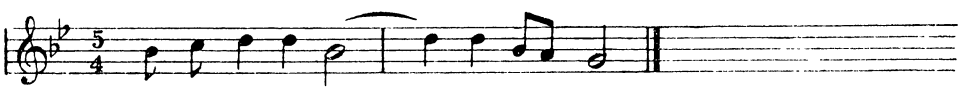
14


Ku - ka toi on tuon sa - no - man, Sul - hon tyh - jin tul - le - hek - si.

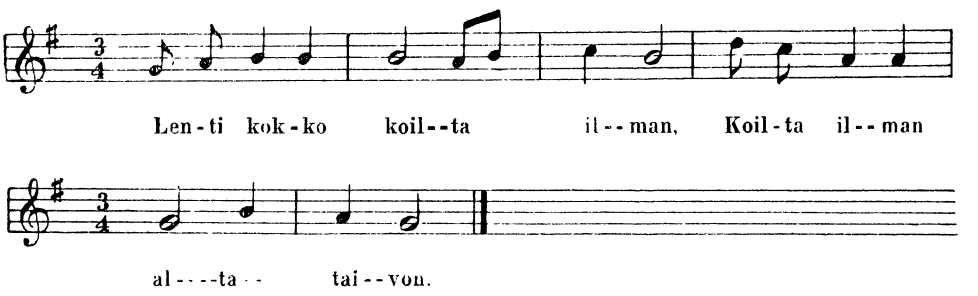
15


Et lu - - - van - nut läh - te - - vä - - si, läh - te - - vä - - - - - - - - si

16


Toi - voin tuu - len tuul - - - - - - - - - le - - hek - - - si.

17


Len - ti kok - ko koil - - ta il - - man, Koil - ta il - - man
al - - - - ta - - tai - - von.

ПРИМЕЧАНИЯ

Руна 1

1) Поэт Рунеберг следующим образом описывает способ пения рун: «Певец выбирает себе товарища, садится против него, берет его за руки, и они начинают петь. Оба поющие покачиваются взад и вперед, как будто попеременно притягивая друг друга. При последнем такте каждого небольшого отрывка настает очередь помощника, и он весь отрывок перепевает один, а между тем запевала на досуге обдумывает следующее». Ныне этот способ пения рун уже неизвестен, — певец поет один.

2) Вейнемейнен (Väinämöinen)—главный герой «Калевалы», вещий старец, могучий певец и заклинатель, создатель музыкального инструмента кантеле. Ср. примечание 12.

3) Илмаринен (Ilmarinen) — вещий кузнец. Ср. примечание 7 к руне 7.

4) Ёўкахайнен (Joukahainen) — неудачливый соперник Вейнемейнена в пении. Чтобы отомстить за поражение в состязании и за беды, которые последовали за этим поражением, Ёўкахайнен подстерегает Вейнемейнена, когда тот едет на коне по морю, мечет в него три стрелы, убивает его коня и заставляет его упасть в море (руна 6). Ср. примечание 3 к руне 3.

5) Каўкомиэли (Kaukomieli), он же Лемминкейнен (Lemminkäinen) — самый задорный и самый жизнерадостный герой рун «Калевалы». Ср. примечание 1 к руне 11.

6) Калевала (Kalevala) — страна, где обитают главные герои рун «Калевалы». Ср. примечание 7 к руне 2.

7) Сампо (Sampo) — чудесная мельница-самомолка с пестрой крышкой, сокровище, которого домогаются герои рун «Калевалы». Ср. примечание 6 к руне 7.

8) Лоўхи (Louhi) — злая старуха, хозяйка севера, во власти которой находится Сампо. Ср. примечание 4 к руне 7.

9) Випунен (Vipunen) — старый великан, сросшийся с землею, певец могучих заклинаний. Ср. примечание 1 к руне 17.

10) Лемминкейнен (Lemminkäinen) — то же, что Каўкомиэли.

11) Мурикки (Murikki) и Киммо (Kimmo) — клички коров.

12) Вейнемейнен (Väinämöinen) или Вейне (Väinö). Часто называется сыном Калевы (Kalevanpoika, Kalevainen) или сыном Осмо (Osmoinen), сыном героя, который в рунах «Калевалы» в действии не выступает. Иногда называется и Сувантолайненом (Suvantolainen), от слова *suvanto* — широкое, с медленным течением место в реке, особенно у подножья водопада, или Увантолайненом (Uvantolainen). Обычные его эпитеты — старый (vanha), верный (vaka), а параллельно, в последующем стихе, заклинатель (tietäja), песнопевец (runoja, laulaja), с присоединением «вековечный» (ianikuinen). Обитает в месте, называемом Вейнеле (Väinölä); это место принадлежит стране, называемой Калевалой (Kalevala). Сила его — творящее и зачаровывающее слово, самая страшная с точки зрения рун сила. Эту силу он увеличивает до невиданных размеров, изобретя музыкальный инструмент — кантеле. Имя *Väinämöinen* — германского происхождения, см. предисловие 2. — В руне 9 Вейнемейнен рождается от девы воздуха, оплодотворенной ветром и морем. Это противоречит тому, что Вейнемейнен часто называется сыном Калевы или Осмо.

13) Илматар (Ilmatar) или Каве (Kave) — дочь воздуха, дочь творения, мать вод. Имя *Ilmatar* значит буквально: дочь воздуха (*ilma*—воздух, суффикс *tar*—первоначально дочь, потом вообще лицо женского пола). Имя *Kave* значит: существо, одаренное сверхъестественными силами, женщина, мать. Ср., с одной стороны, лап-

ландское *kuopes* — ведьма, и, с другой стороны, эстонское (по F. Wiedemann'y) *kabehene*, *kabehine* — женщина, *kabo*, *kabu* — девушка, женщина. Неясно отношение этого слова к германскому *kabisiô* — рабыня, наложница, откуда немецкое *Kebse*. Финское слово не может быть заимствовано из германского источника.

14) Укко (Ukko) — божество неба, грома и молнии — по-фински значит: старик, муж. *Ukkonen* значит: гром. В рунах «Калевалы» образ Укко имеет христианские черты и в сущности является образом христианского бога. Обычный эпитет Укко — бог всевышний (ylijumala).

15) «Уж столбы ветров воздвиглись». Небо тут представлено покоящимся на столбах ветров, воздушных столбах.

Руна 2

1) Сампса Пеллервойнен (Sampsa Pellervoinen) — чудесный сеятель, помощник Вейнемейнена в деле создания растительности на земле. Имя *Sampsa* (или *Sämpsä*, если брать более старый его вид), повидимому, германского происхождения. Имя Сампсы, сына Калевы (*Sampsa Kalevanpoika*, *Sampsa Kalevainen*), получило отражение в имени русского *Самсона Колывановича*, одного из богатырей. Имя *Pellervoinen* следует связывать с финским *pelto* — поле.

2) «На святых местах — рябину». Рябина у финнов считалась священным деревом.

3) «Только дуб взойти не хочет, божье дерево — без корня». Дуб считался у финнов, как и у многих других народностей, священным деревом.

4) Турсас (*Tursas*) — морское чудовище. Повидимому, тождественно с морским чудовищем, упоминаемым в руне 17 — Ику-Турсо (*Iku-Turso*). Имя *Tursas* и вторая часть имени *Iku-Turso* отражает старо-германское *thur(i)sa*, старо-скандинавское *thurs*, *thors* — исполин. Первая часть имени *Iku-Turso* связана с финскими *ikä* — век, *ikuinen* — вечный.

5) Пожог, подсечное хозяйство, еще недавно было распространено на севере.

6) Похьёла (Pohjola) — страна севера, куда стремятся герои «Калевалы», иначе называется Пиментола, Сариола, Улаппала. Сюда они едут и как женихи, и как воины — здесь хранится сокровище Сампо. Название *Pohjola* значит собственно: страна севера, от *pohja* — север (первоначально — дно). Там, где «Калевала» Лённрота повествует о Похьёле, народные руны повествуют о различных странах. В народных рунах, кроме Похьёлы, известно и Пейвиле (Päivilä). Название *Päivilä* значит собственно: страна солнца, дня, юга, от *päivä* — солнце, день, юг. Встречается и Вуоёла, Вуояла, Вуоела (Vuojola, Vuojala, Vuojela). Это старое финское название о-ва Готланд. Название Вуоёла (Vuojola), о-ва Готланд (в Балтийском море около 250 *км* на юго-юго-запад от Финляндии), раскрывает перед нами историческую подкладку походов героев «Калевалы». О-в Готланд с весьма ранних пор был важнейшим торговым пунктом Балтийского моря и являлся постоянной приманкой для викингов, как скандинавских, так и финских. Название *Vuojola* (из *Vuokjola*) нельзя не связывать с балтийскими словами, вроде литовского *Vôkė* (из *Vôkjė*) — западная страна, Германия.

7) Калева (Kaleva), отец или предок ряда героев «Калевалы», в рунах как действующее лицо не выступает. По его имени главные герои называются Kalevanpoika или Kalevainen — сын Калевы, а их страна называется Kalevala—страна Калевы. Имя *Kaleva* — германского происхождения. Впрочем, это обстоятельство разъяснено пока не во всей полноте.

8) Осмо (Osmo) — то же, что Калева. По его имени главные герои «Калевалы» называются Osmoinen. Имя *Osmo* отражает старо-скандинавское имя *Asmundr*.

9) «О ты, старица земная». Речь идет о божестве земли.

Руна 3

1) Вейнеле (Väinölä) — место, где обитает Вейнемейнен. Это место находится в стране Калевале.

2) «Пел вещей происхожденье». У финнов одним из сильнейших средств воздействия на вещи считалось пение о происхождении вещей. Финские магические руны постоянно оказывались построенными на этой основе. Весьма яркий образчик магических рун дан в руне 9.

3) Ёўкахайнен (Joukahainen) — один из врагов Вейнемейнена, живущий за пределами страны Калевалы. Его местообиталище называется Ёўкола (Joukola). Имя его пока остается неясным.

4) Под имя Лапландии в рунах «Калевалы» подводятся все страны, которые для героев этих рун являются враждебными. Под Лапландией рун «Калевалы» надо подразумевать не только реальную Лапландию (которая во время сложения рун «Калевалы» захватывала и внутренние части Финляндии), но и ряд других стран. С реальной Лапландией финны в свое время соприкасались весьма близко. Квены (финские викинги IX в.) свое благополучие основывали в значительной мере на лапландской дани. Позднее birkarlar, жившие в западной Финляндии у р. Кумо (ср. в этих местах селение Pirkkala), пользовались привилегией сбора этой дани. Отношения между финнами и лапландцами не могли отличаться дружелюбием.

5) Вейне (Väinö) — сокращенное имя Вейнемейнена.

6) Писа (Pisa) — гора в Финляндии.

7) Хорна (Horna) — гора в Финляндии.

8) Хеллепюэре (Hälläpyörä) — озеро в Финляндии.

9) Хеме (Häme) или тавасты — одно из финских племен. Группировка финских и карельских этнических групп следующая. Около начала нашей эры финны и карелы обитали вообще южнее, чем ныне. В Финляндии в то время обитали: по западному и южному побережьям — германцы (германские поселения в Финляндии древнее финских), а в серединных частях — лапландцы. В течение первого тысячелетия финские племена переправились через Финский залив в западную Финляндию, а карельские распространились длинной полосой от Финского залива до Белого моря.

У финнов в эпоху сложения рун «Калевалы» (руны «Калевалы» стали слагаться в конце первого тысячелетия) мы находим, с одной стороны, финнов в узком смысле слова (Varsinais-Suomi, varsinais-suomalaiset) у Финского и Ботнического залива, а с другой стороны, тавастов (Häme, hämäläiset) у озер Ванаявеси и Пейенне. Первое племя у русских было известно под названием Суми, а второе — под названием Ями. Что касается карел, то их племенное деление является темным не только в конце первого тысячелетия, но и позднее. Рано выделяется название карел (Karjala, karjalaiset), ижоры (Inkeri, inkerikot), жившей около р. Невы, а также заволоцкой чуди (Savolaksi или Savo, savolaiset), поселившейся около озера Сайма и оттуда начавшей распространяться на север в пределах нынешней Финляндии (эту заволоцкую чудь не следует смешивать с заволоцкой чудью в бассейне Сев. Двины).

Для дальнейшего большое значение имело разделение названных племен на две экономико-культурно различных группы: группу, обитавшую в пределах Шведского государства и развивавшуюся под шведским культурным воздействием и в частности под воздействием шведского католицизма, а потом лютеранства, и группу, обитавшую в пределах Русского государства и развивавшуюся под русским культурным воздействием и в частности под воздействием русского православия. К группе, обитавшей в пределах Шведского государства, принадлежали все финны, далее, заволоцкая чудь и, наконец, часть карел — около г. Выборга. Среди них постепенно начался процесс формирования единой национальности, процесс, который не захватил групп, обитавших в пределах Русского государства. В связи с этим заволоцкая чудь и карелы около г. Выборга стали все в большей мере сближаться с финнами и все в большей мере отрываться от других карел. С XVI в. в среде групп, обитавших в пределах Шведского государства, стал распространяться единый литературный язык, сложившийся на основе наречия финнов в узком смысле слова, а вместе с тем и название финнов, которое до тех пор прилагалось только к финнам в узком смысле слова. Что касается групп, обитавших в пределах Рус-

ского государства, то среди них оказались: с одной стороны, ижорцы (Inkeri, inkerikot), обитавшие у юго-восточного побережья Финского залива и у р. Невы, а с другой стороны, ряд этнических образований, которые у русских слыли под общим названием карел, но сами себя называли по-разному — у юго-западного и северного берегов Ладожского озера и далее по направлению к Белому морю, от которого они уже были отрезаны русской колонизацией, Karjala, karjalaiset, далее, у северо-восточных и восточных берегов Ладожского озера, в частности около г. Олонца, и на лежащих за ними территориях, Liygi, livvikõit, наконец, восточнее последних, узкой полосой, Ljuudi, ljuudikot. К сказанному надо добавить две вещи. Во-первых, в XVII в., в связи с жестокими войнами между Швецией и Россией и отходом к Швеции части земель, раньше принадлежавших России, большая часть тех, кто называет себя Karjala, karjalaiset, именно те из них, которые обитали около северо-западного и северного побережий Ладожского озера, выселились в местности к северу от г. Твери. На их местах расселились финны из Финляндии. Движение финнов из Финляндии распространилось и на места вокруг нынешнего Ленинграда. В этих местах часть поселенцев пришла из Саво (Savo), прежнего Заволочья, часть из местности к югу от г. Выборга, из Экрепе (Äkrärää, Äyrärää), а небольшая часть переправилась через Финский залив. Во-вторых, ок XVIII в. начали создаваться связи между Финляндией и северной частью Карелии — архангельской (ухтинской) Карелией. В северную часть Карелии переселилось не мало финнов из Финляндии — в частности семьи певцов рун «Калевалы» (а вместе с ними и руны «Калевалы», которые в этих местах не пелись раньше).

С другой стороны, позднее, северные карелы стали ходить на отхожие промыслы в Финляндию: пути сообщения с Финляндией были проще, чем пути сообщения с Россией. Это создало некоторое приближение речи северных карел к речи финнов Финляндии и несколько обособило их от остальных карел. Как видно, те, кто называл себя Karjala, karjalaiset, разбились на три группы: основную (ныне около г. Падан), тверскую и архангельскую (ухтинскую). Ныне karjalaiset, livvikõit и ljuudikot слились в одну карельскую национальность. — Название *Häme* возникло приблизительно около 500 лет до хр. летосчисления. В то время предки финнов и карел, вместе с предками эстонцев и некоторых других, обитали в непосредственном соседстве с балтийцами (литовцами, латвийцами, пруссами). Последние в своей среде противополагали «низовых», называя их словами, производными от жеме — земля, низ, поле, «верховым», называя их словами, производными от аўкшта — высокий, высота, или гарья — гора, лес (ср. прусское *garrian*).

Соответствующие названия распространились на соседей. Для нас сейчас важно отметить, что балтийское жеме, вернее, множ. ч. жемес, закономерно отражается в финском *Häme*, а балтийское гарья — в карельском *Karjala*, где *la* является суффиксом места. *

10) Катракоски (Kaatrakoski) — водопад в Финляндии.

11) Карелы (Karjala, karjalaiset) — см. выше, примечание 9.

12) Вуокса (Vuoksi) — река в восточной Финляндии, текущая из озера Сайма в Ладожское озеро. Название *Vuoksi* значит: река, поток, прилив.

13) Иматра (Imatra) — знаменитый водопад на р. Вуоксе.

14) «Станем меряться мечами». Имеется в виду обычай измерения длины мечей перед поединком. Первый удар принадлежит тому, чей меч длиннее.

15) «На хребтах с водою чистой, на крестцах с пудами жира». Первый из этих двух стихов, относящихся к жеребцам Вейнемейнена, указывает на чистоту, в которой содержатся жеребцы, а второй — на хороший корм, который они получают.

16) Заслуживает внимания последовательность, в какой Ёукахайнен предлагает Вейнемейнену добро, имеющееся в его распоряжении: луки, лодки, лошади, серебро

* Происхождение названия *Häme* объяснено в Финляндии. Происхождение названия *Karjala*, составляющего «пару» к первому, объяснено у нас, см. нашу статью «Ямь и Корела» в Бюллетене ЛОИКФУН № 2 (1929).

и золото и, наконец, хлеб. Последний ценится, очевидно, выше всего того, что предлагалось раньше.

17) Имя сестры Ёўкахайнена Айно (Aino) сделано Лённротом из эпитета *aino neiti* «отличная девица».

Руна 4

1) Осмойнен (Osmoinen), сын Осмо, и Калевайнен (Kalevainen), сын Калевы — часто встречающееся «отчество» героев «Калевалы».

2) Мана (Mana), Маналайнен (Manalainen) или Туони (Tuoni) — божество подземного царства мертвых. Царство мертвых называется Манала (Manala) или Туонела (Tuonela). Происхождение этих названий в точности неизвестно. *Mana*, вероятно, извлечено из *Manala*, представляющего видоизменение *Maanala* «подземный мир» (*maan* — земли́, *ala* — область, место). Для *Tuoni* предполагают германский источник.

3) Лемпо (Lempo), с параллельным именем Хиси (Hiisi) — божество зла, злой дух. У него особое царство, особый замок, особое хозяйство, особые ему служащие звери. Происхождение имен *Lempo* и *Hiisi* неясно. Имя *Hiisi* связано со словом *hiisi* — священный лес, непроходимый лес, всякое вообще страшное место, ад; обитатель этих мест, также исполин.

Руна 5

1) Унтамо (Untamo) — имя нескольких различных персонажей рун «Калевалы». Здесь Унтамо является божеством сна (ср. финское *untua* — стать сонным, заснуть).

2) Ахто (Ahto), в народных рунах также Ахти (Ahti) — божество моря. Об имени *Ahto* см. в предисловии, 2.

3) Веллямо (Vellamo) — морская царица (ср. финское *velloa* — месить, перемешивать, также — плескать, волноваться).

4) Ёўкола (Joukola) — место, где обитает Ёўкахайнен. Это место помещается вне пределов страны Калевалы.

Руна 6

1) Хиси (Hiisi), то же, что Лемпо — божество зла, злой дух.

2) «Наверху конек поставлен» и т. д. Здесь имеются в виду изображения, украшающие лук.

3) «Рода славного тот Вейне, мне по шурину племянник» (слова матери Ёўкахайнена). Здесь противоречие по отношению к руне 1, где Вейнемейнену приписывается рождение от девы. Такое же противоречие в часто встречающемся наименовании Вейнемейнена Калевайненом, т. е. сыном Калевы, или Осмойненом, т. е. сыном Осмо.

4) Манала (Manala), или Туонела (Tuonela) — подземное царство мертвых.

5) Сувантола (Suvantola) — одно из названий местообитания Вейнемейнена, то же, что Вейнеле.

Руна 7

1) Пиментола (Pimentola) — то же, что Похьёла (ср. финское *pimento*, *pimentö* — темнота).

2) Луотола (Luotola) — название страны (ср. финское *luoto* — каменистый остров, подводная скала). В XVI в. было названием островов к западу от Або. Здесь отождествляется с Ёўколой, местожительством Ёўкахайнена.

3) Сариола (Sariola) — то же, что Похьёла. Название это неясно. Ср. sarajas — море.

4) Лоўхи (Louhi) — хозяйка Похьёлы, хозяйка севера. Изображается как злая, беззубая старуха. Ср. Ловиатар (Loviatar), мать болезней (руна 45).

Во многих чертах напоминает русскую бабу-ягу. Имя *Louhi* происходит из германского (скандинавского) источника, ср. скандинавское божество *Laufey*. Та же хозяйка севера называется Илпотар (Ilpotar). Происхождение этого имени неясно.

5) Увантолайнен (Uvantolainen) — одно из дополнительных имен Вейнемейнена.

6) Сампо (Sampo) — сокровище Похьёлы, дарующее ей благоденствие, чудесная мельница-самомолка с пестрой крышкой. Образ Сампо чрезвычайно сложный. По всей вероятности, в нем слилось несколько разных образов. Вместе с тем сложным оказывается разъяснение названия *Sampo*. Разъяснения этого названия искали в самых различных направлениях. Ныне признают, что это название финского происхождения (см. E. N. Setälä в журн. Finnisch-Ugrische Forschungen, II, K. Krohn, Kalevalan runojen historia, 11).

7) Ильмаринен (Ilmarinen), сокращенно Ильма (Ilma) — вещий кузнец, создатель Сампо, брат Вейнемейнена. Об имени *Ilmarinen* см. предисловие, 2.

Руна 9

1) «Знаю сам начало стали и рождение железа». Эти слова Вейнемейнена, которые свидетельствуют о том, что Вейнемейнен может сам вылечить причиненную железом рану, противоречат руне 8, где Вейнемейнен ищет человека, который мог бы вылечить эту рану.

2) В руне 9 Укко оказывается творцом мира. Это противоречит руне 1, где творцом мира является Илматар. Укко здесь — христианский бог.

3) Водопад на Тюрье (Tyrjä). Название *Tyrjä* является, с одной стороны, названием Лапландии (ср. русское *Терский берег* из древне-русского *Тьрьскыи берегъ*), а с другой стороны, как показывают народные руны, отражением названия Тиверпадского озера в Палестине, известного в христианских сказаниях. Лапландия называется также Турья (Turja).

4) По представлению финнов, болезни заключены в особой горе. Здесь болезнями ведает Дева болей (Kivutar), которая у католиков является, между прочим, в образе mater dolorosa, печальной матери.

Руна 10

1) «И выходит светлый месяц... и Медведица на ветках». В народных песнях вместо месяца и Медведицы (otava) встречается иногда куница и белка (orava).

Руна 11

1) Ахти (Ahti), он же Лемминкейнен (Lemminkäinen), Каукомиэли (Kaukomieli), Каукола́йнен (Kaukolainen) или Каўко (Kauko), а в народных рунах также Каукамойнен (Kaukamoinen), Ветрикке (Vetrikkä) или Вейтикка (Veitikka) — молодой, цветущий, жизнерадостный, женолюбивый, молодцоватый, задорный, предприимчивый герой рун «Калевалы». В образе Ахти-Лемминкейнена, как он представлен у Лённрота, слилось несколько различных эпических образов: Ахти, Лемминкейнена, Каукола́йнена, Ветрикке и др. Имя *Veitikka*, представляющее собою искажение имени *Vetrikkä*, у Лённрота воспринимается как простой эпитет героя: *veitikka* по-фински значит: плут, проказник. О происхождении имен героя см. предисловие, 2 (все эти имена германского происхождения).

2) Лемпи (Lempi) — имя отца Ахти-Лемминкейнена. Финское слово lempi значит: любовь. В данном случае, однако, это имя извлечено из имени Lemminkäinen, которое имеет германское происхождение, см. предисловие, 2. Называясь сыном Лемпи, Ахти-Лемминкейнен, подобно другим героям «Калевалы», называется часто также сыном Калевы или Осмо.

3) Каўко (Kauko) — то же, что Ахти, см. выше.

4) Кюллликки (Kyllikki) — имя знатной девицы. Имя это происходит от финского *kyllä* — достаток, довольство.

5) Саари (Saari) — название одной страны. *Saari* значит: остров. Ахти-Лемминкейнен тоже живет на острове (он называется островитянином, saarelainen), но этот остров не тождествен с первым.

6) За Кюлликки сватаются сыновья небесных светил. Сватовство сыновей небесных светил к земной девушке представляет одну из любимых тем финской и эстонской поэзии (она встречается и в русских сказках). В изданном Лённротом сборнике финских народных лирических рун Kanteletar героиня носит имя Suometar, дочь Суоми.

7) Ингрия (Inkere, Inkeri) — название местности около нынешнего Ленинграда. Русское *Ижора* (название реки, притока Невы, а также финского племени) ведет начало из финского *Inkere, Inkeri*. Это финское название скандинавского происхождения.

8) Лемминкейнен (Lemminkäinen) — то же, что Ахти, см. выше.

9) Каукомиэли (Kaukomieli) — то же, что Ахти, см. выше.

Руна 12

1) Кауколайнен (Kaukolainen) — то же, что Ахти.

2) Айникки (Ainikki) — сестра Ахти Лемминкейнена. Имя *Ainikki* происходит от финского *ainoa* — единственный.

3) «Мой скорее мне рубашку в яде черных змей ужасных». Мытье одежды в змеином яде должно предохранить героя от ран.

4) Турьянец — житель Турьи (Turja). Турья — Лапландия.

5) Водопад Рутьи (Rutja) — либо водопад Лапландии, ср. *Rutja* — Лапландия, либо водопад северного сияния, ср. *rutja* — северное сияние.

Руна 13

1) Кауппи (Kauppi) — имя купца с о-ва Готланда. Финское *kauppi, kauppias* значит: купец.

2) Люликки (Lyylikki) — другое имя того же купца. Сближение имени *Lyylikki* с некоторыми финскими словами ненадежно. Ср. имя *Людвиг*.

3) Вуоя (Vuojela, Vuojola) — название о-ва Готланда. О-в Готланд с очень раннего времени был центром торговли на Балтийском море. Сказания о Похьёле имеют в качестве исторической основы походы финских викингов на о-в Готланд. То обстоятельство, что в рунах «Калевалы» Вуоя, как и Похьёла, помещаются в Лапландии, объясняется употреблением названия Лапландии по отношению ко всем странам, враждебным героям Калевалы.

4) «Ты лишь пень гнилой получишь» (вместо лося). Очевидно, лось (олень), Хиси — призрачный.

5) Ютас (Juutas) — то же, что Лемпо и Хиси. Juutas происходит от имени Иуда.

6) Калма (Kalma) — божество смерти. Финское *kalma* значит: смерть (первоначально также — могила). Отношение между Калмой и Маной или Туони не вполне ясно.

Руна 14

1) Тапио (Tapio) — божество леса, Тапиола (Tapiola) — место, где обитает божество леса, лес. Божество называется также Куйппана (Kuippana). Место называется также Метсола (Metsola). Имя *Tapio*, как и производное от него название *Tapiola*, происходит от финского *tavata* (*tapaan*) — встречаться, попадаться, в частности об охотничьей добыче, tavoittaa — достигать, доставать, в частности об охотничьей добыче. Таким образом, Тапио оказывается собственно лесным божеством охотника. Имя *Kuippana*, если принять в расчет встречающиеся в народных рунах его варианты, надо связывать с именем католического святого *Губерта*, покровителя охотников. Название *Metsola* происходит от финского *metsä* — лес.

2) Нюрикки (Nyyrikki) — сын Тапио, божества леса. Ср. имя *Георгий, Юрий*.

3) Миэликки (Mielikki), или Мимеркки (Mimerkki) — жена Тапио, божество леса. *Mielikki* напоминает финское *mieli* — мысль, нрав, желание, *mieleinen* — приятный, любимый. Образ Миэликки как будто подходит к этому: «Милая хозяйка леса, ты, медвяная старушка». *Mimerkki*, в народных рунах также *Ilmmerkki*, связано со шведским *himmelrik* — небесное царство.

4) Теллервo (Tellervo) — дочь Тапио, божества леса. Имя ее, повидимому, восходит к имени *Pellervo* (Пеллерво, по рунам, некогда был у Тапио пастухом). Возможно, что она тождественна с Туликки (Tuulikki). Имя последней напоминает финское *tuuli* — ветер.

5) Туликки (Tuulikki) — дочь Тапио, божество леса. См. выше, примечание 4.

6) Мимеркки (Mimerkki) — то же, что Миэликки. См. выше, примечание 3.

7) «Тот слепой старик Похьёлы... смотрел кругом все время». Тут налицо эпическое противоречие.

Руна 15

1) Суонетар (Suonetar) — дева жил. Имя ее происходит от финского *suoni* — жила.

2) Метсола (Metsola) — местообиталище божества леса Тапио, лес.

3) Тури (Tuuri) — владелец жилища в чудесной местности. Ср. имя скандинавского божества *Тор*.

4) Палвойнен (Palvoinen) — то же, что Тури. В то же время это и другой герой, Вироканнас (руна 20). Имя *Palvoinen* естественнее всего сблизить с финским *palvoa* — просить, молить, *palvella* — служить. Однако существующий в народных рунах вариант *Pavannainen* заставляет отнестись к такому сближению осторожно.

5) Сюэтер (Syöjätär) — фурия-пожирательница, злое водное существо. Имя ее значит: пожирательница.

6) Повествование о поездке Лемминкейнена в Похьёлу, данное в рунах 12—15, первоначально оканчивалось иначе, чем в «Калевале» Лённрота: матери удается выловить из воды тело сына, но тот объясняет ей, что мертвый уже не годится к жизни, и тело приходится бросить обратно в воду. Все это повествование чрезвычайно близко к скандинавскому повествованию о Балдуре, а равным образом к некоторым средневековым католическим легендам.

Руна 17

1) Випунен (Vipunen), он же Антеро (Antero) — древний великан, сросшийся с землею и погруженный в сон, хранитель сокровеннейших заклинаний. Оба имени неясны (к первому ср. финское *vipu* — рычаг, ко второму — имя *Андрей*).

2) Антеро (Antero) — то же, что Випунен.

Руна 18

1) Анникки (Annikki) — сестра Илмаринена. Имя *Annikki* можно связывать с финским *anti* — дар, приношение (в связи с этим Анникки часто называется в рунах девушкой с добрым именем). Ср., впрочем, имя *Анна*.

2) Суоми (Suomi) — ныне Финляндия, раньше — так называемая Собственно-Финляндия, местность у слияния Ботнического залива с Финским. Происхождение этого названия следующее. Некогда бо́льшую часть Финляндии (кроме северной, всю серединную, а отчасти и южную) заселяли лапландцы. Сами себя они называли *Sâbme*, что точно соответствует финскому *Hämä*-(в *hämäläiset*) при *Name*, о котором см. примечание 9 к руне 3. Заморские германцы, как до сих пор норвежцы, называли лапландцев *финнами*. Но те германцы, которые до хр. эры поселились на западе и юге Финляндии, называли их их собственным именем, измененным соответственно германской фонетике, — *Sôm*... Позднее, когда на местах, занятых лапландцами,

стали появляться финны, на то финское племя, которое обосновалось у слияния Ботнического залива с Финским, германцы перенесли названия, прилагавшиеся к лапландцам. Заморские германцы стали называть это племя *финнами*, а финляндские германцы — *Sôm*... Последнее название было принято этим племенем от Финляндских германцев как самоназвание и название своей страны, но изменено соответственно финской фонетике в *Suomi*. В дальнейшем финляндские германцы (в связи с приливом переселенцев из-за моря) усвоили по отношению к этому племени название *финнов*, но само это племя сохранило название *Suomi*. К нашему времени название *финнов* и параллельное ему название *Suomi* получило расширенное употребление, стало названием финской национальности. Если принять в расчет сказанное в примечании 9 к руне 30 названии *Häme*, то можно сказать, что в истории названия *Suomi* приняло участие все население прибрежий Балтийского моря: перед нами и балтийцы (жемес), и ямь (*Häme*), и лопари (*Sâbme*), и германцы (*Sôm*...), и, наконец, сама сумь (*Suomi*). *

3) Саксонский пролив — «Немецкий пролив». Финны познакомились с немцами прежде всего в лице саксов, обитавших у моря, и потому Германия у них называется Saksa, немцы — saksalaiset и т. д.

4) «Посади и шесть кукушек». Под кукушками здесь подразумеваются колокольчики.

5) Суоваккo (Suovakko) — старуха в Похьёле. Имя ее по происхождению неясно (есть несколько сходно звучащих финских слов).

Руна 19

1) Терхенетер (Terhenetär) — дочь туманов. Имя ее происходит от финского *terhen* — туман.

2) «Поломался лук у Укко». Имеется в виду, повидимому, радуга. Радуга называется у финнов обычно *ukonkaari*, буквально: дуга Укко.

3) «Красным красила котельчик»; это значит: варила в котле красную краску.

4) Финнами шведы раньше называли только собственно-финнов (varsinais-suomalaiset), обитателей Собственно-Финляндии (Varsinais-Suomi), см. примечание 2 к руне 18.

Руна 20

1) Кеми (Kemi) — река в северной Финляндии. Одноименная река есть в архангельской (ухтинской) Карелии.

2) Вироканнас (Virokannas) — старец, вызванный на свадьбу в Похьёле в качестве резника для быка. Называется также Палвойненом. Вироканнаса в данной руне не следует смешивать с Вироканнасом в руне 1. Имя Палвойнен носит также Тури в руне 15.

3) Осмотар (Osmotar), она же Капо (Каро) — дочь Осмо-Калевы. Имя Капо значит собственно: девушка, женщина; ср. эстонское *kabo*, *kabu* — девушка, женщина.

4) Капо (Каро) — то же, что Осмотар.

5) Дочь Калевы — то же, что Осмотар и Капо.

Руна 22

1) «Тут в огонь ее погонят» и т. д. Это значит: тут ее станут ругать.

2) «Где родился тот обжора» и т. д. Имеется в виду, вероятно, злой муж.

* Приведенное объяснение названия *Suomi* здесь дается впервые. В Финляндии поиски объяснения этого названия шли только по национальной линии (безрезультатно). Этнические названия по национальной линии объясняются вообще чрезвычайно редко.

3) Пеннинг (penninki) — мелкая монета прежнего времени у германцев и у культурно примыкавших к ним народностей (серебряная). От названия этой монеты ведут начало названия мелких монет нового времени (медных).

Руна 23

1) «Ты пройди в загон, нагнувшись, и т. д. Имеются в виду низкие двери загонов.

2) «Ты возьми зерно с каменьев». Зерно сушилось на каменьях.

3) «И ходи почаще в баню» — наблюдать за ячменем, который там готовится для пива.

4) «Пасть в капкан лисиц торопит, языки же — горностаев». Это значит: голод в капкан влечет лисиц и горностаев.

5) Пиру (Piru) — злой дух. Имя *Piru* или *Pirku* (род. п. *Pirun*) отражает имя германского божества *Firgunja*, *Fergunja* (старо-скандинавское *Fjörgynn* — божество леса, лесистых гор, земли).

Руна 24

1) «И железные колечки». Имеются в виду колечки на упряжи.

Руна 25

1) Локка (Lokka)—мать Илмаринена. Имя ее неясно.

2) Локка, мать Илмаринена, здесь называется дочерью Калевы. Это противоречит тому, что сыном Калевы постоянно называется Илмаринен, ее сын. Выражения «дочь Калевы» и «сын Калевы» здесь употребляются несомненно не в прямом смысле.

3) «Иль растит он там малютку». Это значит: он так долго в отсутствии, что можно подумать, что он уже успел обзавестись ребенком.

4) «Ты, король, ты, ясный месяц». Речь идет о новобрачных.

5) Таника — замок Tanikanlinna, ныне Ревель (Tallinn). Название замка отражает название построивших его датчан, людей из Дании.

6) Двина (Viena) — Северная Двина. Название этой реки в рунах «Калевалы» заменило более раннее *väinä*—пролив, широкое устье реки.

Руна 26

1) «Там народ пирует тайно». Это значит: там народ пирует тайно от Лемминкейнена.

2) Унтамо (Untamo) — какое-то чудовище в Похьёле. Отождествлять его с Унтамо, божеством сна (руна 5), нет оснований. Отличать его надо и от Унтамо, брата Калерво (руны 31 и 34).

3) «Пропахал же ведь я прежде поле, полное змеями, и с гадюками поляну». Здесь Лемминкейнену приписывается то, что в руне 19 приписывается Илмаринену.

4) Кейтолайнен (Keitolainen) — злое существо. Имя его неясно.

Руна 27

1) Ильпотар (Ilpotar) — то же, что Лоухи.

Руна 30

1) Кура (Kuura), он же Тиэра (Tiera) — товарищ Лемминкейнена в одном из походов на Похьёлу. Имя *Kuura* неясно. Имя *Tiera*, в народных рунах *Teuri*,

связано с скандинавским именем, в состав которого входило *diuri* (такие имена встречаются, между прочим, в надписях на о-ве Готланде). Ср. имя киевского князя *Дир*.

2) «Мать, бедняжка, знать не будет... где ее осталось тело и где кровь ее сбегает». Это значит: мать, бедняжка, знать не будет, где ее остался сын.

Руна 31

1) Карьяла (Karjala)—Карелия.

2) Калерво (Kalervo)—один из героев рун Калевалы. Имя *Kalervo*, несомненно, представляет вариацию имени *Kaleva*. Образ его заставляет думать, что перед нами собственно не Калева, а Калевайнен — потомок Калевы, второй Калева (ср. слова руны о Куллерво, сыне Калерво: «В нем растет второй Калерво»). То обстоятельство, что он собственно не Калева, а Калевайнен, подтверждается как будто тем на первый взгляд загадочным обстоятельством, что он называется не только Калерво' но и Калервойненом — Kalervoinen.

3) Унтамо (Untamo) — брат Калерво. Этого Унтамо надо отличать от Унтамо в руне 5 и от Унтамо в руне 26. В связи с тем, что при имени Калерво употреблено в том же значении имя Калервойнен, при имени Унтамо употребляется в том же значении имя Унтамойнен (Untamoinen).

4) Унтамойнен (Untamoinen) — то же, что Унтамо.

5) Калервойнен (Kalervoinen) — то же, что Калерво.

6) «Молодым на пояс копья». Это значит: молодым—копья, чтобы они держали их у пояса.

7) Жена Калерво здесь называется девой. Это объясняется влиянием многочисленных мест в рунах «Калевалы», где отражается христианское сказание о непорочном зачатии.

8) Куллерво (Kullervo) — сын Калерво, один из виднейших героев «Калевалы», сирота с трагической судьбой. Имя *Kullervo*, в народных рунах часто *Kulleri*, *Kullero*, скандинавского происхождения. Ср. имя норвежского короля *Koller*.

9) Унтамола (Untamola) — страна Унтамо.

Руна 32

1) Гнать молоко к Мане значит путем заклинания уводить молоко коров в землю. Брать молоко Маны значит путем заклинания создавать у коров прилив молока из земли (через растущую из земли траву).

2) Сюэтикки (Syötikki), Юотикки (Juotikki), Хермикки (Hermikki) Туорикки (Tuorikki), Майрикки (Mairikki) и Омена (Omena) — клички коров Первая кличка происходит от *syödä* — есть, вторая от *juoda* — пить, третья от *hermo* — сила (также — нерв), а может быть, если налицо искажение вместо *kermikki*, от *kerma* — сливки, четвертая от *tuore* — свежий, пятая от *maire* — сладкий, вкусный, шестая от *omena* — яблоко.

3) «Чтоб вода была на спинах и молочные озера». Ср. примечание 15 к руне 3,

4) Отсо (Otso) — медведь, выводимый в руне. Название *otso* в недавнее время, по определенным причинам, заменило название *ohto* (ср. также в некоторых народных рунах *Atsolainen* вместо *Ahtolainen*). Что касается названия *Ohto*, то оно значит собственно — медведь (этому названию соответствует мордовское *овто* — медведь).

5) Кирьё (Kirjo) и Карьё (Karjo)—клички коров. Первая кличка происходит от *kirja* — узор (также — книга) при *kirjava* — пестрый, а вторая от *karja* — скот.

6) Куйппана (Kuippana) — то же, что Тапио.

Руна 33

1) Туомикки (Tuomikki) и Кирьё (Kirjo) — клички коров. Первая кличка происходит от *tuomi* — черемуха, а вторая от *kirja* — узор (также — книга) при *kirjava* — пестрый.

Руна 34

1) **Илма** (Ilma) — сокращение имени Илмаринена (*ilma* — воздух).

2) «Там отец твой проживает». Это место противоречит руне 31, где отец Куллерво гибнет.

Руна 35

1) Саво (Savo) — страна около озера Сайма, Саволакс.

Руна 36

1) «Лишь остались в печке камни да рябина у забора». Это значит: остались только самые священные предметы (священные камни очага и священное дерево рябина).

2) «На глазях твоих стою я» и т. д. Куллерво стоит на могиле матери.

Руна 39

1) Здесь и дальше Калевала (страна) отождествляется с Суоми, Финляндией. Понятие Суоми, Финляндии, здесь и дальше весьма неопределенное.

Руна 40

1) **Киви-Киммо** — Kivi-Kimmo, сын Каммо (Kammo) — божество подводных камней, дитя божества ужаса. Имя *Kammo* значит: ужас. В имени *Kivi-Kimmo* первая часть значит: камень, а вторая построена по аналогии имени *Kammo*.

2) **Мелатар** (Melatar), рукописно у Лённрота Melutar — женское божество бурных течений. Имя происходит от *mela* — кормовое весло или от *melu* — шум.

3) **Кантеле** (kantele)—музыкальный инструмент, напоминающий гусли. Этот музыкальный инструмент известен финнам издавна, из времен, когда они еще не вступили в соприкосновение с германцами (это соприкосновение возникло около начала хр. летосчисления). С этим инструментом финны познакомились еще тогда, когда находились в тесном соприкосновении с балтийцами, т. е. литво-латво-пруссами (это соприкосновение установилось в середине последнего тысячелетия до начала хр. летосчисления). Финское *kantele* отражает балтийское слово, представленное в литовском *kanklės* — гусли (ср. русское *колокол*). В период соприкосновения с германцами финны познакомились с другим музыкальным инструментом — арфой. Финское *harppu* — арфа (народная) отражает германское слово, представленное в старо-скандинавском *harpa*— арфа.

Руна 42

1) **Удутар** (Udutar, U'utar) — дева туманов, точно так же, как Терхенетер. Имя этой девы происходит от финского *utu* — туман.

2) **Ику-Турсо** (Iku-turso), сын Старца — морское чудовище. Повидимому, оно тождественно с Турсасом в руне 2. Кто такой Старец — неясно.

Руна 43

1) «Здесь, в Карелии прекрасной». В рунах «Калевалы» Карелия редко выступает как «своя» страна, как страна, находящаяся «здесь».

Руна 45

1) **Ловиатар** (Loviatar) — мать болезней. Имя *Loviatar* скандинавского происхождения. Ср. имя скандинавской *Laufey*. Имя это в своем скандинавском источнике тождественно с именем *Louhi*. Образы Ловиатар и Лоуохи в рунах «Калевалы» разделены.

2) **Улаппала** (Ulappala) — то же, что Манала, происходит от финского *ulappa* — широкий, открытый (о море), открытое море.

Руна 47

1) Нева (Neva) — известная река. Название этой реки происходит от финского *neva*—болото, мшина.

2) Алуэ (Alue) — озеро. В народных рунах название озера представлено во многих вариантах. Предполагают, что название это отражает название *Alava järvi* — Мертвое море, фигурирующее в христианских сказаниях (*alava* значит: низколежащий).

Руна 48

1) «Вымочен при лунном свете». Тут эпическое противоречие: в описываемый момент солнце и луна были заключены злою Лоўхи в утес.

2) Пану (Panu) — божество огня. Имя его объясняют различно, во всяком случае оно иноязычного происхождения.

Руна 50

1) Марьятта (Marjatta) — девушка, понесшая плод от съеденной ягоды. Имя *Marjatta* и образ девушки, понесшей плод без мужа, отражают имя христианской Марии и сказание о непорочном зачатии. Ассоциация со словом *marja* — ягода направила мысль певцов на объяснение зачатия тем, что девушка съела ягоду.

2) Пилтти (Piltti) — служанка Марьятты. Первоначально в руне говорилось не о девице-служанке, а о мальчике. Имя *Piltti* происходит от *pilltti* — маленький мальчик.

3) Речка Сара (Saraoja). Название речки происходит, повидимому, от *sara*— осока.

4) Руотус (Ruotus) — злой человек. Имя *Ruotus* представляет собою искажение имени *Herodes* (Ирод).

5) Вироканнас (Virokannas) в этой руне — иное лицо, чем Вироканнас в руне 20.

6) Здесь указание на то, что Вейнемейнен в свое время обманом послал Илмаринена в Похьёлу (руна 10).

7) Здесь указание на эпизод с Айно (руна 4).

8) В руне 50 Лённрот соединил две различные народные руны — руну о непорочном зачатии и руну о крещении. Конец руны 50, повествующий об удалении Вейнемейнена, составлен самим Лённротом.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В «КАЛЕВАЛЕ»

(Цифры указывают номера рун)

Айникки (Ainikki) — сестра Лемминкейнена (12).
Айно (Aino) — сестра Ёўкахайнена (3—5).
Алуэ (Alue) — озеро (17—8).
Анникки (Annikki) — сестра Илмаринена (18).
Антеро (Antero) — другое имя Випунена (17).
Ахти (Ahti) — другое имя Лемминкейнена (9—12 и др.).
Ахто (Ahto) — морское божество (5, 41, 42, 44, 48).
Вейнемейнен (Väinämöinen), **Вейне** (Väinö — главный герой рун Калевалы (1, 2 и др.). **Вейнеле** (Väinölä) — страна Вейнемейнена (3, 5 и др.).
Веллямо (Vellamo) — морская царица (5, 42, 44, 48).
Випунен (Vipunen) — лежащий в земле великан, лучший знаток заклинаний (1, 17).
Вироканнас (Virokannas) — 1) резник для быка (20, 2) старец, приглашенный для крещения сына Марьятты (50).
Вуокса (Vuoksi) — река (3, 17, 30).
Вуоя (Vuojela) — страна (13).
Двина (Viena) — река (46).
Ёўкахайнен (Joukahainen) — соперник Вейнемейнена в пении (1, 3, 6). **Ёўкола** (Joukola) — страна Ёўкахайнена (5, 7).
Ику-Турсо (Iku-Turso), он же, повидимому, Турсас — морское чудовище (42).
Илмаринен (Ilmarinen), **Илма** (Ilma) — вещий кузнец (1, 7, и др.).
Илматар (Ilmatar) — дочь воздуха, мать Вейнемейнена (1, 47).
Илпотар (Ilpotar) — другое имя Лоўхи (27).
Иматра (Imatra) — водопад (3, 30).
Ингрия (Inkere) — местность около Ленинграда (11).
Иордан (Juortani) — река (18).
Каве (Kave), — иное имя Илматар (1).
Калева (Kaleva) — родоначальник героев (2, 7 и др.). **Калевайнен** (Kalevainen) — сын Калевы (4, 15, 30). **Калевала** (Kalevala) — страна Калевы (1, 3 и др.).
Калерво (Kalervo), он же Калервойнен (Kalervoinen) — отец Куллерво (31 — 36).
Калма (Kalma) — божество смерти (13, 17 и др.).
Каммо (Kammo) — божество ужаса (40).
Капо (Kapo) — дочь Калевы (20).
Карьё (Karjo) — кличка коровы (32).
Карьяла (Karjala) — Карелия (3, 20, 31, 43, 48, 50).
Катракоски (Kaatrakoski) — водопад (3).
Каўкомиэли (Kaukomieli), **Каўко** (Kauko), **Каўколайнен** (Kaukolainen) — другое имя Лемминкейнена (1, 11, 12 и др.).
Каўппи (Kauppi) — делатель лыж (13).
Кейтолайнен (Keitolainen) — злой дух (26).
Кеми (Kemi) — река в Финляндии (20).
Киви-Киммо (Kivi-Kimmo) — божество подводных камней (40).
Киммо (Kimmo) — кличка коровы (1).
Кирьё (Kirjo) — кличка коровы (22 и 33).
Куйппана (Kuippana) — другое имя Тапио (32).

К у л л е р в о (Kullervo) — сирота с трагической судьбою (31 — 36).
К у р а (Kuura) — товарищ Лемминкейнена (30).
К ю л л и к к и (Kyllikki) — жена Лемминкейнена (11—13).

Л а п л а н д и я (Lappi) (3, 5 и др.).
Л е м м и н к е й н е н (Lemminkäinen) — один из важнейших героев «Калевалы» (11, 12 и др.).
Л е м п и (Lempi) — отец Лемминкейнена (11).
Л е м п о (Lempo) — другое имя Хиси (6, 8 и др.).
Л о к к а (Lokka) — мать Илмаринена (25).
Л о в и а т а р (Loviatar) — мать болезней (45).
Л о ӯ х и (Louhi) — злая хозяйка Похьёлы (1, 7 и др.)
Л у о т о л а (Luotola) — место жительства Ёӯкахайнена (7).
Л ю л и к к и (Lyylikki) — другое имя Кауппи (13).

М а й р и к к и (Mairikki) — кличка коровы (33).
М а н а (Mana), **М а н а л а й н е н** (Manalainen) — божество подземного мира (4, 6 и др.). **М а н а л а** (Manala) — подземный мир (6, 14 и др.).
М а р ь я т т а (Marjatta) — девушка, зачавшая от ягоды (50).
М е л а т а р (Melatar) — богиня бурных течений (40).
М е т с о л а (Metsola) — другое название Тапиолы (13, 15, 20, 32, 41, 46).
М и м е р к к и (Mimerkki) — другое имя Миэликки (14).
М и э л и к к и (Mielikki) — царица леса (14, 32, 46).
М у р и к к и (Murikki) — кличка коровы (1).

Н е в ӑ а (Neva) (47).
Н е м е ц к а я з е м л я (Saksa) (18, 21, 37, 46).
Н ю р и к к и (Nyyrikki) — сын лесного царя (14, 32).

О м е н а (Omena) — кличка коровы (22).
О с м о (Osmo) — другое имя Калевы (2, 4, 10, 20). **О с м о й н е н** (Osmoinen) — сын Осмо, Вейнемейнен (4). **О с м о т а р** — дочь Осмо (20, 23).
О т с о (Otso) — медведь (32, 46).

П а л в о й н е н (Palvoinen) — 1) другое имя Тури (15, 47), 2) другое имя Вироканнаса (20).
П а н у (Panu) — божество огня (48).
П е л л е р в о й н е н (Pellervoinen) — другое имя Сампсы (2, 16).
П и л т т и (Piltti) — служанка Марьятты (50).
П и м е н т о л а (Pimentola) — другое название Похьёлы (6, 7 и др.).
П и р у (Piru) — злой дух (23).
П и с а (Pisa) — гора (3).
П о х ь ё л а (Pohjola) — страна севера (1, 2 и др.).

Р о с с и я (Venäjä) (20, 22, 31, 37).
Р у о т у с (Ruotus) — злой человек (50).
Р у т ь я (Rutja) — другое название Лапландии (12, 17).

С а в о (Savo) — страна (35, 48).
С а м п о (Sampo) — чудесная мельница (1, 7 и др.).
С а м п с а (Sampsa) — помощник Вейнемейнена в сеянии (2, 16).
С а р а (Saraoja) — речка (50).
С а р и (Saari) — место жительства Кюлликки (11).
С а р и о л а (Sariola) — другое название Похьёлы (7, 8 и др.).
С у в а н т о л а (Suvantola) — место жительства Вейнемейнена (6). **С у в а н т о л а й н е н** — другое имя Вейнемейнена (6, 18, 19, 49).
С у о в а к к о (Suovakko) — старуха в Похьёле (18).
С у о м и (Suomi) — Финляндия (18, 19 и др.).
С у о н е т а р (Suonetar) — богиня жил (15).
С ю э е т е р (Syöjätär) — злое водное существо (15, 26).

Т а н и к а - з а м о к (Tanikanlinna) — Ревель (25).
Т а п и о (Tapio) — лесной царь (14, 32, 41, 46). **Т а п и о л а** (Tapiola) — страна Тапио, лес (14, 15, 20, 32, 41, 46).
Т е л л е р в о (Tellervo) — дочь Тапио, дева леса (14, 32, 46).

Терхенетер (Terhenetär) — дева тумана (19).
Тиэра (Tiera) — другое имя Куры (30).
Туомикки (Tuomikki) — кличка коровы (33).
Туони (Tuoni) — другое имя Маны (12, 14 и др.). Туонела — страна Туони, подземный мир (9,12 и др.). Туонетар — женское божество подземного мира (16).
Туорикки (Tuorikki) — кличка коровы (32).
Турья (Turja) — другое название Лапландии (12, 20, 26, 42, 43, 48).
Турсас (Tursas), он же, повидимому, Ику-Турсо — морское чудовище (2).
Туликки (Tuulikki) — дочь Тапио, дева леса (14, 32).
Тури (Tuuri) — владелец жилища в чудесной местности (15, 47).
Тюрье (Tyrjä) — другое название Лапландии (9).
Увантолайнен (Uvantolainen) — другое имя Вейнемейнена (7, 16, 18, 42).
Удутар (Udutar, U'utar) — дева тумана (42).
Укко (Ukko) — бог неба, грома и молнии (1, 2 и др.).
Улаппала (Ulappala) — другое имя Маналы (45).
Унтамо (Untamo) — 1) божество сна (5), 2) брат Калерво (31, 34, 35, 36), 3) владелец чудовищного медведя (26). Унтамойнен (Untamoinen) — то же, что Унтамо 2 (31). Унтамола (Untamola) — страна Унтамо 2 (31).
Хелленюэре (Hälläryörä) — озеро (3).
Хеме (Häme) — страна (3).
Хермикки (Hermikki) — кличка коровы (32).
Хорна (Horna) — гора (3).
Швеция (Ruotsi) (20).
Эстония (Viro) (11, 25, 46).
Юотикки (Juotikki) — кличка коровы (32)
Ютас (Juutas) — злой дух (13, 17).

ИЛЛЮСТРАЦИИ ФИЛОНОВЦЕВ НА ВКЛАДНЫХ ЛИСТАХ

1. Погоня за похитителями Сампо. . . . . Фронтиспис
2. Первая встреча Вейнемейнена с Еукахайненом . . . . . 14 — 15
3. Месть Еукахайнена . . . . . 32 — 33
4. Смерть Лемминкейнена . . . . . 72 — 73
5. Вейнемейнен в утробе Випунена . . . . . 92 — 93
6. Наставления невесте . . . . . 136 — 137
7. Лемминкейнен на чужбине . . . . . 178 — 179
8. Куллерво-батрак . . . . . 195 — 196
9. Куллерво идет на Унтамо . . . . . 214 — 216
10. У хозяйки Похьёлы . . . . . 274 — 275
11. Девять гонцов из Похьёлы . . . . . 262 — 263

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.— *И. Майский* VII
Из истории «Калевалы» — *Д. В. Бубрих*. IX

КАЛЕВАЛА

Руна первая. Вступление. — Возникновение мира и рождение Вейнемейнена. 3
Руна вторая. Вейнемейнен засевает землю. 8
Руна третья. Вейнемейнен состязается в пении с Ёўкахайненом 13
Руна четвертая. Неудачное сватовство Вейнемейнена к Айно 20
Руна пятая. Вейнемейнен напрасно ищет Айно. 26
Руна шестая. Нападение Ёўкахайнена на Вайнемейнена 30
Руна седьмая. Неудачное сватовство Вейнемейнена в Похьёле. 34
Руна восьмая. Вейнемейнен строит лодку для небесной девы и ранит себе ногу 39
Руна девятая. Вейнемейнен исцеляется от раны. 43
Руна десятая. Ильмаринен выковывает Сампо 50
Руна одиннадцатая. Женитьба Лемминкейнена на Кюлликки 56
Руна двенадцатая. Поездка Лемминкейнена в Похьёлу 61
Руна тринадцатая. Сватовство Лемминкейнена в Похьёле. 67
Руна четырнадцатая. Охота Лемминкейнена и его смерть 71
Руна пятнадцатая. Мать возвращает Лемминкейнена к жизни. 77
Руна шестнадцатая. Вейнемейнен сходит в царство мертвых 85
Руна семнадцатая. Вейнемейнен сходит в утробу Випунена. 90
Руна восемнадцатая Вейнемейнен и Ильмаринен сватаются в Похьёле . 98
Руна девятнадцатая. Ильмаринен исполняет поручение Лоўхи 106
Руна двадцатая. Приготовления к свадьбе в Похьёле 112
Руна двадцать первая. Свадебное пиршество 119
Руна двадцать вторая. Свадебные причитания. 125
Руна двадцать третья. Наставления невесте. 131
Руна двадцать четвертая. Наставления жениху. Прощание невесты . 141
Руна двадцать пятая. Пиршество у Ильмаринена 148
Руна двадцать шестая. Вторая поездка Лемминкейнена в Похьёлу . . 157
Руна двадцать седьмая. Лемминкейнен в Похьёле и его бегство . . . 166
Руна двадцать восьмая. Мать советует Лемминкейнену скрыться за морем 171
Руна двадцать девятая. Лемминкейнен живет на острове 175

Руна тридцатая. Лемминкейнен снова отправляется воевать в Похьёлу . 182
Руна тридцать первая. Рождение и воспитание Куллерво 188
Руна тридцать вторая. Куллерво служит пастухом 193
Руна тридцать третья. Месть Куллерво хозяйке 200
Руна тридцать четвертая. Куллерво находит своих родителей 204
Руна тридцать пятая. Куллерво губит свою сестру 208
Руна тридцать шестая. Смерть Куллерво 213
Руна тридцать седьмая. Илмаринен выковывает себе жену из золота и серебра 218
Руна тридцать восьмая. Илмаринен похищает себе жену в Похьёле . 222
Руна тридцать девятая. Герои едут в Похьёлу за Сампо 227
Руна сороковая. Вейнемейнен делает кантеле 233
Руна сорок первая. Вейнемейнен играет на кантеле 238
Руна сорок вторая. Похищение Сампо 242
Руна сорок третья. Битва 249
Руна сорок четвертая. Вейнемейнен делает новое кантеле 255
Руна сорок пятая. Лоўхи посылает на Калевалу болезни 260
Руна сорок шестая. Лоўхи посылает на Калевалу медведя 265
Руна сорок седьмая. Лоўхи похищает солнце и месяц 273
Руна сорок восьмая. Вейнемейнен находит огонь, высеченный Укко . . 278
Руна сорок девятая. Лоўхи дает свободу солнцу и месяцу 283
Руна пятидесятая. История Марьятты. Вейнемейнен покидает родную землю 288

Приложения:

Содержание «Калевалы» 299
Напевы рун 305

Примечания 309
Собственные имена, встречающиеся в «Калевале» 322

Редактор А. Н. Тихонов
Техн. редактор Г. Л. Гилес

*

Сдана в набор 2.VII.31. Подписана к печати 25.VI.33 Вышла в свет XII 33. Индекс А—7. Изд. № 75 Уполномоч. Главлита № Б-24091. Тираж 10 300. Печатн. листов 20,75. Бумага 74×105 в 1/16 Бумаж. л. 10,375 по 106 000 зн.

*

Типография „Ленингр. Правда“ Ленинград. Социалистич., 14.

Цена Р. 12. —
Переплет Р. 4. —